ПРОТИВ БУРЖУАЗНЫХ ФАЛЬСИФИКАТОРОВ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ КПСС

ПРОТИВ БУРЖУАЗНЫХ ФАЛЬСИФИКАТОРОВ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ КПСС

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва. 1970

3КПІ
П83

Составитель сборника
и автор предисловия
В. М. ШАПКО

Против буржуазных фальсификаторов истории
П83 и политики КПСС. М., Политиздат, 1970.

400 с.

На обороте тит. л. сост.: В. М. Шапко.

Проблематика сборника имеет большое политическое значение. В решениях XXIII съезда партии, в постановлении ЦК КПСС *«О мерах* по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» указано, что важнейшей задачей общественных наук является систематическая наступательная борьба против антикоммунизма, обстоятельная критика современной буржуазной историографии. Издание настоящего сборника является известным шагом в решении этой задачи.

Сборник составлен на основе серии статей, публиковавшихся в журнале «Вопросы истории КПСС». В них освещен ряд важных и актуальных вопросов истории, теории и политики КПСС, *которые подвергаются* наибольшей фальсификации в буржуазной историографии.

Книга нужна всем преподавателям истории партии, пропагандистам, а также изучающим историю КПСС.

1—2—3
103—69 3КПІ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современную эпоху, когда противоборство двух общественных систем — капитализма и социализма — стало определяющей чертой мирового развития, исключительную остроту приобрели все формы классовой борьбы, в том числе и борьба идеологий. Нет ни одной сферы идеологической деятельности, где империализм не проявлял бы возрастающей активности, пытаясь самыми изощренными средствами растлить сознание и души людей, развенчать в их глазах идеалы и принципы социалистического строя. Одним из важнейших объектов его идейных нападок является история Коммунистической партии Советского Союза. Повышенный интерес идеологов антикоммунизма к этой науке не случаен. Более чем шестидесятилетний путь, пройденный КПСС,— яркое свидетельство торжества коммунистических идеалов, великий пример верного служения партии своему классу, интересам народа. Исторический опыт нашей партии учит, что только под руководством марксистско-ленинского авангарда пролетариат и его союзники могут сбросить гнет капитала, построить социализм и коммунизм. Поэтому-то главные усилия различных буржуазных «специалистов по истории КПСС» направлены на то, чтобы опорочить перед народными массами исторический опыт, программные и тактические принципы ленинской партии, ослабить ее политический авторитет.

С первых же дней после победы Великой Октябрьской социалистической революции опыт КПСС стал предметом острейшей идеологической борьбы на международной арене. Уже в то время идеологи российской контрреволюции и мировой империалистической реакции открыли ожесточенную кампанию с целью извратить этот опыт, оклеветать нашу партию. Эта кампания продолжается и по сей день, все более усиливаясь по мере дальнейшего обострения идеологической борьбы. Ныне происходит

своего рода «тотальная мобилизация» всех идеологических ресурсов антикоммунизма. На Западе предпринято широкое переиздание мемуаров, архивов и биографий различных врагов КПСС и Советской власти, давно выброшенных на свалку истории,— Керенского, Чернова, Абрамовича, Дана, Суханова, Прокоповича, Николаевского, Валентинова, Троцкого.

Клеветническими писаниями этого эмигрантского отребья в основном и пробавляется современная антикоммунистическая и антисоветская историография. Свою идейную нищету антикоммунизм пытается компенсировать интенсивностью и размахом идеологической обработки населения. В ведущих капиталистических странах правительства и монополии расходуют огромные суммы на развитие технических средств связи и информации, на постоянно расширяющийся пропагандистский аппарат. Этот аппарат обслуживается разветвленной сетью научно-исследовательских учреждений, в задачу которых входит разработка методов ведения антикоммунистической и антисоветской пропаганды.

Наиболее широкая сеть учреждений такого рода существует в крупнейшей капиталистической стране, выступающей оплотом мировой империалистической реакции,— Соединенных Штатах Америки. Руководящим центром антикоммунистической пропаганды в этой стране является информационное агентство ЮСИА, в котором занято 13 тыс. штатных сотрудников. Агентство издает журнал «Проблемы коммунизма», страницы которого заполнены материалами, искажающими историю и политику КПСС.

В США созданы специальные центры «советологии», «кремленологии», «исследования марксизма-ленинизма» и т. п. Такие центры и «Русские институты» существуют при 17 университетах Соединенных Штатов. Ведущим в этой группе антикоммунистических учреждений является Научно-исследовательский институт по коммунистическим делам при Колумбийском университете. Активно участвуют в антикоммунистической пронаганде «Русский центр» Гарвардского университета, Гуверовский институт войны, революции и мира Стэнфордского университета, специализирующийся главным образом на фальсификации истории Советского Союза и политики КПСС, и многие другие исследовательские центры.

Антикоммунистическая и антисоветская пропаганда в широких масштабах ведется и в Западной Европе. Здесь центром пропаганды является ФРГ.

У западногерманских империалистов особый интерес к истории и политике КПСС. Они хорошо знают, что под руководством партии Советское государство, наш народ сыграли решающую роль в разгроме гитлеровской Германии. Поэтому главное внимание правящих кругов Западной Германии направлено на то, чтобы использовать фальсификацию истории КПСС и Советского государства для пропаганды воинствующего реваншизма, нацеленного своим острием прежде всего на Восток. Не случайно наиболее широкий размах в ФРГ получили так называемые «исследования Востока». Всевозможные «восточные бюро», созданные при политических партиях, в профсоюзах, при католической и евангелической церквах, неутомимо ведут пропагандистскую работу против стран социализма.

Наиболее ярко выраженную антисоветскую направленность имеет «Остфоршунг» — самая крупная антикоммунистическая идеологическая организация ФРГ, в системе которой насчитывается более 100 институтов и кафедр, изучающих проблемы истории, экономики и культуры социалистических стран. Специальная отрасль «Остфоршунга» — «советология» или «советоведение» — изучает проблемы истории советского общества, в том числе истории КПСС.

Активно фальсифицируют историю и политику нашей партии различные идеологические организации, существующие и в других капиталистических странах. В настоящее время все более отчетливо выявляется тенденция к объединению усилий антикоммунистических организаций в межгосударственном плане. Возникают различные международные «советы», «институты», созываются конгрессы, конференции, симпозиумы, предназначенные для координации усилий империалистических идеологов в борьбе против коммунизма. Так, с благословения НАТО создана «Всемирная лига свободы для координации действий и мобилизации граждан всех стран против коммунизма». В 1957 г. в Бостоне (США) и в Западном Берлине проведены международные конференции антикоммунистов-советологов, посвященные сочинению «новых аргументов» для реакционной пропаганды.

Пропагандистская машина империализма щедро финансируется монополиями Соединенных Штатов, Западной Германии и других капиталистических стран. Широко открывают свою казну для ее оснащения и буржуазные государства. Например, в США, где антикоммунизм вообще введен в ранг государственной политики, проблемами истории и политики КПСС занимаются многие официальные государственные учреждения. Так, в 1967 г. комиссия конгресса США опубликовала специальный доклад, претендовавший на изображение всесторонней картины развития Советского государства за 50 лет его существования. Главная цель этого объемистого «труда» состояла в том, чтобы извратить и опорочить опыт КПСС и Советской власти.

Доклад комиссии американского конгресса — не единственный фальсификаторский документ, имевший подобную цель. В канун 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции с особым напряжением работала вся пропагандистская машина международной буржуазии, руководимая империализмом США. В соответствии с планом, разработанным по прямому указанию правительства США государственным департаментом, в Соединенных Штатах и других капиталистических странах проводилась шумная антисоветская кампания, направленная на всестороннее искажение результатов борьбы КПСС за претворение в жизнь идей Великого Октября.

Эта кампания не прекратилась и после того, как все прогрессивное человечество торжественно отметило 50-летие Октябрьской революции, вновь выразив всеобщее уважение и признательность советскому народу и его марксистско-ленинскому авангарду, впервые проложившим дорогу к социализму. События последнего времени выявили дальнейшее обострение политической и идеологической борьбы между двумя противоположными общественными системами — капиталистической и социалистической.

Усиление военно-экономического потенциала Советского Союза и всего социалистического содружества заставляет империалистов задуматься о возможности гибельных для них последствий, если они развяжут новую мировую войну. С другой стороны, серьезное беспокойство империалистическим кругам доставляют крупные провалы, с которыми они сталкиваются во внутренней и

внешней политике. Перед лицом всех этих явлений империализм, прежде всего империализм США, наряду с авантюрами в военно-политической области все большие усилия направляет на подрывную политическую и идеологическую борьбу против социалистических стран, коммунистического и всего демократического движения. На основе марксистско-ленинского анализа международных событий последнего времени апрельский (1968 г.) Пленум ЦК КПСС отметил, что «современный этап исторического развития характеризуется резким обострением идеологической борьбы между капитализмом и социализмом».

Будучи не в силах остановить поступательное движение истории и не решаясь на лобовую схватку с миром социализма, империалисты пытаются прежде всего ослабить идейно-политическое единство трудящихся социалистических стран. При этом ставка делается главным образом на националистические и ревизионистские элементы.

Таким образом, опыт наших дней вновь подтверждает программное положение нашей партии о том, что в области идеологии не может быть мирного сосуществования, как не может быть классового мира между пролетариатом и буржуазией. В этих условиях, как подчеркнул апрельский Пленум ЦК, непримиримая борьба с вражеской идеологией, решительное разоблачение происков империализма, коммунистическое воспитание членов КПСС и всех трудящихся, усиление всей идеологической деятельности партии приобретают особое значение, являются главнейшими обязанностями всех партийных организаций.

На необходимость повышения идейно-политической роли всех марксистско-ленинских партий, как важнейшее условие успеха в их совместной антиимпериалистической борьбе, указано в итоговом Документе, принятом международным Совещанием коммунистических и рабочих партий в Москве 17 июня 1969 г. «Выступая в первых рядах революционных, освободительных и демократических движений,— говорится в этом документе,— коммунисты будут и впредь бороться против буржуазной идеологии, раскрывать трудящимся подлинный смысл их борьбы и условий достижения победы».

Разоблачение лженаучных концепций идейных при-

служников буржуазии было и остается главнейшей обязанностью идеологических работников марксистско-ленинских партий, и в частности историков Коммунистической партии Советского Союза. Это связано с тем, что в усилившейся ныне антикоммунистической и антисоветской кампании по-прежнему важное место занимают проблемы теории, истории и политики КПСС.

С наибольшим рвением антикоммунисты стремятся подорвать идейную основу политики КПСС — марксистско-ленинское учение. Не в силах противопоставить марксизму-ленинизму ни одной целостной концепции, идеологи буржуазии клевещут на это учение, пытаются доказать, что оно якобы устарело и теперь непригодно для новых условий общественного развития. Особенно сильным нападкам подвергается ленинская теория социалистической революции, которая, концентрируя в себе наиболее важные достижения творческого развития марксизма, составляет и поныне руководящее начало стратегии и тактики международного коммунистического движения. Эту теорию буржуазные критики либо объявляют волюнтаристской интерпретацией марксистского учения, отходом от исторического материализма, либо характеризуют как теорию, неприменимую к странам развитого капитализма и отражающую лишь специфику экономически отсталых стран.

Наряду с попытками развенчать марксизм-ленинизм идеологи буржуазии фальсифицируют и конкретный исторический опыт ленинской партии, начиная с ее формирования и кончая современной деятельностью КПСС. Распространяется лживая версия о том, что партия большевиков с самого начала создавалась как экстремистская организация, предназначенная служить политическим инструментом для захвата власти кучкой заговорщиков. Логическим развитием этой версии является производимый в буржуазной историографии «анализ» деятельности партии в период подготовки и проведения социалистической революции, победа которой и поныне изображается как результат заговора, осуществленного вопреки всем историческим законам.

Свои нападки на марксизм-ленинизм и на ленинскую партию, претворяющую это учение в жизнь, западные «советологи» не забывают подкреплять «исследованием» исторического опыта КПСС по строительству социализма

в СССР. Это далекое от науки «исследование» охватывает и политику социалистической индустриализации Советской страны, и коллективизацию сельского хозяйства, и разрешение национального вопроса, и многие другие участки борьбы нашего народа за социализм.

Пытаясь доказать, будто несостоятельность ленинского учения, лежащего в основе политики партии, подтверждается не только теоретически, но и практикой социалистических преобразований в СССР, буржуазные фальсификаторы применяют один из старых своих приемов. Суть его — в раздувании трудностей и издержек исторического опыта КПСС и в замалчивании положительных сторон этого опыта, великих побед партии и советского народа в строительстве нового общества.

Свой подкоп под теоретические основы и политическую линию нашей партии антикоммунисты ведут с помощью и другого приема, приобретающего популярность в последние годы. Это — использование идейного багажа различных антиленинских течений, давно уже разгромленных партией. С одной стороны, читателям стараются внушить, будто многие идейки троцкистов и им подобных разделялись и осуществлялись партией и Лениным А с другой стороны, буржуазные писаки превращают троцкистов и особенно правых капитулянтов в самых ортодоксальних марксистов, которые одни только якобы указывали правильный путь развития русской революции.

Даже краткое перечисление основных направлений и приемов фальсификации истории и политики КПСС наглядно показывает, насколько сложна и обостренна идейная борьба в области историко-партийной науки.

Активность наших классовых врагов все более возрастает. Об этом свидетельствует новый поток антикоммунистической и антисоветской литературы, поступающей ныне на вооружение империалистической пропаганды.

Все это требует от советских историков еще большей боевитости и наступательности в критике идеологии антикоммунизма и буржуазной историографии. Именно такое требование выдвигается в постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве». «От работников общественных наук,— говорится в этом документе,— требуются принципиальность и твер-

дость в борьбе против империалистической идеологии, буржуазных и реформистских фальсификаторов марксизма-ленинизма. Разоблачение профессиональных антисоветчиков и антикоммунистов, подвизающихся в области «изучения» проблем истории СССР и КПСС, мирового коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения,— важнейшая обязанность советских ученых». Подобные задачи сформулированы и в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина». В нем указано, что одним из главных направлений политической работы должно быть воспитание советских людей в духе верности ленинским заветам и коммунистической убежденности, непримиримости к капитализму, буржуазной идеологии. Об огромном значении борьбы коммунистических партий за социалистическую сознательность рабочего класса, против идеологии буржуазии говорится в тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

За последние годы в советской историографии появилось немало работ, разоблачающих фальсификаторский характер различных «концепций» буржуазных историков по коренным проблемам историко-партийной науки.

Определенный вклад в выполнение задач, поставленных Центральным Комитетом партии, призван внести сборник статей, предлагаемый вниманию читателей. Он, конечно, не охватывает всей совокупности проблем истории и политики КПСС, по которым развертывается идеологическая борьба. В сборник включены статьи лишь по наиболее актуальным проблемам, в разное время опубликованные в журнале «Вопросы истории КПСС» (статья Ю. П. Петрова вышла в «Военно-историческом журнале», 1969, № 1). Теперь они доработаны авторами с учетом происшедших перемен в мире, новейших достижений науки и последних материалов, появившихся в буржуазной историографии. В таком виде эти статьи включены в настоящий сборник.

Е. Д. Модржинская

ТОРЖЕСТВО МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА И СОВРЕМЕННАЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Более полувека назад В. И. Ленин писал о триумфе, который принесет марксизму грядущая историческая эпоха. Гениальное предвидение великого продолжателя дела К. Маркса и Ф. Энгельса сбылось в наши дни. Победы, одержанные рабочим классом, вооруженным идеями марксизма, ныне неоспоримы. Если в прошлом веке социализм превратился из утопии в науку, то XX век ознаменован превращением социализма в реальную историческую действительность. Социализм, пройдя через все испытания, торжествует на огромной территории планеты. Он воплотился в непреоборимом могуществе Советского Союза и других социалистических государств, стал величайшим фактором, оказывающим могучее влияние на весь ход мирового развития. В гигантском противоборстве двух мировых систем — социалистической и капиталистической — соотношение сил все более меняется в пользу социализма.

Этот объективный исторический процесс, который теперь невозможно отрицать, вызвал глубокие изменения в характере и формах идеологической борьбы между капитализмом и социализмом. Произошел, в частности, резкий поворот в оценке нашими идеологическими противниками роли и влияния марксизма на мировое развитие.

Буржуазная наука и слышать не хочет о марксизме, объявляя его опровергнутым и уничтоженным, отмечал В. И. Ленин еще 60 лет назад [1]. В наше время в стане империалистических идеологов стали характерными признания совершенно иного рода. «Нельзя отрицать того, что миллионы людей считают себя сторонниками мысли Маркса» [2],— заявил, например, один из наиболее изве-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 17.

[2] "Transactions of the Fourth World Congress of Sociology". London, 1959, p. 100.

стных современных буржуазных социологов, Раймон Арон, на IV Международном социологическом конгрессе. Религиозный философ Лакруа писал: «Марксизм живет в сердцах и думах миллионов людей и является самым важным социальным движением нашей эпохи» [1]. Признаний подобного рода можно было бы привести множество.

Однако признания великой силы марксизма отнюдь не ослабили попыток буржуазных идеологов опровергнуть марксизм, подорвать его влияние в мире. Напротив, эти попытки стали еще более ожесточенными и изощренными в связи с обострением идеологической борьбы между рабочим классом и буржуазией. Как отметил апрельский (1968 г.) Пленум ЦК КПСС, «испытывая серьезные потрясения и сталкиваясь с крупными провалами во внутренней и внешней политике, империализм, и прежде всего империализм США, наряду с авантюрами в военно-политической области все больше усилий направляет на подрывную политическую и идеологическую борьбу против социалистических стран, коммунистического и всего демократического движения» [2]. Это многократно усиливает значение деятельности нашей партии, направленной на повышение политической бдительности коммунистов, всех советских людей, укрепление у них коммунистической убежденности, чувства советского патриотизма и пролетарского интернационализма, идейной стойкости и умения противостоять любым формам буржуазного влияния.

В области идеологии империализм направляет основной огонь против марксизма-ленинизма и авангардных сил общественного прогресса — КПСС и других коммунистических и рабочих партий. Враги социализма стремятся извратить и подорвать все существенные положения и принципы, все составные части марксистско-ленинского учения. Их фальсификаторская деятельность пронизывает от начала до конца все философские, социологические и социально-политические теории современного империализма. Эта всеобъемлющая, по замыслам ее участников, фальсификация имеет и главные, фронтальные линии атак.

---

[1] *J. Lacroix.* Marxisme, Existentialisme, Personalisme. Paris, 1955, p. 5.

[2] «Правда», 11 апреля 1968 г.

К таким линиям ныне относятся попытки: 1) развенчать ленинизм как марксизм нашей исторической эпохи, 2) подорвать авторитет Коммунистической партии Советского Союза — руководящей силы первой в мире страны победившего социализма, извратив историю КПСС, сущность ее политики, а также марксистско-ленинские принципы, на основе которых она построена и действует,— в первую очередь принцип демократического централизма и принцип идейного единства коммунистов. Краткому критическому разбору некоторых выступлений буржуазных фальсификаторов на этих двух линиях идеологической борьбы и посвящается настоящая статья.

* *
*

Марксизм современной эпохи, марксизм XX века,— это ленинизм, это новый этап в развитии революционной теории. В. И. Ленин творчески развил марксизм в таких условиях, когда вопрос о революционном переходе от капитализма к социализму стал практической задачей дня. В результате глубокого научного анализа новых исторических условий он сделал вывод о том, что «эпоха капиталистического империализма является эпохой созревшего и перезревшего капитализма, стоящего накануне своего крушения, назревшего настолько, чтоб уступить место социализму» [1]. На основе этого вывода В. И. Ленин продвинул далеко вперед разработку прежде всего таких актуальных и важнейших для революционной практики проблем, как теория социалистической революции, учение о диктатуре пролетариата и руководящей роли партии рабочего класса, о построении социализма и основах коммунистической общественной формации. В ленинизме отразилась преемственность теории и практики пролетарской революционной борьбы. В. И. Ленин не только отстоял марксизм, но и обогатил его новыми идеями, поднял революционную теорию на новую высоту, тем самым открыв новый этап в развитии марксизма.

Ленинизм стал знаменем международного коммунистического движения, всего общественного прогресса. Для империалистической буржуазии в нашу эпоху нет более опасной идейной силы, чем это учение. Вот почему

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр 116

буржуазные идеологи направляют огонь своей критики именно против ленинизма.

Типичным приемом извращения марксизма-ленинизма стало противопоставление Маркса Ленину, марксизма ленинизму. В основе его лежит фальсификация взглядов как Маркса, так и Ленина на соотношение объективных условий и субъективного фактора в историческом процессе.

Учение Маркса изображается как некая сумма отвлеченных теоретических построений относительно экономических законов развития общества, будто бы ничем не связанных с революционными действиями классов и партий. В то же время ленинизм объявляется областью чистой практики, имеющей дело лишь с вопросами, связанными с волей, силой, организацией практических действий по ниспровержению существующего строя, действий, будто бы игнорирующих объективные предпосылки и условия борьбы, объективные законы развития общества и в конечном счете сам марксизм. Ленин, таким образом, изображается отступником от марксизма.

«Отступления» В. И. Ленина от «ортодоксального» марксизма буржуазные критики находят в самых различных областях, и в первую очередь в теории и практике социалистической революции. Грубо искажая роль В. И. Ленина как вождя революции, они рисуют его волюнтаристом, заговорщиком, профессиональным «разрушителем». «Ленин придал марксистскому учению волюнтаристское направление» [1],— писал известный фальсификатор марксизма К. Хант. Примерно такую же оценку ленинизму дают профессор Парижского университета А. Пьетр, американский философ Сидней Хук, крупнейший «специалист» по фальсификации ленинизма Стефан Поссони [2].

В работах американского социолога У. Ростоу ленинизм также противопоставляется марксизму как «детерминизм силы» «экономическому детерминизму». Подобные измышления содержатся в работах А. Мейера, М. Ланге, Г. Веттера и И. Бохенского, французского иезуита Анри Шамбра и других антикоммунистов. Мно-

[1] *R. N. Carew Hunt.* A Guide to Communist Jargon. N. Y., 1957, p. 164.

[2] *André Piettre.* Marx et marxisme. Paris, 1962, p. 102; "Political Thought since World War II". N. Y., 1964, p. 166; *Stefan Possony.* Lenin: The Compulsive Revolutionary. Chicago, 1964, p. VII.

гие буржуазные философы и социологи изображают Ленина идейным наследником анархистов, синдикалистов, последователем Бланки, Ткачева, но только не Маркса. Их стремление противопоставить Ленина Марксу особенно отчетливо проявилось в изданном недавно в США коллективном труде «Марксизм в современном мире». В нем, как пишут его авторы, «противопоставляется резко «волюнтаристский» марксизм Ленина «детерминистской» социальной физике зрелых Маркса и Энгельса» [1].

Современные критики марксизма-ленинизма не случайно избрали в качестве объекта своих атак именно проблему соотношения объективных условий и субъективного фактора. Ведь всякое умаление роли субъективного фактора обрекает теорию на фатализм и автоматизм, мешает рабочему классу использовать реальные возможности борьбы, тогда как пренебрежение объективными условиями неизбежно ведет к авантюризму и волюнтаризму и может лишь толкнуть на неосуществимые и обреченные на провал действия.

Именно такую — хотя и разного рода — односторонность современные буржуазные идеологи хотят приписать как Марксу, так и Ленину. При этом их атаки направляются своим острием против ленинского этапа развития марксизма с целью разорвать единое марксистско-ленинское учение на противоречащие будто бы друг другу части. В действительности же это учение отличалось и отличается все тем же чудесным сплавом теории и практики, соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с решительным признанием революционной энергии, революционного творчества масс и возглавляющих их партий.

Маркс вовсе не был односторонним «экономическим детерминистом» и фаталистом, не признающим роли и значения субъективного фактора в историческом развитии. Не кто иной, как Маркс, показал, что теория становится материальной силой именно тогда, когда она овладевает массами. Марксизм по своему существу есть наивысшее проявление активной роли человека, познающего законы общественного развития и способного поэтому сознательно ставить перед собой реальные цели и достигать

[1] "Marxism in the Modern World". Ed. by Milorad M. Drachkovitch. Stanford, California, 1965, p. XI.

их, претворяя в жизнь познанную необходимость. В этом учении нет ни грана фатализма, он чужд самой его природе.

Марксизм возник и сложился как теория, революционная по своему духу, ставшая могучим оружием не только познания, но и преобразования мира, призванная служить боевым руководством к действию для самого революционного класса эпохи — пролетариата. В отличие от предшествовавших общественных теорий, которые носили преимущественно созерцательный характер, марксизм вырос в огне революционной борьбы. Его первый программный документ — «Манифест Коммунистической партии» — появился как результат обобщения опыта первых классовых битв, ставших прологом революции 1848—1849 гг. В то же время «Манифест» помогал пролетариату определить свою роль в этой революции.

А разве марксистское учение о диктатуре пролетариата, о сломе буржуазной государственной машины, о создании новой системы государственной власти и ее преобразовательных задачах не стало самым практическим руководством для рабочего класса, нацеливающим его на активную борьбу за ниспровержение капиталистического строя, за решительное завоевание власти? Недаром прислуживающие буржуазии оппортунисты с таким рвением издавна стараются вытравить из марксизма учение о диктатуре пролетариата, приводящее в трепет эксплуататоров.

Маркс и Энгельс никогда не были кабинетными учеными, оторванными от практики революционной борьбы. Они были вождями живого пролетарского движения, организаторами и руководителями первой коммунистической партии — «Союза коммунистов», создателями I Интернационала — Международного Товарищества Рабочих.

Все эти факты, отражающие активную, революционную роль марксизма, общеизвестны. Но буржуазные идеологи сознательно игнорируют историческую действительность. И это вполне объяснимо. Их стремление представить учение Маркса в виде фатализма, в соответствии с которым события совершаются сами собой, имеет глубокий политический, классовый смысл. Капитализм в эпоху империализма перезрел, но он не свалится сам собой, ибо буржуазия никогда добровольно не уступит

дорогу прогрессивным силам. В этих условиях субъективный фактор общественного развития приобретает особенно большое значение. Его-то и страшится монополистическая буржуазия, так как он наиболее ощутимо угрожает ее господству. Особую опасность ленинского этапа в развитии марксизма она видит в том, что именно Ленин, учитывая возросшую в условиях империализма сознательную и активную роль народных масс и их пролетарского авангарда, уделял такое большое внимание распространению в массах революционной теории, созданию и укреплению революционной партии, подготовке рабочего класса к революционным массовым действиям — словом, субъективному фактору в историческом процессе.

Сила марксизма-ленинизма заключается в том, что он, придавая огромное значение субъективному фактору, в то же время исключает какой бы то ни было волюнтаризм в теории и политике. Все политические выводы Ленина, как и Маркса и Энгельса, опирались на строгий научный анализ реальной действительности. «Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а следовательно, и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса» [1],— подчеркивал В. И. Ленин. Ленинское умение организовать и направить на революционные свершения и строительство социализма творческие силы народных масс покоилось не на субъективизме и волюнтаризме, а на строгом научном учете объективных закономерностей и сознательных элементов общественного развития.

Достаточно напомнить, как глубоко анализировал В. И. Ленин всю совокупность исторических условий, сложившихся в России и на международной арене накануне Октябрьской социалистической революции. В работах «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Удержат ли большевики государственную власть?», «Кризис назрел» и других он показал, что международная обстановка, экономическое и политическое положение в России, кризис буржуазной власти и переход большинства

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 77.

народа на сторону большевиков — все это поставило страну перед социалистическим переворотом, создало реальную возможность насильственного свержения буржуазии и установления диктатуры пролетариата. На основе такого всестороннего анализа объективных условий и расстановки классовых сил В. И. Ленин разработал курс большевистской партии на вооруженное восстание и возглавил практическое осуществление этого курса. Победа Октябрьской революции явилась замечательным примером успешного осуществления научно обоснованной революционной стратегии и тактики рабочего класса.

Подобных примеров множество. Известно, какой глубокой научной обоснованностью отличался ленинский план построения социализма в СССР. В нем учитывались и природные богатства нашей страны, и ее международное положение, и гигантский запас человеческих сил, могучий размах народного творчества, и наличие в руках рабочего класса государственной власти, и общественная собственность на основные средства производства, и многие другие факторы, которые позволили Ленину сделать вывод о том, что в Советской стране есть все необходимое для построения полного социалистического общества. Разве полная, окончательная победа социализма в СССР не доказывает, что этот вывод не имел ничего общего с волюнтаризмом?

Марксизм-ленинизм и в теории и на практике направлен как против недооценки субъективного фактора (то есть против фатализма и теории стихийности), так и против недооценки объективных предпосылок и условий борьбы (т. е. против волюнтаризма и авантюризма). И в этом его сила, неотразимость его преобразующего воздействия на ход мировой истории.

Противопоставление марксизма ленинизму имеет и другую, весьма существенную практическую сторону.

Объявляя ленинизм отступлением от марксизма, буржуазные идеологи стремятся поставить под сомнение великий вклад Ленина в творческое развитие марксизма, зачеркнуть международное значение Великой Октябрьской социалистической революции.

Один из таких идеологов — философ-иезуит Бохенски, например, пишет, что ленинизм (т. е. марксизм современной эпохи) имеет «чисто русский характер, так как является продуктом русской культуры, представляющей

собой «культурный круг», который чужд западным европейцам» [1].

Дело здесь, конечно, не столько в том, чтобы попытаться доказать «истинно русский» характер ленинизма, сколько в том, чтобы попытаться опровергнуть международное, интернациональное значение ленинизма, придать ему узко национальный характер, расколоть единую, интернациональную коммунистическую идеологию по национальным признакам, нарушить преемственную связь ленинского этапа творческого развития марксистской теории с учением основоположников марксизма.

В действительности полувековой опыт созидания социалистического общества, накопленный Советским Союзом, имеет величайшее международное значение. При его использовании необходимо, конечно, иметь в виду, что существует общеисторическое содержание нашего опыта и его специфические особенности. Учет этой диалектической связи общего и особенного составляет характерную черту деятельности марксистско-ленинских партий. В. И. Ленин в свое время писал, что необходимо «исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в *конкретных* подходах каждой страны к разрешению *единой* интернациональной задачи...» [2].

Наличие общих закономерностей социалистической революции и социалистического строительства предполагает разнообразные формы и методы их осуществления. Такими закономерностями, извлеченными из опыта всего международного коммунистического движения и строительства социализма, являются, как известно: руководство трудящимися массами со стороны рабочего класса, ядром которого является марксистско-ленинская партия, в проведении пролетарской революции в той или иной форме и установлении диктатуры пролетариата в той или иной форме; союз рабочего класса с основной массой крестьянства и другими слоями трудящихся; ликвидация капиталистической собственности и установление общественной собственности на основные средства производства; постепенное социалистическое преобразование сельского хозяйства; планомерное развитие народного

---

[1] *J. Bochenski.* Der sowjetrussische dialektische Materialismus. Bern, 1956, S. 122.

[2] *В. И. Ленин.* Полн собр. соч., т. 41, стр. 77.

хозяйства, направленное на построение социализма и коммунизма, на повышение жизненного уровня трудящихся; осуществление социалистической революции в области идеологии и культуры и создание многочисленной интеллигенции, преданной рабочему классу, трудовому народу, делу социализма; ликвидация национального гнета и установление равноправия и братской дружбы между народами; защита завоеваний социализма от покушений внешних и внутренних врагов; солидарность рабочего класса с рабочим классом других стран — пролетарский интернационализм [1].

Перспектива дальнейшего укрепления единства и могущества стран социализма и всего социалистического содружества вырастает на путях сочетания этих всеобщих закономерностей строительства социализма, выведенных из научного анализа исторической практики, с живым, практическим творчеством трудящихся масс и авангарда рабочего класса — марксистско-ленинских партий, постоянно анализирующих и учитывающих конкретные условия борьбы за построение социализма и коммунизма.

* *
*

Важнейшим объектом идеологических диверсий империализма на современном этапе стало марксистско-ленинское учение о партии рабочего класса, о ее руководящей роли в революционном движении и строительстве нового общества. Свои нападки на это учение антикоммунисты начинают с попыток опорочить лежащую в его основе марксистскую идею о роли рабочего класса как самой революционной, самой прогрессивной социальной силы нашей эпохи.

В. И. Ленин писал, что «главное в учении Маркса, это — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как созидателя социалистического общества» [2]. На этот кардинальный вывод марксизма обрушиваются ныне как буржуазные и реформистские, так и правооппортунистические ревизионистские идеологи. В ход пущена пропаганда мифа об ослаблении роли международного рабочего класса и, в частности, о «депролетаризации» капита-

[1] См. «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». М., 1964, стр. 12—13.

[2] *В И. Ленин.* Полн собр. соч., т. 23, стр. 1.

листического общества в современную эпоху. Самые различные представители буржуазной и реформистской мысли твердят о том, будто рабочий класс в индустриальных странах капиталистического Запада постепенно исчезает, растворяясь в некоем едином «среднем классе», и якобы это автоматически подрывает основания для теории классовой борьбы и учения о революционной роли коммунистических партий.

Здесь мы имеем дело с обычной спекуляцией на реальных изменениях в составе рабочего класса и вообще в социальной структуре буржуазного общества, вызванных научно-технической революцией. Изменения действительно произошли. Но они ни в какой мере не поколебали марксистский вывод о революционной миссии рабочего класса. Более того, они доказывают, что в недрах капиталистического общества умножаются социальные силы, призванные обеспечить победу социализма. Обратимся к фактам. В целом в наиболее развитых капиталистических странах за последнее 100-летие произошел бурный рост численности промышленного пролетариата. 9 млн. индустриальных рабочих в середине XIX века, около 30 млн. в начале и около 60 млн. в середине XX в.— таков этот рост [1].

Вопреки утверждениям буржуазных идеологов о «затухании» классовой борьбы рабочих в странах Запада факты свидетельствуют о дальнейшем развитии рабочего движения, постоянном нарастании накала стачечной борьбы. Если в течение 20 лет до второй мировой войны в капиталистическом мире было 80,8 млн. стачечников, то за 20 послевоенных лет — около 300 млн.[2] В современных условиях стачки — далеко не единственная форма классовой борьбы пролетариата. Эта борьба отличается все большим разнообразием форм и переплетением экономических и политических битв пролетариата. Все теснее становится связь борьбы за демократию с борьбой за социализм.

В современную эпоху классовый антагонизм между буржуазией и рабочим классом на международной арене проявляется прежде всего в коренном и главном проти-

---

[1] См. «Международное революционное движение рабочего класса». М., 1966, стр. 106.

[2] См. «Великий Октябрь и мировой революционный процесс». М., 1967, стр. 271.

воречии нашего времени — в противоборстве двух противоположных социально-экономических систем — капиталистической и социалистической, с которой взаимодействуют и другие потоки мирового революционного процесса: революционная борьба пролетариата развитых капиталистических стран и национально-освободительное движение народов. Мировая система социализма — детище международного рабочего класса, его величайшее революционное завоевание. В создании и укреплении этой системы с новой силой проявилась всемирно-историческая освободительная миссия рабочего класса. Своим существованием и растущим воздействием на мировое развитие социалистическое содружество с наибольшей убедительностью доказывает неисчерпаемость революционной энергии международного рабочего класса.

Рост экономического и политического могущества Советского Союза и всей системы социализма, где рабочий класс возглавляет общество, усиление классовой борьбы пролетариата в развитых капиталистических странах, развертывание пролетарского движения в национальных государствах Азии, Африки и Латинской Америки — все эти факты наших дней опрокидывают домыслы антикоммунистов об ослаблении исторической роли международного рабочего класса. Тем самым обнажается несостоятельность попыток развенчать марксистско-ленинские партии путем подрыва их классовой основы.

Партии коммунистов сильны именно тем, что они воплощают в себе лучшие качества рабочего класса как революционной, преобразующей силы, гегемона всемирного освободительного движения. Будучи вооруженными наукой о революционном преобразовании мира, последовательно и твердо выражая коренные интересы рабочего класса и всех трудящихся, обладая идейным и организационным единством и теснейшей связью с народными массами, марксистско-ленинские партии способны возглавить революционную борьбу за свержение эксплуататоров, руководить строительством социализма и коммунизма. Эта истина доказана богатейшим опытом Коммунистической партии Советского Союза, которая обеспечила победу социалистической революции и построение социализма в нашей стране и ныне успешно возглавляет строительство коммунистического общества.

«Секрет» всех успехов КПСС в том, что она неизмен-

но идет во главе рабочего класса и вместе с ним ведет за собой широкие массы трудящихся. Партия строит коммунизм для народа и вместе с народом. Неразрывная связь КПСС с массами всегда была источником силы и непобедимости партии, непременным условием осуществления ее руководящей роли в борьбе за коммунизм. «Авангард лишь тогда выполняет задачи авангарда, когда он умеет не отрываться от руководимой им массы, а действительно вести вперед всю массу» [1],— подчеркивал В. И. Ленин.

КПСС неизменно соблюдает этот ленинский принцип. Во всей своей деятельности она опирается на беззаветную поддержку советского народа. Нерушимое единение партии и народа — самое сильное оружие нашего общества. Поэтому-то с таким рвением стараются ослабить его империалисты. С этой целью их идейные прислужники всячески извращают ленинское учение о партии, ленинские принципы партийного руководства. Дело доходит до самой грубой клеветы на КПСС, которую изображают как партию «элиты», оторванную от масс. С такой клеветой выступил, например, профессор истории университета в Буффало Карл Хулика в опубликованной в США в 1967 г. книге «Советские институты» [2]. С ним солидаризируется и профессор университета из Оклахомы Томпкинс [3].

Достаточно привести лишь некоторые данные о социальном составе КПСС, чтобы опровергнуть все эти вымыслы. Замечательной чертой нашей партии всегда было то, что она не только выражала интересы рабочего класса, но и постоянно заботилась об укреплении пролетарской прослойки в своих рядах. Наше общество характеризуется наличием дружественных классов и групп трудящихся, единством их экономических, социально-политических и идейных интересов, общей заинтересованностью в построении коммунизма. Это находит свое отражение и в социальном составе партии. Осуществляя линию на дальнейшее укрепление рабочего ядра в партии,

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 23.

[2] См. "Soviet Institutions. The Individual and Society". By K. Hulica and J. Hulica. Boston (Mass), 1967, p. 43, 44.

[3] См. *S. R. Tompkins.* The Triumph of Bolshevism. Revolution or Reaction. Norman, 1967, p. 284, 286.

КПСС пополняет свои ряды за счет передовых представителей рабочего класса, колхозного крестьянства и советской интеллигенции. При этом остается непоколебимым преобладание в партии передовых представителей трудящихся, связанных с материальным производством. На 1 января 1967 г. в КПСС рабочих было 38,1%, крестьян (колхозников) — 16%, служащих и всех остальных — 45,9%. Причем среди служащих руководители различных предприятий, организаций, учреждений составляли всего лишь 7,9%, в то время как инженерно-технические работники и специалисты сельского хозяйства — 34,9%[1].

После XXIII съезда партия еще более настойчиво проводит курс на то, чтобы в ее социальном составе рабочие и впредь занимали ведущее положение. Среди принятых кандидатами партии в 1967 г. рабочие составили 52,2%. В 1968 г. прослойка рабочих среди принятых кандидатами в КПСС увеличилась до 52,4%[2].

В свете всех этих данных, подтверждающих демократический характер нашей партии, ее прочное единение с народом, нетрудно убедиться в полнейшей беспочвенности попыток буржуазных идеологов изобразить КПСС в качестве партии «элиты». Сознательное искажение действительности — вот что лежит в основе подобных попыток.

С такой же недобросовестностью изображают антикоммунисты всю внутреннюю жизнь нашей партии. При этом особенно часто они обращаются к принципу демократического централизма, освещая его извращенно, как отрицание внутрипартийной демократии и, разумеется, снова как «отступление» Ленина от Маркса. По их утверждениям, Маркс якобы был сторонником безбрежного демократизма в рабочей партии, а Ленин, напротив, выступал за централизацию партии, которая должна управляться небольшим числом профессиональных революционеров. Так рассуждает, например, профессор Утрехтского университета Р. С. Квант. Примерно то же пишет и подвизающийся в ФРГ иезуит Фечер в своей книге «От Маркса к советской идеологии»[3].

---

[1] См. «Партийная жизнь», 1967, № 19, стр. 13.

[2] См. «Правда», 30 марта 1968 г.; 23 апреля 1969 г.

[3] См. *I. Fetscher*. Von Marx zur Sowjetideologie. Bonn, 1959, S. 131

Подобные измышления опровергаются конкретными фактами из внутренней жизни КПСС. Прежде чем их привести, напомним, что же представляет собой демократический централизм в партийном строительстве. Это приходится сделать потому, что буржуазные критики ленинского учения о партии метафизически противопоставляют демократию централизму, стараясь доказать, будто эти понятия исключают друг друга. На самом же деле ленинский принцип демократического централизма предполагает сочетание демократических и централистских начал в партийной жизни, сочетание коллективности руководства с персональной ответственностью, выборности и отчетности партийных органов со строгой партийной дисциплиной и единством, без которых партия теряет способность к эффективным политическим действиям.

Так понимали сущность демократического централизма Маркс и Энгельс. Так же трактовал ее Ленин на всех этапах своей революционной деятельности, включая и тот период, когда условия самодержавия вынуждали партию усиливать централистские начала в принципе демократического централизма. За свою многолетнюю историю наша партия применяла в различных сочетаниях все стороны этого принципа. При этом она всегда следовала ленинскому указанию о предоставлении всем коммунистам реальной возможности активно участвовать в делах своей партийной организации и партии в целом. «...Все дела партии,— подчеркивал В. И. Ленин,— ведут, прямо или через представителей, все члены партии, на равных правах и без всякого исключения...» [1]

Этот принцип последовательно осуществляется в жизни КПСС. Огромную роль в партийном руководстве играет многочисленный актив, и прежде всего члены выборных партийных органов, которым коммунисты совершенно свободно путем тайного голосования оказали свое доверие. В руководящие партийные органы избрано 3 млн. членов партии. Кто же эти люди? Среди членов и кандидатов в члены обкомов, горкомов и райкомов партии около 52% составляют рабочие, колхозники, инженерно-технические работники, специалисты сельского хозяйства, работники науки, просвещения, культуры и здравоохранения, 39% — руководители предприятий, работники партийных и советских органов, остальные —

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч , т. 14, стр. 252.

работники других категорий [1]. Следует еще учесть, что, кроме того, миллионы коммунистов участвуют в партийной работе в качестве членов различных комиссий, пропагандистов, агитаторов и т. д. Таким образом, лишь незначительная часть актива, руководящего партией, состоит из коммунистов, для которых партийная работа является профессией. Перед лицом этих фактов можно ли принимать всерьез заявления буржуазных фальсификаторов о том, что все руководство в КПСС принадлежит профессиональным партийным функционерам?

Атаки антикоммунистов на принципы и нормы партийной жизни сливаются с клеветнической кампанией против всего нашего общественного и политического строя. Излюбленный прием в этой области сводится к тому, что Советской власти приписывается антидемократизм, а Коммунистической партии — диктаторские функции, осуществляемые меньшинством, и все это вместе изображается как тоталитаризм, якобы присущий социалистическому строю [2].

До какой степени подобные измышления далеки от действительности, показывают самые общие сведения о системе всех организаций, которые в СССР участвуют в управлении страной, в руководстве хозяйственным и культурным строительством. В рядах КПСС, являющейся руководящим ядром в этой системе, к апрелю 1969 г. насчитывалось 13 млн. 755 тыс. коммунистов [3]. Партия опирается на разветвленную сеть различных массовых организаций, воплощающих полновластие и самодеятельность народа. Общественный актив Советов, который оказывает им повседневную помощь в работе, насчитывает более 25 млн. человек, т. е. почти четверть самодеятельного населения страны. Советские профсоюзы объединяют 86 млн. трудящихся. Ленинский комсомол насчитывает в своих рядах 23 млн. юношей и девушек, десятки миллионов трудящихся работают в различных добровольных обществах и союзах [4].

Таков действительно всеобъемлющий характер управ-

---

[1] См. «Партийная жизнь», 1967, № 19, стр. 19.

[2] См., например, "Soviet Institutions...". Boston, 1967, p. 26, 35, 43, 44, etc. *Carl Friedrich.* (Ed.). Totalitarianism. N. Y., 1964, p. 52—53; "Marxism in the Modern World". Stanford, 1965, p. XIV.

[3] См. «Правда», 23 апреля 1969 г.

[4] См. «Вопросы истории КПСС», 1969, № 9, стр. 26.

ления Советской страной, всеобъемлющий в том смысле, что это управление осуществляет вместе с партией и под ее руководством весь советский народ. В механизме управления социалистическим обществом сочетается научно обоснованная политическая линия Коммунистической партии, выражающая объективные потребности общественного развития и коренные интересы трудящихся, с широчайшим демократизмом и творческой инициативой миллионов, получивших в свои руки политическую власть и все богатства страны. Связь партии с народом является объективно необходимым условием и основой такого сочетания. Она порождена реальным демократизмом социалистического общества и демократической природой самой партии.

Доверие народа, завоеванное партией за многие годы самоотверженного служения рабочему классу, всем трудящимся,— таков источник руководящего положения КПСС в советском обществе. Признания именно этого факта так старательно избегают апологеты капитализма. С целью скрыть его от трудящихся капиталистических стран и муссируются на все лады измышления о «тоталитарном» характере советского строя.

Подобные измышления антикоммунисты особенно любят подкреплять ссылками на однопартийность в СССР, якобы означающую отрицание демократии. «Никакая демократия... невозможна, если нет по крайней мере двух партий» [1],— заявляет профессор политических наук Г. Майо. Необходимым условием демократии должно быть существование соперничающих политических партий, наличие политической оппозиции,— твердят буржуазные идеологи, изображая политическую организацию общества в капиталистических странах как эталон демократизма. Но соперничающие партии в условиях буржуазной демократии, как известно, представляют интересы различных классов или отдельных групп буржуазии. В СССР не существует классов с враждебными друг другу интересами. Требование отмены однопартийности и создания соперничающих партий в этих условиях не может быть не чем иным, как только требованием свободы антисоциалистической подрывной деятельности.

В период становления Советского государства суще-

---

[1] *H. B. Mayo.* Democracy and Marxism. N. Y., 1955, p. 307.

ствовали условия для многопартийности, для блока коммунистов с мелкобуржуазными партиями. Об этом неоднократно говорил В. И. Ленин [1]. Однако все непролетарские партии стали на путь контрреволюционной борьбы. Поэтому сотрудничество большевиков с мелкобуржуазными партиями в деле государственного руководства страной оказалось невозможным, и после левоэсеровского мятежа в июле 1918 г. в нашей стране утвердилась однопартийная система в условиях диктатуры пролетариата.

Многопартийность вообще не может быть признана критерием демократизма общественно-политического строя. На примере буржуазной многопартийной системы можно убедиться, что дело вовсе не в количестве партий, а в политике, которую они проводят.

Основным критерием демократии (т. е. народовластия) может быть лишь реальное участие широких слоев населения в управлении государством и фактическая возможность для народа пользоваться плодами свободы и общественного труда. А это, в свою очередь, зависит от того, каким классам принадлежит государственная власть и собственность на средства производства, в чьих интересах действует государство. Поэтому условия для подлинного народовластия возникают лишь тогда, когда рабочий класс берет власть и передает собственность на основные средства производства в руки народа. Иными словами, только диктатура пролетариата впервые в истории порождает демократию для большинства, для всех трудящихся.

Пугая народы жупелом пролетарской диктатуры, распространяя легенды о ее мнимом антидемократизме, империалистическая буржуазия выдает собственный страх перед исторической неизбежностью социалистической революции, призванной свергнуть господство эксплуататоров и передать государственную власть в руки рабочего класса.

Опыт Великого Октября и победоносных пролетарских революций в ряде стран Европы и Азии подтвердил эту неизбежность. Он подтвердил, что общей закономерностью перехода всех стран от капитализма к социализму является руководство трудящимися массами со сторо-

---

[1] См., например, *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 221—222.

ны рабочего класса, возглавляемого марксистско-ленинской партией. Что же касается форм, в которых проявляется эта закономерность, то они могут быть различны в зависимости от конкретных условий в той или иной стране. Рабочий класс и его авангард могут осуществлять руководящую роль как при однопартийной, так и при многопартийной системах. Однако многопартийная система в странах, строящих социализм, как показывает опыт, возможна лишь при следующих условиях: во-первых, при обеспечении в этой системе руководящей роли марксистско-ленинской партии и, во-вторых, если все партии принимают позиции социализма, выражают интересы трудящихся. Это вытекает из того, что в переходный период от капитализма к социализму сущностью социалистического государства при любой его форме должна непременно быть диктатура пролетариата, которая является особой формой союза между рабочим классом и непролетарскими слоями трудящихся при руководящей роли рабочего класса и его партии.

Такой союз, подчеркивал В. И. Ленин, создается «в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны... в целях окончательного создания и упрочения социализма» [1]. Этим обусловлены основные задачи диктатуры пролетариата, которые заключаются в следующем:

— использование государственной власти для подавления сопротивления эксплуататорских классов, для окончательного отрыва трудящихся и эксплуатируемых масс от буржуазии, освобождения их от ее экономического, политического и идеологического влияния, укрепления союза рабочего класса со всеми трудящимися и установления подлинной дружбы между трудящимися классами и слоями;

— использование государственной власти для созидания нового, социалистического общества, для проведения коренных преобразований в области экономической, политической и культурной жизни, для построения социализма;

— использование государственной власти для организации защиты социалистической страны от нападений империалистических государств, для укрепления интер-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 377.

национальных связей с международным рабочим классом, поддержки освободительного движения в других странах.

Для осуществления таких задач и возможно сотрудничество партии рабочего класса с непролетарскими партиями. Всякие иные основы сотрудничества, не отвечающие интересам социализма, неприемлемы для коммунистов.

Империалисты хорошо понимают это. Но велик соблазн протащить в социалистические страны буржуазные порядки в демократической упаковке. Мы видим, как буржуазия и ее ревизионистские подголоски усердно рекламируют многопартийность с «оппозиционными» партиями в странах социализма. Цель этой идеологической диверсии очевидна. Она состоит в том, чтобы под внешне демократическими лозунгами ввести в социалистических государствах многопартийность буржуазного образца, т. е. легализовать там деятельность антисоциалистических элементов.

Такие попытки предпринимались еще в 1956 г. в Венгрии, где силы реакции хотели возродить правые буржуазные партии. Тов. Я. Кадар в свое время отмечал, что именно поэтому Венгерская социалистическая рабочая партия в декабре 1956 г. решительно выступила против идеи восстановления многопартийной системы в стране [1].

Ратуя за многопартийную систему с «оппозиционными» партиями в странах социализма, империалисты в поисках союзников с повышенным интересом присматриваются к различным проявлениям ревизионизма и антисоциалистических тенденций в этих странах. Об этом свидетельствует, в частности, вышедший недавно в США коллективный труд под редакцией профессора политических наук Пенсильванского университета Альвина Рубинштейна, озаглавленный «Коммунистические системы». В нем имеется специальная глава под названием «Ревизионизм в странах Восточной Европы», посвященная анализу всех разновидностей ревизионизма в этих странах. Здесь, в частности, говорится о представителях «более радикальных форм ревизионизма», требующих «многопартийной системы, которая позволила бы независимое существование других партий» [2]. «Возникнове-

[1] См. «Проблемы мира и социализма», 1959, № 2, стр. 16.

[2] *Alvin Z. Rubinstein.* Communist Political Sistems. Engelwood-Cliffs. New Jersey, 1966, p. 101.

ние крайнего ревизионизма создает возможность эвентуального возврата к многопартийной системе»[1],— отмечается и в другом коллективном труде, тоже изданном в США.

Классовая подоплека всей этой возни антикоммунистов вокруг лозунгов «либерализации» и «демократизации» в социалистических странах ясна. Враги социализма рассчитывают путем подмены социалистической демократии формами буржуазной демократии создать в этих странах условия для реставрации капитализма. Таково конкретное выражение их курса на подрыв социалистического строя изнутри. Именно такого рода попытки имели место в Чехословакии.

Пытаясь отравить сознание трудящихся антинаучными идеями «чистой демократии», «абсолютной свободы», антикоммунисты пытаются доказать, будто социалистическая демократия не есть подлинная демократия. Такого рода попытки не новы. Еще в первые годы Советской власти их предпринимали оппортунисты типа ренегата Каутского. В. И. Ленин тогда не оставил камня на камне от антинаучного, метафизического противопоставления демократии диктатуре вне учета их классового содержания. Он подчеркивал, а жизнь каждодневно показывает это на практике, что сущность империализма в политической области есть отрицание демократии. В свое время и Ф. Энгельс писал: *«Демократия в наши дни — это коммунизм...* Демократия стала пролетарским принципом, принципом масс»[2].

Практический опыт развития советской социалистической демократии свидетельствует об этом неопровержимо. В СССР сейчас более 48 тыс. Советов, представляющих и охватывающих своей работой все население страны. В них избрано свыше 2 млн. депутатов. Среди депутатов Советов — 29,6% рабочих, 31,3% колхозников и 39,1% представителей нашей народной интеллигенции. Здесь вместе работают коммунисты и беспартийные: в составе Советов — 53,8% беспартийных тружеников. Верховный Совет СССР седьмого созыва, избранный в июне 1966 г. волей 144 млн. избирателей, включает 404 рабочих и 294 работника сельского хозяйства. Это почти

---

[1] "Eastern Europe in Transition". Ed. by Kurt London. Baltimore, 1966, p. XIV.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 589.

половина всего его состава, 518 депутатов — работники партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций, плоть от плоти рабочего класса и крестьянства нашей Родины; 154 депутата — работники науки, культуры, литературы, искусства; 56 депутатов представляют наши Вооруженные Силы. Среди депутатов Верховного Совета СССР — 425 женщин (28%). Это больше, чем в парламентах всех капиталистических стран, вместе взятых.

В 1968 г., например, на заседаниях постоянных комиссий палат Верховного Совета СССР обсуждались вопросы, связанные с постепенным преодолением социально-экономических различий между городом и деревней, введением обязательного среднего образования, улучшением розничной торговли и общественного питания в сельской местности и многими другими проблемами, непосредственно затрагивающими нужды избирателей [1].

Социалистическая демократия имеет в своей основе сотрудничество рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции в борьбе за построение коммунизма. Именно это и объясняет, почему в такой системе нет места для «оппозиционных» партий, для рецептов сторонников пресловутого политического «плюрализма». Подобные рецепты абсолютно несовместимы с подлинной заботой о развитии социалистической демократии, ибо они рассчитаны на то, чтобы легализовать и облегчить деятельность антисоциалистических элементов, выпустить на простор политической жизни силы, стремящиеся подорвать социалистический строй, его коренные основы — руководящую роль Коммунистической партии, идеологию марксизма-ленинизма, общественную собственность, социалистические принципы управления.

* *
*

Ставка на ревизионизм в коммунистических партиях — одна из основных в стратегическом курсе империалистической пропаганды, направленном на подрыв принципа идейного единства коммунистов. Империалисты метят в самую основу мирового коммунистического движения.

[1] См. «Марксизм-ленинизм — единое интернациональное учение». М., 1968, выпуск первый, стр. 275, 277, 279.

Идейное единство коммунистов — закон существования и развития марксистско-ленинской партии. Коммунисты нашей Родины одержали все победы в труднейших исторических условиях только потому, что действовали как сознательная, сплоченная, единая организация. Постоянная борьба за идейную чистоту и единство ленинской партии вызывалась вовсе не личными взаимоотношениями в партийном руководстве, как это любят изображать извращающие историю КПСС буржуазные фальсификаторы. Появление в рядах партии оппортунистов, ревизующих коренные, принципиальные основы ее теории и политики, имело всегда определенные социальные истоки. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что рабочий класс и его партия не застрахованы от влияния буржуазной и мелкобуржуазной идеологии.

Резкое увеличение численности коммунистов в мире (за последние 30 лет она возросла с 3,7 млн. до 43 млн. с лишним) [1] влечет за собой в определенных условиях и рост уязвимости партий, подвергающихся давлению со стороны представителей чуждой идеологии. С другой стороны, сложные условия общественного развития, большие трудности борьбы рабочего класса по-прежнему вызывают появление тех или иных разновидностей ревизионизма в коммунистическом движении. При этом в обстановке обострения классовой борьбы на международной арене отступления от принципов марксизма-ленинизма обычно ведут к сближению ревизионизма с буржуазным антикоммунизмом. Вот почему забота об идейном единстве коммунистов, борьба с ревизионизмом справа и «слева» приобретают в наше время исключительно важное значение. Это одна из коренных проблем той борьбы за сплоченность международного коммунистического движения и социалистического содружества, которая стала решающим фактором всего мирового революционного процесса.

Идейное единство коммунистов ни в коей мере не связывает творческую инициативу и активность различных национальных отрядов всемирной армии коммунистов, равно как и творческую активность членов любой коммунистической партии. Однако сама эта творческая активность может быть плодотворной лишь в том случае, если

---

[1] См. «Проблемы мира и социализма», 1969, № 2, стр. 14.

она опирается на идейное единство, на верность принципам марксизма-ленинизма, если она учитывает исторический опыт и коллективные решения международного рабочего движения, если она развивается на основе пролетарского интернационализма и исходит из классовых интересов международного пролетариата и общемирового революционного дела.

Осуществляя свою стратегию подрыва идейного единства коммунистов, империалисты планируют практические мероприятия, направленные в первую очередь на ослабление главных позиций, завоеванных международным коммунистическим движением, сплоченности мирового социалистического содружества, а также идейного и политического единства советского общества. Наряду с ревизионизмом основная ставка в этих планах делается на националистические элементы. Уповая на «центробежные силы национализма», буржуазные идеологи пишут о том, что «каждое западное правительство благоприятно относится к гибкой политике в Восточной Европе, политике, которая предполагает поощрение восточноевропейского полицентризма» и «делает вероятной дезинтеграцию как организации, так и доктрины мирового коммунизма» [1].

Нацеливаясь на идейное и социально-политическое единство советского общества, антикоммунисты рассчитывают добиться того, чтобы монолитность нашей партии и народа «стала иллюзорной... только тогда появится вероятность утраты советской политикой ее революционного характера» [2]. Какие же факторы действуют, по мнению наших идеологических противников, в направлении «модификации, деформирования или эрозии советской доктрины»? [3].

В целях подрыва идеологического единства партии выдвигается совершенно несостоятельный тезис о возможности противопоставить науку марксистской идеологии. Этот тезис основан на неправомерном заключении о том, будто марксизм-ленинизм, являясь *идеологией,*

---

[1] "The Communist State at the Crossroads". Ed. by Adam Bromke. N. Y., 1965, p. 240; "Eastern Europe in Transition", p. 327; "Marxism in the Modern World", p. 227.

[2] *Jeremy Azrael.* Managerial Power and Soviet Politics. Chicago, 1966, p. 177, 152.

[3] "Marxist Ideology in the Contemporary World". N. Y.—Wash., 1966, p. 100.

противоречит *науке*. В действительности партийность марксистско-ленинского учения не только не противоречит объективному, научному познанию общественных явлений, но, наоборот, требует *такого* познания и *вытекает* из этого познания.

Марксистское мировоззрение является *научным* мировоззрением, ибо оно исходит из объективных законов и тенденций общественного развития, и одновременно мировоззрением *партийным*, так как отражает коренные интересы и потребности передовой социальной силы современного общества — рабочего класса, а в конечном счете интересы всего прогрессивного человечества.

Только фальсифицируя истинный характер марксизма-ленинизма, можно противопоставить ему науку. Монография Дональда Вильгельма, посвященная вариациям на эту тему, трактует подобную задачу как главное содержание политики «победоносного сосуществования» [1]. Затея эта, разумеется, столь же реакционна, сколь и утопична. Реакционна потому, что направлена против идейного знамени общественного прогресса. Утопична потому, что исходит из невежества и рассчитывает на невежество.

Однако навязчивая идея подорвать социалистический строй изнутри настолько захватила антикоммунистов, что они открывают все новые и новые «тенденции», способствующие будто бы идеологической эрозии советского общества. Особенно большие надежды они возлагают на якобы существующие противоречия между партией и творческой интеллигенцией в СССР. «Западные специалисты недооценивают свободы культуры,— пишет некий Питер Вирек в статье «Новая русская революция».— Угроза коммунистическому господству может наступить тогда, когда тенденции, существующие в сфере культуры, перейдут в сферу политики» [2].

Империалисты действительно прилагают немало усилий, чтобы вырвать нашу творческую интеллигенцию из социально-политического единства советского общества, противопоставить ее ленинской партии. Но эти усилия бесплодны. Как бы ни раздували антикоммунисты

---

[1] См. "The West Can Win. A Study in Science and World Power by Donald Wilhelm". N. Y., 1966, p. 25.

[2] "Soviet Policy Making". Studies of Communism in Transition. Ed. by Peter H. Juviler and Henry W. Morton. N. Y., 1967, p. 118, 117.

отдельные отрицательные факты, ни в какой мере не способные бросить тень на всю нашу творческую интеллигенцию, им не поколебать монолитной сплоченности всех классов и социальных слоев советского общества, объединенных единой социалистической идеологией, единым руководством ленинской партии.

Одним из факторов, оказывающих «эрозивное» влияние на марксистско-ленинскую идеологию, на сплоченность и авторитет коммунистических партий, антикоммунисты считают якобы существующее «расхождение между доктринальными предсказаниями и действительностью» [1]. Если уж что и расходится с действительностью, так именно эта версия. Каждый, кто попробует без предубеждения сопоставить предвидения Маркса, Энгельса и Ленина с реальностью исторического процесса, убедится, что в истории не было учения, выводы которого оправдывались бы с такой полнотой, как выводы марксизма-ленинизма.

Основоположники марксизма-ленинизма научно доказали неизбежность победы социалистической революции. Эта закономерность осуществлена на практике трудящимися России, свершившими Великую Октябрьскую социалистическую революцию, и народами других стран социалистической системы.

Всему миру известно, что в Советском Союзе за полвека произошел стремительный подъем общественного производства. Это сбывается предвидение классиков марксизма о расцвете производительных сил после их освобождения от оков капиталистических производственных отношений, о гигантском ускорении экономического прогресса при социализме.

В Советском Союзе построено развитое социалистическое общество. Социалистический строй все полнее раскрывает свои преимущества, постепенно перерастая в высшую фазу коммунистического общества. Это претворяется в жизнь марксистско-ленинское учение, в котором дан эскиз новой общественно-экономической формации, определены основные этапы ее развития.

Советский Союз является самым прочным оплотом мира между народами. А ведь классики марксизма еще в прошлом веке заявили, что прочный мир воцарится именно там, где хозяином станет труд.

---

[1] "Marxist Ideology in the Contemporary World", p. XV.

В Советском Союзе все отсталые в прошлом нации и народности пережили подлинное национальное возрождение и ныне изумляют мир расцветом экономики, науки и культуры. Этим блестяще подтвержден вывод марксизма-ленинизма о том, что с уничтожением социального гнета будут окончательно устранены национальный гнет и национальное неравенство.

Классики марксизма-ленинизма предвидели крах колониального владычества империалистов. Ныне на развалинах колониальной системы возникло более 70 новых государств. В. И. Ленин предсказал, что «движение большинства населения земного шара, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма...» [1] Все мы являемся свидетелями этого исторического процесса.

Полностью подтвердив все основные выводы марксизма-ленинизма, жизнь вынесла неумолимый обвинительный приговор всему сонму идейных служителей империализма, тщетно пытающихся ослабить притягательную силу этого учения.

* *
*

Марксизм-ленинизм — великое идейное знамя нашей партии, всего мирового коммунистического движения. Оно высоко поднято над планетой, и никакие усилия классовых врагов не в состоянии вырвать его из рук коммунистов. Это победоносное знамя все ярче отражает вечно живой опыт всемирной истории, коллективный разум коммунистов — авангарда трудового человечества. С каждой новой ступенью общественного прогресса все больше и больше людей будут убеждаться в правоте и неодолимой силе марксистско-ленинских идей. Эти идеи освещают человечеству путь к его светлому будущему — коммунизму.

---

[1] *В. И. Ленин* Полн. собр соч, т. 44 стр. 38

Ю. А. Красин

ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И БУРЖУАЗНЫЕ КРИТИКИ

Ни одна эпоха в истории общества не знала таких глубоких революционных преобразований, какие происходят в наше время. Человечество осуществляет переход от веками сковывавшего его творческие силы эксплуататорского строя к обществу, свободному от всех форм угнетения, к социализму, коммунизму. Социальная революция международного пролетариата развертывается в острой борьбе революционных классов против сил империализма и реакции. Эта борьба находит отражение и в области идеологии. Проблемы революции стоят в центре современной идеологической борьбы.

1. Спор о значении Октября и позиции критиков

Пятидесятилетний юбилей Великой Октябрьской социалистической революции побудил представителей самых разнообразных политических и идейных течений высказать свое понимание места и роли этой революции в истории человечества. В общественной мысли, в столкновении ее различных направлений, как в зеркале, отразилось отношение разных классов и политических сил к социальной революции, к ленинскому учению о революционном преобразовании мира.

Октябрьские события 1917 г. в России сразу же приковали к себе внимание мирового общественного мнения. Рабочий класс страны, всего несколько месяцев назад сбросившей монархию, встал под знамя марксистско-ленинской партии, объединил вокруг себя большинство народа и взял в свои руки власть с целью создания нового, социалистического общества. Страна, доведенная почти до истощения мировой империалистической войной, бросила капитализму дерзкий вызов, двинулась в принципи-

ально новом направлении истории, сулившем человечеству выход из того тупика, в который его завела капиталистическая общественная система.

Многим казалось невероятным, чтобы крестьянская Россия, для которой были характерны технико-экономическая отсталость, почти полное отсутствие навыков и традиций демократических форм управления, нищета и низкий уровень культуры большинства населения, чтобы такая страна могла прокладывать новые пути истории. Буржуазные идеологи и политические деятели без колебаний предсказывали близкий крах революции. «Большевизм будет скоро свергнут»,— самоуверенно заявлял Уинстон Черчилль. Один из лейбористских лидеров Макдональд называл Октябрьскую революцию «поверхностной» и предрекал, что она неизбежно «потерпит неудачу».

В общий хор враждебных ленинизму голосов включились и представители так называемой «социологии революции» — той отрасли буржуазной социологии, которая специализировалась на изучении и истолковании революционного процесса. Несмотря на триумфальную победу Великой Октябрьской социалистической революции, несмотря на колоссальное влияние, оказанное ею на все мировое развитие, идеологи империализма длительное время упрямо твердили о неэффективности революций, об их слишком «дорогой цене», о преимуществах спокойной эволюции и т. п.[1]. Они пытались втиснуть события в России в надуманную схему нисходящего развития. Октябрьская революция, говорили они, как и всякая социальная революция, подвержена «закону Термидора»: революционные процессы неизбежно сменятся попятным движением и в конце концов все уравновесится, вернется к исходному пункту. Принятая партией новая экономическая политика была воспринята буржуазной социологией как явный признак окончания революции и возврат к капитализму. «Русская революция,— писал в 1927 г. Л. Эдвардс,— закончилась в тот момент, когда основная масса русских граждан приняла новую экономическую политику в качестве нормальной основы повседневной жизни...»[2].

---

[1] См. *L. P. Edwards.* The Natural History of Revolution. Chicago, 1927; *P. A. Sorokin.* The Sociology of Revolution. Philadelphia, 1925; *G. S. Pettee.* The Process of Revolution. N. Y., 1938 и др.

[2] *L. P. Edwards.* The Natural History of Revolution, reissued. N. Y., 1965, p. 205.

Подлинное всемирно-историческое значение Октябрьской революции в противовес буржуазным и реформистским ее оценкам раскрыто в ленинских трудах советского периода. Октябрьская революция, говорил Ленин, начала «неслыханно трудное и тяжелое, но великое, всемирно великое и действительно освободительное дело» [1]. Социалистическая революция в России вторглась в глубинные течения исторического процесса, подвергла коренной перестройке его внутренний механизм. Именно поэтому она дала новое содержание всемирной истории, открыла для человечества эпоху перехода от капитализма к социализму. «...Великая Октябрьская революция и опыт социализма в СССР,— отмечал Генеральный секретарь Французской коммунистической партии Вальдек Роше,— внесли гораздо больший вклад в дело прогресса человечества, нежели любой существовавший ранее строй» [2].

С фактами вынуждены считаться и буржуазные критики. Им приходится производить значительную переоценку ценностей. Те, кто прежде занимал чисто негативную позицию, вынуждены менять точку зрения. Ныне ни один идеолог, каких бы воззрений он ни придерживался, не может игнорировать значения Октября, так как он вписался в современную историю целой серией глубочайших революционных перемен, затронувших в той или иной мере все страны мира. «Если центральной проблемой для мыслителя XIX века,— признает профессор Принстонского университета Джеймс Г. Биллингтон,— было определить свое отношение к французской революции, то для современного человека такая проблема состоит в оценке русской революции. Последняя задача — даже более решающая, потому что около миллиарда людей открыто претендует на роль наследников и защитников русской революции» [3].

Идеолог антикоммунизма Д. Кеннан накануне 50-летия Советской власти писал, что эксперимент Октября «создал устойчивую цивилизацию, способную дать выход многим, если не всем положительным человеческим импульсам». «За это,— продолжал Д. Кеннан,— необходимо воздать должное русской коммунистической партии

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т 42, стр. 369

[2] «Вопросы истории КПСС», 1967, № 8, стр. 16.

[3] "World Politics", vol. XVIII, No. 3, April 1966, p. 452.

даже и со стороны тех, кто является ее идеологическим противником»[1].

Вынужденные сдвиги в позициях буржуазных идеологов отнюдь не означают, что они смирились с завоеваниями Октября, с марксистско-ленинской теорией социалистической революции. Просто меняются методы критики. Прежде буржуазные идеологи либо делали вид, что ленинского учения о социалистической революции вообще не существует, либо обрушивали на него потоки грубой брани. В наше время такие способы идейной борьбы против ленинизма уже неэффективны.

Разумеется, среди идеологов воинствующего антикоммунизма и сейчас немало таких, которые ничему не научились и продолжают отрицать все и вся. В их злобных писаниях нет ничего, кроме ненависти к революции, к революционному движению, к социализму и коммунизму. Ненависть лишает таких людей всякого здравого смысла. Один из таких воинствующих антикоммунистов, некий Холмс Александер из Нового Орлеана, не скрывая страха перед будущим, называет Октябрьскую революцию «самой страшной катастрофой, когда-либо поражавшей человечество». Такие люди не останавливаются перед грубыми приемами фальсификации ленинизма, перед прямым обманом и клеветой.

Надо сказать, однако, что даже среди буржуазных идеологов представители столь откровенного бульварного антикоммунизма сегодня встречают все меньше поддержки. На передний план выдвигаются респектабельные профессора социологии и политических наук. Им претят оскорбительные эпитеты и крепкие выражения. Они придерживаются академически вежливой формы. Они тщательно изучают труды Ленина, знакомы с историей русской революции, читают советские журналы и газеты. Надо полагать, часть из них субъективно не преследует цели сознательного извращения ленинских идей. Тем не менее вся обстановка буржуазного образа жизни, видимые или невидимые нити, связывающие институты и кафедры общественных наук с интересами монополистического капитала, ограниченность буржуазного способа мышления, законы партийности политической науки — все это толкает идеологов капитализма на путь борьбы

---

[1] "Foreign Affairs", October 1967, p. 19.

против ленинской теории социалистической революции, на путь извращения ее сущности. Приемы критики ленинизма стали более утонченными и разнообразными. Буржуазные профессора стремятся придать этой критике форму научной полемики, изобретают сложные системы аргументации против тех или иных выводов ленинского учения, пытаются использовать некоторые новые факты и явления современности для доказательства мнимой неправоты Ленина.

Более тонкие методы извращения ленинской теории социалистической революции требуют и более обстоятельного их разоблачения, обнажения методологических корней этих извращений. Необходимо с позитивных, научных позиций раскрыть логику ленинской концепции революции, взятой не статично, догматически, а в ее историческом развитии, всесторонне показать те проблемы, на ложном понимании которых паразитирует современная буржуазная «социология революции».

2. Исторический материализм и волюнтаризм

Ленинская теория социалистической революции — это волюнтаристская интерпретация марксизма — таков один из основных выводов буржуазных критиков. «Ленин придал марксистскому учению волюнтаристское направление,— пишет К. Хант.— Главная причина, объясняющая, почему происходит революция, состоит в том, что партия принимает об этом решение. Теоретически, правда, партия не приходит к этому решению до тех пор, пока не созданы «объективные условия» для революции. Но ее успех, естественно, будет воспринят как доказательство того, что это было именно так» [1]. Согласно Ленину, утверждает профессор Парижского университета А. Пьетр, «нужно меньше рассчитывать на стихийный взрыв экономических противоречий и больше полагаться на политическое действие. Детерминизм уступает место волюнтаризму... Революция не имеет в себе ничего сти-

[1] *R. N. Carew Hunt.* A Guide to Communist Jargon. N. Y., 1957, p. 164.

хийного. Ее готовят, как готовят войну»[1]. Видные представители буржуазной политической науки профессора Р. Бендикс и С. М. Липсет утверждают, что с самого начала теории Маркса была свойственна некая «двусмысленность» («ambiguity»): с одной стороны, по Марксу, противоречия капитализма неизбежно ведут к пролетарской революции, с другой стороны, в осуществлении этого результата он придавал огромное значение классовой сознательности, политическому действию, научной теории. В его собственных глазах эта трудность была разрешима, ибо такие субъективные элементы, как классовая сознательность или научная теория, сами были побочным продуктом присущих капитализму противоречий. Однако, утверждают буржуазные социологи, предпосылки и условия, из которых исходил Маркс, не были постоянными атрибутами капитализма. «Эта претензия предсказать неизбежное будущее на базе предпосылок и условий, которые могут быть, а могут и не быть действительными, всегда казались критикам большой брешью в марксистской теории»[2].

Буржуазные «специалисты» по ленинизму А. Мейер, Г. Маркузе, А. Улам, Р. Даниэлс, Д. Сэбайн и другие конструируют целую систему аргументации, раскрывающую, по их мнению, причины поворота Ленина от детерминизма к волюнтаризму. Суть этих доводов сводится к следующему. Учение Маркса, отражавшее условия ранней стадии капиталистического общества, было проникнуто оптимистической верой в объективные законы истории, которые должны были привести к победе социалистической революции. В XX веке обнаружилось, что капитализм нашел выход из противоречий, которые должны были, по Марксу, привести к его гибели. Для марксизма наступила полоса разочарований и пессимизма. Стало ясно, что стихийное развитие капитализма не приведет к социалистической революции. Оставалось либо принять концепцию постепенной эволюции, что было сделано Э. Бернштейном, либо строить концепцию социалистической революции на основе отказа от исторического материализма в расчете на то, что воля и сознание могут

---

[1] *An. Piettre.* Marx et Marxisme. Paris, 1962, p. 102.

[2] *Reinhard Bendix* and *Seymour Martin Lipset* (eds). Class, Status and Power. London, 1967, p. 11.

совершить ту работу, которая в марксистском учении отводилась объективным законам истории [1].

Методологический источник искусственных теоретических построений буржуазных профессоров заключается прежде всего в подмене диалектического понимания соотношения объективного и субъективного факторов в революции механическим. Для метафизического способа мышления, свойственного идейным защитникам капитализма, оказывается просто непостижимым органическое единство и взаимопроникновение объективного и субъективного в историческом процессе. Либо объективные законы, либо сознательная воля людей — такова логика профессорских рассуждений. «Если мировая революция представляет собой неизбежный исход непреодолимых экономических законов,— поучает Р. Даниэлс,— то для революционеров какой-либо страны нет необходимости стремиться к ней и проливать за нее кровь — они могли бы с тем же успехом подождать» [2]. Но в том-то и суть дела, что непреодолимые экономические законы стоят не вне истории, творимой людьми, а проявляются обязательно в деятельности масс, классов, партий, определяя основное содержание и главные направления этой деятельности в соответствии с положением, занимаемым людьми в системе общественного производства. «Марксизм,— подчеркивал В. И. Ленин,— отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс,— а также, конечно, отдельных личностей,

---

[1] Наиболее полно эта версия изложена директором программы исследований по истории КПСС при Колумбийском университете Альфредом Мейером. Маркс, пишет А. Мейер, выводил неизбежность пролетарской революции из развития капитализма. «К концу XIX века марксистские теоретики начали сознавать, что в этом описании капитализма и его тенденций что-то было решительно неверным... В целом лицо современного индустриального общества в корне отличалось от марксистского описания» (*A. Meyer*. Leninism. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1957, p. 239—240). Вследствие этого ленинизм стал «манипулятивной теорией исторического процесса» (ibid., p. 41).

[2] *Robert V. Daniels*. The Nature of Communism. N. Y., 1962, p. 172.

групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами»[1].

В течение большей части жизни Марксу и Энгельсу пришлось вести борьбу за признание коренного принципа материалистического понимания истории — определяющей роли объективных экономических условий по отношению к общественному сознанию, политической деятельности. Отражая бесчисленные атаки на исторический материализм, они, естественно, акцентировали внимание на роли объективного фактора в истории. Однако в 90-х годах прошлого века, когда оппортунисты, опошляя марксизм, стали сводить весь процесс перехода от капитализма к социализму к стихийному развитию, Ф. Энгельс выступил со своими знаменитыми письмами об историческом материализме. Резко осудив вульгарный экономизм оппортунистов, он со всей определенностью заявил, что марксизм всегда рассматривал историю как диалектическое взаимодействие экономики, политики, идеологии и всех других сторон общественной жизни. Экономическая необходимость прокладывает себе дорогу не фатально, а через это сложное взаимодействие, лишь в конечном счете определяя главные тенденции развития. Ф. Энгельс с присущими ему остроумием и сарказмом подверг осмеянию оппортунизм за его пренебрежение к политике, к сознательной деятельности рабочего класса и его партии.

Современные критики ленинизма, грубо насилуя историю марксистской мысли, выдают тривиальные идейки вульгарного экономизма за истинный марксизм. После подобной, мягко говоря, произвольной операции уже нетрудно провозгласить ленинскую теорию социалистической революции отступлением от принципов марксистского детерминизма.

Деятельность В. И. Ленина протекала в эпоху империализма, в обстановке назревания и начальных этапов развертывания социальной революции пролетариата. С точки зрения объективных условий мировая капиталистическая система созрела для пролетарской революции. Социализм, писал В. И. Ленин, «вырисовывается непосредственно, *практически,* из каждой крупной меры, составляющей шаг вперед на базе этого новейшего капитализма»[2]. Вопреки утверждениям критиков, В. И. Ленин

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 23.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 193.

посвятил анализу зрелости материальных предпосылок социалистической революции ряд фундаментальных трудов, в том числе книгу «Империализм, как высшая стадия капитализма». Он убедительно доказал, что те самые предпосылки и условия, из которых Маркс выводил неизбежность пролетарской революции, вопреки утверждениям Р. Бендикса и С. Липсета, вполне сложились в лоне капитализма. Не разочарование в последствиях объективного развития, а ясное понимание, что это развитие ведет к социализму, пронизывает все ленинское учение и служит источником величайшего оптимизма. Именно зрелость объективных условий выдвигала на первый план вопрос о подготовке социально-политических сил социалистической революции, об их организации и политическом воспитании. Главное заключалось в том, чтобы понять основное содержание надвигавшейся революционной эпохи и наметить курс действия революционных сил.

Сама по себе зрелость объективных условий не обеспечивает революционных преобразований. Она должна трансформироваться в политическое движение масс, найти свое отражение в широком росте революционных настроений среди угнетенных классов, в их активной политической деятельности. Как отмечал В. И. Ленин, *«единственной действительной* силой, вынуждающей перемены, является лишь революционная энергия масс...»[1]. Процесс нарастания революции не происходит сам по себе, автоматически как механическое следствие зрелости материальных предпосылок нового строя и усиления напряженности противоречий капиталистического способа производства. Он преломляется через волю и сознание масс. В этот период, как никогда, приобретает решающее значение субъективный фактор. Вот почему, целиком оставаясь на общих с основоположниками марксизма позициях исторического материализма, В. И. Ленин вместе с тем делал главный упор на вопросы подготовки субъективных условий социалистической революции, на роль сознательности и организованности революционных сил, на борьбу против оппортунистической теории стихийности.

Волюнтаризм буржуазные критики усматривают и в ленинском учении о революционной партии рабочего класса. Так, Г. Маркузе утверждает, что будто бы, по

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 282.

Ленину, «субъективный фактор революционной стратегии монополизирован партией, которая принимает характер профессиональной организации, направляющей пролетариат». Происходит «трансформация пролетариата из субъекта в объект революционного процесса» [1]. Идеологи буржуазии пытаются приписать Ленину бланкистские взгляды на политическую партию как организацию заговорщиков, ставящих целью захват власти, не считаясь с объективными условиями и настроениями масс.

В действительности источник силы партии и ее успехов в борьбе за социализм В. И. Ленин всегда видел в том, что она опирается на знание объективных законов исторического развития и находится в тесной связи с массами. Вся история ленинской партии опровергает буржуазные измышления о бланкизме и элитизме. Действуя в обстановке жестоких репрессий, партия большевиков до революции не могла стать массовой партией. Но она выработала политическую линию, отвечающую объективным потребностям общественного развития, и поэтому сумела завоевать сочувствие и поддержку не только рабочего класса, но и большинства народа. Этим и была обеспечена победа в борьбе за власть, за диктатуру пролетариата.

В. И. Ленин никогда не считал малочисленность типичной чертой революционной партии рабочего класса. В те редкие периоды истории революционного движения в России, когда партия большевиков получала возможность действовать более или менее свободно, ее численность резко возрастала. Определяя задачи коммунистов в развитых странах капитализма, В. И. Ленин ориентировал на создание там массовых революционных партий, привлечение на их сторону большинства пролетариата. «Тот, кто не понимает,— говорил он,— что в Европе,— где почти все пролетарии сорганизованы,— мы должны завоевать большинство рабочего класса, тот потерян для коммунистического движения...» [2].

В наше время коммунисты капиталистических стран стремятся превратить свои партии в массовые, ведущие за собой на борьбу против всевластия монополий подавляющее большинство народа. Они рассматривают марксистско-ленинскую партию как живой развивающийся

---

[1] *Herbert Marcuse.* Soviet Marxism. N. Y., 1958, p. 40, 31.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 25—26.

организм, принципы строения и деятельности которого претерпевают изменения, обогащаются в связи с общим изменением исторических условий. И главное направление этого развития — всестороннее расширение связей партий с массами, превращение их во все более массовые и влиятельные.

3. Демократия и «тоталитаризм»

Логическим продолжением обвинений в волюнтаризме является один из самых излюбленных ярлыков, наклеиваемых идеологами буржуазии на ленинскую теорию революции,— это ярлык идеологии «тоталитаризма». Тоталитаризм, в противоположность демократии, означает концентрацию власти в руках небольшой группы лиц, которая правит государством. Коммунизм, говорят буржуазные идеологи, и есть тоталитаризм, так как коммунисты выступают за диктатуру пролетариата. Пугало тоталитаризма вытащено на свет для того, чтобы устрашить сторонников демократии, проявляющих возрастающий интерес к ленинизму.

Хорошо известно, что марксизм воспринял и поставил на научную основу лучшие демократические идеалы прошлого. Поэтому критики видят свою задачу в том, чтобы противопоставить ленинское учение марксизму и по этой линии. «Ленин,— заявляет Рене Альберг,— решительно отклонил демократическую интерпретацию марксизма» [1]. Концепция диктатуры пролетариата, вторит ему Сидней Хук, «означает абсолютный разрыв со всеми демократическими традициями марксизма» [2].

Попытки доказать, что эта концепция будто бы чужда учению Маркса и Энгельса о социалистической революции, не новы. Несостоятельность их доказана давно. В. И. Ленин еще в работе «Государство и революция» на основе тщательного изучения многочисленных высказываний Маркса и Энгельса показал, что идея диктатуры пролетариата с момента возникновения марксистского учения является его краеугольным камнем. Отстояв эту идею в борьбе с каутскианством, Ленин творчески развил ее на основе нового исторического опыта. Вместе с тем

[1] *René Ahlberg.* Weltrevolution durch Koexistenz. Berlin, 1962, S. 11.

[2] *Sidney Hook.* Marx and the Marxists. N. Y, 1955, p. 85.

В. И. Ленин обогатил демократические традиции марксизма. Буржуазные критики сознательно запутывают вопрос о том, что сторонники диктатуры пролетариата являются одновременно самыми последовательными защитниками демократических идеалов. Для доказательства мнимой несовместимости одного с другим они пользуются, как показал Ленин, антинаучным противопоставлением диктатуры «вообще» — демократии «вообще» без конкретного анализа того, о диктатуре какого или каких классов идет речь, каково классовое содержание демократии.

В своем стремлении отождествить диктатуру пролетариата с тоталитаризмом буржуазные идеологи не скупятся на темные краски. Так, американский социолог Крейн Бринтон в книжке «Анатомия революции» пишет, что «диктатура экстремистов воплощена в государственные формы как грубая и законченная централизация» [1]. Для него диктатура пролетариата — это насилие и подавление свободы, «смесь духовной ярости, экзальтации, преданности и самопожертвования, жестокости, безумия и возвышенного обмана». Диктатура, иронизирует К. Бринтон, предназначена для того, чтобы в короткий срок построить новое идеальное общество, свести небо на землю и т. п. При дальнейшем описании диктатуры революционных классов краски еще более мрачнеют. Словом, диктатура пролетариата — это террор, уверяет Бринтон. Он, конечно, умалчивает, что всякая диктатура, и особенно диктатура буржуазии, связана с насилием. Разве в демократических странах капиталистического общества диктатура монополистического капитала не есть насилие над большинством народа? Когда горстка монополий держит под своим контролем и использует в своих интересах народное хозяйство целых наций, разве это не насилие над волей большинства? Когда пресса, радио, телевидение и другие средства информации и пропаганды служат интересам магнатов капитала, разве это не насилие над сознанием людей? Тем же целям подчинены и средства прямого политического подавления противников всевластия монополий.

Диктатура пролетариата, или, иными словами, государственное политическое руководство обществом в период перехода от капитализма к социализму со стороны

[1] *Crane Brinton.* The Anatomy of Revolution. N. Y., 1957, p. 179.

наиболее сознательного и организованного класса, как раз для того и необходима, чтобы освободить общество от пут диктатуры монополистического капитала. Решить эту задачу без применения насилия по отношению к эксплуататорам, разумеется, невозможно. Но, во-первых, насилие и террор не одно и то же. Террор — это крайняя форма насилия, применяемая по отношению к врагам социалистической революции только в тех случаях, когда они открыто, с оружием в руках выступают против воли большинства. Насилие при известных условиях может выступать и в более мягких формах принуждения, контроля за деятельностью бывших эксплуататоров со стороны трудящихся. Во-вторых, и это главное, насилие, как много раз подчеркивал В. И. Ленин, ни в коей мере не исчерпывает содержания диктатуры пролетариата и ее классовой сущности. Главное в диктатуре пролетариата — это созидание новых, социалистических отношений, участие в сознательной творческой работе впервые в истории действительно всего трудового народа. В силу этого диктатура пролетариата выступает как самая широкая социалистическая демократия, демократия для огромного большинства населения, для всех трудящихся.

Надо сказать, что кое-кто из критиков ленинизма понимает, что диктатура пролетариата — это политическая организация масс, руководимых рабочим классом и его авангардом, что она выражает интересы «человека массы». Но это признание выражается обычно в негативной форме с примесью изрядной доли классовой ненависти к народным массам. «Человек массы...— пишет Р. Даниэлс,— это естественный тоталитарист... Человек массы — это плодородная почва для демагогии, и сила, которую он теперь представляет, открывает демагогу прямую дорогу к захвату власти... Тоталитаризм под этим углом зрения выступает как восстание поднимающегося человека массы против цивилизованного (читай капиталистического.— *Ю. К.*) общества, которое он ненавидит как из-за того, что оно до последнего времени господствовало над ним, так и потому, что оно еще предписывает ему нормы поведения, которых он не может или не желает выполнять» [1]. Не сдержав чувства откровенной ненависти к «человеку массы», посмевшему выступить против господства монополий, антикоммунист невольно прогово-

[1] *Robert V. Daniels.* The Nature of Communism, p. 289—290.

рился о главной причине, которая побуждает его коллег так яростно нападать на диктатуру пролетариата. Все дело в страхе перед перспективой завоевания власти трудящимися. Буржуазных идеологов пугает не «тоталитаризм», а как раз подлинная демократия, «правление народа», т. е. тех самых «людей массы», о которых с таким высокомерием пишет американский антикоммунист.

Один из приемов, используемых критиками против диктатуры пролетариата,— это абсолютизация некоторых специфических черт пролетарской диктатуры, имевших место в прошлом. Сидней Хук, например, спрашивает, почему диктатура пролетариата всегда и везде должна представлять собой «господство силы, не ограниченной законом». Марксисты, мол, не дали этому объяснения. Буржуазный идеолог умалчивает, что марксисты имеют в виду выход за рамки буржуазного права и законности, выражающих волю эксплуататорского меньшинства и направленных против большинства народа. Но при этом диктатура пролетариата сама выступает как источник и страж новой, революционной законности, выражающей интересы рабочего класса, трудящихся. Что же касается формы перехода к новой системе права и законности, а соответственно и форм насилия по отношению к противникам новой власти, то они зависят от конкретной обстановки развития революции.

В России, где в обстановке первого прорыва империалистической цепи классовая борьба приобрела исключительную остроту, когда против рабочего класса объединились все силы внутренней и внешней контрреволюции, неизбежны были определенные временные ограничения законов формальной демократии: враги революции не соблюдали никаких законов, используя все средства для свержения Советской власти. Ограничения формальной демократии были необходимы ради сохранения завоеваний фактической социалистической демократии. Но уже тогда В. И. Ленин не исключал, что другие страны смогут избежать этих ограничений. Опыт подтвердил, что государственное политическое руководство обществом со стороны рабочего класса в переходный период от капитализма к социализму при определенных условиях осуществимо без формальных ограничений демократических правовых норм, завоеванных трудящимися еще при капитализме.

Демократия при капитализме, несмотря на свое классовое содержание, несмотря на ограниченный и формальный характер,— это в конечном счете результат борьбы масс. Если бы не народ, с которым приходится считаться, капитал по своей природе предпочел бы форму открытой деспотической диктатуры. Именно рабочий класс в современную эпоху выступает в качестве главного защитника и борца за демократию. Поэтому, если есть хоть малейшая возможность, диктатура пролетариата сохраняет демократические формы и институты, возникшие при капитализме, очищает их от ограничений, наполняет новым классовым содержанием, ставит на службу народу.

Переход к социализму в европейских социалистических странах показал это на практике. Традиционные нормы и институты буржуазной демократии здесь не были просто отброшены, а в значительной части наполнены новым классовым содержанием, перестроены и включены в систему диктатуры пролетариата. При нынешнем соотношении сил в мире, при огромной популярности идей социализма в тех странах, где рабочему классу удастся завоевать на свою сторону подавляющее большинство нации, политически изолировать монополистическую буржуазию, лишить ее средств для серьезного сопротивления социалистическим преобразованиям, не исключены еще более демократические формы диктатуры пролетариата. «Мы, например, думаем,— отмечает Генеральный секретарь Французской коммунистической партии Вальдек Роше,— что для Франции, учитывая ее демократические традиции и условия нашей эпохи, можно предвидеть, в случае мирного перехода к социализму, новые, менее насильственные и более краткосрочные формы диктатуры пролетариата» [1].

Однако по самой своей сути диктатура пролетариата не может гарантировать «свободную игру политических сил» на принципах формального равенства. Она призвана обеспечивать условия для перехода общества к социализму, защищать его завоевания от посягательств реакции. Поэтому она не может предоставлять свободу контрреволюционным силам. Ее назначение — решитель-

---

[1] *Вальдек Роше.* Во имя подлинной демократии, прогресса и мира. «Коммунист», 1964, № 9, стр. 67.

но пресекать их деятельность, последовательно проводить в жизнь политику рабочего класса.

Противники ленинизма пытаются представить тоталитаризм как прямой результат внутренних законов развития самой революции, как неизбежный процесс ее перерождения в контрреволюцию. В недавно вышедшей книге с характерным названием «Контрреволюция. Как умирают революции» профессор Мичиганского университета Д. Майзель ссылается на изобретенный буржуазными социологами «закон удвоенного развития революции». Согласно этому мнимому закону, революция начинается с борьбы против бюрократического засилья старой власти, но заканчивается установлением еще более суровых форм тоталитаризма [1]. С этой точки зрения цель революционной борьбы недостижима, так как революция в конце концов всегда якобы оборачивается контрреволюцией и деспотизмом. Чтобы как-то подвести под эту «закономерность» и Октябрьскую революцию, критики спекулируют на тех нарушениях социалистической демократии, которые имели место в годы культа личности Сталина. Эти уродливые явления преподносятся западной пропагандой как якобы неизбежный результат диктатуры пролетариата, как проявление ее тоталитарной природы. Практика развития социалистической демократии, однако, доказала, что злоупотребления властью, связанные с культом личности, не вытекали из сущности диктатуры пролетариата и не могли существенно изменить ее демократическую природу. Освободившись от этих наносных, чуждых ее организму явлений, социалистическая демократия все более развертывает богатство своего содержания. Вся история советского общества опровергает надуманный «закон удвоенного развития революции». Пятидесятилетний исторический опыт реального социализма учит, что диктатура пролетариата, как всегда подчеркивал В. И. Ленин,— это демократия для трудящихся, что в ее недрах созревают элементы и формы коммунистического общественного самоуправления и сама она является переходной ступенью к такой организации общества, при которой все трудящиеся без исключения участвуют в общественном управлении.

В то же время развитие капиталистических стран за

---

[1] См. *James H. Meisel*, Counterrevolution. How Revolutions Die. N. Y., 1966, p. 217—218.

последние два десятилетия вновь и вновь подтверждает вывод о том, что в нашу эпоху буржуазная демократия по своей сущности представляет диктатуру монополистического капитала. Буржуазная демократия переживает глубокий кризис, полна неразрешимых для нее противоречий. С одной стороны, она нужна буржуазии для прикрытия антинародной сущности всевластия монополий. С другой стороны, при нынешнем соотношении классовых сил и могучем подъеме антимонополистического движения создается реальная возможность такого расширения и обновления демократии, которое ограничивает всевластие монополий и угрожает при дальнейшем углублении революционной борьбы рабочего класса и его союзников вообще оттеснить их от ключевых позиций контроля за экономической и общественной жизнью. Поэтому буржуазия страшится даже тех формально установленных принципов и норм демократии, которые были ею выдвинуты в прежние времена. Монополии стали врагами демократии, источником тоталитарных фашистских тенденций в современном буржуазном обществе. Нет ни одной капиталистической страны, где бы эти тенденции в той или иной форме не давали знать о себе: либо в стремлении к установлению диктаторских режимов и ограничении конституционных прав, в активизации реакционных фашистских организаций и усилении преследований демократических организаций, в усилении милитаризма и влияния военщины, либо, наконец, в агрессивной внешней политике.

Корни тоталитаризма, употребляя термин буржуазных профессоров в его прямом смысле, находятся совсем не там, где их пытаются найти. Эти корни находятся в почве капиталистического строя. И если бы буржуазные идеологи могли сбросить путы финансовой и духовной зависимости от интересов монополистического капитала, то они без труда обнаружили бы истоки тоталитаризма у себя под боком. Однако социальная задача идеологов империализма заключается в том, чтобы учеными разговорами о мнимом коммунистическом тоталитаризме отвлечь внимание от реакционных тоталитарных тенденций монополистического капитализма.

Конечно, финансовой олигархии становится все труднее действовать у себя дома и за его пределами по своему произволу. Пример и возрастающее влияние социа-

лизма, развертывание революционной борьбы рабочего класса и демократических сил в капиталистических странах сдерживают тоталитарные тенденции, присущие монополиям, а нередко вынуждают правящие круги идти на дополнительные уступки. Этот факт лишний раз подтверждает ленинское положение о том, что судьба демократии в эпоху империализма нераздельно слита с революционным движением рабочего класса, сплачивающего вокруг себя все прогрессивные силы нашего времени, с перспективой социализма. В современную эпоху нельзя быть революционным демократом, не идя к социализму.

4. «Диалектика отсталости»

Капитализм в развитых странах, рассуждают буржуазные критики, в XX веке доказал свою способность преодолеть противоречия, которые, согласно марксовой теории революции, должны были вызвать неизбежный революционный взрыв. Чтобы отстоять вывод о неизбежности пролетарской революции, Ленин якобы был вынужден обратить взоры к отсталым районам мира, где нищета и обездоленность населения могли создать революционную атмосферу. «Ленинизм утверждает, что отсталость — решающий фактор изменения, и с помощью этой теоремы восстанавливает и подкрепляет старое марксистское представление о неизбежности революции» [1]. Этими словами А. Мейер формулирует суть доктрины, которую он называет «диалектикой отсталости» и которая, следуя его уверениям, якобы вытекает из ленинской теории империализма. Ленинская теория революции, по словам критиков, стала продуктом своеобразного «парадокса марксизма». Смысл этой премудрости сформулировал Д. Сэбайн следующим образом: марксизм «преуспел там, где, согласно его собственным идеям, он должен был претерпеть неудачу, и потерпел неудачу там, где должен был бы достичь успеха» [2].

Целевая установка приведенных доводов ясна: они должны подвести к заключению, что ленинская теория социалистической революции не имеет общего значения, а отражает лишь специфические условия отсталых районов мира, где существуют кризисные ситуации, являю-

[1] *A. Meyer.* Leninism, p. 259.
[2] *George H. Sabine.* Marxism. N. Y., 1958, p. 3.

щиеся не столько результатом развития капитализма, сколько следствием его недостаточного развития и концентрации противоречий докапиталистических формаций [1].

Мысль о том, что коммунистическая революция — это революция слаборазвитых районов мира, настойчиво пропагандировалась профессором Принстонского университета Р. Такером на состоявшейся осенью 1967 г. в Западном Берлине конференции так называемых «советологов». В докладе «Пути коммунистической революции» американский профессор доказывал, что коммунистическая революция является подобным типом революции в двух смыслах. Во-первых, как правило, она происходит в обстановке слабого экономического развития. Во-вторых, после прихода к власти коммунистов она становится средством преодоления экономической отсталости, революцией «модернизации». Замысел автора доклада легко разгадать: марксистско-ленинскому тезису о закономерности социалистической революции во всех странах он противопоставляет утверждение, будто бы эта революция — лишь частный случай более общего процесса «модернизации» мира, лишь специфическая форма «модернизации» для некоторых слаборазвитых стран.

Главный софизм, на котором буржуазные идеологи строят шаткое здание пресловутой «диалектики отсталости»,— это механическое расчленение единой мировой капиталистической системы на две обособленные части — индустриально развитые и отсталые страны. Каждая из них, по мнению критиков, функционирует и развивается по своим собственным законам и нуждается в своей особой теории социального прогресса.

Великая жизненная сила ленинской теории социалистической революции заключается в том, что она в рамках единой концепции тесно увязала развитие революционных процессов как в центре капиталистического мира,

---

[1] «Ленинизм,— пишет Д. Сэбайн,— следовательно, может быть определен лучшим образом как адаптация марксизма к неиндустриализированной экономике и к обществам с преимущественно крестьянским населением; его всемирно-историческая значимость зависит от того факта, что мир полон таких обществ» ("A History of Political Theory". London, 1963, p. 806). Марксизм, пишет А. Улам, «воспроизводит социальную психологию периода перехода от прединдустриального к индустриальному обществу» (*A. B. Ulam.* The Unfinished Revolution. N. Y., 1960, p. 7—8).

так и на его периферии. Империализм втянул в сферу капиталистической системы все районы Земли независимо от уровня их экономического развития. Мировая система империализма при всей неравномерности экономического и политического развития, при всем многообразии конкретных условий отдельных стран представляла собой, как доказал Ленин, целостную систему, раздираемую внутренними противоречиями и созревшую для социалистической революции. Лишь в результате исследования законов развития империализма как мировой системы (такой подход пронизывает всю книгу «Империализм, как высшая стадия капитализма») В. И. Ленину удалось вскрыть основные черты действия закона неравномерности развития капитализма и установить закономерность образования в системе империализма узлов противоречий, которые при известных условиях становятся слабыми звеньями системы. Отсюда логически вытекал гениальный ленинский вывод о возможности победы социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой стране.

Вопреки уверениям авторов концепции «диалектики отсталости», В. И. Ленин никогда не говорил, что экономическая отсталость страны — необходимое условие для революционного прорыва цепи империализма. Он допускал только, что первой страной, где победит социалистическая революция, с наибольшей степенью вероятности будет такая страна, которая не принадлежит к числу наиболее высокоразвитых. «Мы говорим,— отмечал В. И. Ленин,— что легче начинается движение в тех странах, которые не принадлежат к числу эксплуатирующих стран, имеющих возможность легче грабить и могущих подкупить верхушки своих рабочих» [1]. Но, конечно, речь не шла о самых отсталых странах. Достаточно вспомнить о возражениях В. И. Ленина Н. Бухарину, утверждавшему, что крах капиталистической системы начнется с наиболее слабых в экономическом отношении стран. «Неверно: с *«средне*слабых»,— заметил Ленин.— Без известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло» [2].

Абсолютно беспочвен и другой тезис буржуазных «исследователей» ленинизма. Ленинская теория социалистической революции, утверждает, например, Г. Маркузе,

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 279.
[2] Ленинский сборник XI, стр. 397.

в своей ориентации на экономически отсталые страны исходила из того якобы факта, что «революционный потенциал промышленного рабочего класса, казалось, падал в развитом капиталистическом мире» [1]. Представители «социологии революции» в один голос уверяют, что после победы Октября отчетливо наметилась характерная для развитого индустриального общества тенденция к эволюционному разрешению социальных проблем и противоречий капитализма реформистским путем классового сотрудничества, а не путем классовой борьбы и социалистической революции [2].

Профессор Канберрского университета Евгений Каменка доводит эту линию до логического конца, утверждая, что в развитых странах капитализма в лице представительного правительства создан будто бы механизм для решения тех задач, которые раньше требовали революции. Поэтому там революция-де может быть только контрреволюцией [3]. Автор полностью пренебрегает как рассмотрением социально-экономической структуры современного капитализма, которая всем своим содержанием доказывает необходимость революционных социалистических преобразований, так и анализом классового содержания «представительного правительства», который обнаружил бы, что, пока не сломлено господство капитала, пронизывающее все поры «представительного правительства», не могут быть сняты и антагонизмы, порождающие социалистическую революцию.

Необходимо прежде всего напомнить, что и при жизни Ленина приводились доводы об испорченности и кон-

---

[1] *Herbert Marcuse.* Soviet Marxism, p. 30.

[2] Видный французский идеолог антикоммунизма Раймон Арон, называя реформистскую деятельность прагматической, а революционную идеологической, стремится доказать, что прогресс европейской экономики «повсюду усилил тенденцию прагматическую и ослабил тенденцию идеологическую» (*Raymond Aron.* La Lutte de classes. Paris, Gallimard, 1964, p. 14). «Заключение, которое лично я хочу вывести из этого анализа,— пишет Р. Арон,— состоит в следующем: реформистская борьба за улучшение условий существования неотделима от капиталистического общества, а борьба революционно-политическая за трансформацию общества, возможная в развитии структуры капиталистического общества, не является неизбежной» (ibid., p. 125). «Кажется,— замечает Р. Арон,— что марксизм претерпевает упадок по мере того, как жизненный уровень поднимается и экономика развивается» ("Marxism in the Modern World". Stanford, California, 1965, p. 35).

[3] См. "Revolution-Nomos VIII". N. Y., 1966, p. 133—134.

сервативности западноевропейского пролетариата. Такой аргумент, например, содержался в одном из выступлений анархиста Ге. Отвечая ему в заключительном слове на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г., В. И. Ленин назвал это мнение точкой зрения национальной дикости и тупости.

В работах В. И. Ленина показано, что в развитых капиталистических странах рабочему классу противостоит опытная и сильная буржуазия, использующая в борьбе против революции подкуп верхних слоев рабочего класса за счет колоссальных сверхприбылей. Это, безусловно, задерживало развитие революционного движения на Западе, но не могло остановить рост социальных противоречий и предотвратить назревание социалистической революции. Другое дело, что пути подхода к ней в странах развитого капитализма оказались более сложными и трудными, чем в России. «Там, в западноевропейских странах,— говорил В. И. Ленин,— начать революцию труднее, потому что против революционного пролетариата стоит высшая мысль культуры и рабочий класс находится в культурном рабстве» [1]. В. И. Ленин изучал специфические условия рабочего и коммунистического движения в странах Запада. Он призывал коммунистов этих стран к творческим поискам новых путей подвода масс к социалистической революции. Лейтмотив выступлений В. И. Ленина на III и особенно на IV конгрессах Коминтерна один и тот же: нельзя в странах развитого капитализма просто копировать русский опыт; нужно учитывать, что там, с одной стороны, нет того сочетания рабочего движения с крестьянской борьбой против феодализма, которое создало в России условия для могучего революционного подъема, но зато, с другой стороны, и пролетариат и буржуазия в этих странах хорошо организованы. Отсюда следовало, что подготовка социалистической революции и ее развертывание в этих странах будут происходить в специфических формах.

«Индустриальная революция», под которой идеологи буржуазии подразумевают переход к высокоразвитому производству, сама по себе не может разрешить противоречий капитализма. Прогресс техники доводит обобществление производства, говоря образно, до состояния

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр соч., т. 36, стр. 440.

перенасыщенного раствора. Буквально все подготовлено для общественного регулирования производства и распределения продуктов. Как выражался Ленин, социализм смотрит на нас через все окна современного капитализма. Социалистическое преобразование общества становится все более настоятельной необходимостью для развитых капиталистических стран. Что же мешает этому? Мешает господство монополий, которые узурпируют плоды научно-технического прогресса, используют огромную пропагандистскую машину для идеологической обработки масс, прибегают ко все более «хитрым» способам удержания своего господства. С этой целью монополии вынуждены прибегать к таким методам государственно-монополистического регулирования экономики, которые, с одной стороны, усиливают их власть, а с другой — наглядно раскрывают коренную противоположность интересов горстки монополистов интересам всего общества, всего народа. В сложившейся обстановке путь к социалистическому преобразованию системы общественных отношений в развитых странах капитализма пролегает через объединение всех антимонополистических сил, через создание единого антимонополистического фронта. Контуры этого пути намечены В. И. Лениным, а затем развиты VII конгрессом Коминтерна.

В наше время вопросы борьбы за консолидацию всех демократических сил и за осуществление глубоких демократических преобразований приобрели исключительное значение для понимания форм подхода и перехода к социализму в развитых капиталистических странах. В итоговом Документе московского (1969 г.) Совещания коммунистических и рабочих партий по этому поводу говорится: «В ходе единых антимонополистических и антиимпериалистических действий создаются благоприятные предпосылки для объединения всех демократических течений в политический союз, способный решающим образом ограничить роль монополий в экономике страны, положить конец власти крупного капитала и осуществить также коренные политические и экономические преобразования, которые обеспечат наиболее благоприятные условия для продолжения борьбы за социализм» [1].

---

[1] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г.». М., 1969, стр 310.

Тезис о том, будто бы социалистическая революция обязательно возникает как результат крайней степени обнищания и экономического упадка общества и обязательно в форме единовременного акта захвата власти с последующей длительной вооруженной борьбой,— это карикатура на марксистско-ленинское учение [1]. В. И. Ленин учил, что социалистическая революция вырастает из противоречий капитализма, которые проявляются в разных формах и не всегда связаны с деградацией экономики, с катастрофическим положением масс. Точно так же и формы перехода от капитализма к социализму отличаются многообразием и зависят от уровня экономического развития страны, от соотношения сил в мире, от степени сознательности и организованности рабочего класса, от широты и прочности его союза с другими слоями трудящихся, от сопротивления буржуазии натиску революционных сил и от многих иных обстоятельств.

Когда речь заходит о странах развитого капитализма, встает вопрос не о том, быть или не быть там социалистической революции, а о специфических формах перехода этих стран к социализму, зависящих от особенностей экономической и социальной структуры. Над решением этих поставленных жизнью вопросов и работает современная марксистская мысль, опираясь на идейное богатство марксистско-ленинского наследия.

5. Мировая революция: Восток и Запад

«Век мировой революции» — такое определение двадцатого столетия все чаще можно встретить в издаваемых на Западе книгах и журналах. Большинство буржуазных идеологов сходится на том, что главное содержание этой революции — индустриализация, переход к высокоразвитому «индустриальному обществу». Понятно, что они тщательно маскируют социальное содержание происходящих в мире революционных перемен. «Индустриальная революция», согласно буржуазным концепциям, затрагивает прежде всего страны Востока, так как они долгое

[1] Профессор Принстонского университета Л. Стоун, например, бездоказательно уверяет, что согласно марксизму «народная революция — это продукт растущей нищеты» ("World Politics", vol. XVIII, No. 2, January 1966, p. 169).

время находились в стороне от общего потока промышленного прогресса, прозябали в нищете и отсталости. Теперь же непрерывно расширяющиеся масштабы «индустриальной революции», развитие средств сообщения и информации открыли глаза народам Востока и пробудили новые ожидания. Но поскольку страны Востока находятся на низком уровне экономического развития, постольку они не могут «обычным» путем избавиться от своей отсталости. Это толкает их на революцию, которая принимает антизападную направленность, так как Запад в глазах народов Востока — предмет зависти и символ колониализма, задержавшего их развитие. Конфликт промышленного Запада и отсталого Востока выдвигается на авансцену современной истории. Таково в сжатом изложении объяснение буржуазными идеологами сущности революционных перемен в мире.

С позиции географической концепции восточно-западного конфликта буржуазные критики оценивают и ленинские взгляды на перспективы мировой социалистической революции. «...Упадок европейской социал-демократии после мировой войны,— пишет профессор философии Калифорнийского университета Льюис Фойер,— вызвал буквально переворот в душе Ленина. Ленин отвернулся от упаднического европейского мира, ища спасение на Востоке» [1]. С этого времени ленинская теория революции якобы утратила свое классовое содержание и превратилась в теорию борьбы отсталых наций против западного мира.

Все эти рассуждения о перенесении Лениным эпицентра мировой социалистической революции на Восток основаны на том же механическом расчленении единого мирового революционного процесса на части и нарочитом раздувании его отдельных сторон. В ленинском же учении глубоко раскрыта органическая взаимосвязь всех составных частей единого революционного процесса, точно установлены их пропорции и характер взаимодействия. В этом сложном и многоплановом процессе, как отмечено в Программе КПСС, переплетаются социалистические и национально-освободительные революции, народные демократические революции и крестьянские движения, борьба народных масс против тиранических режимов и общедемократическое движение против националь-

[1] "Problems of Communism", March-April, 1964, p. 49.

ного гнета. В. И. Ленин предупреждал о необходимости в зигзагах и изломах истории видеть общую перспективу, главное содержание и главное направление развития — переход от капитализма к социализму. При всей оригинальности и своеобразии революционного движения в тех или иных районах мира нельзя забывать, что в центре современной эпохи и, следовательно, в центре мирового революционного процесса стоит международный рабочий класс. Именно этот вывод лежит в основе всей ленинской концепции мировой социалистической революции.

С момента прорыва империалистической цепи страна, первой вставшая на путь перехода к социализму, естественно, становится оплотом и центром всего мирового освободительного движения. Своим примером она революционизирует мир, указывает перспективу рабочему классу и революционным силам других стран, на нее ложится основная тяжесть борьбы против империализма, она становится олицетворением самых передовых рубежей, достигнутых международным рабочим классом в борьбе за социализм. Отмечая указанную закономерность, В. И. Ленин писал, что после Октября 1917 г. Советская Российская республика «группирует вокруг себя неминуемо, с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны, все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей...» [1]. Таким образом, со времени возникновения реального социализма вопрос о центре мировой революции встает уже по-новому: он перестает перемещаться из одних стран в другие, а начинает расширяться, охватывая одну за другой те страны, которые порывают с капиталистической системой.

Взгляды Ленина на роль Востока, на роль национально-освободительного движения в мировом революционном процессе можно правильно понять только в общем контексте вышеприведенных идей о развитии мировой социалистической революции. Между тем вся цепь аргументации буржуазных критиков ленинизма построена на отрыве ленинских высказываний о национально-освободительном движении от его представлений о главном содержании мирового революционного процесса, о международном пролетариате как главной его движущей силе.

В. И. Ленин едко высмеивал доктринеров от науки,

[1] *В. И. Ленин.* Полн собр. соч., т. 41, стр. 163.

мечтавших о «чистой» социалистической революции. Он пророчески предсказывал, что в грядущих сражениях мировой революции национально-освободительное движение сыграет выдающуюся роль. Колониальная окраина капиталистического мира представляла собой ахиллесову пяту империализма. Нанося удары по тылам империалистической системы, национально-освободительное движение выступало как естественный союзник международного пролетариата. В их единстве Ленин видел гарантию успеха мировой социалистической революции. Глубинную основу единства освободительной борьбы народов колоний и полуколоний с классовой борьбой международного пролетариата Ленин видел в антикапиталистической направленности национально-освободительного движения. Он прямо говорил, что это движение, «первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма...» [1].

Буржуазные идеологи усиленно распространяют «теорию» о мнимом внутреннем единстве интересов капиталистического запада и национально-освободительного движения. Цель этих идеологических махинаций — подчинить национально-освободительные революции интересам империализма, направить их в русло капиталистического развития и новых форм колониальной зависимости. Именно к этому призывают своих государственных лидеров идеологи неокапитализма. Авторы нашумевшей как образец воинствующего антикоммунизма книги «Затяжной конфликт» прямо раскрывают смысл этого реакционного фарса. В наш век, заявляют они, стратегия «должна быть с необходимостью революционной стратегией, то есть стратегией, которая приводит в движение революционные силы в политике, экономике, культуре, науке и технологии для того, чтобы использовать их и не дать эксплуатировать их врагу... Мы находимся в потоке мировой революции; мы втянуты в смертельный конфликт с коммунистической системой из-за господства над этой революцией» [2].

Однако все усилия разработать некий идеальный план проимпериалистической «национально-освободительной революции» под руководством империалистиче-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 38.

[2] *Robert Strausz-Hupé, William R. Kintner, James E. Dougherty, Alvin J. Cottrell.* Protracted Conflict. N. Y., 1959, p. 10, 149.

ских держав тщетны. Жизнь идет мимо этих фарисейских планов, она доказывает правоту ленинского вывода о враждебности империализма национально-освободительному движению. Не случайно лицемерные советы буржуазных профессоров о поддержке империалистическими державами освободительной борьбы народов бывших колоний остаются пустыми словами. Даже эти проимпериалистические планы «поддержки» революций для борьбы с ними, планы удушения революций в объятиях, неприемлемы для правящих кругов империалистических государств. Объективная логика истории неизменно ставит империализм и национально-освободительное движение на противоположные полюса. В какой бы части мира ни произошла революция, американский империализм спешит на помощь реакционным силам, прибегая к прямому экспорту контрреволюции. «Когда в Гватемале появились признаки революции,— вынужден признать У. Дуглас,— мы помогли установить фашистский режим. Когда в Иране Моссадык начал проводить важные реформы, мы встревожились» [1]. К этому можно было бы добавить длинный перечень тайных и открытых интервенций американского империализма в дела других народов, включая неприкрытую агрессию против народа Вьетнама.

Монополистический капитал США давно растоптал революционно-демократические традиции и принял на себя кровавые функции всемирного жандарма, вдохновителя и организатора «Священного союза» империалистической реакции. О каком единстве интересов капиталистического Запада и народов, борющихся за национальное и социальное освобождение, может идти сегодня речь? Народы борются за совершенно другие идеалы, чем те, которые проповедуют «идейные спасители» современного капитализма. И дело тут не в географической или расовой противоположности Востока и Запада, а в том, что капитализм исторически обречен, он не способен решить насущные задачи, стоящие перед освободившимися странами. Естественно, что прогрессивные силы этих стран ведут борьбу за иной — некапиталистический путь развития, отвечающий коренным потребностям социального прогресса бывших колоний и полуколоний. Вот по-

[1] *У. Дуглас.* США и ветер революции.— «За рубежом», 1961, № 38, стр 10.

чему ленинские идеи в этих странах получают все более широкое признание. Империалистическая реакция не в силах остановить национально-освободительное движение, развертывающееся в общем потоке мировой социалистической революции.

6. Революция, война, мирное сосуществование

Противники ленинского учения нередко следуют правилу: чтобы бросить тень на какую-либо идею, надо противопоставить ее другой популярной идее. По этому правилу социалистическая революция противопоставляется миру. «По-видимому, Ленин думал,— пишет профессор политических наук Эдвард Бэрнс,—что капитализм никогда не был бы разрушен или даже серьезно ослаблен внутренне присущими ему факторами. Вместо этого падение капитализма могло случиться в первую очередь как результат деморализующего воздействия войны, которую рабочие затем должны использовать для нанесения решающего удара» [1].

Казалось бы, опыт двух мировых войн свидетельствует в пользу буржуазных критиков: во время первой мировой войны победила Октябрьская революция, в итоге второй мировой войны произошел фронтальный прорыв империалистической системы в целом ряде европейских и азиатских стран. Отрицать связь между войной и революцией было бы неправомерно. Но эта связь выражается в том, что мировые войны в еще большей степени обострили социальные противоречия капитализма и этим ускорили назревание революции. В этом смысле первую мировую войну В. И. Ленин и расценивал как своего рода катализатор революционного процесса. Но противоречия, обусловливающие социалистическую революцию, существуют и обостряются и в обстановке мира. Поэтому революция не обязательно должна быть связана с войной. Когда произошла социалистическая революция на Кубе, Куба не находилась в состоянии войны ни с одним

[1] *Edward Mc Nall Burns.* Ideas in Conflict. N. Y., 1960, p. 159. В том же духе высказался на последнем конгрессе «советологов» Р. Такер. Он заявил, что без двух мировых войн текущего столетия вряд ли где-либо коммунистическое движение могло бы прийти к власти.

государством. Революционный процесс в этой стране развернулся исключительно на основе внутренних противоречий.

Ленинская теория не только не связывает возникновение революции обязательно с войной, но, более того, устанавливает иного рода закономерную связь: социалистическая революция открывает путь к миру между народами, так как она уничтожает антагонизмы, порождающие войны, отстраняет от власти классы, заинтересованные в войнах, и создает общественный строй, из природы которого вытекает стремление к миру. Именно в горниле мирового революционного процесса сформировались те силы, которые своей борьбой в современных условиях могут предотвратить возникновение мировой термоядерной войны.

Буржуазные критики пытаются обнаружить связь войны и революции также по другой линии: они уверяют, будто из ленинского учения вытекает «экспорт революции», распространение социализма войной. «Ленин также пришел к мнению,— измышляет Л. Фойер,— что ...война между народами явится средством перехода от капитализма и феодализма к международным Советам» [1]. Подобные измышления — это грубая фальсификация ленинских взглядов. Всем, кто добросовестно знакомился с трудами Ленина, известно, что необходимость социалистической революции в той или иной стране в противоположность троцкистской теории перманентной революции он выводил из анализа внутренних условий. Пока эти условия не созрели, революция невозможна. «...Революция не заказывается,— отмечал В. И. Ленин,— революция является, как следствие взрыва негодования народных масс» [2]. В идейной борьбе с «левыми коммунистами», выступавшими против заключения Брестского мира и предлагавшими войной распространить революцию на Запад, В. И. Ленин сурово осудил теорию «подталкивания» революции как антимарксистскую.

[1] «Problems of Communism». March—April, 1964, p. 49. «Хотя коммунисты,— пишет Страус-Хюпе,— пока они не уверены в своем военном превосходстве, будут полагаться главным образом на политико-психологическую стратегию, они в конечном счете имеют целью навязывание своей воли военными средствами — предпочтительно только угрозой их использования, но если бы Запад отверг капитуляцию, то использованием их в столкновении» («Soviet Strategy, 1962—1970». N. Y.—London, 1963, p. 13).

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 117.

Абсурдность домыслов об «экспорте революции» настолько очевидна, что многие буржуазные «специалисты» по ленинизму стыдятся затрагивать эту тему, предоставив это неблаговидное занятие наиболее воинствующим, готовым на все идеологам антикоммунизма. И те усердно выполняют социальный заказ империализма, которому легенды об «экспорте революции», о «коммунистическом проникновении» нужны для прикрытия и оправдания экспорта контрреволюции.

К числу распространяемых буржуазной пропагандой модных доводов против ленинской теории социалистической революции относится ее противопоставление принципу мирного сосуществования государств с различным общественным строем, впервые выдвинутому Лениным. С точки зрения буржуазных идеологов, эти понятия несовместимы. Уверения русских в том, что политика мирного сосуществования вытекает логически из высказываний Ленина, пишет Р. Даниэлс, преследует цель «сохранить святость доктрины, лишив ее первоначального значения» [1].

Для правильной оценки ленинских положений о взаимоотношениях между двумя общественными системами на международной арене необходим конкретно-исторический подход. Нарушение этого требования и лежит в основе того противопоставления ленинизма современности, к которому прибегают буржуазные критики. В. И. Ленин исходил из реального соотношения мировых сил, сложившегося после победы Октябрьской революции. На международной арене по-прежнему доминировали империалистические державы. В этих условиях принципы мирного сосуществования, выдвинутые социалистическим государством, еще не могли стать основой международных отношений. Правящие круги Запада не хотели признавать этих принципов. Они сразу же организовали вооруженную интервенцию против молодой Советской республики. Получив отпор, мировая буржуазия не отказалась от планов военного подавления социализма и усиленно готовилась к этому.

В этой связи В. И. Ленин предупреждал о возможности второго тура войн, о неизбежности самых ужасных столкновений с империализмом. Противопоставлять эти высказывания идее мирного сосуществования, как посту-

[1] *Robert V. Daniels.* The Nature of Communism, p. 372.

пают некоторые из критиков, в высшей степени нелепо, как вообще нелепо противопоставлять теоретический принцип конкретным условиям его осуществления. Высказывания В. И. Ленина о неизбежности военных столкновений с империалистическими государствами — это не отрицание принципов мирного сосуществования, а трезвый учет реальной обстановки, мешавшей в то время полной реализации этих выдвигаемых социализмом принципов.

В современных условиях, при новом соотношении сил на международной арене проблема мирного сосуществования, естественно, ставится по-иному. Утеря империализмом доминирующей роли в международных делах и, наоборот, превращение социализма в решающий фактор истории (наряду с коренными изменениями в средствах ведения и характере современной войны) позволяют навязать мирное сосуществование империалистическим державам, на практике широко претворить в жизнь его принципы. В этом направлении ленинские идеи мирного сосуществования и получили творческое развитие в теоретических и программных документах международного коммунистического движения, КПСС и других братских партий.

Встречаются и другого рода нападки на концепцию мирного сосуществования — нападки «слева». Так, в изданной недавно книге И. Дейчера «Неоконченная революция» утверждается, что политика мирного сосуществования после войны якобы помешала развитию социалистической революции в Европе, установив «перемирие в классовой борьбе» [1]. Аналогичные суждения о несовместимости мирного сосуществования с перспективой социалистической революции выдвигаются китайскими теоретиками. В действительности принципы мирного сосуществования, обогащенные теоретической мыслью современного коммунистического движения, нисколько не противоречат ленинской теории социалистической революции, напротив, они являются ее прямым следствием. Вывод о закономерности победы социализма первоначально в немногих или даже в одной стране с неизбежностью ставил вопрос об историческом периоде сосуществования государств двух общественных систем на мировой арене. Могло ли сосуществование быть мирным,

[1] *I. Deutscher*. The Unfinished Revolution London, 1967, p. 74.

или оно должно было вылиться в непрерывный военный конфликт? Вопреки утверждениям буржуазных критиков, В. И. Ленин всесторонне доказал, что интересам международного рабочего класса, интересам социалистической революции отвечало мирное сосуществование. Оно не могло задержать развитие революционного движения в капиталистических странах, так как охватывало отношения между государствами на международной арене, но не отношения классов и социальных групп в отдельных странах. Вместе с тем мирное сосуществование открывало широкое поле революционизирующего воздействия Советского государства на весь ход мирового революционного процесса. Политика мира, говорил Ленин, дает «увеличение во сто крат пропагандистской силы нашей революции» [1]. Вот почему, учил Ленин, в интересах рабочего класса, в интересах социализма сохранить мирное сосуществование на весь период, пока в мире имеются две системы собственности.

Мирное сосуществование не означает прекращения классовой борьбы и на международной арене. Речь идет об исключении войны из числа средств межгосударственных отношений. Центр тяжести борьбы двух общественных систем в условиях мирного сосуществования переносится в сферу экономического соревнования и идеологии. В этом смысле В. И. Ленин говорил, что главное свое воздействие на мировую революцию социалистическое государство оказывает своей хозяйственной политикой.

Вопрос о мирном сосуществовании, таким образом,— это не вопрос о том, быть или не быть на международной арене классовой борьбе. Последняя неизбежна и неустранима, пока существуют противоположные общественно-экономические системы. Вопрос о мирном сосуществовании — это вопрос о невоенных формах межгосударственной классовой борьбы. Пытаясь уличить марксистов в противоречии, современные критики сами запутались в метафизической дилемме: борьба или сосуществование. Либо борьба, либо сосуществование — так ставят они вопрос о взаимоотношениях двух общественных систем. В соответствии с этим разграничением одна группа буржуазных идеологов, по существу, отвергает мирное сосуществование государств с различным общественным строем, выступая с откровенной апологией «холодной

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 191.

войны», а другая толкует мирное сосуществование как сближение («конвергенцию») систем капитализма и социализма с перспективой их слияния или синтеза.

Теория «конвергенции» занимает сейчас одно из центральных мест в системе буржуазных политических теорий. Буржуазные идеологи пытаются противопоставить ее ленинской теории мирового революционного процесса. Теория «конвергенции» двух общественных систем логически следует из концепции «индустриальной революции». В самом деле, если смысл происходящих в мире революционных преобразований состоит в переходе к «индустриальному обществу», то по мере решения этой задачи страны, осуществившие революцию, будут сближаться с развитыми капиталистическими странами.

Излагая свое понимание «конвергенции», французский социолог Морис Дюверже пишет: «СССР и страны народной демократии никогда не станут капиталистическими, США и Западная Европа никогда не станут коммунистическими, но и те и другие, кажется, идут к социализму двояким путем: либерализацией на Востоке, социализацией на Западе. Что это двоякое движение встречается с огромными препятствиями, что оно будет очень продолжительным, что оно допускает много отступлений назад,— все это вероятно. Но это движение кажется непреодолимым» [1]. Если под словом «либерализация» имеется в виду все более полное развитие социалистической демократии, то такой процесс действительно происходит в странах социализма. Под словом «социализация» французский социолог, по всей видимости, имеет в виду новейшие формы государственно-монополистического капитализма на Западе. Такой процесс, несомненно, там происходит. В известном смысле оба эти процесса действительно подготавливают условия для разрешения противоречий между социализмом и капитализмом. Расцвет демократии в социалистических странах повышает авторитет социализма, привлекает к нему новых и новых сторонников в капиталистических странах. Рост государственного монополистического капитализма все в большей мере подготавливает в этих странах материальные предпосылки для перехода к социализму. Однако «конвергенции» систем не происходит, ибо отношения собственнос-

[1] *Maurice Duverger*. Introduction à la politique. Paris, Gallimard, 1964, p. 367.

ти — главная экономическая основа всякой общественной системы — по-прежнему в двух системах противоположны. Для того чтобы преодолеть эту противоположность, необходимы глубокие революционные преобразования отношений собственности в капиталистических странах. Эти преобразования могут произойти в различных формах, но они неизбежны, так как все в большей степени становятся насущной потребностью экономического и социально-политического развития капиталистических стран.

Социалистическая революция в странах капитализма откроет путь к объединению всего человечества в рамках одной общественной системы, которая не может быть ничем иным, как социализмом. Конечно, в результате перехода к социализму новых народов и в результате социального прогресса в тех странах, где победа была одержана раньше, значительно изменится сам облик социалистического общества, гораздо полнее и ярче раскроются его замечательные черты, богатство его отношений. Это будет не «синтез» капитализма-социализма, а система социальных отношений, построенная на общественной собственности и общественном контроле средств производства. Это будет социализм — первая фаза коммунистического общества.

* *
*

Лейтмотивом всей современной буржуазной критики ленинизма является то, что якобы ленинское учение устарело, оно-де не отвечает явлениям и процессам нынешней действительности. Творчески развив марксизм, В. И. Ленин, естественно, не мог предвидеть всех конкретных форм, явлений и процессов мирового революционного движения, обнаружившихся в наше время. Он сам неоднократно предупреждал, что жизнь богаче, «хитрее» любой теории. Однако В. И. Ленин раскрыл главные закономерности и тенденции мировой социалистической революции, наиболее существенные черты и особенности современной эпохи. В этом состоит непреходящее значение ленинского идейного наследия по вопросам теории социалистической революции для современности. Новые явления и процессы в революционном движении сегодняшнего дня лежат не за пределами ленинизма. Их сущность и роль могут быть правильно поняты лишь с точки

зрения основных закономерностей социалистической революции, раскрытых ленинской теорией. Ленинизм неотделим от современной эпохи как ее разум, как ее сознание.

Марксистско-ленинская теория социалистической революции — творческое, развивающееся учение. Обобщая практику революционных боев первой четверти XX века, В. И. Ленин не канонизировал взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса, а творчески применял к новым условиям и обогащал на этой основе принципы теории социалистической революции. Только на этом пути В. И. Ленин смог доказать великую жизненную силу и историческую правоту марксизма. Обобщая практику наших дней, марксистско-ленинские партии не канонизируют взгляды Ленина. Они творчески применяют принципы его учения о социалистической революции к современности и на этой основе развивают это учение. Только на таком пути можно доказать великую жизненную силу и историческую правоту ленинизма как творческого марксизма современной эпохи. И только на этом пути можно в полной мере вскрыть всю несостоятельность буржуазных критиков ленинизма.

А. Ф. Костин

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ РСДРП В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ БУРЖУАЗНЫХ ФАЛЬСИФИКАТОРОВ

Проблемы истории КПСС начального периода — периода создания первой пролетарской партии нового типа — глубоко интересуют самые широкие круги советского народа и прогрессивной общественности за рубежом. И это понятно, ибо богатый исторический опыт, воплотивший в себе истоки нашего коммунистического движения, имеет громадное теоретическое и политическое значение.

Советские ученые немало сделали для того, чтобы дать наиболее полное и достоверное представление о процессе формирования КПСС. Проблематике этого периода посвящена большая историко-партийная литература. За последние годы значительно повысился ее идейно-теоретический уровень.

Важным итогом исследования историко-партийных проблем начального периода явилось создание первого тома многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза». В этой книге и в работах других советских исследователей получили обстоятельное освещение все основные вопросы и аспекты исторического процесса формирования партии, борьбы В. И. Ленина и его соратников за утверждение ее подлинно революционных, марксистских принципов. О научном уровне этого освещения в связи с выходом первого тома «Истории КПСС» говорилось довольно подробно. К сказанному следует лишь добавить, что советские историки не успокоились на достигнутом, они выявляют новые факты и документы, относящиеся к истории КПСС начального периода, создают новые труды, обогащающие историко-партийную науку.

В свете бесспорных успехов советской историографии особенно жалкими выглядят потуги буржуазных фальсификаторов осуществить свою «разработку» истории создания РСДРП. Такая «разработка», как мы увидим, не имеет ничего общего с наукой. Извращение подлинных

истоков нашей партии, их фальшивое толкование,— таков характер «исследований» тех представителей зарубежной буржуазной историографии, которые занимаются изучением истории КПСС начального периода. К ним следует отнести прежде всего Д. Гейера (ФРГ), Р. Пайпса (США), Л. Шапиро и Дж. Флетчера (Англия) [1].

Подробное рассмотрение всех перипетий истории образования РСДРП в изложении буржуазных фальсификаторов заняло бы слишком много места. Остановимся поэтому только на узловых вопросах темы, характеризующих уровень «научных» трудов перечисленных авторов.

* *
*

Начнем с вопросов периодизации исторического процесса возникновения РСДРП. По мнению Гейера, начальным пунктом этой периодизации служат «голодные бунты» 1891—1892 гг. «Попытка эмигранта Плеханова,— пишет он,— представить теоретическое и политическое обоснование русского марксизма в 80-е годы дала ограниченные результаты. Первые кружки в самой России, прибегшие к социал-демократической аргументации, оставались верными взглядам русского «народного социализма»» [2].

Такого же взгляда на первые социал-демократические организации в России придерживаются Пайпс и Шапиро. Появление и распространение «настоящего» русского марксизма они связывают только со Струве и «экономистами». Вместе с Гейером Пайпс и Шапиро грубо искажают историю социал-демократического движения 80-х и 90-х годов прошлого века.

Особенно показательна в этом отношении позиция Пайпса, нарочито избравшего для своей монографии хронологические рамки с 1885 по 1897 г. В результате из его исследования выпадают такие узловые события, как образование плехановской группы «Освобождение труда» и начало ленинского этапа в развитии марксизма. Очевид-

---

[1] См. *Dietrich Geyer*. Lenin in der russischen Sozialdemokratie. Köln, 1962; *Richard Pipes*. Social Democracy and the St. Petersburg. Labor Movement, 1885—1897. Cambridge, Massachusetts, 1967; *Leonard Schapiro*. The Communist Party of the Soviet Union. N. Y., 1960; *George Fletcher*. The New Party History.— "Survey", Lnd, October 1965, p. 162—172.

[2] *D. Geyer*. Op. cit., S. XI.

ные пороки своей периодизации Пайпс объясняет отсутствием «места и времени» для исследования более широкого исторического периода [1]. Но кому не ясно, что американский историк пытается игнорировать очевидные факты, прежде всего влияние революционной деятельности Г. В. Плеханова и В. И. Ленина на развитие рабочего и социал-демократического движения в России.

В основе «периодизации» истории русской социал-демократии, установленной Гейером, Пайпсом и Шапиро, лежит принижение деятельности пионеров марксизма в России, их отождествление с народниками. Отсюда вместо серьезной научной аргументации они охотно прибегают к разного рода субъективным домыслам, идут на прямое извращение истории КПСС начального периода. Конечно, никто из этих историков даже не пытается обосновать свою «периодизацию» сколько-нибудь убедительными доводами. Ведь таких доводов нет в природе. Факты свидетельствуют о том, что в 1883—1893 гг. русская социал-демократия уже зарождалась и делала свои первые шаги. Это десятилетие было, по определению В. И. Ленина, периодом «возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии... Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития» [2]. Пропаганда идей марксизма велась тогда еще вне связи с практикой революционной борьбы пролетариата, ограничивалась преимущественно сферой узких социал-демократических кружков и групп, действовавших в глубоком подполье. Но именно от них, от этих кружков и групп ведет свое летосчисление Российская социал-демократическая рабочая партия.

Как известно, научная периодизация истории создания марксистской рабочей партии в России была разработана В. И. Лениным. В его трудах мы находим всестороннее обоснование не только общих хронологических рамок двадцатилетней истории образования РСДРП, но ее внутреннего разделения на более узкие периоды. Именно исходя из точного смысла ленинской периодизации, авторы 1 тома «Истории КПСС» разделяют всю историю борьбы за создание партии на следующие периоды: «утробное» развитие русской социал-демократии (1883—

---

[1] *R. Pipes.* Op. cit., p. X—XI.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 180.

1893 гг.); образование РСДРП (1894—1898 гг.); период «разброда и шатаний» в РСДРП (1898—1900 гг.); деятельность старой «Искры» (1900—1903 гг.); раскол в РСДРП и сплочение партийных организаций на позициях большевизма (1903—1904 гг.) [1].

От такой периодизации, как мы видим, далеки хронологические построения Гейера, Пайпса и Шапиро. Задавшись целью принизить роль Г. В. Плеханова и В. И. Ленина в создании РСДРП, они подчинили этой цели и свою «периодизационную концепцию», отбросив в сторону всякий учет действительных фактов истории.

* *
*

Важное место в истории КПСС начального периода занимает проблема соединения научного социализма с рабочим движением. Основные аспекты этой сложной темы уже давно разработаны в трудах советских историков, чьи выводы опираются на большой фактический материал и теоретические положения марксизма-ленинизма. Тем не менее буржуазные «эксперты» по русской истории вновь и вновь пытаются «пересмотреть дело» и внести «свою лепту» в науку. Пальму первенства в этом незавидном предприятии следует отдать Пайпсу, написавшему специальное «исследование» об отношении социал-демократии к петербургскому рабочему движению в 80-е и 90-е годы прошлого века. Это ему, Пайпсу, принадлежит «заслуга» открытия таких перлов в русской революционной истории, как «элита» и «серые» в рабочем движении, взаимный «антагонизм» передовых рабочих с социал-демократами и т. п. Согласно его версии, промышленные рабочие России выделили из своей среды «независимую группу лидеров» (Worker elite), которые боролись не за интересы своего класса, а за то, чтобы «получить образование» и «ворваться в общество». Пайпс утверждает: «Как только рабочий приобретал зачатки общего или технического образования, он стремился отделиться от своих неквалифицированных, необразованных коллег (или «серых», как их называли в то время)». Представителей «элиты», т. е. передовых русских рабо-

[1] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. I. М., 1964, стр. L.

чих, Пайпс упрекает далее в том, что они якобы «стояли в стороне от вспышек «серых», от их бунтов» [1].

Нетрудно понять, что эти утверждения американского фальсификатора истории носят чисто умозрительный характер. Попросту говоря, Пайпс слышал звон, да не знает, откуда исходит он. В последней четверти XIX века процесс выделения так называемой рабочей аристократии из остальной массы пролетариата действительно имел место на Западе, в частности в таких странах, как Англия, США, Франция и др. Однако рабочее движение России развивалось не по западному образцу. Слабый и «бедный», по сравнению с западным, русский капитализм не имел возможности осуществлять широкий подкуп верхушки рабочего класса, зато в борьбе с революционным пролетариатом он опирался на другой «защитный вал»—царское самодержавие. Следовательно, в конкретной исторической и социально-экономической обстановке, которая сложилась тогда в России, передовой слой пролетариата не мог выделиться из остальной массы рабочих и противостоять ей. Но помимо объективных условий существовали и субъективные. Речь идет о неуклонно нараставшем с середины 90-х годов революционном подъеме масс, руководимых складывавшейся в подполье боевой пролетарской партией.

Нет, меркой Пайпса не измерить рабочего движения в России. Вопреки его домыслам, передовой слой российского пролетариата никогда не противостоял остальной рабочей массе. Напротив, вся история рабочего движения в России во второй половине XIX века — от Халтурина и Моисеенко до Бабушкина и Шелгунова — говорит о стремлении передовых рабочих сблизиться с массой пролетариата, поднять ее на революционную борьбу.

Нельзя принять всерьез и рассуждения Пайпса об «антагонизме», якобы существовавшем между рабочими и социал-демократической интеллигенцией. «Интеллигенты,— вещает Пайпс,— подходили к образованию, как к средству внесения идей социализма в рабочую среду. Оно было первым шагом, бросившим рабочих на путь мятежей, антиправительственной деятельности, для них оно представляло по сути политическое средство. Эту позицию рабочие ощущали и ей не доверяли» [2].

---

[1] *R. Pipes.* Op. cit., p. 6.
[2] Ibid., p. 10.

Чем же аргументирует Пайпс свой более чем странный тезис? Поскольку таких аргументов не существует, он прибегает к искажению истории и исторических источников. Например, то место из воспоминаний В. А. Шелгунова, где критикуются недостатки народнической пропаганды среди рабочих, Пайпс приписывает социал-демократам, а несовершенства структурного построения группы М. И. Бруснева (наличие в ней рабочего и интеллигентского центров) выдает за доказательство правильности своей позиции. Этим, собственно, и исчерпывается весь арсенал его аргументации.

Между тем рабочее движение в России конца прошлого века характеризовалось прежде всего стремлением сблизиться с социал-демократией, с теорией научного социализма. Передовые рабочие Петербурга И. В. Бабушкин, В. А. Шелгунов, В. А. Князев, П. С. Грибакин, Ф. И. Бобров и многие другие, которых Пайпс пытается уличить в «равнодушии к политике», активно посещают марксистские кружки и сами выступают в роли пропагандистов и агитаторов. Крутой подъем политической активности рабочих позволил русским социал-демократам начать переход от узкой, кружковой пропаганды к массовой агитации на фабриках и заводах, в гуще пролетариата. В процессе такого перехода социал-демократия переставала быть только идейным течением, она сближалась с массами рабочего класса, становилась их руководящей силой. «...Стачки 1895—1896 годов,— писал В. И. Ленин,— создали *массовое* рабочее движение, связанное идейно и организационно с социал-демократией» [1].

Разумеется, ни один историк, занимающийся исследованием рабочего и социал-демократического движения 90-х годов в России, не может отрицать связи этого движения с революционной деятельностью В. И. Ленина. За исключением Шапиро, лицемерно провозгласившего себя «поборником фактов» и тут же «забывшего» о них, буржуазные исследователи, как правило, не проходят мимо фактической истории 90-х годов, не упоминая в той или иной связи имя Ленина. Однако их обращение к фактам, как это мы видели на примере Пайпса, отнюдь не связано с выявлением истины, а служит для подтверждения их предвзятых измышлений. Особенно наглядно эта тенденция проявилась в объемистой книге Гейера, где

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 201.

богатый набор фактического материала используется для фальсификации подлинной роли В. И. Ленина в русской социал-демократии и принижения результатов его деятельности по соединению научного социализма с рабочим движением и образованию партии. В книге сделана попытка выяснить причины, обусловившие вступление Владимира Ульянова на путь марксизма. Среди этих причин Гейер мельком упоминает об изучении Владимиром Ильичем «Капитала» К. Маркса и работ Г. В. Плеханова. Однако тут же он истолковывает в самом извращенном свете факт приобщения молодого Ленина к теории марксизма. «Метод марксовой теории,— пишет Гейер,— давал возможность ему ясно видеть антагонизм общественных сил, отталкиваясь от которого социально-революционная партия могла действовать *вне зависимости* (?) от того, на какой ступени прогресса находилась Россия» [1].

Другое дело — Петр Струве. Последний, по словам Гейера, «пришел к Марксу через либерализм отцов, постоянно обращаясь к духовному миру Запада, живо ощущая всю отсталость России» [2]. Всячески одобряя либерально-буржуазный образ мыслей и поступков лидера «легального марксизма», Гейер приписывает Струве ведущую роль в разгроме народничества и отводит ему едва ли не главное место в русском социал-демократическом движении 90-х годов.

Однако все старания Гейера «поднять престиж» Струве в истории русской социал-демократии обречены на провал. Всему миру известно, что не Струве и его сторонники стояли у истоков социал-демократического движения в России. Оно было представлено совершенно иными силами. Деятельность Г. В. Плеханова, Д. Н. Благоева, П. В. Точисского, Н. Е. Федосеева, М. И. Бруснева и многих других пионеров русской социал-демократии получила в исторической литературе широкое освещение. Несомненно, она хорошо известна и Гейеру, позиция которого объясняется отнюдь не слабым знанием истории. Движимый буржуазными классовыми мотивами, он всячески затушевывает принципиальные различия между «легальными марксистами» и революционными социал-

---

[1] *D. Geyer.* Op. cit., S. 45. Подчеркнуто нами.— *А. К.*
[2] Ibid.

демократами, игнорирует существование подпольных марксистских организаций.

Д. Гейер пытается далее «доказать», что Струве с его «легальным марксизмом» представлял собой вполне закономерный тип «ученика» Маркса среди русской молодежи 90-х годов [1]. При этом он ссылается на самого Струве, который причислял себя к социал-демократическому направлению в России. Создается впечатление, что автор до сих пор находится в глубоком заблуждении относительно места и роли «легального марксизма» в истории русской социал-демократии. Такому «неосведомленному» историку придется напомнить, что этот вопрос уже давно и всесторонне выяснен в советской историографии. Своеобразие исторических условий, сложившихся к концу XIX века в России (развитие капитализма и рост рабочего движения, глубокий идейный кризис народничества и распространение идей научного социализма), заставило прогрессивную часть буржуазной интеллигенции рядиться в марксистские одежды, сближаться с социал-демократами. Так было с П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановским, С. Н. Булгаковым, Н. А. Бердяевым и другими представителями «легального марксизма», которые пытались извлечь практическую выгоду из своего политического союза с молодой русской социал-демократией и повернуть ее в сторону реформизма.

В. И. Ленин был первым среди русских революционных социал-демократов, кто глубоко вскрыл классовую сущность «легальных марксистов», разоблачил их как апологетов капитализма и сторонников международного ревизионизма. Струвизм, писал В. И. Ленин, выражал «международное стремление теоретиков буржуазии убить марксизм «посредством мягкости»... взять из марксизма все, что приемлемо для либеральной буржуазии... отбросить «только» живую душу марксизма, «только» его революционность» [2].

Выступая в качестве заправского адвоката Струве и «легального марксизма», Гейер излагает деятельность петербургских социал-демократов во главе с В. И. Лениным преимущественно в негативном плане; грубо искажает ее сущность и результаты. Уже сама попытка изобразить Струве «русским учеником Маркса» направлена

---

[1] См. *D. Geyer*. Op. cit., S. 36.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 227.

на то, чтобы принизить роль Ленина, с именем которого связан новый этап в развитии теории и практики марксизма.

Этой же цели служит и сугубо тенденциозная оценка Гейером первых литературных произведений В. И. Ленина. Мы уже отмечали, как Гейер упрекал Ленина в слишком широком толковании учения К. Маркса — «вне зависимости» от уровня социально-экономического прогресса. По Гейеру, выходит, что Ленин, в отличие от «европейца» Струве, не сумел правильно применить марксизм к конкретно-историческим условиям России. Мало того, в трудах Ленина, по его словам, «был виден ученик Маркса, стремившийся сочетать традиции русского народного социализма с новым учением» [1].

В такого рода измышлениях против В. И. Ленина Гейер не оригинален. Ему вторят многие буржуазные фальсификаторы, в том числе американский историк Пайпс. Петербургский период в деятельности Владимира Ильича Пайпс называет периодом «сплошных колебаний», а ленинские взгляды — «смесью идей народничества и марксизма» [2].

В чем же проявлялась «смесь народничества с марксизмом» в трудах В. И. Ленина? Ответить на этот вопрос, по существу, не могли ни Пайпс, ни Гейер. Зато в их писаниях нет недостатка в сомнительных намеках и инсинуациях, создаваемых ими путем препарирования на свой лад мемуаров современников Владимира Ильича. Приведем лишь один пример. В своих воспоминаниях Г. М. Кржижановский рассказывает о том, как его коллеги — участники петербургской социал-демократической группы прощупывали «взгляды на террор» у молодого Ленина, недавно прибывшего в столицу. «Некоторые эксперты из нашей среды,— иронически пишет Кржижановский,— хотя и должны были признать правомерность его марксистских взглядов на этот метод борьбы, но все же отмечали, что наш новый друг по своему темпераменту слишком «красен и недостаточно надежен»... Однако вскоре нам пришлось убедиться, что дело здесь не «в красноте», а в том, что В. И. настолько хорошо владел наукой Маркса, насколько это потребно, чтобы отделаться от заедавшего порой нас элементар-

---

[1] *D. Geyer.* Op. cit., S 44.
[2] *R. Pipes.* Op. cit., p. 123.

ного буквоедства. Вышло так, что для наших тогдашних молодых плеч «Капитал» Маркса оказался слишком тяжелым грузом, а его плечи несли этот груз с величайшей легкостью» [1].

Кажется, ясно: Кржижановский развенчивает заблуждения своих товарищей относительно склонности В. И. Ленина к террору как методу борьбы и показывает высокую марксистскую образованность Владимира Ильича. Но именно из этих совершенно точных строк Кржижановского Пайпс путем препарирования отдельных слов выудил «доказательство» приверженности молодого Ленина к народничеству. От историка, прибегающего к подобным фальсификациям, конечно, нельзя ожидать объективного анализа всех фактов и явлений. Ведь достаточно изучить ленинские труды петербургского периода, чтобы понять всю нелепость утверждений Пайпса о близости Ленина к народничеству. По своему основному содержанию эти труды направлены против мелкобуржуазных реакционно-утопических взглядов и реформистской политики либерального народничества. Главное ленинское произведение того периода — книга «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» по праву считается манифестом пролетарской марксистской партии, складывавшейся в России. В ней Ленин собрал воедино всю аргументацию марксизма против народничества, отстоял и развил основы теории, программы и тактики русской революционной социал-демократии. «После выхода этой книги,— пишет один из активных участников социал-демократического движения того времени, С. И. Мицкевич,— Владимир Ильич стал еще более популярным и признанным авторитетом среди марксистов. Молодое русское марксистское направление поняло, что нашло в его лице огромную политическую и теоретическую силу» [2].

В советской историографии роль В. И. Ленина как основоположника и организатора марксистской партии российского пролетариата получила обстоятельное освещение. В ней отражены все этапы борьбы Ленина за создание РСДРП, раскрыта сущность его учения о

---

[1] *Г. М. Кржижановский.* О Владимире Ильиче. М., 1924, стр. 13—14.

[2] «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», ч. 1. М., 1956, стр. 157.

партии, показан ленинский план построения партии и его практическое осуществление.

Вопреки всем этим достижениям советской историографии буржуазные фальсификаторы продолжают нагромождать одно измышление на другое, с тем чтобы исказить роль В. И. Ленина в создании российской социал-демократии. Тот же Гейер делает в своей монографии следующий вывод: «Для Ленина социал-демократия означала не соединение социализма с рабочим движением, а социализм плюс организация. Ленинская социал-демократия выходила за рамки рабочего движения не для того, чтобы слиться с ним воедино, а для того, чтобы направить пролетариат по такому пути, в каком он вовсе не должен был отдавать себе отчет» [1].

Гейер совершает этот подлог, несмотря на то что сама проблема соотношения стихийности и сознательности в рабочем движении досконально выяснена в нашей и зарубежной марксистской литературе. Практически же она решалась еще в процессе образования РСДРП, представлявшей собой соединение социализма с рабочим движением. Известно также, что в ходе создания РСДРП революционные марксисты-ленинцы вели упорную борьбу против «экономистов», проповедовавших стихийность в рабочем движении, а затем — против меньшевиков, отрицавших необходимость организованности и дисциплины в самой партии. И вот теперь, более шестидесяти лет спустя, Гейер вытаскивает на поверхность залежалый идейный багаж русских оппортунистов и берет его на свое вооружение.

Впрочем, Гейер — не единственный защитник пресловутой теории стихийности в рабочем движении, распространявшейся «экономистами». Оппортунистическая политика «экономистов» и меньшевиков пользуется горячими симпатиями у всех буржуазных фальсификаторов истории КПСС. Пайпс, например, рассматривает внесение идей марксизма в рабочее движение как посягательство на «самостоятельность» пролетариата. Выдавая желаемое за действительное, он утверждает, что в конце XIX века передовой слой петербургского пролетариата был заражен «бациллой консерватизма» и поэтому предпочел революционных народовольцев «умеренным» социал-демократам, т. е. российским бернштейнианцам,

[1] *D. Geyer.* Op. cit., S. 422.

сторонникам «более осторожной эволюционной политики»[1]. Это утверждение (разумеется, далекое от истины) показательно тем, что выдает Пайпса как апологета первого оппортунистического направления в РСДРП — «экономизма».

Развернутую защиту оппортунизма в российской социал-демократии взял на себя и Шапиро. В первой части своего обширного пасквиля на историю КПСС под названием «Годы формирования» он всячески пытается отрицать наличие «экономического» направления в РСДРП, свести его к незначительным разногласиям частного характера. Шапиро полностью солидаризируется с редакцией журнала «Рабочее дело», считавшей «Кредо» Е. Кусковой «всего-навсего результатом путаницы в умах», и уверяет своих читателей в том, что этот несерьезный документ к тому же является, по существу, единственным свидетельством самого факта существования «экономизма» как доктрины[2].

Все это неверно от начала до конца. Во-первых, в «Кредо», как отмечалось в «Протесте российских социал-демократов», принятом по предложению В. И. Ленина на собрании ссыльных марксистов, была изложена программа ревизионистов марксизма и сторонников реформизма в рабочем движении, стремившихся ограничить классовую борьбу пролетариата исключительно экономическими требованиями, приспособить ее к потребностям либеральной буржуазии[3]. Во-вторых, «Кредо» — далеко не единственное документальное свидетельство существования «экономизма». Сохранились десятки руководящих статей, программных заявлений и других документов, в которых отразились два принципиально различных направления, сложившиеся в РСДРП после ее I съезда,— революционно-марксистское и реформистское.

Весьма характерно, что Шапиро старательно расписывает «успехи» «Рабочей мысли» и «Рабочего дела», являвшихся основными рассадниками «экономизма» в России. Его нисколько не смущает то обстоятельство, что именно эти органы печати сыграли главную роль в подготовке «периода разброда и шатаний» в россий-

---

[1] *R. Pipes.* Op. cit., p. 50.

[2] См. *L. Schapiro.* Op. cit., p. 35.

[3] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1, стр. 292.

ской социал-демократии. Временное засилье «экономизма» в РСДРП (1898—1900 гг.), усугубленное жестокими репрессиями царского правительства, привело к первому глубокому кризису, в результате которого молодая партия русских марксистов перестала существовать как единое целое и, по определению В. И. Ленина, «превратилась в бесформенный конгломерат местных партийных организаций...» [1]

Симпатии Шапиро к оппортунистам являются той неизменной позицией, с которой он оценивает всех деятелей российского рабочего движения. Неудивительно поэтому, что его оценки меняются в зависимости от идейной эволюции того или иного деятеля именно в вопросе об отношении к оппортунистической политике. Так, рассматривая период между I и II съездами РСДРП, Шапиро осуждает Плеханова и Мартова за то, что те вместе с Лениным боролись тогда против «экономистов», затем, переходя к событиям после II съезда партии, он защищает Мартова и Плеханова, развернувших борьбу против Ленина и большевиков. Отношение Шапиро к Аксельроду также менялось по мере отхода последнего от принципов революционного марксизма: сначала Аксельрод порицается за выступления против «Рабочего дела» в 1899 г., а затем приветствуется идея созыва «рабочего съезда», выдвинутая им в 1905 г.[2] И такой сугубо тенденциозный подход к рассмотрению истории российской социал-демократии Шапиро называет объективным исследованием.

Любимым коньком буржуазной историографии является версия о том, что РСДРП якобы возникла не как рабочая партия, а как партия интеллигентов. Этот фальшивый мотив был выдвинут еще «экономистами» против революционной социал-демократии. Теперь он охотно подхвачен всей реформистской и буржуазной печатью. Цель их пропаганды — противопоставить интересы передовой, прогрессивной интеллигенции интересам революционных масс. Не случайно Шапиро и его коллеги до сих пор продолжают рассматривать деятельность русской разночинной интеллигенции 60-х и 70-х годов XIX века вне связи с общим ходом освободительного движения в России.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 51.
[2] См. *L. Schapiro.* Op. cit., p. 33, 67.

Подобно меньшевикам, игнорировавшим реальное содержание революционного народничества как идеологии крестьянской демократии, современные буржуазные идеологи сводят всю социально-политическую сущность старого народнического социализма только к актам индивидуального террора и заговорам против государственной власти. Конечно, у каждого буржуазного «специалиста» по русской истории эта тенденция выражена по-своему: у Шапиро — осуждением борьбы «Народной воли» против царского самодержавия; у Флетчера — выпячиванием роли Бакунина и Ткачева; у Пайпса и Гейера — подчеркиванием «преимуществ» реформизма «экономистов» перед радикализмом народовольцев. Но цель у них одна — принизить роль русской революционной интеллигенции, представить ее деятельность в искаженном свете.

Столь предвзятая интерпретация революционно-демократического наследства пролетарской партии в России выгодна буржуазии, но она не имеет ничего общего с действительностью. Русские социал-демократы восприняли от своих предшественников не ошибочную тактику и не утопические идеи, отвергнутые практикой, а положительный опыт борьбы с самодержавно-помещичьим строем, их беззаветную преданность делу народной революции и самоотверженный поиск правильной революционной теории. «...Марксисты,— указывал В. И. Ленин,— должны заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс» [1].

Еще большей дискриминации подвергается в буржуазной историографии марксистская интеллигенция, сыгравшая важную роль в деле внесения научного социализма в рабочее движение. На «проблеме» преобладания интеллигенции в русском социал-демократическом движении особенно спекулирует Флетчер. На протяжении всей истории создания партии, по его мнению, в социал-демократических организациях России не было представителей пролетариата: все участники группы «Освобождение труда», петербургского «Союза борьбы» и подобных им организаций были интеллигентами [2]. Но это, разумеется, далеко не так. Среди членов социал-демо-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 22, стр. 121.
[2] См. *G. Fletcher.* Op. cit., p. 167.

кратических кружков и групп, действовавших в промышленных городах и районах страны, было немало передовых рабочих. Сведения о рабочих — активных участниках создания пролетарской марксистской партии в России — можно почерпнуть из любой советской книги, посвященной истории КПСС начального периода [1].

Еще в 1913 г., давая отповедь меньшевикам-ликвидаторам, объявившим РСДРП «партией интеллигентов», В. И. Ленин писал: «На деле партия была основана в 1898 году и опиралась на пробуждение массового рабочего движения в 1895—1896 годах. Десятки и сотни рабочих (подобных покойному Бабушкину в Петербурге) не только слушали лекции в кружках, но *сами вели агитацию* уже в 1894—1895 годах, а затем переносили организации рабочих в другие города (основание екатеринославских организаций высланным из Питера Бабушкиным и т. п.)» [2].

В духе меньшевиков-ликвидаторов Флетчер противопоставляет и роль передовых рабочих в строительстве партии роли представителей социал-демократической интеллигенции. Стремясь уличить авторов первого тома «Истории КПСС» в мнимой непоследовательности в этом вопросе, он с пристрастием комментирует слова из заключения книги «о сравнительном преобладании интеллигенции в начале рабочего движения». Такую формулировку критик считает «вынужденным признанием» несостоятельности утверждения об участии рабочих в создании РСДРП. Приведем в этой связи то место книги, которое Флетчер пытается использовать для подтверждения своей позиции.

«Враги большевизма утверждали и поныне утверждают,— говорится в первом томе «Истории КПСС»,— будто партия большевиков была лишь группой интеллигентов, боровшихся за влияние на рабочий класс, будто пролетарское движение в России развивалось независимо от ее деятельности. Для придания некоторого правдоподобия этому вымыслу они ссылаются, в частности, на то, что социал-демократия в России возникла в то

---

[1] См., например, «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1, стр. 187—190, 216—234, 355—360; *Д. Г. Куцентов.* Деятели петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». М., 1962; *М. С. Волин.* Ленинская «Искра». М., 1964, стр. 64—90; *Р. Маркова.* Первый съезд РСДРП. М., 1965.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 22.

время, когда в революционном движении преобладала интеллигенция. Но такой «довод» несостоятелен хотя бы потому, что сравнительное преобладание интеллигентов в начале рабочего движения имело место во всех странах. Этот факт отражал закономерный процесс внесения научного социализма, социалистического сознания в пробуждающуюся к борьбе пролетарскую массу. Интеллигенты-марксисты выражали правильно понятые интересы рабочего класса. Так было и в России в 80—90-х годах, когда возникла и упрочивалась социал-демократия» [1].

Если прочитать этот текст без предубеждения, то нетрудно понять, что речь здесь идет не о каком-то «вынужденном признании», обнаруженном Флетчером, а о том, как на деле происходило соединение социализма с массовым рабочим движением, на прочном фундаменте которого сложилась ленинская партия большевиков. Борьба за соединение революционной теории и революционной практики рабочего класса носит международный характер, ибо она есть главное условие существования и главное поле деятельности каждой марксистской партии.

* *
*

Еще более изощренной фальсификации в буржуазной историографии подвергаются организационные проблемы образования РСДРП, исторический процесс складывания пролетарской марксистской партии в России. Ленинскому организационному плану построения партии буржуазные историки обычно противопоставляют так называемую теорию «организации-процесса», выдвинутую «экономистами», воспринятую и развитую потом лидерами меньшевизма. Вторя меньшевикам, Шапиро, например, пытается обвинить В. И. Ленина в прямой «недооценке» теоретической деятельности. «Ленин,— пишет он,— всегда придавал больше значения организационному вопросу, чем теории» [2].

Каждому не предвзято мыслящему исследователю ясно, что уже в петербургский период В. И. Ленин проявил себя как выдающийся теоретик марксизма. Позднее

---

[1] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. I, стр 540.

[2] *L. Schapiro.* Op. cit., p. 46—47.

им были созданы такие гениальные теоретические труды, как «Развитие капитализма в России», «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад» и многие другие. В новых ленинских трудах была полностью разгромлена либерально-народническая концепция неприменимости марксизма в России, разоблачены реформистские и оппортунистические теории в рабочем движении, изложено стройное и цельное учение о пролетарской партии нового типа. Этого не могут отрицать даже враги.

Вместе с тем Ленин был не только идеологом, но и практическим организатором нашей партии. При его непосредственном и руководящем участии разрабатывались первые программные документы РСДРП, налаживалась партийная печать, последовательно проводились в жизнь марксистские принципы организационного построения партии.

Идея созыва I, учредительного съезда РСДРП исходила от В. И. Ленина. В письмах из тюрьмы Владимир Ильич, по свидетельству Н. К. Крупской, настаивал на подготовке съезда, торопил с организацией партии. В тюрьме он сделал первый набросок партийной программы, написал объяснительную записку к нему и передал эти документы на волю. Ленинская инициатива была подхвачена прежде всего петербургским и московским «Союзами борьбы». Однако систематические налеты царской полиции помешали им возглавить борьбу за подготовку съезда. В этих условиях практическая подготовка I съезда партии легла на плечи киевских социал-демократов, располагавших более конспиративной организацией, чем петербуржцы и москвичи.

Таковы факты. Но буржуазным фальсификаторам истории КПСС нет дела до фактов. На первом плане у них — непомерное раздувание «заслуг» Бунда в образовании РСДРП. Если верить Гейеру, то инициатором и организатором I съезда партии явился Бунд, занимавший якобы ведущее положение во всероссийском рабочем движении [1]. Ту же мысль настойчиво проводит и Шапиро. «Вопрос о подобной партии,— повествует он,— несомненно, широко обсуждался в России уже с начала 90-х годов, но главный толчок к ее созданию дали Бунд и киевские социал-демократы. Член Бунда А. Кремер вступил с этими организациями в контакт, и с помощью

[1] См. *D. Geyer*. Op. cit., S. 100—105.

Бунда 1 марта 1898 года в Минске собралось нелегальное собрание — I съезд Российской социал-демократической рабочей партии» [1].

Эта легенда о «ведущей роли» Бунда в образовании РСДРП уже давно развенчана. Еще сорок лет тому назад ее разоблачили сами участники I съезда РСДРП. Убедительно доказано, что идея создания Российской социал-демократической рабочей партии была впервые выдвинута В. И. Лениным, а затем претворена в жизнь деятелями крупнейших социал-демократических организаций того времени — петербургского, киевского, московского и екатеринославского «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса» [2].

Как известно, РСДРП после своего I съезда вступила в полосу идейного разброда и организационной раздробленности. Кризис в партии был вызван серьезными внутренними и внешними причинами. Воспользовавшись обстановкой разброда и шатаний в русской и западноевропейской социал-демократии, Струве и струвисты, «экономисты» и зарубежные бернштейнианцы усилили свои нападки на теорию марксизма и повели борьбу за превращение революционной социал-демократии в партию социальных реформ.

Эта обстановка «разброда и шатаний» в РСДРП явно импонирует буржуазным историкам, выступающим в роли апологетов оппортунизма. При помощи тенденциозного подбора и освещения фактов они стараются оправдать взгляды и поступки «экономистов», принижавших роль социалистического сознания в рабочем движении и боровшихся против образования централизованной марксистской партии в России. Все лидеры «экономизма», равно как и «легального марксизма», выглядят в их изображении «образцовыми» социал-демократами. Русские критики Маркса, отмечает Гейер, были «не только марксистами, но и революционерами» [3].

Симпатии Гейера к различным оппортунистическим группам и направлениям в социал-демократическом движении простираются, естественно, и за пределы России. Помимо Струве и «экономистов» он берет под свою

---

[1] *L. Schapiro.* Op. cit., p. 29.

[2] Подробно об этом см. «Первый съезд РСДРП». Документы и материалы. М., 1958, «К двадцатипятилетию Первого съезда партии». М.— Л., 1923.

[3] *D. Geyer.* Op. cit., S. 167.

защиту Бернштейна и всю международную бернштейниаду. Всячески оправдывая ревизионизм Бернштейна, затушевывая его пагубное влияние на рабочее движение на Западе и в России, Гейер клевещет на сторонников революционного марксизма. Особенно злобным нападкам подвергается Г. В. Плеханов, первым поднявший свой голос против антимарксистских выступлений в немецкой социал-демократической прессе Э. Бернштейна и К. Шмидта. Обильно цитируя бранные эпитеты ревизионистов в адрес русского «судьи-ортодокса», Гейер приходит к заключению, будто бы философская концепция Плеханова натолкнулась «в социалистических партиях Европы на общее непонимание» [1].

Но это неверно. Ознакомление с такими первоисточниками, как письма А. Бебеля, В. Либкнехта, П. Лафарга, статьи Р. Люксембург, Ф. Меринга, Ж. Геда и других видных деятелей II Интернационала, показывает всю фальшь утверждений Гейера. Из этих материалов видно, что критика Плехановым философского ревизионизма Бернштейна встретила живой интерес и получила широкие отклики среди социал-демократов Запада. «Либкнехт и Зингер,— писал Плеханов летом 1899 г.,— мне горячо жали руки за мою полемику с Бернштейном» [2]. Высокую оценку борьбы Плеханова против Бернштейна и бернштейнианцев дали Бебель и Лафарг, выражавшие мнение громадного большинства западноевропейской социал-демократии.

Особенно много измышлений содержится в «исследованиях» буржуазных историков, посвященных старой «Искре» и II съезду РСДРП. Здесь фальсификаторы проявляют весь свой темперамент. Шапиро с нескрываемой злобой ополчается против «платных» агентов «Искры», обвиняя их в «распаде» рабочих ассоциаций, опекаемых полицией. Зубатовщина, уверяет он своих читателей, явилась «искренней попыткой со стороны наиболее дальновидных полицейских офицеров принудить закостенелое самодержавие к немного более просвещенным методам правления» [3].

Откровенная защита зубатовщины против «Искры» — явление не единственное в буржуазной историографии.

---

[1] *D. Geyer.* Op. cit., S. 149.

[2] «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сборник V. М., 1938, стр. 298.

[3] *L. Schapiro.* Op. cit., p. 42.

Флетчер, например, с таким же усердием, как и Шапиро, защищает от критики «Искры» царскую политику лавирования, рассчитанную на обман трудящихся [1]. Что же касается Гейера, то он специализируется главным образом на спасении от «Искры» меньшевиков. На первом месте у него стоит компрометация ленинского плана создания партии при помощи общерусской политической газеты. Этот план, по утверждению Гейера, был продиктован «неосознанным» желанием его автора установить «личный диктат» над партийными организациями [2]. Перепевая старые меньшевистские басни о нарушении Лениным «демократического принципа» в строительстве партии, Гейер оправдывает «экономизм» и кружковщину в РСДРП, самотек и стихийность в рабочем движении. При этом он просто уходит от анализа действительного состояния дел в РСДРП после I съезда, игнорирует конкретные исторические условия революционной борьбы российского пролетариата. Известно, что социалистические рабочие партии Запада, как правило, возникали после буржуазных революций, в обстановке относительных свобод, нередко вырастали из легальных профсоюзов. В России же, где царил произвол самодержавия, партию рабочего класса пришлось создавать в глубоком подполье, в условиях жесточайшей реакции. Поэтому заменой всех легальных средств и возможностей в царской России должна была послужить революционная газета, без которой, по словам Ленина, «невозможна *никакая* широкая организация всего рабочего движения» [3].

Только прямые противники ленинского плана создания партии, какими были тогда «экономисты» и бундовцы, могли обвинять В. И. Ленина и его сторонников в антидемократизме и утопизме. Но жизнь, исторический опыт полностью опровергли и отбросили прочь эти вздорные обвинения оппортунистов. Практическое осуществление гениального плана В. И. Ленина привело к ликвидации кризиса в РСДРП и объединению разрозненных социал-демократических организаций в единую и централизованную пролетарскую партию. Это была выдающаяся победа политической стратегии и тактики ленинизма.

---

[1] См. *G. Fletcher*. Op. cit., p. 169.
[2] См. *D. Geyer*. Op. cit., S. 186.
[3] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 192.

Деятельность ленинской «Искры» составила поистине героический период в истории борьбы за идейное и организационное сплочение пролетарской партии в России (декабрь 1900 г.—октябрь 1903 г.). Второй съезд РСДРП, на котором произошло официальное объединение местных комитетов и групп, были приняты Программа и Устав партии, разработанные «Искрой», стал поворотным пунктом в развитии русского и международного рабочего движения.

Создание боевой пролетарской партии нового типа, действующей на незыблемых основах марксизма-ленинизма,— таков главный итог почти трехлетней деятельности старой «Искры» и искровцев. Гейер, разумеется, не может согласиться с этим выводом. Он заботится лишь о том, чтобы обнаружить как можно больше недостатков и промахов в работе «Искры» и в особенности исказить цели и результаты ее деятельности. Подробно рассматривая в специальной главе деятельность старой «Искры» по сплочению местных организаций РСДРП в процессе подготовки II съезда, Гейер изображает дело так, будто Ленин с помощью этой газеты организовал «поход на завоевание партии» с целью захвата «общего руководства» [1].

Рьяно отстаивая оппортунистические действия «экономистов», вносивших идейный разброд и организационную раздробленность в ряды РСДРП, Гейер мечет стрелы против искровской организации профессиональных революционеров, осуждает ее централизованное построение. Он негодует также по поводу того, что русские профессиональные революционеры в отличие от социал-демократов Запада не пользовались широкой партийной демократией. Этот упрек не только несостоятелен, но и смехотворен. Ведь обвинять сторонников искровской организации в «нарушении» принципов партийной демократии — все равно, что упрекать русский народ в том, что он не пользовался свободой при царизме.

Ленинский организационный принцип в партии продемонстрировал свое явное преимущество перед «демократизмом» «экономистов» и «автономизмом», точнее «федерализмом», бундовцев. Требование «демократизма» и «автономизма» было нереальным в условиях строгой конспирации социал-демократического движения в Рос-

[1] *D. Geyer*. Op. cit., S. 329.

сии. Искровская организация профессиональных революционеров, действовавшая в глубоком подполье, была наиболее эффективной организационной формой объединения всех сил российской революционной социал-демократии. Она сыграла выдающуюся роль в подготовке идейного и организационного единства партии, закрепленного в решениях II съезда РСДРП.

Грубо извращаются буржуазными фальсификаторами и события, происходившие в рядах российской социал-демократии после II съезда РСДРП. Согласно версии Флетчера, эти события текли по такому руслу: меньшевики, потерпевшие поражение на II съезде партии, вели себя тихо-мирно; на съезде Заграничной лиги они показали образец джентльменского отношения к большевикам-ленинцам; затем меньшевики на «законном основании» захватили в свои руки центральные органы РСДРП; потом столь же «законно» пытались лишить Ленина возможности выступления в печати. Что же касается поведения самого Ленина и большевиков, уверяет далее Флетчер, то они «незаконно» боролись против дезорганизаторской политики меньшевистских центров; «незаконно» завоевали на свою сторону подавляющее большинство местных партийных организаций; им не было разрешено создавать свои самостоятельные органы — Бюро комитетов большинства и газету «Вперед» [1].

В этой картине совершенно открыто выражена классовая позиция антикоммуниста Флетчера. Как противник большевизма, он не может объективно оценить громадное значение теоретической и практической деятельности В. И. Ленина после II съезда партии. Но сколько бы Флетчер ни извращал факты, ему не удастся скрыть, что в тяжелейших условиях партийного кризиса, вызванного раскольнической деятельностью меньшевиков, именно большевики во главе с Лениным разоблачили организационный оппортунизм меньшевистских лидеров, сплотили партийные массы на принципах революционного марксизма, отстояли партию от дезорганизаторов, вывели ее из тупика и обеспечили созыв III съезда РСДРП.

Все буржуазные историки сходятся на том, что созданная под руководством В. И. Ленина большевистская партия в России принципиально отличалась от социал-демократических партий Запада. В этом они, конечно,

---

[1] См. *G. Fletcher*. Op. cit., p. 168—171.

правы. Все дело, однако, в классовой оценке этого различия. Возникшая в новых исторических условиях, когда перед российским пролетариатом вплотную встала задача возглавить революционное движение масс против царизма и капитализма, наша партия в корне отличалась от зараженной оппортунизмом западноевропейской социал-демократии тем, что она была партией социальной революции и диктатуры пролетариата. Идеологи антикоммунизма не намерены признавать величайшее прогрессивное значение этого факта для всего международного рабочего движения. Они оценивают возникновение подлинно революционной российской социал-демократии как отход от марксизма, как событие, якобы противоречившее традициям классовой борьбы пролетариата. Разумеется, под этими традициями понимаются оппортунистические догмы, утвердившиеся в политике и организационном строении партий II Интернационала. Именно поэтому буржуазные фальсификаторы ревностно защищают последователей западноевропейского оппортунизма — «экономистов» и меньшевиков, усматривая их «правоту», как это делает Гейер, в том, что они вели «борьбу за европеизацию русских партийных отношений и русского рабочего движения» [1].

Гейеру и его коллегам, конечно, не по душе революционное новаторство Ленина, большевиков, отказавшихся от меньшевистской линии слепого преклонения перед реформистской тактикой и соответствующими ей организационными формами «партийных отношений» в западноевропейской социал-демократии. Большевики во главе с Лениным исходили из того, что готовых образцов для целесообразного построения партийной организации российских социал-демократов искать было негде, их предстояло выработать. Западноевропейские партии II Интернационала, возникшие после победы буржуазных революций и действовавшие в период «мирного» развития капитализма, приспособили свои организации к легальным методам работы и парламентской деятельности. Оппортунизм, начавший разъедать ряды этих партий, привел в конечном счете к их поражению, а вместе с тем и к поражению всего II Интернационала.

Для России, куда с конца XIX века начал перемещаться центр мирового революционного движения, уста-

[1] *D. Geyer.* Op. cit., S. 419.

новление «партийных отношений» по западноевропейскому образцу было чревато не менее серьезными последствиями. Вот почему большевики-ленинцы решительно выступили против оппортунизма меньшевиков и их единомышленников на Западе, стремившихся превратить революционную социал-демократию в партию социальных реформ, и выдвинули принципиально новые формы партийной организации и методы партийной тактики. Созданная на прочной основе марксистского учения, творчески развитого Лениным применительно к условиям империализма, ленинская партия впервые в истории освободительного движения обеспечила победу рабочего класса в социалистической революции и возглавила борьбу советского народа за построение социализма и коммунизма.

* *
*

Мы рассмотрели лишь основные направления буржуазной фальсификации истории КПСС начального периода. Но и этого достаточно, чтобы понять социально-классовый смысл и пропагандистский характер всех писаний зарубежных «экспертов» по делам русской революции. В кривом зеркале буржуазной историографии получили искаженное отражение почти все идейно-теоретические и организационные проблемы подготовки и образования РСДРП, все проявления борьбы различных групп и течений на ранних этапах рабочего и социал-демократического движения в России. За строками многочисленных псевдонаучных «трудов» явно прослеживается политическая линия антикоммунистов, направленная на то, чтобы извратить подлинные истоки ленинской партии, опорочить ее теорию, тактику, принципы организации и вместе с тем оправдать и возвысить противников ленинизма — струвистов, «экономистов», меньшевиков.

Но тщетны попытки апологетов капитализма пересмотреть многократно подтвержденные жизнью исторические уроки. Уже давным-давно обнажили свою антипролетарскую сущность и сошли с политической арены русские оппортунисты и их единомышленники из партий II Интернационала. Всем им история вынесла свой суровый приговор. Вместе с тем она наглядно подтвердила великую жизнеутверждающую и преобразующую силу большевистской партии, основанной и выпестованной

В. И. Лениным. Теперь уже никто не может отрицать огромных успехов, достигнутых нашим народом под руководством партии в революционной борьбе и строительстве нового общества. А это и есть неопровержимое доказательство правоты В. И. Ленина и его соратников, заложивших более шести десятилетий назад единственно верные идейные и организационные основы пролетарской партии нового типа, призванной привести трудящихся к окончательной победе над всеми реакционными силами старого мира.

Г. З. Иоффе

КАК БУРЖУАЗНЫЕ ФАЛЬСИФИКАТОРЫ «ОТЛУЧАЮТ» В. И. ЛЕНИНА И БОЛЬШЕВИКОВ ОТ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В современной буржуазной исторической литературе широко распространяется старая и лживая версия, изображающая Великую Октябрьскую социалистическую революцию «заговором», «переворотом», осуществленным большевиками во главе с В. И. Лениным [1]. Развивая эту версию, американский историк Р. Дэниэлс дошел до утверждения, что Октябрьская революция была «азартной игрой» большевиков, а их подготовка к восстанию была «импровизацией в самую последнюю минуту» [2]. Тот же тезис Дэниэлс проводит в своей книге «Красный Октябрь». «Полная правда о большевистской революции,— пишет он,— состоит в том, что она добилась успеха... вопреки каким-либо рациональным расчетам, возможным осенью 1917 г.» [3].

Пытаясь «обосновать» эту концепцию, буржуазные историки, «специалисты» по истории КПСС на все лады «доказывают», что вплоть до свержения царизма, до прихода к власти Временного правительства большевистская партия представляла собой незначительную группу, не имевшую сколько-нибудь широкой опоры и не пользовавшуюся большим влиянием в массах. Так, например, Р. Шарк без тени сомнения заявляет, что «в годы режима Николая II большевики не играли существенной роли» [4]. Еще решительнее высказывается на этот счет Л. Шапиро, по словам которого вплоть до 1917 г. боль-

---

[1] См., например, *R. Browder* and *A. F. Kerensky*, eds. The Russian Provisional Government, 1917. Documents, vol. I. Stanford, 1961, p. IX.

[2] *R. Daniels*. The Bolshevik Gamble. "The Russian Review", 1967, vol. 26, N 4, p. 337.

[3] *R. V. Daniels*. Red October. The Bolshevik Revolution of 1917. N. Y., 1967, p. 215.

[4] *R. Charques*. The Twilight of Imperial Russia. London, 1956, p. 78.

шевистскую партию вообще «можно было не принимать в расчет»[1]. Бывший меньшевик В. Войтинский в своих мемуарах, вышедших в США, «вспомнил», что между 1905 и 1917 гг. «большевистская группа почти полностью исчезла со сцены»[2]. Дж. Кармайкл, опираясь на «Записки о революции» другого меньшевика, Н. Суханова, также считает, что до прихода к власти Временного правительства большевистская партия была «почти неизвестна»[3]. Ту же, в сущности, мысль проводит в своей «контрюбилейной» работе английский фальсификатор Г. Катков, уверяющий, что после революции 1905 г. «большевистская ветвь русской социал-демократии растеряла большинство своих последователей среди рабочих» и была «дискредитирована в глазах других революционеров»[4]. Серьезного влияния на «ситуацию в индустриальных центрах,— категорически заявляет Катков,— большевики не оказывали»[5]. Подобного рода утверждения разделяет большинство других западных историков[6].

---

[1] *L. Schapiro.* The Communist Party of the Soviet Union. N. Y., 1960, p. 160—161.

[2] *W. S. Woytinsky.* Stormy Passage. N. Y., 1961, p. XVIII.

[3] *J. Carmichael.* A Short History of the Russian Revolution. London, 1966, p. 3.

[4] *G. Katkov.* Russia 1917. The February Revolution. London, 1967, p. XXVI.

[5] Ibid., p. 28 Следует отметить, что в последнее время некоторые историки в Англии и США стали отходить от этой общепринятой в современной буржуазной историографии концепции. Так, в частности, поступил Л. Хэймсон, который пришел к выводу, что к началу первой мировой войны большевизм оттеснил меньшевиков и начал «проникать во многие уголки жизни рабочего класса». Хэймсон, правда, объясняет рост влияния большевиков не прочностью их организаций, не успехами в идеологической пропаганде, а «стихийной склонностью к мятежу», свойственной якобы русским рабочим. (*L. Haimson.* The Problem of Social Stability in Urban Russia 1905—1917.— "Slavic Review", 1964, vol. 23, N 4, p. 639).

[6] См. *H. W. Dewey.* Lenin's Journey in the Sealed Train.—"New York Times Magazine", 1967, 26 March, p. 40; *R. V. Daniels.* Red October, p. 28; *S. Tompkins.* The Triumph of Bolshevism. Revolution or Reaction. N. Y., 1967, p. 243, etc.

Некоторые авторы утверждают даже, что большевистская партия «возродилась» только после возвращения в Россию В. И. Ленина. «Когда Ленин прибыл в Петроград в начале революции,— писал И. Штейнберг,— его партия была почти неизвестна в массах» (*I. Steinberg.* In the Workship of the Revolution. N. Y., 1953, p. 30). До приезда Ленина, уверяет Д. Кармайкл, «партия не являлась эффективной боевой силой» (*J. Carmichael.* A Short History of the Russian Revolution, p 63). По словам Л. Кочэна, большевики до воз-

Опираясь на это положение, буржуазные авторы «отлучают» большевиков от Февральской революции, доказывая, что она явилась для них совершенно неожиданной. Тезис этот, берущий начало в писаниях эмигрантских историков и мемуаристов, на протяжении многих лет перекочевывает из одних выходящих в США и Англии книг в другие. До войны он формулировался весьма категорически: большевиков исключали из числа участников Февральской революции, во всяком случае их вклад в свержение царизма фактически отрицался[1]. В послевоенный период, когда изучение истории нашей страны в США и Англии стало осуществляться все более интенсивно, старый тезис несколько утратил свою безапелляционность. От полного отрицания участия большевистской партии в Февральской революции некоторые английские и американские историки стали переходить к утверждению о несущественном, практически малоощутимом вкладе большевиков в победу над самодержавием и установление в стране демократического режима[2]. Сдвиг, таким образом, хотя и произошел, но весьма и весьма незначительный.

Но буржуазные авторы не просто «отлучают» большевиков от Февральской революции; они к тому же резко критикуют советских историков, которые на обширном фактическом материале показали большую роль нашей ленинской партии в длительной и упорной борьбе с царизмом, в подготовке масс к революционным выступле-

---

вращения Ленина в апреле 1917 г. «незначительно влияли на ход событий» (*L. Kochan.* Russia in Revolution 1890—1918. N. Y., 1966, p. 207). Оценки такого рода имеют своей целью представить большевистскую партию «личным орудием» В. И. Ленина, «инструментом» его воли, т. е. подчеркнуть волюнтаристский характер большевизма. С особой старательностью эту «идею» проводит Р. Дэниэлс (*R. Daniels.* Red October, p. 18—20).

[1] *M. Florinsky.* The End of the Russian Empire. N. Y., 1931, p. 261; *B. Pares.* The Fall of the Russian Monarchy. London, 1939, p. 432; *J. Maynard.* Russia in Flux before October. London, 1939, p. 274; etc.

[2] *E. H. Carr.* Studies in Revolution. London, 1950, p. 134; *M. Florinsky.* Russia. A History and an Interpretation, vol. 2. N. Y., 1953, p. 1401; *R. Charques.* The Twilight of Imperial Russia, p. 7; *D. Goodspeed.* The Conspirators. A Study of the Coup d'Etat. Toronto, 1962, p. 74; *C. Wilson.* Rasputin and the Fall of the Romanovs. N. Y., 1964, p. 197; *L. Kochan.* Russia in Revolution 1890—1918, p. 86, 207; *R. Goldston.* Russian Revolution. London, 1967, p. 101; etc.

ниям и в решающих классовых боях февраля 1917 г.[1] Такого рода критику можно встретить в работах М. Флоринского, Э. Тэйлора, В. Войтинского, Г. Каткова[2]. Возникает вопрос: если зарубежные авторы столь решительно отвергают выводы советской историографии, то на чем они основывают свой тезис, отрицающий сколько-нибудь существенную роль большевиков в Февральской революции? Какие аргументы они при этом приводят, какими доводами оперируют? Рассмотрим этот вопрос.

* *
*

Одной из составных частей антикоммунистической концепции, фактически сводящей на нет роль большевиков в Февральской революции, является положение об изоляции В. И. Ленина от России и от партии в годы, предшествовавшие февральским событиям. В соответствии с этой версией свержение самодержавия явилось для Ленина, находившегося в Швейцарии и «почти всеми забытого», неким неожиданным и счастливым шансом судьбы, которым он впоследствии «мастерски» сумел воспользоваться. В одной из наиболее распространенных в США биографий В. И. Ленина, написанной Д. Шубом, выдержавшей 12 изданий, о жизни и деятельности Ленина в Швейцарии в канун свержения самодержавия говорится следующее: «Изолированный от событий в России, покинутый многими из своих прежних последователей, борющийся из-за куска хлеба и тщетно пытающийся объединить социалистов других стран вокруг своих лозунгов интернациональной гражданской войны, Ленин в конце 1916 года достиг нижней ступени своей лестницы. Никогда еще его слова, казалось, не привлекали так мало последователей»[3]. Накануне русской революции,

---

[1] См., например, *С. В. Шестаков.* Большевики во главе рабочего движения России в годы первой мировой войны (1914 — февр. 1917). М., 1961; «Партия большевиков в годы первой мировой войны. Свержение монархии в России». Под ред С. И. Мурашова. М., 1963; «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2. М., 1966; *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 1, Свержение самодержавия. М., 1967; «История СССР», т. VI. М., 1968, и др.

[2] *M. Florinsky.* The End of the Russian Empire, p. 171—172; *E. Taylor.* The Fall of the Dynasties. Garden City, 1963, p 257; *W. S. Woytinsky.* Stormy Passage, p. XVII; *G. Katkov.* Russia 1917. The February Revolution, p. 32—33.

[3] *D. Shub.* Lenin, a Biography. N. Y., 1962, p. 87.

утверждает Флоринский, Ленин «потерял контакт с русской действительностью» [1]. Примерно в таком же смысле говорится о Ленине и в некоторых других вышедших в США работах, посвященных русской революции [2].

Трудно придумать ложь более нелепую и злобную, чем попытка представить вождя большевистской партии В. И. Ленина «забытым эмигрантом», ведущим «тихую», «монотонную» жизнь в нейтральной Швейцарии, отрешенным от всего того, что происходило в России в то самое время, когда вокруг бушевали события, потрясавшие мир. Профессор Андре Бонар в предисловии к книге М. Пианзолы «Ленин в Швейцарии» так характеризует жизнь В. И. Ленина в этот период: «Никогда не впадая в уныние, он писал, читал и работал целыми днями. Конечно, не в одиночку (ведь он поднимал массы на борьбу), а как один из самых смелых борцов, подвергавшихся наибольшей опасности, бросал он вызов царизму, боролся с враждующими друг с другом, но всемогущими империалистическими державами. Он никогда не сомневался в победе. Он работал. Он боролся» [3].

Для того чтобы измерить результат ленинской борьбы и ленинского труда только в годы первой мировой войны, в канун свержения царизма в России, потребовались бы исследования. «Затем — годы войны,— пишет Н. К. Крупская в своих воспоминаниях.— Работа развернулась в международном масштабе и опять-таки потребовала громадной организационной работы по подготовке Циммервальдской и Кинтальской конференций, тесно увязывалась русская работа с международной борьбой пролетариата» [4].

С не меньшей настойчивостью Ленин вел борьбу за объединение всех интернационалистских сил в международном движении. Под влиянием ленинских идей они росли и крепли, и именно из них впоследствии образовались в различных странах коммунистические партии. Поистине грандиозным был и теоретический вклад,

---

[1] *M. Florinsky.* Russia. A History and an Interpretation, vol. 2, p. 1400.

[2] См., например, *A. Moorehead.* The Russian Revolution. N. Y., 1952, p. 126, 174; *E. Crankshaw.* Fifty Years Ago—The Coup that Changed the World.—"New York Times Magazine", 1967, February 19, p. 93; *R. Massie.* Nicholas and Alexandra. N. Y., 1967, p. 207; *G. Katkov.* Russia 1917. The February Revolution, p. XXVII.

[3] *М. Пианзола.* Ленин в Швейцарии. М., 1958, стр. 4.

[4] *Н. К. Крупская.* Ленин и партия. М., 1963, стр. 56.

внесенный Лениным в развитие марксизма в эти годы. За период войны до Февральской революции В. И. Ленин опубликовал свыше ста работ, написал множество писем, по существу представлявших собою статьи по важнейшим вопросам русского и международного рабочего движения, неоднократно выступал на партийных конференциях. Идеи Ленина, обобщавшие опыт русского и мирового революционного движения, были положены в основу революционной деятельности большевистских и всех подлинно интернационалистских сил [1].

В декабре 1916 г., за два месяца до Февральской революции, Ленин, словно бы оглядываясь назад и оценивая прошлое перед новыми рубежами своей жизни, писал И. Ф. Арманд: «Вот она, судьба моя. Одна боевая кампания за другой — против политических глупостей, пошлостей, оппортунизма и т. д. Это с 1893 года» [2]. Позднее, говоря о победе Октябрьской революции, Ленин отмечал, что «одной из основных причин этой победы является то, что большевизм еще с конца 1914 года беспощадно разоблачал гнусность, мерзость и подлость социал-шовинизма и «каутскианства»... массы же потом на собственном опыте убеждались все более и более в правильности взглядов большевиков» [3].

Буржуазные авторы, стремящиеся доказать, будто бы Ленин в годы войны был изолирован от родины и от партии, уверяют, что его имя было «неизвестным» и «едва ли вспоминаемым в России», как об этом пишет, например, Р. Шарк [4].

Естественно, война значительно затруднила поддержание регулярной связи между Лениным и большевистскими организациями в России. Но многочисленные документальные материалы (архивные и опубликованные) убедительно свидетельствуют о том, что, несмотря на огромные трудности, связи эти существовали на протяжении всей войны, вплоть до возвращения В. И. Ленина на родину 3 апреля 1917 г. Н. К. Крупская писала, что в деятельности В. И. Ленина, развернувшейся в годы войны в международном масштабе, русская работа тесно

---

[1] См. *Я. Г. Темкин* Ленин и международная социал-демократия 1914—1917 гг. М., 1968. Карту интернациональных связей В. И. Ленина в этот период см. там же, стр. 510.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 49, стр. 340.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 11—12.

[4] *R. Charques.* The Twilight of Imperial Russia, p. 237.

увязывалась с международной борьбой пролетариата. Придавая этой «русской работе» исключительно важное значение, В. И. Ленин с самого начала войны стремился установить связь с Россией. В октябре 1914 г. он писал А. Шляпникову: «Вы нужны в Стокгольме. Наладьте переписку с Россией получше... Это сугубо важно»[1]. О необходимости укрепления связей с Россией, с русскими большевистскими организациями Ленин настойчиво повторял во многих других письмах, написанных в Швейцарии[2]. Он предпринимал ряд мер для получения детальных сведений о положении в России. По его поручению Н. К. Крупская в одном из писем в Русское бюро ЦК просила сообщить самые подробные данные о рабочем движении в Петрограде, Москве, Харькове и других городах[3]. «В перерывах между занятиями,— писал американский биограф Ленина Р. Фокс,— он (Ленин.— *Г. И.*) и его жена вели оживленную переписку. Они получали также новости из России»[4].

Со своей стороны и большевики, находившиеся в России, стремились сделать все возможное, чтобы войти в контакт с заграничной частью ЦК, с Лениным. Петербургский комитет партии, Русское бюро ЦК на своих заседаниях специально обсуждали этот вопрос, разрабатывали меры по поддержанию и расширению связей с В. И. Лениным[5].

Почта В. И. Ленина в годы войны была огромной[6]. Трудно, конечно, определить в ней «русскую часть». Но из цюрихской адресной книги РСДРП, относящейся к периоду войны, видно, что переписка Ленина с Россией в разное время велась не менее чем по 30 адресам[7]. Факт связей русских большевиков с заграницей, с Лениным был зафиксирован и царской охранкой. В докладной записке начальника петроградского охранного отделения говорилось: «...Интенсивности и успешности работы Петербургского комитета в значительной мере

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 49, стр. 16.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 49, стр. 132—133, 301—302 и др.

[3] См. *М. Москалев.* Бюро Центрального Комитета РСДРП в России. М., 1966, стр. 270.

[4] *R. Fox.* Lenin. A Biography. N. Y., 1934, p. 211.

[5] См. *М. Маскалев.* Бюро Центрального Комитета РСДРП в России, стр. 271.

[6] См. «Литературная газета», 25 февраля 1964 г.

[7] См. «Исторический архив», 1959, № 3.

способствовало Бюро Центрального Комитета РСДРП, сформировавшееся в Петрограде; при посредстве последнего шла транспортировка нелегальной литературы из-за границы и получались, хотя и с большим опозданием, руководящие указания от находящихся за границей лидеров большевизма» [1].

Разработанные Лениным тактические установки и провозглашенные им лозунги были основой политической линии, проводимой большевиками в годы войны и в канун Февральской революции. В ноябре 1916 г. А. И. Елизарова писала Ленину в Швейцарию, что Русское бюро ЦК «выражает солидарность с линией ЦО, занятой со времени войны» [2]. Воспринятые большевиками ленинские идеи находили свое отражение в большевистских листовках и прокламациях, распространявшихся по всей России [3], становились достоянием широких трудящихся масс.

Связь Ленина с Россией не была односторонней. Несмотря на отдельные перерывы, вызванные трудностями войны и нелегальной работой, Ленин на протяжении военных лет получал информацию о положении дел в России. Об этом говорят прежде всего письма Ленина, в которых он неоднократно подтверждает получение по различным каналам тех или иных сообщений о «русских делах» [4].

Другим доказательством осведомленности Ленина о событиях, происходивших в России, может служить газета «Социал-демократ». За время войны вышло 36 номеров газеты и все они широко освещали положение в России. Иногда «русского материала» было так много, что целые номера газеты посвящались России. В письме к С. Н. Равич в октябре 1915 г. Н. К. Крупская писала: «Русского материалу у нас набралось опять много и очень интересного...» [5].

Факты, таким образом, опровергают версию об «изолированности» Ленина от России в годы войны, о его

---

[1] «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 219.

[2] См. «Пролетарская революция», 1930, № 7—8, стр. 194—195.

[3] Подробнее об этом см. «Вопросы истории КПСС», 1961, № 2, стр. 113—123; *И. Г. Левитас, М. А. Москалев, Е. И. Фингерит.* Революционные подпольные типографии в России (1860—1917). М., 1962, стр. 352—353.

[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 49, стр. 12—15, 20—22, 63—65, 106—107, 148—150 и др.

[5] Ленинский сборник XI, стр. 191.

«забытости» на родине. Характерно, что, когда буржуазные историки изучают конкретный материал, они зачастую приходят к выводам, противоречащим лживым версиям. Так, английский историк М. Футрэлл, изучивший, как он пишет, «северное подполье», т. е. «русские революционные транспорты и сообщения, шедшие через Скандинавию и Финляндию», пришел к заключению, что «путь между Швейцарией и Петроградом никогда не прерывался надолго, хотя он никогда не функционировал так, чтобы Ленин был полностью удовлетворен» [1].

Изобразив Ленина полностью оторванным от России, многие английские и американские историки утверждают, что он якобы потерял веру в близкую революцию, считал, что уже не доживет до нее и, по утверждению Кармайкла, «стал даже думать о том, чтобы уехать в Америку» (!) [2]. Этот домысел они пытаются «документировать» с помощью старого фальсификаторского приема, путем выдергивания цитат.

Известно, что 22 января 1917 г. В. И. Ленин выступил в цюрихском Народном доме на собрании швейцарской молодежи с докладом о революции 1905 года. Из этого доклада и выдергивается фраза, произнесенная Лениным в заключительной части выступления: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции» [3]. «Доказательство» представляется многим английским и американским авторам настолько неотразимым, что эти ленинские слова в течение многих лет не сходят со страниц их книг. Их последовательно использовали в своих работах У. Чемберлин, Э. Карр, М. Флоринский, А. Мейер, А. Мурхед, Д. Фишер, Л. Страховский, Л. Шапиро, Б. Вольф, Д. Футмэн, Э. Крэнкшоу, Х. Дьюи, Р. Голдстон, Р. Дэниэлс и многие другие. Можно без преувеличения сказать, что эти выхваченные из контекста ленинские слова стали в англо-американской исторической литературе о Феврале «классической цитатой», своего рода «козырным тузом». «9 января 1917 г.,— пишет М. Флоринский,— т. е. за семь недель до падения монархии, событие, которое было с необычайной точностью предсказано охранкой и о котором открыто говорили в салонах великих княгинь, Ленин заявил в цюрих-

---

[1] *M. Futrell.* Northern Underground. London, 1963, p. 109.
[2] *J. Carmichael.* A Short History of the Russian Revolution, p. 31.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 328.

ской аудитории, что люди его поколения, вероятно, не доживут до решающих сражений приближающейся революции»[1]. Все, таким образом, знали о том, что в России будет революция, все, кроме Ленина. Составитель сборника «Свидетельства очевидцев о русской революции» Р. Петибридж избрал их даже в качестве эпиграфа ко второй главе этого сборника, охватывающей период с 1907 г. по март 1917 г. Правда, Петибридж «слегка» подправил слова Ленина, придав им категорическую форму. Эпиграф звучит так: «Я не надеюсь увидеть революцию. Ленин»[2]. А. Мурхед «заставил» Ленина повторить эту фразу даже «несколько раз»[3], а автор статьи о Февральской революции, опубликованной в журнале «Тайм», уверяет, что Ленин говорил о том, что «его поколение не доживет до свержения царизма»[4].

Так, произвольно интерпретируя вырванные из контекста ленинские слова, буржуазные историки рассчитывают убедить читателей в том, что Ленин не верил в возможность близкой революции, что ее наступление явилось для него полной неожиданностью[5]. Но убедить в этом можно разве только людей, которым абсолютно неведомы исторические факты. Ведь каждый, кто хоть сколько-нибудь знаком с историей и тем более с ленинскими высказываниями, знает, что в период первой мировой войны на основе глубокого анализа сложившегося положения Ленин буквально предсказал неизбежность близкой революции в России. В июне 1915 г. Ленин писал, что «революционная ситуация в большинстве передовых стран и великих держав Европы — налицо»[6]. Он подчеркивал: «К «интернационалистской», т. е. действительно революционной и последовательно революционной, тактике рабочий класс и рабочая социал-демократическая партия России подготовлены всей своей историей»[7]. В сентябре 1915 г. В. И. Ленин уже категори-

---

[1] *M. Florinsky.* Russia. A History and an Interpretation, vol. 2, p. 1401.

[2] *R. Pethybridge.* Witnesses to the Russian Revolution. London, 1964, Ch. 2.

[3] *A. Moorehead.* The Russian Revolution, p. 164.

[4] «The Lost Revolution».—"Time", 1967, March 17, vol. 89, N 11, p. 25.

[5] «Сообщения о русской революции,— утверждает Д. Шуб,— пришли для Ленина как неожиданность» *(D. Shub.* Lenin, a Biography, p. 101).

[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 221.

[7] Там же, стр. 265.

чески утверждал: «Жизнь учит. Жизнь *идет* через поражение России к революции в ней... Жизнь пошла этим путем» [1]. В ноябре 1915 г. в статье «О двух линиях революции» он подтверждает этот же вывод: «Военный кризис *усилил* экономические и политические факторы, толкающие ее (мелкую буржуазию — *Г. И.*) — и крестьянство в том числе — влево. В этом объективная основа полной возможности победы демократической революции в России» [2].

Жизнь давала Ленину доказательства неизбежности революционного взрыва. В опубликованной в январе 1916 г. статье «Оппортунизм и крах II Интернационала» он указывал, что «на почве кризиса, вызванного войной, растет революционное брожение в массах, растут стачки и политические демонстрации в России, стачки в Италии и Англии, голодные и политические демонстрации в Германии. Разве это не начало революционных массовых выступлений?» [3] Н. К. Крупская вспоминала, что Ленин никогда «не был так непримиримо настроен, как в последние месяцы 1916 г. и первые месяцы 1917 г. Он был глубоко уверен в том, что надвигается революция» [4]. В этой связи заслуживает внимания свидетельство Э. Сосса, приводимое М. Пианзолой в книге «Ленин в Швейцарии». «Ленин,— писал Э. Сосса,— проживал с 1-го июля по 14 августа 1916 г. в Мон-сюр-Беке, на даче Секс-Водран, называвшейся также дачей Буше и принадлежащей тогда г-ну Альфреду Женье из Бекса... Прощаясь с господином и госпожой Женье, Ленин заявил: «В России готовятся большие события»» [5]. В декабре 1916 г. Ленин прямо говорит о том, что «революция *растет* во всех странах...» [6] Ту же мысль он подчеркивает в статье «Поворот в мировой политике» и других работах.

Из письма к И. Арманд, написанного уже после получения первых сообщений о революции в России, явствует, что эти сообщения отнюдь не были неожиданными для Ленина. «Что Россия была последние дни *накануне* рево-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т 27, стр. 30.
[2] Там же, стр. 79.
[3] Там же, стр. 127.
[4] *Н. К. Крупская.* Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 271.
[5] *М. Пианзола.* Ленин в Швейцарии, стр. 92.
[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 218

люции,— пишет он,— это несомненно»[1]. Предвидя неизбежность революции в России, Ленин заранее готовил к ней партию. 30 марта 1917 г. в письме Я. Ганецкому Ленин, предлагая немедленно переиздать свои «Несколько тезисов», напечатанные в 47-м номере «Социал-демократа» в октябре 1915 г., писал: «Эти тезисы говорят прямо, ясно, точно, как нам быть при революции в России, говорят за $1^1/_2$ года до революции.

Эти тезисы замечательно, буквально, подтверждены революцией»[2].

Однако предвидение революции, вера в ее неизбежное наступление отнюдь не означали обязательности определения точной даты ее начала. Подобные предсказания Ленин считал обманом масс[3]. Но он неоднократно указывал, что в пролетарских массах таится огромный запас революционной энергии, которая при наличии определенных условий может «освободиться», произведя «социальный взрыв» огромной силы. Именно в «Докладе о революции 1905 года» Ленин особенно подробно развил эту мысль. Напомнив слушателям о том, что «за два дня до Кровавого воскресенья» либералы писали, что «в России нет революционного народа», Ленин сказал: «Это говорит о том, что в революционную эпоху,— я утверждаю это без всякого преувеличения, на основании самых точных данных русской истории,— пролетариат *может* развить энергию борьбы *во сто раз* большую, чем в обычное спокойное время. Это говорит о том, что человечество вплоть до 1905 года не знало еще, как велико, как грандиозно может быть и будет напряжение сил пролетариата, если дело идет о том, чтобы бороться за действительно великие цели, бороться действительно революционно!»[4] И Ленин делал поистине пророческий вывод: «Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе. Европа чревата революцией»[5]. Это было сказано 9 января 1917 г., примерно за шесть недель до Февральской революции в России.

Эти ленинские выводы буржуазные фальсификаторы замалчивают. Не «замечают» они и того, что доклад Ленина был обращен к молодежи и потому ему важно

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч , т. 49, стр. 399.
[2] Там же, стр. 421.
[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 458.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 312.
[5] Там же, стр. 327.

было подчеркнуть мысль о ее ответственности за судьбы грядущей революции. Отсюда и ленинские слова о «стариках», верящих в то, что молодежь будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции.

Использование ленинских работ «против» Ленина становится в последнее время все более частым в буржуазной историографии. И это, конечно, имеет свое объяснение. Ссылки на Сочинения В. И. Ленина призваны, очевидно, придать трудам западных «специалистов» по истории КПСС видимость объективности и особой убедительности. С «помощью» Ленина англо-американские буржуазные историки, как мы видели, отлучают от Февральской революции самого Ленина. Они приписывают ему также и отрицание вклада большевистской партии в свержение царизма.

Одна из попыток такого рода была предпринята Р. Абрамовичем в книге «Советская революция 1917—1939 гг.». «Демонстрации,— пишет он,— были совершенно стихийными... Ни большевики, ни меньшевики, ни социалисты-революционеры, чьи подпольные группы почти вымерли в эти дни, даже не претендовали на то, чтобы играть какую-либо роль в подготовке и начале восстания» [1]. Для придания этому положению большей «доказательности» Абрамович обращается к Ленину. В примечании к процитированным словам он пишет: «Ленин поставил интриги британского посла Бьюкенена на первое место среди непосредственных причин революции... Но у него нет никакого упоминания о его собственных партийных группах в Петрограде» [2]. И Абрамович ссылается на 296-ю страницу 23-го тома 4-го издания Сочинений В. И. Ленина.

Действительно, на указанной Абрамовичем странице (первое «Письмо из далека») нет оценки Лениным роли большевистской партии в канун и в период Февральской революции. Но Абрамович «не заметил», что уже во втором «Письме из далека», написанном через день после первого, В. И. Ленин писал: «Считаться с социал-демократической партией Центрального Комитета принудило Керенского и Чхеидзе влияние ее на пролетариат, на массы. Наша партия оказалась с массами, с революцион-

[1] *R. Abramovitch*, The Soviet Revolution 1917—1939. London, 1962, p. 12.
[2] Ibid., p. 33.

ным пролетариатом, *несмотря* на арест и высылку в Сибирь еще в 1914 году наших депутатов, несмотря на отчаянные преследования и аресты, которым подвергался Петербургский Комитет за свою нелегальную работу во время войны *против* войны и против царизма»[1]. Это напечатано на 305-й странице того же 23 тома 4-го издания Сочинений В. И. Ленина.

Несмотря на вынужденную эмиграцию, несмотря на огромные трудности в поддержании контактов с большевистскими организациями в Петрограде, в течение всего периода войны партией руководил В. И. Ленин. Всегда скромный в оценке своей деятельности, Ленин писал в «Приветствии съезду Итальянской социалистической партии» в октябре 1916 г.: «Наша партия находится в неизмеримо более трудных условиях, чем итальянская. Вся наша печать задушена. Но и из эмиграции нам удалось помочь борьбе наших товарищей в России»[2].

«Отлучив» от Февральской революции В. И. Ленина[3], буржуазные «специалисты» по истории КПСС «отлучают» затем от этой революции и большевиков, находившихся в России. Уже из ранее сказанного следует, что в изложении английских и американских историков роль

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 26—27.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр соч., т. 30, стр. 149.

[3] Опровержение вымысла об изоляции Ленина от событий в России накануне Февральской революции вызвало резкое недовольство Г. Каткова. «Советские историки,— пишет он, ссылаясь на статью, опубликованную в журнале «Вопросы истории КПСС»,— продолжают жаловаться на то, что так называемые «фальсификаторы истории» на Западе стремятся игнорировать и преуменьшить влияние Ленина на события в России в 1914—1916 гг.». «Но что делать бедному буржуазному историку,— пытается он иронизировать далее,— если его советские оппоненты публикуют в том же самом журнале («Вопросы истории КПСС», 1965, № 9) письмо жены Ленина Крупской, датированное 1916 г., в котором она горько сетует на то, что никто, кроме сестры Ленина, не сообщает им какой-либо информации о том, что происходит в России...» (*G. Katkov.* Russia 1917. The February Revolution, p. 443). По нашему мнению, Катков, иронизируя, делает в данном случае хорошую мину при плохой игре. Никто не отрицает того, что связи Ленина с Россией в годы мировой войны были затруднены и нередко прерывались. Стремлением укрепить и расширить эти связи и было продиктовано упомянутое письмо Н. К. Крупской. Но ведь помимо этого письма существует ряд других документов, свидетельствующих о контактах Ленина с Россией. Для Каткова, однако, важно только письмо Крупской. Перед нами старый фальсификаторский прием: для «доказательства» необходимого тезиса брать из множества документов только тот, который «подходит», и игнорировать все «неподходящие».

большевиков в свержении царизма сводится до минимума. Что в действительности могла сделать в решающие дни и часы борьбы с самодержавием партия, которая, по утверждениям фальсификаторов, в предшествующие этим дням годы фактически исчезла со сцены?

Однако многие буржуазные историки в Англии и США идут еще дальше, утверждая, что большевики не только не способствовали наступлению Февральской революции, но были даже... против нее. Родоначальником этой версии является не кто иной, как Керенский. В статье «Почему пала русская монархия», опубликованной в Англии еще в 1930 г., он, доказывая, что Февральскую революцию никто не готовил и не ожидал, старался убедить читателей, что это особенно верно в отношении «крайне левых». «Тому,— писал Керенский,— имеются весьма убедительные подтверждения. Я и небольшая группа моих политических друзей, членов различных демократических и социалистических партий, были информированы о готовившемся дворцовом перевороте. Наша задача состояла в том, чтобы подготовить к предстоящим изменениям левые партии, связанные с Рабочей группой. Мы должны были предотвратить возможность неожиданного и стихийного выступления в момент изменения режима. С этой целью мы организовали конспиративный центр под названием «Информационное бюро», куда вошли все левые партии и среди них большевики. Вечером 11 марта (по новому стилю.— *Г. И.*), всего лишь за несколько часов до решающего восстания гвардейских полков, это бюро собралось в моей квартире на одно из своих обычных совещаний, и здесь представители большевиков заявили нам: «Никакой революции не может быть не только сейчас, но нельзя ожидать ее и в близком будущем. Силы реакции все более и более крепнут»» [1].

Таким образом, откровенно признавшись, что он сам и его «политические друзья» были противниками народной революции, Керенский причислил к ним и большевиков. В статье он не говорит о том, кто же были «представители большевиков», высказавшиеся на совещании бюро против революционного выступления масс, но в его книге «Катастрофа» мы находим имя одного из них. Оказы-

---

[1] *A. F. Kerensky.* Why the Russian Monarchy Fell.— "The Slavonic and East European Review", 1930, vol. 8, N 24, p. 498—499.

вается, это был Юренев [1]. Версию Керенского полностью воспроизвел в своей книге Б. Пэйрс» [2].

Этот факт представляется английским и американским буржуазным историкам настолько убедительным, что он до сих пор продолжает фигурировать в их работах. Р. Браудер в статье, специально посвященной Керенскому, пишет что «на совещании социалистических представителей на квартире у Керенского» только он, Керенский, «настаивал на необходимости дать массам направление и политическую цель» и что против этого выступил представитель большевиков Шляпников и его «ближайший товарищ из Межрайонки Юренев». В подтверждение Браудер ссылается на Керенского и В. Зензинова, также присутствовавшего на совещании [3].

Составители трехтомной публикации «Русское Временное правительство» Браудер и Керенский во введении к 1-й части 1-го тома также категорически заявляют: «Большевистские представители утверждали, что восстание безнадежно, обречено на неудачу и приведет к репрессиям и глубокой реакции» [4].

Это утверждение Браудер и Керенский затем «обосновывают» с помощью воспоминаний эсера В. Зензинова, опубликованных им в белоэмигрантском «Новом журнале». В своих мемуарах (отрывок из них приводится в 1-м томе публикации «Русское Временное правительство» под 8-м номером) Зензинов, описывая ту же самую встречу «представителей некоторых политических и общественных организаций», состоявшуюся на квартире у Керенского в ночь на 26 февраля, уверяет, что «позиция большевиков на этом собрании была поразительной и для большинства присутствующих неправдоподобной и невероятной». Кто же выразил эту «поразительную и невероятную» позицию большевиков? Все тот же И. Юренев. Зензинов пишет следующее: «Мы считали, что революционная волна растет, что мы должны готовиться к решительным событиям. Юренев, который только себя считал левым, упорно пытался охладить наш пыл. Нам было ясно, что такая позиция не является только его лич-

---

[1] См. *A. F. Kerensky.* The Catastrophe. N. Y., London, 1927, p. 6—7.

[2] *B. Pares.* The Fall of the Russian Monarchy, p. 443, 444.

[3] См. *R. Browder.* Kerensky Revisted. "Harvard Slavic Studies", vol. 4. Cambridge, Mass., p. 424.

[4] *R. Browder* and *A. Kerensky,* eds. The Russian Provisional Government, 1917. Documents, vol. 1, p. 22.

ным мнением, но *выражает мнение большевистской организации Петрограда»* [1]. В новейшей литературе, вышедшей в Англии и США к 50-летию Февральской и Октябрьской революций, также повторяется эта старая версия [2].

Ничего оригинального не придумал и Катков, претендующий на «новое слово» в истории Февральской революции. Доказывая, что накануне февральских событий и в дни забастовки, а затем восстания большевики вообще не знали, «какую позицию им занять», он не нашел ничего лучшего, как опять-таки обратиться к упомянутым воспоминаниям Керенского и Зензинова [3].

Можно допустить, что память не изменяла Керенскому и Зензинову, и они вложили в уста Юренева именно те слова, которые тот произнес во время совещания у Керенского. Суть в ином. В отличие от Керенского и Зензинова сам Юренев отнюдь не считал себя в феврале 1917 г. большевиком (и тем более представителем большевистской организации Петрограда) [4]. Да иначе и не могло быть, ибо, по словам того же Юренева, «межрайонка», к которой он принадлежал, была организацией, «фигурирующей вроде третьего партийного тела — наряду с большевиками и меньшевиками» [5]. Как известно, небольшая по численности группа межрайонцев была принята в партию только на VI съезде РСДРП(б).

Большевистские представители, принимавшие участие в совещаниях, о которых пишут Керенский и Зензинов, рассматривали их как чисто информационные. Но и на этих совещаниях большевики занимали позицию, ничего общего не имеющую с той, которую приписывают им Зензинов, а заодно с ним Браудер, Керенский, Кочэн, Катков и др. Они твердо стояли на позиции подготовки к непосредственным выступлениям против царизма, к политической стачке, уличным демонстрациям.

По мере нарастания событий большевики все активнее включались в революционную борьбу. Об этом свидетельствуют многочисленные документы и воспоминания участников Февральской революции. Вечером 23

---

[1] Курсив наш.— *Г. И.*

[2] См., например, *L. Kochan.* Russia in Revolution. 1890—1918, p. 189; *R. Massie.* Nicholas and Alexandra, p. 382.

[3] См. *G. Katkov.* Russia 1917. The February Revolution, p. 254.

[4] См. *И. Юренев.* Борьба за единство партии. (Очерк возникновения и деятельности Петроградского межрайонного комитета.) Пг., 1917, стр. 13.

[5] Там же, стр. 15.

февраля, когда в городе начались забастовки и демонстрации, состоялось экстренное заседание Выборгского райкома партии с представителями от ПК и Русского бюро ЦК. На нем было принято решение о расширении начавшейся забастовки, о проведении демонстраций на Невском проспекте, об усилении агитации среди солдат гарнизона и о приобретении оружия [1]. В этот же вечер решение о вовлечении в движение солдат, работавших на Путиловском заводе, вынес Нарвский райком [2]. 24 февраля Русское бюро ЦК постановило развивать движение с тем, чтобы перевести его во всеобщую политическую стачку, а также еще более активизировать агитацию среди солдат. Решено было информировать об этом близлежащие к столице города и партийные организации Москвы [3].

25 февраля на заседании Бюро ЦК была написана листовка, в которой говорилось: «Надвинулось время открытой борьбы. Забастовки, митинги, демонстрации не ослабят организацию, а усилят ее... Пусть приспешники капитала назовут наши действия стачечным азартом и вспышкопускательством. Спасение в немедленной и повседневной борьбе, а не в откладывании ее на дальний срок... Всех зовите к борьбе. Впереди борьба, но нас ждет верная победа» [4]. 26—27 февраля Петербургский комитет большевиков в листовке, обращенной к солдатам, призывал: «Братья-солдаты! Третий день мы, рабочие Петрограда, открыто требуем уничтожения самодержавного строя, виновника льющейся крови народа, виновника голода в стране, обрекающего на гибель ваших жен и детей, матерей и братьев...» [5].

В распоряжении историков имеются многочисленные документы из фонда департамента полиции, петроградского и московского охранных отделений, а также местных жандармских и полицейских учреждений, со всей наглядностью подтверждающие активное участие большевиков в февральских событиях.

---

[1] См. *Н. Свешников*. Отрывки из воспоминаний.— «Петроградская правда», 14 марта 1923 г.

[2] См. *М. Миттельман, Б. Глебов, А. Ульянский*. История Путиловского завода. М., 1961, стр. 549.

[3] См. *А. Шляпников*. 17 год, кн. 1. Пг., 1923, стр. 87—88.

[4] «Листовки петербургских большевиков. 1902—1917», т. 2. М., 1939, стр. 150.

[5] Там же, стр. 250—251.

Ряд новых документов «агентурного происхождения» опубликовали Е. К. Барштейн и Л. М. Шалагинова. Важнейший из них — «Записка департамента полиции о заседании Петербургского комитета РСДРП 25 февраля 1917 г.». Этот документ показывает, что в дни штурма царского самодержавия большевики разрабатывали план действий «для разрешения вопроса о наилучшем и целесообразном порядке управления уже возбужденными, но недостаточно еще организованными массами» [1]. План петроградских большевиков включал целый ряд мероприятий: издание листовок, посылку связных в Москву и другие города, прекращение подачи воды и электроэнергии, нарушение телефонной связи в городе, строительство баррикад. Решено было также «немедленно образовать на заводах ряд заводских комитетов, члены каковых должны выделить из своего состава представителей в «информационное бюро», каковое послужит связующим звеном между организацией и заводскими комитетами и будет руководить последними, передавая им директивы Петербургского комитета». «Информационное бюро,— сообщается далее в этом интересном полицейском документе,— по предложению заговорщиков должно будет в дальнейшем образоваться в «Совет рабочих депутатов», по типу функционировавшего в 1905 г.» [2] 27 февраля был опубликован Манифест ЦК «Ко всем гражданам», призывавший к созданию Временного революционного правительства, которое должно было провозгласить республику, ввести 8-часовой рабочий день, передать землю народу, созвать Учредительное собрание и начать революционную борьбу за демократический мир. Таким образом, как пишет академик И. И. Минц, «большевистская партия была первой и единственной партией, которая опубликовала еще до окончательной победы революции свою платформу, революционные лозунги и конкретные предложения по дальнейшему развитию революции» [3]. Февраль был лишь одним из важнейших этапов в длительной борьбе большевистской партии за освобождение России от гнета само-

---

[1] «Вопросы архивоведения», 1962, № 1, стр. 111—112.

[2] Там же.

[3] *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 1. Свержение самодержавия. М., 1967, стр. 544.

державия, помещиков и капиталистов, борьбе, венцом которой стал Октябрь 1917 г.

* *
*

Мы рассмотрели наиболее распространенную в англо-американской буржуазной историографии «аргументацию», на основе которой В. И. Ленин и большевики объявляются фактически непричастными к свержению царизма. Нетрудно видеть, сколь она ограниченна и беспомощна. Ничего, кроме тенденциозного толкования цитат, выхваченных из ленинских работ, да сылок на мемуары Керенского и Зензинова, путающих межрайонцев с большевиками[1].

Тем не менее, как уже отмечалось, некоторые буржуазные авторы, нападая на советских историков за «попытки... прославить роль своей партии в низвержении монархии»[2], утверждают, будто Февральская революция была абсолютно стихийным и неожиданным событием. При этом они вольно или невольно критикуют свое собственное понимание революции как заранее подготовленной и организованной акции. Так, по словам Г. Каткова, нет доказательств, что «демонстрации и особенно восстание солдат были *подготовлены или организованы большевистскими руководителями.* Наоборот, все доказательства показывают, что большевики не сумели создать *организацию, способную вызвать* (of provoking)

---

[1] Впрочем можно назвать еще один «аргумент». Он был выдвинут еще в 30-х годах основоположником «русских исследований» в Англии Б. Пэйрсом: «...В материалах послереволюционной комиссии, созданной сразу же после первой революции и работавшей до начала второй (Пэйрс имеет в виду публикацию «Падение царского режима» под ред. П. Е. Щеголева. М.—Л., 1924—1927.— *Г. И.*), в которых содержится большинство исчерпывающих показаний всех ответственных за падение монархии, имя Ленина не упоминается». И в скобках Пэйрс уточняет: «Только четыре раза, да и то случайно» (*B. Pares.* The Fall of the Russian Monarchy, p. 432). Столь точный подсчет упоминаний имени Ленина в семи объемистых томах материалов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства свидетельствует, конечно, об исследовательской скрупулезности Пэйрса и... о полном непонимании характера источника, который он исследовал (см. *А. Л. Сидоров.* Материалы о свержении царизма в фонде Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.— «Исследования по отечественному источниковедению». М.—Л., 1964, стр. 143).

[2] *M. Florinsky.* The End of the Russian Empire, p. 171—172.

массовые выступления в то время»[1]. Журнал «Тайм» также уверяет, что Февральскую революцию никто «не планировал и не замышлял»[2].

В этих утверждениях, как отмечает английский историк-коммунист Э. Ротштейн, со всей наглядностью проявляется «полицейски-окрашенное буржуазное мышление», «полицейская концепция» революции, которую К. Маркс высмеял еще в «Гражданской войне во Франции»[3]. По этой концепции революция является результатом «подрывной деятельности» активного меньшинства, «заговорщиков», стремящихся захватить власть. Такие «революции», конечно, бывают в истории,— пишет Э. Ротштейн,— но они представляют собой «вооруженные перевороты, осуществленные против народа и зачастую при иностранной поддержке и помощи, которые компенсируют заговорщикам отсутствие сознательной поддержки со стороны масс...»[4].

С точки зрения марксизма-ленинизма такие «революции» ничего общего с подлинными революциями не имеют. Подлинные революции, т. е. движения, в которые вовлечены миллионы и десятки миллионов людей, заранее спланировать невозможно. В них в большей или меньшей степени всегда присутствует элемент стихийности. В новейших советских исследованиях отнюдь не отрицаются элементы стихийности и в Февральской революции[5]. Но если буржуазные историки под стихийностью подразумевают анархические, бунтарские действия масс, полностью лишенные политической организованности и сознательности, то в понимании советской исторической науки стихийность движения «есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустранимости»[6]. С этих позиций и решается в советской исто-

---

[1] *G. Katkov.* Russia 1917. The February Revolution, p. 33. (Курсив наш.— *Г. И.*).

[2] "The Lost Revolution".— "Time", 1967, March 17, vol. 89, N 11, p. 22.

[3] См. *A. Rothstein.* 1917. The Overthrow of Tsarism—"Marxism Today", 1967, July, p. 215.

[4] Ibid., p. 215—216.

[5] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2. М., 1966; *Э. Н. Бурджалов.* Вторая русская революция. М., 1967; *И. А. Алуф.* О некоторых вопросах Февральской революции.— «Вопросы истории КПСС», 1967, № 1; «История СССР», т. VI. М., 1968, и др.

[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 217.

рнографии вопрос о роли большевистской партии в Февральской революции.

В. И. Ленин говорил: «Мы в своей стране, где пережили две революции, знаем и видим, что нельзя предсказать хода революции, что нельзя ее вызвать. Можно только работать на пользу революции. Если работаешь последовательно, если работаешь беззаветно, если эта работа связана с интересами угнетенных масс, составляющих большинство, то революция приходит, а где, как, в какой момент, по какому поводу, сказать нельзя» [1].

Именно так беззаветно и последовательно партия большевиков вела «трудную и длительную борьбу за внесение в стихийное движение масс сознательности и организованности, за осуществление своей руководящей роли в революционной борьбе» [2]. «И когда в феврале 1917 г. грянула революционная буря, большевики были с массами и во главе их, показав себя бесстрашными руководителями революционных боев, решивших судьбу монархии» [3]. Такова была подлинная роль ленинской партии в Февральской революции.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т 36, стр. 458

[2] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, стр. IX.

[3] Там же, стр. 654.

Н. Н. Демочкин,
Ю. И. Игрицкий

СОВЕТЫ 1917 г. В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Одним из главных объектов нападок буржуазной историографии и пропаганды является советская демократия, Советы — как государственная форма диктатуры пролетариата. В СССР нет «истинной свободы», «демократия в России была казнена коммунистами», пишет американский журнал «Тайм» [1], а известный английский «советолог» Эдуард Крэнкшоу, прибегая к модной на Западе терминологии, заявляет, что в 1917 г. в России возникло «первое тоталитарное государство в современной истории» [2].

Сознательно искажая сущность диктатуры пролетариата, многие буржуазные историки впадают в явное противоречие: отрицание народности Октябрьской революции следует у них за признанием того факта, что народ шел за большевиками. Так, в журнале «Тайм» мы находим утверждение, будто в России в 1917 г. образовался «вакуум власти», который-де использовался «ленинской коалицией рабочих и солдат» (т. е. тех же рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели). У Крэнкшоу противоречие, пожалуй, еще более разительное: на одной странице он пишет, что «Советы начали повторять большевистские требования мира, хлеба и земли», а на другой утверждает, что Октябрьская революция «не была народной революцией, она была быстрым государственным переворотом».

Почему же свержение буржуазного Временного правительства в России не было делом рук народа, если Советы (т. е. представители народа, избранные им и выражавшие его волю) шли за большевиками? Откуда столь явный алогизм у такого искушенного «советолога», как Крэнкшоу? Дело в том, что этот алогизм характерен

[1] "Time", 17. III 1967, p. 27.

[2] *E. Crankshaw* The Coup that Changed the World.— "The New York Times Magazine", 19. II. 1967, p. 100.

для трудов большинства буржуазных историков. Большевизация Советов и через них широких масс осенью 1917 г.— факт непреложный, и оспаривать его никто уже не рискует. Оценка же Октябрьской революции как верхушечного «переворота» — это плод обычной для фальсификаторов манипуляции фактами, суждениями, оценками.

Для объективного ученого, однако, совершенно очевидно, что вывод о демократичности и широте социальной базы государственной власти, утвердившейся в результате революции, может быть сделан лишь с учетом взаимоотношений между этой властью и массами, а также классового состава нового государственного аппарата. Но именно этими вопросами буржуазные ученые, как правило, предпочитают не заниматься. Неудивительно, что в буржуазном советоведении почти нет книг, посвященных собственно Советам [1].

А в общих курсах истории СССР и в работах о русских революциях Советам в лучшем случае отводится по нескольку страниц, к тому же написанных обычно так, что именно взаимоотношения между партией большевиков и массами остаются для читателя загадкой.

Правда, в последние годы на Западе стали появляться исторические труды, в которых целый ряд вопросов, касающихся вызревания и свершения социалистической революции в России, в том числе и вопрос о взаимосвязи большевистской партии и Советов, исследуются более скрупулезно и объективно, чем ранее. Но эти труды «не делают погоды» в буржуазной историографии в целом, и — что является главным — их влияние на предназначенные для студентов общие курсы пока ничтожно. Поэтому мы рассмотрим только традиционные для буржуазных историков концепции, создающие искаженное представление о Советах в 1917 г. в России.

1. По поводу двух общих схем Шапиро и Кларксона

Пренебрежение анализом классовой сущности Советов, их функций особенно заметно в работах тех буржуазных авторов, которые считают, что движущей силой

[1] Исключением является книга *O. Anweiler*. Die Rätebewegung in Rußland. 1905—1921. Leiden—Köln, 1958.

истории является борьба за власть отдельных выдающихся личностей и небольших групп их приверженцев. Эти авторы уделяют главное внимание межпартийной и внутрипартийной борьбе и мало интересуются изучением деятельности классов и представительных органов новой власти.

Среди представителей этого направления выделяется профессор Гарвардского университета Мерл Фейнсод. Его книга «Как управляется Россия» [1] по своей теме, казалось бы, должна дать читателю ясное представление о возникновении и развитии Советов как органов пролетарской диктатуры. Но Фейнсод априорно исходит из того, что Октябрьская революция привела к установлению диктатуры не пролетариата, а партии; историю Советов он просто игнорирует, ибо изучение ее мешает его клеветническим построениям.

Другие буржуазные историки вынуждены хотя бы общими фразами писать о Советах, их роли в русских революциях и отношении к ним ведущих политических партий. Здесь более или менее отчетливо выявляются две концепции. Одна из них, восходящая к идеям и лозунгам меньшевиков, утверждает, что последние играли главенствующую роль в возникновении Советов, а их программа в наибольшей степени отвечала чаяниям масс. Другая представляет Советы исключительно как выражение стихийного бунтарства и тяги к самоуправлению масс, т. е. как органы, не нуждавшиеся в руководстве какой-либо политической партии вообще.

Что касается отношения меньшевиков к Советам, то оно, как известно, было негативным, меньшевистская партия никогда не рассматривала Советы как органы революционной власти народа. В 1905 г. меньшевики надеялись, что Советы станут органами не вооруженного восстания, а местного самоуправления [2]. После Декабрьского вооруженного восстания в Москве они пришли в ужас от революционного «самоуправства» масс. В 1917 г. меньшевистское руководство, помня об этом «самоуправстве» и считая, что Россия еще не созрела для социали-

---

[1] *M. Fainsod.* How Russia Is Ruled. Cambridge, Mass., 1959 (последнее издание вышло в 1965 г.).

[2] См. «Общественное движение в России в начале XX в.» (под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова), т. 2. СПб., 1906, стр. 62—63.

стических преобразований, готово было пойти (и пошло) на любые уступки буржуазии, лишь бы не допустить перехода власти к Советам.

Парадоксальность положения меньшевиков весной 1917 г. после свержения монархии заключалась в том, что они оказались в руководстве Советов, возникших в ходе Февральской революции. Неискушенность миллионных масс в политике, усиление мелкобуржуазной стихии в стране и другие обстоятельства привели к тому, что меньшевики и эсеры, потерявшие свое влияние среди рабочих, в дни Февральской революции выплыли на поверхность политической жизни.

Потерпев политический и идейный крах в ходе революции, меньшевики вынуждены были как-то оправдать свое фиаско. Они предпочли «забыть» о том, что буквально трепетали перед революционностью народа, и главной чертой масс объявили аполитичность и склонность к чисто экономической борьбе. Большевикам в этой концепции отводилось место ловких политиканов и искусных практиков, сумевших «взвинтить» массы, а затем, захватив власть, поставить себя «над» ними.

В современной буржуазной литературе эта точка зрения весьма выпукло представлена в книгах Л. Шапиро и Р. Абрамовича. Причем взгляды Шапиро претерпели определенную «эволюцию» в сторону сближения с меньшевистской идеологией за какие-то четыре-пять лет — между 1956 (год выхода его первой книги «Происхождение коммунистической автократии», беспринципно соединяющей различные антисоветские позиции) [1] и 1960 г., когда появилась его широко разрекламированная «история» КПСС, в которой даже западные рецензенты усмотрели меньшевистский дух [2]. Если в 1956 г. Шапиро писал, что Советы в период Февральской революции были «импровизированными органами самовыражения» и возникли «как плод специфического русского тяготения к сти-

---

[1] *L. Schapiro.* The Origin of the Communist Autocracy. London, 1956. Р. Шлезингер, занимавший тогда пост главного редактора журнала "Soviet Studies", назвал эту книгу «агломератом» различных точек зрения политических противников большевиков ("Science and Society", Winter 1961, p. 13—14).

[2] *L. Schapiro.* The Communist Party of the Soviet Union. N. Y., 1960.

хийной организации»[1], то в 1960 г. эта трактовка у него получила заметную меньшевистскую окраску. Во-первых, Шапиро заявил, что накануне Февральской революции большевики не имели влияния среди рабочих; во-вторых, он выдвинул на первый план «рабочую группу» в Петербургском военно-промышленном комитете, где преобладали меньшевики. «По иронии истории,— писал Шапиро,— «ликвидаторам» выпало сыграть более значительную роль в свержении монархии, чем любой другой фракции внутри социал-демократической партии. Верные меньшевистским традициям (?!), они предприняли немедленные меры для того, чтобы организовать Совет»[2].

Представители другого направления буржуазного советоведения стремятся представить трудящихся и их массовые организации в России 1917 г. безликой силой, далекой от любых политических партий. В Февральской революции, пишет, например, Д. Кларксон, рабочие и солдаты «действовали без предварительных раздумий» и «руководства», они просто «вспомнили дни 1905 года» и начали «сугубо стихийные выборы в Совет». Что же касается меньшевиков, то лишь через три дня «члены рабочей группы Военно-промышленного комитета, освобожденные из-под ареста, встретились в Таврическом дворце с социалистами — членами Думы и организовали Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов». Кларксон не утверждает, что меньшевики лучше других партий понимали и выражали чаяния трудящихся России. Однако отсюда не следует, что Кларксон объ-

---

[1] *L. Schapiro.* The Origin of the Communist Autocracy, p. 21. Близок к этой точке зрения западногерманский историк Г. фон Раух, считающий, что Советы были порождены «анархией улицы» (*G. von Rauch.* Geschichte des bolschewistischen Russland. Wiesbaden, 1955, S. 127—128).

[2] *L. Schapiro.* The Communist Party of the Soviet Union, p. 155. Одним из последних примеров повторения меньшевистской точки зрения на образование Петроградского Совета в феврале 1917 г. может служить книга Г. Каткова «Россия в 1917 г. Февральская революция», вышедшая в 1967 г. и явно «приуроченная» к пятидесятилетию Советской власти. «Не кажется вероятным, что большевики сыграли какую-либо роль в первой попытке организовать Петроградский Совет,— пишет Г. Катков,— инициатива выборов и контроль над ними твердо находились в руках меньшевиков, которые были тесно связаны с рабочей группой Военно-промышленного комитета» (*G. Katkov.* Russia 1917. The February Revolution. London, 1967, p. 357).

ективно оценивает роль большевиков: он и их «отлучает» от масс, фактически противопоставляя Советам [1].

Помимо этих двух наиболее четко выраженных точек зрения на образование Советов и роль в этом большевиков и меньшевиков, а в более широком плане на взаимоотношения партий и классов в 1917 г. в России в современной буржуазной историографии можно обнаружить и следы совершенно архаических кадетско-монархических воззрений, и запутанные эклектические построения, и попытки более объективно и трезво подойти к рассматриваемым сюжетам. Так, если Э. Тэйлор в своей книге «Падение династий. Крах старого порядка. 1905—1922» категорически отрицает какую-либо поддержку партии большевиков «общественным мнением» России [2], то профессор Колумбийского университета (США) О. Рэдки, давно изучающий деятельность эсеров и убедившийся в закономерности идейного и политического краха последних, приходит к выводу о том, что в 1917 г. большевики были ближе к массам, чем любая другая партия в России [3]. Т. фон Лауэ, преподающий в университете Сент-Луиса, отмечает, что меньшевики и эсеры «никогда полностью не признавали Советы подходящей основой государственной власти, ибо они, как и либералы, считали их неспособными выполнять ответственные функции управления государством»; Ленин же, наоборот, верил в то, что массы могут справиться с этими «монументальными задачами» [4]. Английский историк Л. Кочэн так пишет об отношении большевиков к Советам: «Ленин видел в них потенциальные зародыши революции... Ленинский динамичный взгляд на Советы как на эмбрион революционного правительства под независимым контролем партии разительно отличался от несколько пассивной роли рабочего съезда, приписываемой им меньшевиками» [5]. В данной статье не будут рассмотрены такие, не совсем

---

[1] См. *J. Clarkson.* A History of Russia. N. Y., 1961, p. 438—439, 484.

[2] См. *E. Taylor.* The Fall of the Dynasties. The Collapse of the Old Order. 1905—1922. Garden City, 1963, p. 308.

[3] См. *O. Radkey.* The Agrarian Foes of Bolshevism. Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries. February to October 1917. N. Y., 1958, p. 430—431.

[4] *T. H. von Laue.* Westernization, Revolution and the Search for Basis of Authority — Russia in 1917.— "Soviet Studies", October 1967, p. 174—176.

[5] *L. Kochan.* Russia in Revolution. 1890—1918. N. Y., 1966, p. 135.

характерные для буржуазной историографии, точки зрения на роль большевиков в революциях 1917 г. Остановимся лишь на интерпретации Советов представителями двух вышеупомянутых основных направлений.

2. Большевики, меньшевики и Советы в Февральской революции

Мы уже видели, как Л. Шапиро превозносит роль меньшевиков в Февральской революции и в образовании Петроградского Совета рабочих депутатов. На аналогичных позициях стоит А. Анвайлер, заявляющий, что идею образования Петроградского Совета высказал меньшевик Череванин, а в жизнь она была претворена «рабочей группой» при Центральном военно-промышленном комитете [1]. В то же время оба эти автора совершенно отрицают роль большевистской партии в возникновении Советов [2]. Некоторые буржуазные историки даже утверждают, что большевики были против образования Советов и оказались вынужденными провозгласить идею Советской власти перед лицом резко возросшей активности масс [3].

Аргументация западных «советологов» в значительной степени сводится к спекулятивному раздуванию значения двух конкретно-исторических фактов: до Февральской революции меньшевики вели легальную деятельность среди рабочих, а большевики находились в подполье и эмиграции. Из первого делается вывод о популярности меньшевиков, из второго — об отрыве большевиков от масс.

Верно, конечно, что у меньшевиков до свержения царизма было больше, чем у большевиков, возможностей пропагандировать свои взгляды в рабочей среде. Но

---

[1] См. *O. Anweiler*. Op. cit., S. 94.

[2] «Отлучение» большевиков от Советов является частью общих попыток буржуазных авторов «доказать», что большевистская партия не принимала участия в Февральской революции (см., например, *G. von Rauch*. Op. cit., S. 67), что она не была готова к этой революции и в ее рядах царило «замешательство» (*E. Lemberg*. Osteuropa und die Sowjetunion. Salzburg, 1955, S. 157).

[3] См., например, *E. Hanisch*. Geschichte Sowjetrußlands. 1917—1941. Freiburg, 1951, S. 12; *F. Gross*. The Seizure of Political Power in a Century of Revolutions. N. Y., 1959, p. 134.

отсюда отнюдь не следует, что они имели успех. В разгар мировой империалистической войны оппортунизм и социал-шовинизм партии меньшевиков, раздираемой внутренними противоречиями, привели к потере ею авторитета в рабочей среде. Современные буржуазные авторы, симпатизирующие меньшевикам и вольно или невольно сближающие их взгляды со взглядами западноевропейских реформистов, забывают, что в России «рабочая аристократия», в среде которой, по определению В. И. Ленина, могли произрастать как «циничный» оппортунизм гайндмановского и вандервельдовского типа, так и маскировавшееся под марксизм каутскианство, была значительно слабее, чем на Западе. Что же касается рабочих низов, «настоящих масс», то о влиянии меньшевиков среди них В. И. Ленин писал в октябре 1916 г. следующее: «...мы знаем с достоверностью, что «защитники отечества» в империалистской войне *представляют* лишь меньшинство» [1]. Даже Н. Суханов вынужден был признать, что, в то время как большевики в дни Февральской революции руководили борьбой масс, в меньшевистских и эсеровских верхах царили разброд и растерянность [2].

Оптимистическая оценка меньшевиками весной 1917 г. перспектив развития реформизма в российском пролетариате («...Мартов и К°,— *оптимисты*... насчет *оппортунизма*» [3],— писал В. И. Ленин) основывалась прежде всего на их преувеличении собственной роли в исполкоме Петроградского Совета, ЦИК Советов первого созыва и во Временном правительстве. В середине лета 1917 г., когда миновал период двоевластия, у них заметно убавилось самоуверенности. Все же они продолжали выдавать себя за руководителей демократической борьбы масс и «духовных отцов» Советов. Так, 27 августа 1917 г., в день полугодовщины Февральской революции, в «Известиях» Петроградского Совета они объявили себя организаторами Совета и в доказательство сослались на то, что совещание представителей Союза потребительских обществ и думской фракции меньшевиков приняло 25 февраля решение призвать рабочих начать выборы депутатов в Совет. Однако документы говорят о том, что на этом со-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 178.

[2] См. *Н. Суханов.* Записки о революции, кн. 1 Пг., 1919, стр. 27, 45—46.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 169.

вещании было предложено провести 27 февраля собрания рабочих для выборов представителей лишь в продовольственные органы [1].

Меньшевики действительно призывали рабочих выбирать депутатов в Петроградский Совет (а потом и в другие Советы). Вместе с эсерами они даже создали Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов. Но, во-первых, это случилось лишь 27 февраля, через три дня после того, как рабочие начали выбирать своих депутатов в Совет; во-вторых, Временный исполком был создан без участия рабочих.

Советы в Февральской революции возникали по инициативе самих масс. Массы создали Советы даже раньше, чем какая-нибудь партия успела провозгласить этот лозунг, подчеркивал В. И. Ленин. «Само глубокое народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 года, умудренное им,— вот кто создал эту форму пролетарской власти» [2]. Первые выборы в Петроградский Совет рабочих депутатов состоялись на фабриках и заводах 24 и 25 февраля.

Петроградские большевики призвали население столицы создать Совет рабочих депутатов 27 февраля. Но роль их в создании Совета качественно отличается от роли меньшевиков (об этом умалчивают представители «второй» точки зрения буржуазной историографии Советов 1917 г.). Совершенно неверна посылка о неорганизованности большевиков и потере ими контактов с массами накануне Февраля. В конце 1916 — начале 1917 г. большевики, несмотря на репрессии, восстановили свою организацию во всероссийском масштабе при наличии единого центра в лице Русского бюро ЦК [3]. Обвинение в неспособности руководить революционной борьбой в России из-за рубежа сам В. И. Ленин убедительно опроверг еще в январе 1917 г. в открытом письме Б. Суварину [4]. Большевики внутри России, поддерживавшие связь с Лениным, своей, в отличие от меньшевиков, действительно революционной пропагандой укрепляли в рабочей

---

[1] См. *И. И. Минц.* История Великого Октября, т. 1. М., 1967, стр. 551.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 6

[3] См. *И. А. Алуф.* О некоторых вопросах Февральской революции. «Вопросы истории КПСС», 1967, № 1, стр. 17—31.

[4] См. *В. И. Ленин.* Полн собр. соч., т. 30, стр. 269—270.

среде сознание необходимости вооруженного выступления против царизма и тем самым готовили февральские события. В середине февраля Петербургский комитет РСДРП(б) распространил среди рабочих листовку, в которой содержались такие призывы: «Настало время открытой борьбы!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует социализм!» [1] 23 февраля рабочие вышли на улицы с большевистскими лозунгами мира, хлеба и свободы. Уже 25 февраля на заседании Бюро ЦК было принято решение о создании Совета рабочих депутатов. В этот же день на заседании Выборгского районного комитета РСДРП(б) указывалось, что «по заводам есть стремление выбирать представителей в Совет рабочих депутатов, выборы которых райком старается взять в свои руки» [2]. Однако участие большевиков в выборах в Совет было сопряжено с большими трудностями. Достаточно сказать, что в начале марта, когда РСДРП(б) вышла из подполья, в Петрограде насчитывалось всего около 2 тыс. большевиков [3]. И все же даже в эти первые после свержения самодержавия дни среди депутатов, избранных в Петроградский Совет от различных предприятий, не всегда преобладали представители соглашательских партий [4].

Следует подчеркнуть, что главный вклад большевиков в создание Советов в феврале 1917 г. заключался в их неустанной пропагандистской работе, содействовавшей росту революционного сознания рабочих и солдат, укреплению их веры в осуществимость пролетарской революции, сохранению боевых традиций вооруженной борьбы 1905 г. Вопреки утверждениям Ханиша и Анвайлера большевики не только не были против создания Советов в Февральской революции, но, наоборот, всячески

---

[1] «Листовки петербургских большевиков», т. 2. М., 1939, стр. 249.

[2] См. *Э. Н. Бурджалов.* Вторая русская революция. М., 1967, стр. 128. Не все западные авторы склонны преуменьшать роль большевиков в Февральской революции. Так, Шейла Джонс в учебнике, рассчитанном на студентов технических колледжей, пишет, что большевики стремились «организовать» недовольство масс в «нечто более серьезное, чем стихийный взрыв, и призвали народ: «Все на улицы! Наступил час открытого боя»» (*Sheila Jones.* A Student's History of Russia. London, 1966, p. 151).

[3] См. «Вопросы истории КПСС», 1958, № 2, стр. 134.

[4] Так, рабочие Сестрорецкого оружейного завода избрали в Петроградский Совет трех большевиков, одного меньшевика и одного эсера («Большевики Петрограда в 1917 году». Л., 1957, стр. 17).

поддерживали в рабочей среде идею Советов. Получив известие о свержении самодержавия, посетовав на то, что «сведения, имеющиеся в данный момент... в Цюрихе из России, так скудны», и понимая, что «судить о положении дела можно лишь с большой осторожностью», В. И. Ленин тем не менее посылает 4 марта А. М. Коллонтай «Набросок тезисов», где в качестве основных задач партии называет организацию масс для подготовки завоевания власти Советами рабочих депутатов. А через неделю Ленин пишет третье из своих знаменитых «Писем из далека», где недвусмысленно формулирует свое отношение к Советам: «Создание подобных организаций во всех без исключения местностях России, для всех без исключения профессий и слоев пролетарского и полупролетарского населения, т. е. всех трудящихся и эксплуатируемых...— такова задача первейшей, неотложнейшей важности» [1].

3. Ленин, Республика Советов и буржуазная историография

Еще в первой революции меньшевики, как известно, испытывали страх перед революционностью масс и не верили в способность пролетариата осуществлять управление государством. Они готовы были отвести Советам любую роль — временных пособников муниципалитетов, «примирительных камер» для улаживания конфликтов между рабочими и предпринимателями, территориальных профсоюзных организаций,—но только не органов вооруженного восстания и революционной власти [2]. Естественно, что они так же относились к Советам после краха самодержавия и прихода к власти Временного правительства, которое, как им казалось, немедленно откроет шлюзы дальнейшего, гораздо более интенсивного развития капитализма в России. Их позиция заключалась в поддержке Временного правительства, а это исключало поддержку Советов как органов пролетарской революции. «Это клевета, будто Совет рабочих и солдатских

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 38.

[2] Об использовании в современной буржуазной историографии меньшевистских версий о возникновении и деятельности Советов в первой русской революции см. *Н. Н. Демочкин.* Под флагом меньшевистских идей. Заметки о современной буржуазной историографии Советов 1905 г. «История СССР», 1966, № 5, стр. 164—182.

депутатов хочет принять участие в осуществлении государственной власти»,— заявлял Ф. Дан на Всероссийском совещании Советов 1 апреля 1917 г.[1] Меньшевистская «Рабочая газета» так определила роль Советов в послефевральской России: «Советы не выдерживают ни малейшей критики как постоянные учреждения»; будущее «за городскими думами, земствами, за демократией парламентарной»[2]. В. Чернов впоследствии признавался в том, что время засилья меньшевиков и эсеров в Советах было «эпохой заботливого самоограничения Советов»[3].

По сути дела, в дебатах о роли Советов в России в 1917 г., которые вели большевики и меньшевики, стержнем спора был вопрос о том, должна ли страна стать буржуазной парламентской республикой или рабоче-крестьянской Советской республикой. Это, как и то, что меньшевики категорически выступали за первый вариант, прекрасно понимают современные буржуазные историки. Но заниматься сейчас запоздалой апологией буржуазно-парламентарного пути для России — дело неблагодарное: социализм из идеи, которую можно было безнаказанно поносить, давно превратился в реально существующий социальный, экономический и политический строй, образовалась мировая система социализма, оказывающая решающее влияние на весь ход мирового развития. Но все же и в такой ситуации они ищут возможность исказить действительную роль и значение Советов в социалистической революции, роль большевиков в Советах. И здесь почти всеми буржуазными историками единодушно выдвигается формула «большевики над Советами».

Формула эта выводится из ложной трактовки отношения большевиков к Советам. «Большевики понимали, что подчинить своему контролю избранный народом парламент не удастся. Но они думали, что сумеют установить контроль над Советами, состоящими преимущественно из представителей городских рабочих, среди которых влияние большевиков было особенно сильным»,— читаем

---

[1] «Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов». Стенографический отчет. М.— Л., 1928, стр. 188.

[2] «Рабочая газета», 11 апреля 1917 г.

[3] *В. Чернов.* Советы в нашей революции. «Год русской революции». М., 1918, стр. 59.

в изданной в США книге «Современные политические идеологии» [1].

Однако о каком «избранном народом парламенте» могла идти речь в России в 1917 г. при сохранении власти Временного правительства, в условиях войны, правокадетских заговоров типа корниловщины, при нерешенности национального вопроса и подавлении крестьянских восстаний? Буржуазия знала, что не только продолжать войну и отстаивать помещичье землевладение, но и вообще сохранить власть при Учредительном собрании, если его действительно свободно изберут массы, будет очень трудно или вообще невозможно. По этой причине (помимо других) буржуазное Временное правительство оттягивало выборы в Учредительное собрание.

Что касается «контроля» большевиков над Советами, то такая игра в слова может ввести в заблуждение лишь невдумчивого читателя. Влияние любой партии в выборной массовой организации и есть идейный контроль партии над этой организацией (если вообще здесь допустимо употребление этого слова). Никогда рабочие не дали бы так глубоко увлечь себя лозунгами большевиков, если бы последние не отстаивали их интересы.

Если отбросить манипуляции с терминами «контроль», «парламент», «захват власти от имени народа» (а куда же девается сам народ?!), то в арсенале аргументов буржуазных авторов остается такая интерпретация работ Ленина, при которой ленинское учение о Республике Советов приобретает смысл, прямо противоположный действительному. Все лозунги вождя большевиков о Советах выдаются за «ловкие тактические ходы», прикрывающие стремление «установить однопартийную диктатуру» [2].

Извращая ленинские идеи, Шапиро пишет: «По прибытии в Россию (в апреле 1917 г.) Ленин в силу тактических причин принял доктрину, по которой власть должны были захватить Советы. Любое другое решение было связано с риском потери поддержки масс, ибо доверие масс к Советам росло с каждым днем». Тактическое оружие, как известно,— дело временное: сегодня используется одно, завтра требуется другое. Именно поэтому, вну-

---

[1] "Contemporary Political Ideologies". Ed. by J. S. Roucek. N. Y., 1961, p. 31.

[2] *D. Treadgold.* Twentieth Century Russia. N. Y., 1959, p. 134, 150—151.

шает Шапиро, Ленин еще в июне отказался от лозунга «Вся власть Советам!» и начал замышлять революцию с участием узкого круга своих единомышленников: «...Ленин подготавливал средства, с помощью которых власть могла быть захвачена независимо от Советов». Что же это за средства? Ими, по утверждениям Шапиро, были фабзавкомы: «По-видимому, Ленин расценивал эти комитеты как возможные органы власти, предпочитая их Советам». Через несколько страниц автор так комментирует отказ от лозунга «Вся власть Советам!»: «Для Ленина революция без Советов значила захват власти большевистской партией, этим авангардом пролетариата, через посредство Красной гвардии, а также фабричных и войсковых партийных организаций» [1]. Осенью тактика Ленина, как утверждает Шапиро, снова претерпевает такое же радикальное изменение: «В начале сентября Ленин, казалось, верил в то, что большевики снова могут надеяться захватить власть посредством большинства в Советах, но скоро отказался от этой точки зрения. 28 сентября ЦК получил требование Ленина начать немедленное восстание, в ходе которого революционные части арестуют правительство и захватят власть». Здесь, однако, Шапиро приходится оговориться: «Правда, новое пролетарское правительство должно было нести ответственность перед Советами — после новых выборов» [2].

Налицо столько передержек, несуразностей и умолчаний, что можно лишь гадать, на какого наивного читателя рассчитывают некоторые западные авторы. Всем хорошо известно, что Ленин не «вдруг» [3] и не в силу «тактических причин» приветствовал Советы после Февральской революции. Если бы дело было в том, что Ленин «боялся» потерять доверие масс (при этом, конечно, Шапиро подразумевает, что он вовсе не был выразителем их чаяний), то как объяснить, что эта «боязнь» вдруг исчезла в июле и лозунг «Вся власть Советам!» был временно снят? Ведь, употребляя выражение самого Шапиро, и

---

[1] *L. Schapiro.* The Origin of the Communist Autocracy, p. 37, 40, 49.

[2] *L. Schapiro.* The Communist Party of the Soviet Union, p. 168—169.

[3] Утверждение о том, что Ленин, будучи настроен против Советов, внезапно изменил свое отношение к ним в Апрельских тезисах, можно найти, например, в книге О. Анвайлера (*O. Anweiler.* Op. cit., S. 189)

летом «доверие масс к Советам росло с каждым днем». Шапиро не в состоянии объяснить такое разительное противоречие в своей логике, и ему остается лишь надеяться, что читатель этого не заметит.

Утверждение, что Ленин отказался от лозунга «Вся власть Советам!» в июне, является чистейшим домыслом Шапиро. Он сам вынужден признать, что партийные резолюции этого периода «неизменно призывали к передаче всей власти Советам». Но ведь Ленин принимал непосредственное участие в выработке этих резолюций. Общеизвестно, что в «Материалах по пересмотру партийной программы», написанных Лениным в апреле — мае 1917 г. и опубликованных по решению ЦК в июне в виде брошюры, содержалось положение о борьбе партии за **«более демократическую пролетарски-крестьянскую республику»**, в которой **«парламентарно-представительные учреждения заменяются постепенно Советами представителей от народа»** [1]. Именно эти резолюции широко распространялись большевиками среди трудящихся с целью привлечения их на свою сторону. Шапиро пишет, что Ленин «подготавливал» средства для захвата власти независимо от Советов. Поскольку он ни одним словом не обмолвился, что же это была за «подготовка», приходится признать, что здесь налицо попытка вызвать в историографии сенсацию весьма сомнительного толка. Автор ссылается на фразу, произнесенную Лениным в разговоре с Орджоникидзе; разговор этот весьма примечателен, и, когда мы приведем его ниже, станет ясно, почему Шапиро не рискнул изложить его целиком. Здесь же укажем, что, по свидетельству Орджоникидзе, Ленин действительно сказал ему о необходимости «перенести центр тяжести на фабзавкомы. Органами восстания должны стать фабзавкомы» [2]. Но была ли эта фраза выражением новой стратегии или даже тактики? В работах Ленина нет ни малейших свидетельств признания фабзавкомов органами вооруженного восстания. Напротив, в произведениях Ленина, написанных не только в июне, но и в июле 1917 г., можно найти сколько угодно указаний на огромную роль Советов в русской революции. 11 июня он писал от имени ЦК РСДРП(б): «Мы считаем, что своеобразное учреждение, называемое Советами рабочих, солдатских,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, стр. 153.
[2] *Г. К. Орджоникидзе.* Статьи и речи, т. 1. М., 1956, стр. 311—312.

крестьянских депутатов, ближе всего подходит к всенародному органу воли большинства народа, к революционному парламенту. За переход всей власти в руки такого органа мы стояли и стоим принципиально, несмотря на то, что сейчас он находится в руках оборонческих и враждебно относящихся к партии пролетариата партий меньшевиков и социалистов-революционеров» [1].

И после разгрома июльской демонстрации, послужившего сигналом к наступлению реакции, Ленин на страницах «Правды» выразил уверенность в том, что «толчками и скачками дело все же идет к тому, что давно провозглашенный нашей партией переход власти к Советам будет осуществлен» [2]. Если бы Ленин «готовил» какие-то новые средства власти, как уверяет Шапиро, то это не могло бы не найти отражения в его работах и партийных резолюциях — ведь именно они были основой пропагандистской работы партии в массах, без которой поддержка большевиков пролетариатом и беднейшим крестьянством не могла бы стать непреложным фактом осенью 1917 г.

Однако уже в июне Ленин видел, что засилье в Советах меньшевиков и эсеров чревато застоем революции, ибо их участие в коалиционном правительстве не только не предотвратило шагов назад в связи с подготавливавшимся июньским наступлением на фронте, но даже способствовало этому обратному ходу [3]. Не случайно речь Ленина на I Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов по вопросу об отношении к Временному правительству прозвучала как предостережение: либо Советы возьмут власть в свои руки, либо они будут «разогнаны теми генералами, контрреволюционными генералами, которые армию держат в руках, не обращая никакого внимания на ораторство министра Керенского...» [4].

Взятие власти Советами в доиюльский период фактически означало бы признание эсеро-меньшевистского блока правящей коалицией в России. Но именно власти со всей ее ответственностью, необходимостью действовать и боялись соглашательские партии. Они поддерживали сначала кадетскую политику военных авантюр, а

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, стр. 328.
[2] Там же, стр. 409.
[3] См. там же, стр. 264.
[4] Там же.

затем, после июльских событий, и репрессивную внутреннюю политику Временного правительства. И самым худшим последствием перехода меньшевиков и эсеров в лагерь контрреволюции было то, что они — пусть и временно — превратили Советы в корабль без руля и без ветрил, дрейфующий в одном направлении с правительством. После июльских дней, после консолидации сил реакции и начавшихся преследований большевистской партии и пролетарских организаций Советы уже не могли взять власть в свои руки. И поэтому лозунг первого периода революции, который большевики упорно отстаивали как от черносотенных элементов, так и от соглашателей,был снят. Именно об этом и говорил В. И. Ленин Г. К. Орджоникидзе в той беседе, откуда Шапиро взял только слова о фабзавкомах: «Меньшевистские Советы дискредитировали себя. Недели две тому назад они могли взять власть без особого труда. Теперь они не органы власти. Власть у них отнята. Власть можно взять теперь путем вооруженного восстания. Оно не заставит ждать себя долго. Восстание будет не позже сентября — октября» [1]. Излишне говорить, что Шапиро не считает нужным цитировать эти ленинские слова.

Снятие в июле 1917 г. лозунга «Вся власть Советам!» не означало отказа от борьбы за Республику Советов. В связи с этим В. И. Ленин писал: «Советы могут и должны будут появиться в этой новой революции, но *не* теперешние Советы, не органы соглашательства с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу Советов, это так. Это не вопрос о Советах вообще, а вопрос о борьбе с *данной* контрреволюцией и с предательством *данных* Советов» [2].

Когда Шапиро пишет: в начале сентября «Ленин, казалось, верил в то, что большевики снова могут надеяться захватить власть посредством большинства в Советах, но скоро отказался от этой точки зрения»,— можно только догадываться, что в первом случае он имеет в виду статью «О компромиссах», опубликованную в газете «Рабочий путь», а во втором — письма Ленина «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание». Но в изложении Шапиро содержание этих ленинских работ

[1] *Г. К. Орджоникидзе.* Указ. соч., стр. 311.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 16—17.

предельно искажено. И Шапиро, по своему обыкновению, никак не объясняет парадоксальные метаморфозы, которые претерпевают в его освещении взгляды Ленина. Между тем Ленину отнюдь не «казалось», что Советы вновь получают шанс взять власть в свои руки осенью 1917 г. В сентябре 1917 г. началась полоса интенсивной большевизации Советов. «...Достаточно было «свежего ветерка» корниловщины...— писал Ленин,— чтобы все затхлое в Совете отлетело на время прочь и инициатива революционных масс начала проявлять себя как нечто величественное, могучее, непреоборимое» [1].

В. И. Ленин указывал, что в отдельных случаях возможен мирный путь развития революции. Он особо подчеркивал, что в течение короткого времени в сентябре («может быть *всего в течение нескольких дней* или на одну — две недели») возможен был возврат к доиюльскому лозунгу «Вся власть Советам!», к требованию передачи всей власти ответственному перед Советами правительству из эсеров и меньшевиков мирным путем [2]. При отказе соглашательских партий от этого компромисса с большевиками власть должна была быть захвачена с помощью оружия, но и в этом случае она должна — вопреки воле меньшевиков и эсеров, номинально остававшихся на своих постах в ЦИК,— перейти в руки Советов. Начиная с середины сентября лозунг «Вся власть Советам!» был *«равносилен призыву к восстанию»* [3]. Из статьи «Большевики должны взять власть» совершенно определенно видно, что Ленин, призывая к подготовке вооруженного восстания, не только сохранил веру в Советы как дееспособные органы власти победившего пролетариата, но и отстаивал эту веру в полемике с колеблющимися: «История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь. Нет аппарата? Аппарат есть: Советы и демократические организации» [4].

Таким образом, утверждения об «отказе» Ленина от идеи Советов как органов власти основаны на бессовестном искажении взглядов вождя большевистской партии. Между тем эти взгляды были известны историкам и более широким слоям общественности за рубежом еще в

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 204.
[2] См. там же, стр. 134—135.
[3] Там же, стр. 388.
[4] Там же, стр. 241.

первые послеоктябрьские годы из переводов ленинских работ и правдивых рассказов прогрессивных общественных деятелей о России. Среди них были и люди, по своим политическим убеждениям отнюдь не являвшиеся коммунистами. Например, А. Рэнсом в книге «Россия в 1919 году», рассказывая об одной из бесед с Лениным, приводит следующие ленинские слова: «...Советы, раз возникнув, должны рано или поздно прийти к власти» [1].

Можно добавить, что и некоторые современные западные авторы, далекие от коммунизма, все же более верно, чем Шапиро, сумели оценить роль Советов в русских революциях. Так, известный английский историк социал-демократического движения Дж. Коул так характеризует Советы: «В ситуации, сложившейся в России в 1917 г., Советы были воистину великолепным революционным инструментом. В каждом районе они возникали прямо из рабочих групп, подвергавшихся жестоким репрессиям со стороны самодержавия, а ныне жадно учившихся действовать самостоятельно. Более того, это был совершенно гибкий инструмент, менявшийся изо дня в день в ответ на каждую перемену в настроении и взглядах рабочих и внушавший доверие, ибо ни один член его не смог бы сохранить за собой свое место, если бы он оказался неспособен выразить чувства и желания тех, кто его делегировал» [2]. Именно эту силу и возможности «великолепного революционного инструмента» в Советах первым увидел и правильно оценил В. И. Ленин, развивший свои взгляды в стройное учение о Советской республике.

4. Второй Всероссийский съезд Советов: триумф или «агония» Советов?

Противопоставив большевиков Советам, Л. Шапиро следует до конца «логике» антикоммунистической историографии и делает вывод о недемократичности избрания Советского правительства, а также о том, что большевики пренебрегли волей II Всероссийского съезда Советов: «7 ноября 1917 г. они избрали себя в правитель-

---

[1] *A. Ransome.* Russia in 1919. N. Y., 1920, p. 118—119.

[2] *G. D. H. Cole.* Communism and Social Democracy. 1914—1931, part I. London, 1958, p. 73.

ство от имени II Всероссийского съезда Советов, на котором у них было незначительное большинство, предварительно прочно захватив власть в столице с помощью оружия» [1]. Еще категоричнее высказывается западногерманский историк Р. Маурах, заявляя, что большевистское правительство было сформировано вопреки воле народа еще до этого съезда, в лице Военно-революционного комитета, а съезд лишь формально утвердил его. О. Анвайлер пишет, что съезд «означал разрыв большевиков с принципами советской демократии» [2]. А бывший меньшевик Р. Абрамович, подогреваемый стародавней ненавистью к партии Ленина, называет лозунг «Вся власть Советам!» «обманчивым» и патетически восклицает о «смертельной агонии Советов» после «удара», нанесенного им большевиками на II съезде Советов; «демократическая революция», клевещет сей автор, была «растерзана большевистским переворотом» [3].

Таким образом, аргументы, выдвигаемые сторонниками тезиса о недемократичности Октябрьской революции, сводятся к двум утверждениям: большевики не имели решающего большинства на II Всероссийском съезде Советов; они авторитарно отстранили от власти представителей других «социалистических» партий в Советах. Рассмотрим эти утверждения по порядку.

Первое из них наиболее пространно аргументировано Д. Кларксоном, который, ставя вопрос шире, пытается доказать, что российский рабочий класс вовсе не стремился совершать Октябрьскую революцию. При этом Кларксон ссылается на заседание Петербургского комитета РСДРП(б) 15 октября, где ряд докладчиков — представителей районов столицы — сообщили об отсутствии в массах «боевого настроения» [4]. Но американский историк в данном случае возвращается к вопросу, который стоял перед большевистской партией пятьдесят лет назад и тогда же был решен. Запоздалые сомнения Кларксона в революционности русских трудящихся похожи на сомнения некоторых большевиков, на которые в «Письме

---

[1] *L. Schapiro.* The Communist Party of the Soviet Union, p. 160.

[2] *R. Maurach.* Handbuch der Sowjetverfassung. München, 1955, S. 86, 160; *O. Anweiler.* Op. cit., S. 242.

[3] *R. Abramovitch.* The Soviet Revolution. 1917—1939. N.Y., 1962, p. 100—101.

[4] См. «Красная летопись», 1922, № 2—3, стр. 316—332.

к товарищам» ответил В. И. Ленин. Кларксон, однако, «забывает» сообщить читателю аргументы Ленина, приведенные в этом «Письме». Между тем ряд аргументов[1] прямо относится к тем сообщениям с мест на заседании ЦК, которые, как считает Кларксон, позволяют ему сделать вывод о том, что «большевики не пользовались активной поддержкой пролетариата»[2]. Кларксон, противопоставляя большевиков Советам, ссылается на выступление представителя Московского района Петрограда: «Массы выйдут по призыву Совета, по призыву нашей партии выйдут мало». Однако тогда такое разграничение содержалось лишь в этом, единственном, выступлении, и, напротив, в ряде докладов ясно указывалось, что рабочие пойдут за большевиками. Во-вторых, если даже в условиях, когда на большевиков со всех сторон непрерывно (начиная с июля 1917 г.) выливались потоки клеветы, рабочие все же поддерживали большевистский лозунг «Вся власть Советам!», то это являлось, несомненно, победой партии Ленина, ибо отсюда шел прямой путь и к поддержке самой партии. Известно, что какая-то часть народа всегда политически «дозревает» в ходе самой революции и сразу после нее. Так было и в России в девять дней, оставшихся до вооруженного восстания после заседания ЦК, непосредственно в Октябрьские дни и в первые дни новой власти, когда большевики открыто, ясно и полно обнародовали свою программу мира и аграрных преобразований.

Повествуя о II Всероссийском съезде Советов, Кларксон прежде всего утверждает о невозможности установить точное количество делегатов съезда и их партийную принадлежность, а стало быть, и «выяснить действительное положение вещей». В первом Кларксон, пожалуй, прав. Но общий его скептицизм продиктован отнюдь не стремлением во что бы то ни стало выяснить «абсолютную истину». Фактически он становится на позицию Шапиро, ибо, как и последний, делает вывод о том, что

---

[1] Как важнейшие моменты внутриполитической обстановки В. И. Ленин отмечал следующие: настроение в массах «сосредоточенное и выжидательное», «по призыву Советов и для защиты Советов рабочие выступят, как один человек» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 412).

[2] *J. Clarkson.* Op. cit., p. 474.

«большевики, хотя и получили больше мест, чем другие партии, все же были в меньшинстве» [1].

Утверждения и выводы Кларксона нетрудно опровергнуть. Известно, что если на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, открывшемся 3 июня 1917 г. в Петрограде, из 777 делегатов, заявивших о своей партийной принадлежности, большевиков было 105, меньшевиков — 248, эсеров — 285 [2], то на II съезде из 649 делегатов, зарегистрированных к его открытию, насчитывалось 390 большевиков, 160 эсеров (из них 98 левых) и 72 меньшевика (остальные распределялись по мелким фракциям) [3]. Таким образом, абсолютное большинство (более 50%) делегатов II съезда Советов составляли члены РСДРП(б). В архиве хранится поименный список всех 390 большевиков — делегатов съезда [4]. К этому следует добавить, что после ухода лидеров меньшевиков и правых эсеров со съезда часть последних осталась, примкнув к левым эсерам, которые в то время поддержали передачу власти Советам. К концу работы на съезде было 179 левых эсеров [5], и вместе с большевиками они составили бы подавляющее большинство, даже если бы соглашатели не ушли со съезда.

Не выдерживает критики и утверждение о том, что большевики еще до Октябрьской революции решили вопрос об однопартийном характере Советской власти. Известно, что меньшевики и правые эсеры, полные ненависти к большевикам и неверия в русский пролетариат, сами ушли со II Всероссийского съезда Советов. Член ЦК правых эсеров Гендельман заявил на совещании при

---

[1] *J. Clarkson.* Op. cit., p. 471.

[2] См. «Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов». Стенографический отчет, т. 1. М.—Л., 1930, стр. XXVII.

[3] «Второй Всероссийский съезд Советов. Первые шаги Советского правительства». Кронштадт, 1917, стр. 26—27.

[4] ЛПА, ф. 1, оп. 1, св. 2, ед. хр. 29; *Е. А. Султанова.* Об участии В. И. Ленина в работе большевистской фракции II Всероссийского съезда Советов. «Вопросы истории КПСС», 1966, № 8, стр. 47—54.

[5] Точного списка всех делегатов съезда нет. Комиссия по проверке полномочий съезда приводила, как известно, три подсчета количества делегатов и их партийной принадлежности: по предварительным сводкам анкет, по «точным данным бюро всех фракций», а также после ухода со съезда меньшевиков и правых эсеров. Естественно, что второй подсчет дает более точные сведения по сравнению с первым, и данные его о присутствии 390 большевиков на съезде подтверждаются третьим («Правда», 29 октября 1917 г).

Викжеле, что «однородное революционно-демократическое правительство должно быть создано, по крайней мере в настоящее время, без большевиков» [1]. Невзирая на враждебное отношение меньшевиков и эсеров к новой власти, большевики через несколько дней после II съезда Советов предложили войти в правительство представителям мелкобуржуазных партий при условии признания ими Октябрьской революции и законности ее декретов, на что те ответили отказом. «Впредь до ликвидации большевистской власти никакие соглашения с партией большевиков относительно совместной с ними организации власти недопустимы»,— категорически заявил Дан. Четкое изложение позиции большевиков содержалось в обращении ЦК РСДРП(б) «Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России», опубликованном 7 ноября: «Нас обвиняют хоры буржуазных писак и людей, давших себя запугать буржуазии,— в том, что мы неуступчивы, что мы непримиримы, что мы не хотим разделить власти с другой партией. Это неправда, товарищи! *Мы предложили* и предлагаем левым эсерам разделить с нами власть. Не наша вина, если *они отказались*. Мы начали переговоры, и после того, как разъехался Второй съезд Советов, мы делали в этих переговорах всяческие уступки, вплоть до условного согласия допустить представителей от части петроградской городской думы, этого гнезда корниловцев... Мы твердо стоим на принципе Советской власти, т. е. власти *большинства*, получившегося на последнем съезде Советов, мы были согласны и *остаемся согласны* разделить власть с меньшинством Советов, при условии лояльного, честного обязательства этого меньшинства подчиняться большинству и проводить программу, *одобренную всем* Всероссийским Вторым съездом Советов и состоящую в постепенных, но твердых и неуклонных шагах к социализму» [2].

Можно напомнить буржуазным авторам, что в избранный II Всероссийским съездом Советов ВЦИК кроме большевиков вошли 29 левых эсеров, 6 меньшевиков-интернационалистов, 3 украинских социалиста и 1 эсер-максималист (все оставшиеся на съезде партии и фракции избирали одного члена ВЦИК от 6 делегатов). Приглашавшиеся тогда же в правительство левые эсеры Ка-

[1] «Дело народа» (орган правых эсеров), 31 октября 1917 г.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 75, 76.

релин, Камков и Спиро ответили отказом, но после заседания СНК 7 декабря 1917 г. сразу 7 левых эсеров вошли в Советское правительство.

5. Большевизация Советов осенью 1917 г.: констатация факта и замалчивание причин

Возвращаясь от Октябрьской революции к сентябрю 1917 г., мы нарушаем хронологию событий. Это вызвано тем, что противоречивость, путанность и алогичность буржуазных авторов нигде не обнаруживаются столь явно, как при рассмотрении вопроса об интенсивной большевизации Советов после разгрома корниловского мятежа. В начале статьи приводилось признание Крэнкшоу о принятии Советами большевистских лозунгов о мире, хлебе, земле. Аналогичные признания можно найти в работах многих других буржуазных авторов, исследующих революции 1917 г. в России. Еще летом 1917 г., пишет Р. Абрамович, «политическая жизнь России все больше и больше поляризировалась... массы... неуклонно двигались влево, несмотря на разгром большевиков в июле... Со времени корниловского эпизода широкие массы неудержимо влекло к большевизму» [1]. «Во многих местных Советах в результате выборов, проведенных в сентябре и октябре, большинство впервые перешло к большевикам. Более того, во многих провинциальных центрах вследствие слабости местных органов провинциального управления вся власть фактически перешла в руки Советов, где доминировали большевики» [2],— вынужден констатировать и Л. Шапиро. Об усилении влияния большевиков в массах говорится и в ряде других, вышедших на Западе работ [3].

Что же получается? Советы шли за большевиками, а «демократическая революция» оказалась «растерзанной» Октябрем; в Советах доминировали большевики, а на

---

[1] *R. Abramovitch.* Op. cit., p. 60, 74.

[2] *L. Schapiro.* The Communist Party of the Soviet Union, p. 168.

[3] *J. Clarkson.* Op. cit., p. 471. *D. Treadgold.* Op. cit., p. 134, 140; *L. Kochan.* The Making of Modern Russia. London, 1962, p. 236—237; *N. V. Riasanovsky.* A History of Russia. N. Y., 1963, p. 511, 528; *H. Seton-Watson.* The Pattern of Communist Revolution. London, 1960, p. 30, etc.

II съезде Советов они будто бы оказались в меньшинстве! Мы видели, насколько слаба аргументация буржуазных авторов, подкрепляющая тезис «большевики против Советов». Еще более показательно то, что, констатируя факт большевизации Советов, они, как правило, умалчивают о ее причинах. Абрамович винит министров Временного правительства в том, что они «не смогли сделать единственную вещь, которая могла бы сохранить их авторитет в массах, а именно, начать энергичную и недвусмысленную кампанию за мир» [1]. Но в том-то и заключалась сила большевиков, что они понимали и стремились удовлетворить насущные чаяния масс, требовавших не только выхода из войны, но и передачи земли крестьянам, лишения буржуазии прибылей, изъятия из-под ее контроля командных постов управления промышленностью, введения рабочего контроля над производством и распределением. Тщетно, однако, искать отражение этого факта в трудах Абрамовича, Шапиро, Кларксона и других буржуазных историков, разделяющих их взгляды. Признать соответствие большевистской программы коренным интересам и чаяниям трудящихся масс России равносильно для них опровержению собственных тезисов о «недемократичности» Октябрьской революции и «господстве» большевиков над Советами.

* *
*

После разбора основных концепций и тезисов современной буржуазной историографии, затрагивающей историю Советов 1917 г., необходимо вернуться к тому, с чего мы начинали. Невзирая на все уверения в «объективности» и «аполитичности», буржуазные историки изучают события прошлого в свете требований современной политики своего класса. Миф о «ловком использовании» большевиками Советов в своих узкопартийных целях в 1917 г. призван подкрепить миф об отсутствии в СССР «истинной свободы», что является ныне темой номер один во всей антикоммунистической пропаганде. Искажая суть советского строя, эта пропаганда всячески превозносит буржуазный парламентаризм как якобы самую демократическую систему государственного управления. Вот тут-

[1] *R. Abramovitch.* Op. cit., p. 65, 72.

то и берутся на вооружение те историографические построения, о которых говорилось выше.

Тщетность попыток очернить социалистическую демократию видна уже на примере тех несуразностей и противоречий, которыми изобилуют работы буржуазных историков типа Шапиро и Абрамовича. Главное же в том, что измышления буржуазных «советологов», почти не отличающиеся от «обвинений», которые выдвигались политическими врагами большевиков еще полвека назад, опровергнуты самой жизнью. «Сущность Советской власти,— говорил В. И. Ленин,— состоит в том, что постоянной и единственной основой всей государственной власти, всего государственного аппарата является массовая организация именно тех классов, которые были угнетены капитализмом... Именно те массы, которые даже в самых демократических буржуазных республиках, будучи равноправными по закону, на деле тысячами приемов и уловок отстранялись от участия в политической жизни и от пользования демократическими правами и свободами, привлекаются теперь к постоянному и непременному, притом решающему, участию в демократическом управлении государством». И далее: «Старая, т. е. буржуазная, демократия и парламентаризм были организованы так, что именно массы трудящихся всего более были отчуждены от аппарата управления. Советская власть, т. е. диктатура пролетариата, напротив, построена так, чтобы сблизить массы трудящихся с аппаратом управления» [1].

Более чем полувековой путь, пройденный Советами после победы первой в мире социалистической революции, нагляднее всего свидетельствует о тщетности каких бы то ни было попыток умалить их значение.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 500.

О. И. Величко

ОСВЕЩЕНИЕ ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СССР В ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Одно из центральных мест в западногерманской буржуазной историографии занимает изучение исторического опыта социалистического строительства в СССР, руководства Коммунистической партии этим строительством. При этом в ряду наиболее острых проблем, извращенно толкуемых в трудах «остфоршеров», стоит вопрос о социалистической индустриализации СССР. И это понятно. Индустриализация явилась важнейшим этапом в истории социалистического строительства в нашей стране, сложнейшим вопросом в политике КПСС. Индустриализация оказала решающее влияние на судьбы социализма в СССР, обогатила мировое революционное движение опытом быстрой ликвидации экономической отсталости и создания высокоразвитой социалистической системы хозяйства. *«Ключевой задачей в строительстве социализма явилась социалистическая индустриализация»* [1],— говорится в тезисах ЦК КПСС к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В наше время страны, борющиеся за достижение политической и экономической независимости, стремятся использовать все лучшее из опыта СССР, и потому империалистические идеологи прилагают все старания, чтобы извратить историческую правду и тем самым ослабить притягательную силу советского примера [2].

Из множества изданий, посвященных истории индустриализации СССР, рассмотрим лишь некоторые, позво-

---

[1] «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС». М., 1967, стр. 13.

[2] Критике буржуазных концепций индустриализации СССР посвящен ряд книг, статей и рецензий советских авторов. См. *С. И. Кузнецова.* Об освещении некоторых вопросов истории СССР эпохи социализма в английской и американской литературе. «Вопросы истории», 1958, № 4; *Ю. С. Борисов.* Некоторые вопросы индустриализации СССР в освещении буржуазной литературы. Сб. «Против буржуазной фальсификации истории советского общества». М., 1960;

ляющие, однако, достаточно хорошо представить состояние и направления разработки этой проблемы в западногерманской историографии. Следует отметить, что в немецкой литературе большое внимание уделяется проблемам экономического развития СССР. Самые крупные работы об СССР написаны экономистами В. Гофманом, «теоретиком» советской индустриализации, без ссылок на труды которого в ФРГ не выходит ни одна «претендующая на серьезность» работа по советской экономике; Г. Раупахом, известным на Западе исследователем промышленной истории Европы и СССР. Имеются также коллективные исследования о советском хозяйстве и специальные работы об индустриализации СССР, которые появились в последнее время (например, Р. Лоренц «Начало большевистской индустриальной политики», а также работы историков Г. Коха, Г. фон Рауха, Г. Римшы, Г. Штекля, Б. Мейсснера).

Следует отметить, что при всей многочисленности и разнообразии изданий, посвященных СССР, западногерманское «советоведение» отличается чрезвычайной бедностью идей. Характеристика процесса исторического развития нашей страны после 1917 г. втискивается в рамки теории «случайности» российской революции и последующего «закономерного перерождения» советского общества в буржуазное. Сущность «второй революции в России» (в западной литературе так принято называть индустриализацию и коллективизацию) определяется буржуазными историками как «возвращение» Советской страны на путь буржуазного прогресса. Это соответствует теории «единого индустриального мира», уже подвергшейся критике в нашей литературе. Попытки западных экономистов включить советскую индустриализацию в

В. Володин, Ю. Юрьев. Клеветническая статья об индустриализации в СССР. «Вопросы истории», 1962, № 6; *И. Н. Олегина.* О труде Э. Х. Карра «Социализм в одной стране». «История СССР», 1963, № 4; *ее же.* Современная английская и американская историография об индустриализации в СССР. «Вопросы истории», 1966, № 3; *ее же.* Советская индустриализация в работах сотрудников русского исследовательского центра при Гарвардском университете. Сб. «Против буржуазной фальсификации истории советского общества». Л., 1967; *Э. П. Горбунов.* Социалистическая индустриализация СССР и ее буржуазные критики. М., 1962; *В. Касьяненко.* Индустриализация СССР в кривом зеркале буржуазных фальсификаторов. Сб. «Критика антикоммунистических измышлений идеологов империализма». М., 1965.

единую систему индустриального развития мира должны быть отмечены, при всей ошибочности исходных позиций, как прогресс в изучении нашей экономической истории. В этом содержится признание, хотя и своеобразно понятой, закономерности социалистической индустриализации СССР. Раньше буржуазные идеологи пророчили провал советской индустриализации, называя ее «насилием» над российской историей и экономикой.

Составной частью теории «единого индустриального мира» является определение индустриализации СССР как явления «капиталистического» порядка. Задачи этого преобразования были якобы равнозначны капиталистической индустриализации. Такая оценка отражает типичное для буржуазной историографии игнорирование социальных последствий индустриализации, стремление рассматривать ее лишь как технико-экономический процесс. Индустриализация в СССР была-де «прыжком отсталой России в современное индустриальное общество». Наиболее полно эта «концепция» развернута в работах А. Вебера, В. Гофмана, социологических исследованиях Б. Мейсснера, Э. Беттхера[1]. Советская индустриализация, по их мнению, отличается от индустриализации европейских капиталистических стран лишь тем, что она происходила позже, в 30-е годы XX века, и была осуществлена на базе высшей техники. Именно это обусловило ее более высокие темпы (только техника!), но не исключило обычного для любой индустриализации применения «принудительного труда» и «принудительного накопления капиталов» для развития промышленности. Такова схема, призванная, по мысли буржуазных ученых, заменить действительное исследование невиданного еще в истории человечества процесса создания в короткий срок современной социалистической индустрии.

В буржуазную теорию «единого индустриального общества» легко вписывается реформистская концепция «второй промышленной революции». Ее авторы утвер-

---

[1] См. *W. Hofmann.* Die Arbeitsverfassung der Sowjetunion. Berlin—München, 1956; *A. Weber.* Sowjetwirtschaft und Weltwirtschaft. Duncker & Humblot. Berlin, 1959; *B. Meissner.* Sowjetgesellschaft im Wandel. Russlands Weg zur Industriegesellschaft. Stuttgart, 1966; *E. Boettcher.* Niedergang und Wiedergeburt ökonomischen Denkens in der zentralen Planung des Ostblocks. In: "Wissenschaft in kommunistischen Ländern". Tübingen, 1967.

ждают, что в результате научно-технической революции века уничтожаются различия, существующие между социализмом и капитализмом. Нетрудно заметить, что в этой теории сочетаются традиционные идеи правого оппортунизма о стихийной трансформации капитализма в социализм с буржуазной идеей «единого мира». Эту концепцию наиболее четко выразил умерший недавно в США идеолог современной западногерманской социал-демократии Ф. Штернберг. Сравнивая современный военный и промышленный потенциал СССР и США, Штернберг делал далеко идущие выводы о «сближении» двух общественных систем [1]. Хотя этот автор решительно не утверждает, что индустриализация привела к перерождению советского общественного строя в капиталистический, он тем не менее считает, что в результате пролетарской революции в отсталой стране, какой была Россия, без помощи индустриально развитых европейских стран могло быть создано не социалистическое, а лишь переходное общество, «несущее в себе предпосылки социализма»[2].

Таким образом, исходным пунктом фальсификации в западногерманской буржуазной литературе теории индустриализации СССР является отрицание ее социалистической природы, попытка доказать, что Советский Союз шел и продолжает идти по капиталистическому пути и что другого пути общественного прогресса нет. Вариантом этой распространенной идеи представляется утверждение о «государственно-капиталистической природе» советского хозяйственного развития [3].

* *
*

Антинаучный характер упомянутых выше концепций с особой наглядностью проявляется тогда, когда западногерманские социологи переходят к рассмотре-

---

[1] См. *F. Sternberg*. Die militärische und industrielle Revolution. Berlin und Frankfurt a/M., 1957.

[2] *F. Sternberg*. Marx und die Gegenwart. Köln, 1955, S. 124.

[3] В работе марбургского профессора Р. Лоренца о началах советской индустриальной политики (*R. Lorenz*. Anfänge der bolschewistischen Industriepolitik. Köln, 1965) говорится, что первые шаги диктатуры пролетариата содержали возможность социалистического развития России, но уже «к концу 20-х гг. эта возможность была исчерпана» (S. 147), и советская экономика стала будто бы на путь государственного капитализма.

нию конкретных проблем социалистической индустриализации. Они тщатся доказать, что между капиталистическим и социалистическим методами накопления средств для развития индустрии и источниками накопления этих средств принципиальные различия отсутствуют. Извращение природы социалистического накопления преследует вполне определенную цель: доказать, что в советском опыте индустриального развития нет ничего поучительного, полезного для развивающихся стран и что эти страны неизбежно предпочтут путь капиталистического Запада и его помощь.

Широко распространенный в буржуазной историографии прием состоит в том, что история первых лет индустриализации СССР целиком включается в схему так называемого «первоначального социалистического накопления», которое, как заявляют буржуазные идеологи, в известной мере сходно с капиталистическим первоначальным накоплением по своей экономической природе, но принципиально отличается по своим методам. Капиталистический путь накопления западногерманские историки считают «естественным», «эволюционным», поскольку он-де занял продолжительное время и не оказал отрицательного влияния на нормальное течение жизни народов индустриализирующихся стран, а социалистический путь они объявляют «принудительным», связанным с материальными лишениями, со значительным «снижением жизненного уровня трудящихся масс» [1]. Г. Кох, например, прямо заявляет: «Большие инвестиции в СССР были получены прежде всего за счет напряженного потребления» [2]. По мнению буржуазных критиков, *главным* источником накопления средств для развития промышленности в СССР явилось резкое повышение прямых и косвенных налогов на население, и в первую очередь на крестьянство [3]. Спеша преподнести народам развивающихся стран свои рецепты «нормального эволюционного пути», как они называют индустриализацию капиталистического

---

[1] Почти все немецкие буржуазные авторы пользуются термином "Zwangsindustrialisation" («принудительная индустриализация») для описания советского промышленного строительства.

[2] "Sowjetbuch". Hrsg. von H. Koch. München, 1958, S. 135—136.

[3] См. ibid.; *W. Hofmann.* Op. cit.; *Paul Sethe.* Russische Geschichte. Frankfurt a/M, 1968; *Karl-Heinz Ruffmann.* Sowjetrußland. München, 1969.

типа, буржуазные идеологи умалчивают о том, каким кровавым, мучительным был этот путь, сопровождавшийся зверскими методами эксплуатации рабочих, экспроприацией мелких производителей, бесконечными войнами и утверждением наиболее отвратительной формы эксплуатации — созданием колониальной системы.

Как известно, процесс индустриализации в СССР проходил в сложных условиях. «Социалистическая индустриализация,— говорится в тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции»,— проводилась в обстановке капиталистического окружения и постоянной угрозы нападения со стороны агрессивных сил империализма. Это обусловило крайне сжатые сроки преобразований, потребовало большого напряжения всех сил и средств. Индустриализация в СССР проводилась без помощи извне, за счет внутренних накоплений, строжайшего режима экономии» [1]. Эти трудности ни в коей мере не являются закономерностью социалистического строительства вообще, как это пытаются изобразить наши идеологические противники, а целиком вытекали из конкретных особенностей исторической обстановки в период индустриализации СССР. «Наши первые пятилетки были настоящими сражениями за социализм» [2],— мы сами признаем трудности этих лет.

Для того чтобы вскрыть полную несостоятельность тезиса буржуазных авторов о «первоначальном социалистическом накоплении», необходимо рассмотреть вопрос о том, за счет каких же источников в действительности накапливались средства для социалистической промышленности. В свете фактов явственно выступает клеветнический характер утверждения буржуазных идеологов об «эксплуатации» масс в СССР в период индустриализации.

Проблема накопления была решена за счет внутренних источников. Апрельский (1926 г.) Пленум ЦК ВКП(б), конкретизировавший решение XIV съезда партии о развертывании индустриализации, указал на основ-

---

[1] «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции» стр. 13.

[2] *Л. И. Брежнев*. Пятьдесят лет великих побед социализма. М., 1967, стр. 15.

ные источники социалистического накопления. «Экспроприация непроизводительных классов (буржуазии и дворянства), аннулирование долгов, сосредоточение доходов от промышленности, госторговли (внутренней и внешней) и всей кредитной системы в руках государства и т. п.— сами по себе дают возможность такого накопления внутри страны, которое обеспечивает необходимый для социалистического строительства темп развития индустрии» [1],— записано в резолюции Пленума. Пленум наметил также основные пути расширения источников накопления для индустриализации, назвав в первую очередь такие, как увеличение притока свободных средств населения и организация внутренних займов, улучшение государственных финансовых резервов и т. д.

Особенно важно подчеркнуть, что партия, заботясь о расширении накоплений для социалистической промышленности, тесно связывала решение этой задачи с обеспечением неуклонного роста народного потребления [2]. Этому вопросу, например, серьезное внимание было уделено в решениях XV съезда ВКП(б). В директивах по составлению пятилетнего плана развития народного хозяйства съезд указал на необходимость «стремиться к достижению наиболее благоприятного сочетания следующих элементов: расширенного потребления рабочих и крестьянских масс; расширенного воспроизводства (накопления) в государственной индустрии на основе расширенного воспроизводства в народном хозяйстве вообще; более быстрого, чем в капиталистических странах, темпа народнохозяйственного развития и непременного систематического повышения удельного веса социалистического хозяйственного сектора, что является решающим и главным моментом во всей хозяйственной политике пролетариата» [3]. Эти принципы легли в основу экономической политики партии в области индустриализации страны,

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч II. М., 1954, стр. 259.

[2] Уклоняясь от признания этого факта, буржуазные историки и экономисты намеренно извращают политику цен и заработной платы, проводившуюся партией и Советским государством в годы довоенных пятилеток (здесь и спекуляции в связи с «ножницами» 20 х годов, и фальсификаторские «пересчеты» изменений цен по годам, и прочие подобные «исследования»).

[3] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 452—453.

с большим энтузиазмом воспринятой широкими массами трудящихся.

Одним из важнейших источников накопления явилась прибыль государственных предприятий. Удельный вес внутрипромышленных накоплений возрастал из года в год все более и более [1]. К концу второй пятилетки только отрасли тяжелой промышленности дали 40% всей прибыли социалистической промышленности [2]. Преимущества социалистического метода индустриализации заключались, в частности, в том, что норма накопления была чрезвычайно высока и составляла 26—30% от уровня национального дохода, причем она была достигнута за счет внутренних источников при более коротком рабочем дне (7—6 часов). Норма накопления в буржуазных странах в период расцвета капитализма не превышала 14—15%. Проведение социалистической индустриализации привело к победе социализма во всех отраслях народного хозяйства: к концу второй пятилетки 81,8% национального дохода создавалось социалистическими предприятиями, 17% — в личных хозяйствах колхозников и рабочих и 1,2% — в мелких частных хозяйствах [3].

Таким образом, не «принудительность» мобилизации средств, как утверждают идеологи буржуазии, а всестороннее использование преимуществ социалистического хозяйства, умение партии организовать массы трудящихся на выполнение задач социалистического строительства — вот что было главным в решении проблемы накопления для социалистической промышленности.

Как уже говорилось выше, тезис о «принудительном» накоплении средств для индустриализации СССР зиждется также на клеветническом утверждении, будто бы оно происходило за счет снижения жизненного уровня масс. Факты свидетельствуют о том, что даже в труднейшие годы индустриализации партия и Советское государство делали все возможное для того, чтобы ускорить подъем материального благосостояния и культурного

---

[1] См. «Основные закономерности построения социалистической экономики». Сб. статей под ред. И. А. Гладкова. М, 1967; *Н. Рябов.* Социалистическое накопление и его источники в первой и второй пятилетках. М., 1951, стр. 142, 150.

[2] См. «Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг.» М., 1963, стр. 152.

[3] См. там же, стр. 146.

уровня трудящихся. Уже тогда на основе повышения производительности труда происходил рост заработной платы рабочих.

Правда, огромные трудности, связанные с преодолением экономической отсталости страны, а также сложная международная обстановка, происки империализма вынуждали нас напрягать все силы, идти на сознательное ограничение уровня жизни людей, чтобы в короткий срок героическими усилиями создать могучую экономику и укрепить обороноспособность страны. Поэтому на определенном этапе советскому народу пришлось испытать серьезные лишения. В начальный период индустриализации и в годы первой пятилетки из-за этих трудностей рост цен обгонял уровень заработной платы [1]. Но уже в 1933 г. началось регулярное снижение цен. Среднегодовая заработная плата рабочих и служащих по всему народному хозяйству выросла в 1937 г. на 113,5% по сравнению с 1932 г., т. е. более чем в 2 раза [2].

Между тем эти цифры далеко не полно характеризуют картину роста благосостояния советского народа, так как они не включают в себя потребление из общественных фондов, занимающих большое место в подъеме жизненного уровня при социализме. Даже в самый напряженный период индустриализации — в годы первой пятилетки — общественные фонды возросли почти в два раза: с 3,4 млрд. рублей в 1928 г. до 6,6 млрд. рублей в 1930 г. В 1932 г. удельный вес этих фондов составлял к общему размеру индивидуальной заработной платы советского рабочего примерно 37,5% по сравнению с 32,6% в 1927—1928 гг.[3] Эти факты — неоспоримое доказательство преимуществ социалистической системы хозяйства, заботы партии, социалистического государства о росте благосостояния советского народа.

* *
*

Буржуазные критики упорно навязывают читателю мнение, что индустриализация в СССР была проведена

---

[1] См. *Н. Лагутин, В. Мейер.* Рост благосостояния советского народа. «Проблемы мира и социализма», 1967, № 5, стр. 29.

[2] См. «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 339.

[3] См. *И. Баевский.* Жизненный уровень рабочих СССР растет. М., 1933, стр. 21, 26; *О. И. Шкаратан.* Материальное благосостояние рабочего класса СССР в переходный период от капитализма к социализму «История СССР», 1964, № 3, стр. 37.

единственно с целью укрепления советского государственного строя, который, конечно, изображается как чуждый и враждебный народу. «Форсированная индустриализация, из которой исходил в декабре 1927 г. XV партийный съезд в директивах к составлению первого пятилетнего плана,— пишет Г. Штекль,— служила в первую очередь не социальному прогрессу, а ускоренному росту государственной мощи» [1]. Наряду с этим распространяется взгляд об исключительно военных целях советской индустриализации (Г. Раух и Б. Мейсснер договариваются в этой связи до «агрессивности» советской внешней политики).

Никто не собирается отрицать, что одной из целей советской индустриализации являлось укрепление военной мощи первого в мире социалистического государства. Но эта мощь предназначалась не для завоеваний и агрессии, а для упрочения обороноспособности СССР перед лицом постоянной угрозы вооруженного нападения империалистических держав. История давно уже показала, насколько реальной была такая угроза, которая одновременно была и угрозой всеобщему миру. Как бы ни изощрялись антикоммунисты, народы никогда не забудут, что созданный в годы индустриализации могучий оборонный потенциал Советского Союза наряду с другими факторами позволил ему во вторую мировую войну выстоять в смертельной схватке с агрессивным германским империализмом, послужил базой окончательного разгрома гитлеровской военной машины и спасения человечества от фашистского порабощения.

Апологеты буржуазии хотят внушить читателю мысль о «волюнтаризме» советской экономической политики, о ее несоответствии объективным экономическим законам. Они пропагандируют таким образом «свободное», «саморегулирующееся» капиталистическое хозяйство, пытаясь показать его мнимое превосходство над хозяйством социалистическим.

В подкрепление тезиса о «волюнтаристском» характере развития советской экономики западногерманские авторы распространяют версию об «искусственности» планирования народного хозяйства СССР, будто бы

---

[1] *G. Stökl*, Russiche Geschichte. Köln. Opladen, 1962, S. 713.

«введенного силой» [1]. По их мнению, планирование в СССР есть «простое декретирование сверху», со стороны партии и государственной власти, без учета действительных хозяйственных интересов страны [2]. Говоря об индустриализации, критики утверждают, что плановый метод ее осуществления якобы противоречил закону пропорционального развития экономики и привел к нарушению в советском народном хозяйстве естественного «равновесия» («Gleichgewicht»), присущего «саморегулирующемуся» свободному хозяйству стран Запада [3]. Западноберлинский экономист К. Гальхейм утверждает, что ускоренная индустриализация СССР была связана «с постоянными трудностями и диспропорцией» [4].

Несостоятельность подобных утверждений нетрудно вскрыть. Прежде всего следует подчеркнуть, что закон пропорционального развития народного хозяйства в условиях социалистического строительства проявляется не в виде слепой стихии «саморегулирования» экономики, характерной для капитализма, а как сознательное использование партией и Советским государством объективных экономических закономерностей. «Постоянная, сознательно поддерживаемая пропорциональность,— писал В. И. Ленин,— действительно, означала бы планомерность...» [5] И это целиком подтверждено всей историей социалистических преобразований в СССР.

Претворяя в жизнь ленинские идеи об индустриализации, партия в решениях своих съездов, конференций, пленумов ЦК выступила в 20-х годах с научно обоснованной программой социалистической реконструкции промышленности. Эта программа предусматривала осуществление широкого плана промышленного строительства и электрификации как основы для достижения современного уровня народнохозяйственного развития; обеспечение преимущественного развития тяжелой инду-

---

[1] См. *G. Wagenlehner.* Das sowjetische Wirtschaftssystem und Karl Marx. Köln, 1960, S. 40.

[2] См. *E. Boettcher.* Die sowjetische Wirtschaftspolitik am Scheidewege. Tübingen, 1959; *W. Hofmann.* Op. cit., S. 19; *W. Förster.* Rechnungswesen und Wirtschaftsordnung. Berlin, Duncker & Humblot, 1967.

[3] См. "Die Wirtschaftssysteme der Staaten Osteuropas und der Volksrepublik China". Berlin. Duncker & Humblot, 1962, S. 19.

[4] "Wirtschaftsreformen in Osteuropa". Köln, 1968, S. 10.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 620.

стрии при ускоренном росте машиностроения; создание новых отраслей и рациональное размещение промышленности; расширение научно-исследовательской работы; рационализация промышленности; борьба за производственные резервы [1]. Ее осуществление уже в первые годы дало замечательные результаты. Среднегодовые темпы прироста промышленности характеризовались в годы первых двух пятилеток следующими цифрами: в первой пятилетке прирост валовой продукции промышленности составил 19,2%, в том числе производства средств производства — 28,5, предметов потребления — 11,7%, во второй пятилетке соответственно — 17,1, 19, 14,8% [2].

Пропагандируя тезис об искусственности планирования в СССР, буржуазная наука тем самым пытается отрицать объективный характер социалистического планирования, исказить действительную роль Советского государства и Коммунистической партии в экономической жизни страны. И все это делается для того, чтобы доказать «нежизненность», «противоестественность» социализма и, наоборот, заставить простых людей поверить в вечность и совершенство капиталистического «неуправляемого» хозяйства, капиталистического строя. Однако, разумеется, эти, как и любые другие попытки отрицать неизбежность смены капитализма социализмом, беспочвенны и бесплодны.

Утверждение об «искусственности» планирования советской экономики дополняется в буржуазной историографии клеветническими измышлениями о якобы «антидемократическом» характере планирования [3]. Буржуазные авторы хотят таким образом лишний раз напомнить о «превосходстве» буржуазной демократии, существование которой, как они постоянно подчеркивают, связано со «свободным» частнособственническим хозяйством. Они не желают замечать того факта, что плановая система социалистического хозяйствования с самого начала основывалась на использовании ленинского принципа привлечения широких масс трудящихся к управлению народным хозяйством. Этот принцип обусловлен самой природой

---

[1] См. *В. В. Куйбышев.* Избранные произведения. М., 1958, стр. 176—177.

[2] См. «Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах». Статистический сборник. М., 1957, стр. 44.

[3] См. *F. Sternberg.* Die Bedeutung Asiens. Köln, 1962.

социалистического строя. При социализме, когда средства производства принадлежат народу, экономическое планирование и управление хозяйством становятся делом всего общества, важнейшей функцией социалистического государства, главным направлением политики Коммунистической партии. Только при широком участии трудящихся, при всемерном использовании их коллективного опыта можно осуществлять сознательное, планомерное руководство народным хозяйством, превратившимся в условиях социализма в единый, всеобъемлющий экономический механизм. Еще XIV съезд партии, принявший курс на индустриализацию, со всей определенностью подчеркнул в своей резолюции, что экономические успехи не могут быть достигнуты «без активного участия широких рабочих масс в общей работе по строительству социалистической промышленности...» [1]. Такой активностью масс характеризовалось обсуждение итогов работы XIV съезда среди членов партии, всех трудящихся. Так, имеющиеся по ряду партийных организаций материалы показывают, что в обсуждении вопроса об индустриализации принимало участие большинство членов партии. В ленинградской партийной организации на собраниях, посвященных итогам XIV съезда, участвовало 84% ее состава, в самарской — 95%, в сормовской — 80%, в томской — до 98%, и т. д.[2]

История разработки пятилетних планов, их всенародного обсуждения и выдвижения рабочими встречных планов, перевыполнение этих планов — лучшее доказательство демократизма советского хозяйственного планирования, его жизненной силы. Участие масс в разработке планов принимало самые разнообразные формы: отраслевые производственные конференции, совещания актива на предприятиях, в наркоматах, производственные совещания. Плановые задания пятилеток широко обсуждались в периодической печати. Следует напомнить и о массовом социалистическом соревновании за выполнение производственных планов, которое родилось в годы индустриализации и явилось наиболее ярким свидетельством творческого энтузиазма рабочих в борьбе за претворение в жизнь предначертаний Коммунистической партии. Все

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 196.

[2] См. «Факты и цифры. Против демагогии и измышлений оппозиции». М., 1927, стр. 142.

это убедительно говорит о том, что индустриализация была кровным делом советского рабочего класса.

* *
*

Обратимся к еще одной проблеме, которую не обходит ни один буржуазный автор, занимающийся историей индустриализации СССР,— к итогам индустриализации. Отдавая дань объективности, исследователи этого поразительного по своим результатам преобразования сходятся на том, что в период индустриализации были заложены основы экономического могущества СССР. «Советское хозяйство, как всякая социальная организация,— пишет В. Гофман, характеризуя современное экономическое положение СССР,— может быть понято только из его собственных предпосылок. Причина... лежит в основных событиях его предшествующей истории, в скором наверстывании определенного исторического процесса, в ускоренном создании современной индустрии и притом в условиях продолжительного конфликта с окружением» [1].

Ганс Раупах так определяет всемирно-историческое значение советской индустриализации: «Индустриализация евразийской равнины, одной шестой земного шара, проведенная Советской властью,— величайшее событие хозяйственной истории после освоения американского континента, со времен великих географических открытий» [2].

Однако, будучи вынужденными признать успехи советской экономики, буржуазные критики в то же время пытаются в корне извратить сущность глубоких социальных сдвигов, происшедших в нашей стране в процессе создания экономического фундамента социализма. Г. Вагенленер заявляет, будто бы индустриализация «покончила с пролетарской революцией»; Ф. Штернберг рассуждает о том, что партия перестала пользоваться популярностью и поддержкой масс в годы пятилеток [3]. Эти рассуждения подкрепляются претендующими на объ-

---

[1] *W. Hofmann.* Op. cit., S. 528.

[2] *H. Raupach.* Geschichte der Sowjetwirtschaft. Hamburg, 1964, S. 7.

[3] См. *G. Wagenlehner*, Op. cit., S. 338; *F. Sternberg.* Op. cit., S. 36.

ективность вычислениями количественного состава нового «привилегированного» слоя, будто бы выросшего в СССР за годы индустриализации. Г. Римша в своей «Истории России» насчитывает 11,5 млн. представителей мифического «нового слоя», включая техническую интеллигенцию, работников государственного и партийного аппарата [1].

Таким образом, здесь все ставится с ног на голову: рабочий класс, ведущая и преобразующая сила социалистического общества, изображается как «эксплуатируемый» класс, его политическая организация — Коммунистическая партия — как носительница «тоталитарного» режима, а инженерно-техническая интеллигенция, плоть от плоти рабочего класса и крестьянства,— как «класс эксплуататоров».

За годы социалистической индустриализации социально-экономическая структура советского общества действительно изменилась, но совсем не так, как пытаются изобразить это буржуазные идеологи. Социалистические формы хозяйствования пришли на смену многоукладной экономике, социалистические производственные отношения создали основу крепнущего морально-политического единства советского общества. Характерной чертой сложного процесса становления социалистического общества явилось укрепление руководящей роли рабочего класса в Советском государстве.

Период индустриализации страны характеризуется массовым выдвижением передовых рабочих на административно-хозяйственные посты, значительными сдвигами в специальной и общеобразовательной подготовке командных кадров хозяйства, возрастанием среди специалистов удельного веса выходцев из рабочих. Представители рабочих и крестьян в середине 30-х годов составляли примерно половину всех командных кадров промышленности. На 1 марта 1936 г. в составе руководящих кадров промышленности выходцев из рабочего класса было: среди начальников главных управлений наркоматов — 40,3%, главных инженеров и заместителей начальников главных управлений — 20,3, управляющих трестами — 46,2, директоров предприятий — 62,6% [2].

---

[1] См. *H. von Rimscha.* Geschichte Rußlands. Wiesbaden, 1960, S. 565.

[2] См. «История СССР», 1961, № 4, стр. 74.

Участие рабочего класса в управлении страной стало подлинно массовым. Только в годы первой пятилетки среди выдвинутых на руководящие посты в государственный аппарат 54,6% составляли рабочие [1]. Показателем растущей политической активности рабочего класса уже в первые годы индустриализации является его широкое участие во всех видах общественной работы. В советских, партийных, профсоюзных организациях в 1929 г., например, в порядке выполнения общественных обязанностей было занято около 25% всех рабочих-металлистов [2]. Таких фактов можно привести множество.

В этой связи необходимо указать на явно антинаучный характер приемов, применяемых буржуазными исследователями. Вопрос о создании кадров для социалистической промышленности и государственного аппарата изучается в нашей стране давно. В 1927, 1929, 1933 и 1936 гг. были проведены обследования состава специалистов и служащих государственного аппарата и на основе этих материалов изданы статистические сборники и опубликован ряд исследований. Большое количество работ было издано и в последующие годы [3]. Однако западногерманские «советологи», как правило, замалчивают их, отдавая предпочтение насквозь тенденциозным белоэмигрантским источникам. Свои схемы «перерождения» советского общества буржуазные ученые обычно конструируют без фактов, а чаще всего вопреки им.

* *
*

Индустриализация СССР сделала возможной победу социализма во всех областях хозяйственной, политиче-

---

[1] См. «Состав руководящих работников и специалистов СССР». Статистический сборник. М., 1936, стр. 457.

[2] См. «ВЦСПС. Перепись рабочих и служащих в 1929 г.», т. 1. «Металлисты СССР». М., 1930, стр. 109.

[3] См., например, «ВСНХ СССР. Инженерно-технические кадры промышленности». М., 1930; «Состав руководящих работников и специалистов СССР». М., 1936; *М. Б. Рысс, В. А. Шмелев.* Проблема кадров специалистов в промышленности. М., 1930; *А. Е. Бейлин.* Подготовка кадров в СССР за 15 лет. М., 1932; *его же.* Кадры специалистов СССР; их формирование и рост. М., 1935; *Н. Рябов.* Социалистическое накопление и его источники в первой и второй пятилетках. М., 1951; *Э. Ю Локшин.* Очерки истории промышленности СССР. М., 1956; *П. И. Лященко.* История народного хозяйства СССР. М., 1960, т. III; *А. Ф. Хавин.* Краткий очерк истории социалистической индустриализации СССР. М., 1962, и др.

ской и культурной жизни страны. Она явилась исходным пунктом последующих успехов СССР в экономическом соревновании с капитализмом. Реальность успехов индустриализации несомненна, и поэтому буржуазная наука стремится извратить сущность этого явления, уйти от признания действительных причин, обусловивших успехи. На свет вновь вытаскиваются старые теории, некогда широко распространенные в буржуазной науке, но отвергнутые самой жизнью. Хотя подаются они в несколько подновленном виде, с известной претензией на «объективность» и «научность», тем не менее их идейные основы, их антинаучный характер не изменились. Наиболее явственно прослеживается идейное родство современной буржуазной «советологии» с белоэмигрантскими толкованиями истории СССР (в теории «нового класса» слышатся отзвуки сменовеховских надежд на буржуазное перерождение революции) и троцкистской концепцией послеоктябрьского развития Страны Советов («первоначальное социалистическое накопление»). Идейным источником современного буржуазного «советоведения» является также каутскианство с его теорией «случайности» российской революции и «закономерности» ее перерождения. Все это свидетельствует о полной неспособности буржуазных идеологов найти хоть сколько-нибудь убедительные концепции и материалы, которые могли бы перечеркнуть всемирно-историческое значение советского опыта индустриализации, демонстрирующего великие преимущества социализма. Несмотря на все потуги антикоммунистов очернить этот опыт, он вдохновляет ныне многие народы, вступающие на путь социального прогресса.

В. И. Тетюшев

ПРОТИВ ИЗВРАЩЕНИЯ ИСТОРИИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СССР В БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Идеологи Запада проявляют особую активность на «аграрном фронте» «холодной войны». Они понимают, что судьба происходящей в современном мире борьбы между капитализмом и социализмом во многом зависит от позиции крестьянства, до сих пор составляющего большинство населения земного шара. Их тревожит растущая политическая изоляция монополистической буржуазии и сближение сельского населения с рабочим классом в развитых капиталистических странах. У идеологов и политических лидеров Запада, а также у местной национальной буржуазии вызывает страх революционизация крестьянства в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Приверженцы капитализма отдают себе отчет в том, какую громадную силу в социальном преобразовании стран, освободившихся от колониализма, представляет пришедшее ныне в движение крестьянство, тем более если оно идет за революционным рабочим классом. Немецкий историк Ф. Штернберг, например, в своей книге «Маркс и современность», рассматривая положение, сложившееся в развивающихся странах Азии, пишет, что крестьянский вопрос «уже сегодня менее всего является вопросом теоретическим, академическим, дискуссионным, а непосредственно практическим». «Огромная роль крестьянства в Азии...— подчеркивает он,— должна быть решающей в социальной трансформации» [1]. Понятно, что сторонники капитализма пытаются направить крестьянское движение в нужное им русло, использовать его в собственных интересах.

Жизнь, однако, мало считается с их желаниями и надеждами. Внимание народов экономически отсталых стран, ищущих кратчайший и менее болезненный путь

[1] *Fritz Sternberg.* Marx und Gegenwart. Köln, 1955, S. 283.

к прогрессу, все более привлекает положительный опыт Советского Союза. Как пишет А. Ноув, «слаборазвитые страны считают, что, если они желают быстрого экономического развития, они должны внимательно изучить путь вперед, взятый русскими» [1]. Даже такой ярый противник коммунизма, как О. Шиллер, вынужден был признать факт сильного воздействия «примера советской аграрной системы» на молодые страны. В результате этого, пишет он, «во многих странах Азии появилось мнение о возможности достигнуть цели (то есть быстро поднять сельскохозяйственное производство.— *В. Т.*) с помощью тех же методов, которые были применены в Советском Союзе...» [2]

Подобная перспектива, понятно, не устраивает защитников капитализма. Этим, собственно, и объясняется чрезвычайная активность буржуазных идеологов, в частности историков, пытающихся извратить марксистско-ленинскую теорию, политику Коммунистической партии в области социалистического преобразования сельского хозяйства.

В послевоенный период на книжные рынки несоциалистических стран была выброшена огромная масса литературы, посвященной марксистско-ленинской теории по крестьянскому вопросу, истории коллективизации сельского хозяйства в СССР. Наиболее типичными среди них являются работы профессора Гарвардского университета Д. Митрани, сотрудника Вашингтонского исследовательского центра по изучению советской экономики Н. Ясного, эксперта по аграрным вопросам при боннском правительстве О. Шиллера и т. д. [3]. Большое внимание

---

[1] «Soviet Studies», vol. X, April 1959, N 4, p. 384.

[2] «Osteuropa», 1955, N 6, S. 406—407.

[3] См. *D. Mitrany.* Marx against the Peasant. The University of North Carolina Press, 1951; *H. S. Dinerstein.* Communism and the Russian Peasant. Glencoe, 1955; *N. Jasny.* The Socialized Agriculture of the USSR. Plans and Performance. Stanford, California, 1949; *O. Schiller.* Die Landwirtschaft der Sowjetunion, 1917—1953. Tübingen, 1954; *его же.* Das Agrarsystem der Sowjetunion. Entwicklung seiner Struktur und Produktionsleistung. Tübingen, 1960; *L. Volin.* A Survey of Soviet Russian Agriculture. Washington, 1951; *его же.* Agricultural Organization. В сб. «Soviet Economic Growth. Conditions and Perspectives». N. Y., 1953; *I. Sanders* (ed.). Collectivization of Agriculture in Eastern Europe. Kentucky, 1958; «Soviet and East European Agriculture». Ed. with a pref. by Jerzy F. Karcz. Berkeley and Los Angeles. Univ. of California Press, 1967, и др.

теории и политике Коммунистической партии по крестьянскому вопросу уделяется в работах, интерпретирующих марксистско-ленинское учение в целом [1], в многочисленных обобщающих трудах по русской истории и истории КПСС [2].

Кто же эти авторы, проявляющие повышенный интерес к указанным проблемам? Здесь и белоэмигранты вроде А. Мазура, и отъявленные антикоммунисты наподобие Л. Шапиро или профессора Вашингтонского университета К. Виттфогеля, одного из авторов пресловутого «Руководства по мировому коммунизму». В первой шеренге этого отряда «ученых» находятся западногерманские, как их метко прозвали, «абвер-профессора»: О. Шиллер — бывший офицер фашистской контрразведки, И. Маркерт — офицер абвера во время второй мировой войны, ныне директор Института Восточной Европы в Тюбингене, марбургский профессор фон Раух, в прошлом зондерфюрер СС, и др. Не будет лишним напомнить, что именно О. Шиллер и И. Маркерт вместе с обер-фашистом Т. Оберлендером сочинили в свое время план ликвидации колхозов на оккупированной территории Советского Союза — так называемый «Аграрный указ», одобренный в 1942 г. Гитлером.

Советские историки уделяют большое внимание разоблачению фальсификации истории социалистического преобразования сельского хозяйства в СССР. Об этом

---

[1] См. *R. N. C. Hunt.* The Theory and Practice of Communism. London, 1951; *A. Meyer.* Leninism. Cambridge, Harvard Univ. Press, 1957; *G. D. H. Cole.* Communism and Social Democracy. 1914—1931. London, 1958; *его же.* Socialism and Fascism. 1931—1939. London, 1960; «Handbuch des Weltkommunismus». Freiburg, München, 1958; *A. B. Ulam.* The New Face of Soviet Totalitarianism. Cambridge, 1963, и др.

[2] См. *E. Hanisch.* Geschichte Sowjetrusslands. 1917—1941. Freiburg, 1951; *H. Schwartz.* Russia's Soviet Economy. N. Y., 1951; *T. Cliff.* Stalinist Russia. London, 1955; *G. von Rauch.* Geschichte der Bolschewistischen Russland. Wiesbaden, 1955; *S. Harcave.* Russia. A History. Chicago, Philadelphia, N. Y., 1956; *M. Wren.* The Course of Russian History. N. Y. Macmillan, 1958; *J. Deutscher.* Stalin. A Political Biography. N. Y., 1960; *L. Schapiro.* The Communist Party of the Soviet Union. N. Y., Random House, 1960; *H. Seton-Watson.* Eastern Europe between the Wars 1918—1941, Hamden (Conn.), 1962; *его же.* The New Imperialism. Chester Springs (Pensylvania), 1962; *A. Mazour.* Russia Tsarist and Communist. Toronto, N. Y., London, 1962; *N. V. Riasanovsky.* A History of Russia, N. Y., Oxford Univ. Press, 1963; *M. Fainsod.* How Russia Is Ruled. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, 1963, и др.

свидетельствует опубликование доклада «Зарубежная антимарксистская историография коллективизации сельского хозяйства и развития колхозного строя в СССР», подготовленного сотрудниками Института истории АН СССР А. А. Барсовым и В. С. Васюковым к научной сессии по истории советского крестьянства и колхозного строительства, которая состоялась в апреле 1961 г. в Москве[1]. Авторы доклада проанализировали работы американских, английских, западногерманских и французских историков, вышедшие в 40—50-е годы, систематизировали эту литературу и подвергли критике основные положения и тезисы, фальсифицирующие историю коллективизации сельского хозяйства в СССР.

Из работ, появившихся в последние годы, следует также отметить статью Г. Шарапова «Против извращения истории аграрных преобразований в первые годы Советской власти в современной буржуазной историографии», а также его монографию «Критика антикоммунизма по аграрному вопросу»[2]. Аграрная проблематика частично затронута также в ряде других брошюр, статей и рецензий на отдельные работы буржуазных авторов[3]. Этими выступлениями, конечно, не исчерпана задача всестороннего разоблачения фальсификаторов, тем более что из-под их пера продолжают выходить все новые и новые «труды», искажающие опыт КПСС в области коллективизации деревни. Здесь будут критически рассмотрены выдвинутые в работах перечисленных выше и некоторых других реакционных «советологов» важнейшие положения и тезисы по некоторым вопросам, связанным с историей социалистического преобразования сельского хозяйства СССР.

---

[1] См. «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР». Материалы научной сессии, состоявшейся 18—21 апреля 1961 г. в Москве. М., 1963.

[2] См. «Вопросы истории», 1959, № 7; *Г. В. Шарапов.* Критика антикоммунизма по аграрному вопросу. М., 1966.

[3] См. *В. И. Салов.* Против фальсификации в буржуазной литературе вопросов колхозного строительства в СССР (1953—1958 гг.). См. сборник «Против буржуазной фальсификации истории советского общества». М., 1960; *Ю. С. Борисов, В. С. Васюков.* Вопросы социально-экономических преобразований советской деревни в современной французской антимарксистской историографии. «История СССР», 1960, № 4; *А. А. Барсов.* Против извращения истории советского крестьянства буржуазной историографией. «История СССР», 1962, № 2, и др.

I

Особенно яростным и настойчивым нападкам подвергается одна из важнейших составных частей марксизма-ленинизма — учение о союзе рабочего класса и крестьянства. Пытаясь посеять раздор между этими двумя классами, антикоммунисты направляют острие своих идеологических атак против самой основы марксизма-ленинизма — учения о диктатуре пролетариата. Так, видный американский «советолог» А. Штерн, будучи вынужденным признать тот факт, что идеи коммунизма имеют ныне огромную притягательную силу во всем мире, прямо указывает на необходимость «развенчать в глазах масс принцип объединения рабочих и крестьян, который, согласно коммунистической доктрине, имеет основную силу в деле установления нового социального порядка» [1].

Преследуя эти цели, империалистические идеологи стремятся прежде всего извратить марксистское понимание социальной природы крестьянства, его роли в историческом процессе. Читателям упорно навязывается мысль, будто К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин рассматривали крестьянство как сплошную реакционную массу. Пытаясь как-то аргументировать этот тезис, антикоммунисты разглагольствуют о некой «традиционной ненависти» горожан к сельским жителям, или, как пишет Д. Митрани, о «чувстве злобы революционного коллективиста (рабочего.— *В. Т.*) против упорства индивидуалистов-земледельцев». Отсюда делается вывод о «неизбежной враждебности» рабочего класса к крестьянству в целом [2].

Откровенно фальсификаторский характер этих «теоретических построений» нетрудно вскрыть на примере статьи К. Виттфогеля из «Руководства по мировому коммунизму». Извращая оценку природы крестьянства Марксом и Энгельсом, Виттфогель ссылается на то место из «Манифеста Коммунистической партии», где говорится, что средние сословия, в том числе и крестьяне, «не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны...» [3] Но ведь известно, что этими словами марк-

---

[1] *A. Stern.* The History of the Soviet Russia. New York, 1961, p. 9.

[2] См. *D. Mitrany.* Op. cit., p. 21, 22; *R. N. C. Hunt.* Op. cit., p 188; *M. Fainsod.* Op. cit., p. 526.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс* Соч., т. 4, стр. 434.

систская оценка крестьянства не исчерпывается! Виттфогелю, слывущему на Западе «знатоком марксизма», несомненно, должно быть известно и все остальное, сказанное в «Манифесте» о крестьянстве. А там говорится, что крестьянин консервативен и даже реакционен постольку, поскольку он стремится «повернуть назад колесо истории», т. е. спасти свое существование как мелкого собственника. Но вместе с тем далее указывается на возможность революционного поведения средних слоев, в том числе и крестьян, «постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы, поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата» [1]. Можно привести множество аналогичных высказываний Маркса и Энгельса, свидетельствующих о том, что они верили в революционность крестьянства и предвидели его неизбежный переход в лагерь революционных сил. Однако буржуазные идеологи не любят вспоминать о них, замалчивают марксистское положение о двойственной природе крестьянства. Всячески подчеркивая лишь причастность крестьянина к классу собственников, не говоря ничего о нем как о труженике, западные «советологи» в большинстве своем пытаются таким образом создать иллюзию общности интересов всего крестьянства с классом капиталистов, органической враждебности его рабочему классу, социализму.

Апологеты капитализма грубейшим образом извращают и другие важнейшие теоретические положения, на которых основывается политика Коммунистической партии по крестьянскому вопросу. Вот как, скажем, выглядит в их изображении стратегическая линия партии пролетариата по отношению к крестьянству. Поскольку-де крестьянство является реакционной массой, коммунисты, естественно, задались будто бы целью сперва уничтожить его как класс, т. е. превратить всех крестьян в пролетариев, отняв у них землю и другие средства производства, и только затем привлечь к строительству социализма. Профессор университета в Кентукки И. Сандерс пишет, например, что «официальная доктрина партии (большевиков.— *В. Т.*) в интерпретации Ленина предусматривает создание сельского пролетариата, который в каче-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 434.

стве «трудящегося крестьянства» объединился бы с городскими рабочими, чтобы творить коммунистическую утопию» [1]. Подобной же точки зрения придерживаются и многие другие буржуазные «исследователи» [2]. Не имея сколько-нибудь убедительных доводов в подтверждение этого тезиса, «знатоки» марксизма-ленинизма прибегают к формально-логическому «обоснованию». «Коммунизм обязуется уничтожить капиталистов»,— пишет, например, Р. Сваруп. И поскольку, рассуждает он далее, «в соответствии с ленинизмом крестьянство есть «последний капиталистический класс»... это означает, что коммунизм предполагает уничтожение крестьянства» [3]. Незадачливые критики коммунизма, в том числе и Р. Сваруп, как бы сговорившись, ссылаются в данном случае на известные ленинские слова о том, что «мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе». Беспомощность подобной «аргументации» очевидна хотя бы потому, что основоположники научного коммунизма никогда не относили к капиталистическому классу все крестьянство.

Известно, что Маркс, Энгельс и Ленин предвидели неизбежную гибель мелкого крестьянского хозяйства и пролетаризацию крестьянства в условиях капитализма. Они никогда не считали, что коммунисты обязаны, говоря словами Ф. Энгельса, защищать «мелкого крестьянина в его собственности» против превосходящих сил крупного капитала, поскольку это означало бы защищать «особую форму его рабства». Однако коммунисты, несмотря на необратимость пролетаризации крестьянства при капитализме, всегда считали, как подчеркивал Ф. Энгельс, что они «ни в коем случае не призваны ускорять ее своим вмешательством» [4]. И не только из побуждений гуманности, но и исходя из интересов успешного осуществления социализма. Взгляды Ф. Энгельса полностью разделял и В. И. Ленин [5].

Разумеется, искренность намерений той или иной

---

[1] *I. Sanders.* Op. cit., p. 1.

[2] См., например, *D. Mitrany.* Op. cit., p. 22, 438; *R. N. C. Hunt.* Op. cit., p. 190; *A. B. Ulam.* Op. cit., p. 34 a. o.

[3] *Swarup, Ram.* Communism and Peasantry. Delhi, Times of India Press. 1954, p. 22.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, стр. 511, 518.

[5] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 208.

партии проверяется прежде всего ее практической деятельностью. Большевики, не гонясь за дешевой популярностью, никогда не обещали крестьянам своей поддержки в увековечении их рутинного хозяйства. Программным требованием партии было помочь им освободиться от феодальной и капиталистической эксплуатации. И русские коммунисты первыми в истории выполнили свои обязательства перед крестьянством. Одним из первых законов, принятых Советской властью, был Декрет о земле, отменивший частную собственность на землю. Крестьянству было передано в безвозмездное пользование, кроме той, которая принадлежала ему ранее, более 150 млн. *га* земли, конфискованной у помещиков, монастырей, а также царской семьи. Крестьяне были освобождены также от арендных платежей помещикам и от расходов на покупку земли — всего в сумме 700 млн. руб. золотом ежегодно [1]. Показательны результаты аграрных преобразований, осуществленных Советской властью за первое послереволюционное десятилетие. За этот период почти в 2 раза — с 65 до 35% — сократился удельный вес бедняцких хозяйств и в то же время возрос в 3 раза — с 20 до 60% — удельный вес середняцких хозяйств [2]. Факты свидетельствуют, таким образом, о том, что коммунисты ни в теории, ни на практике не ставили перед собой цели уничтожения крестьянства, которую им приписывают реакционные идеологи.

Навязывая читателю мысль о мнимой враждебности рабочего класса крестьянству, проповедники антикоммунизма пытаются доказать, что и крестьяне якобы относились к рабочим, к их партии с «не меньшей враждебностью». Другими словами, буржуазные идеологи пытаются подвести читателя к выводу о «противоестественности» самой идеи союза рабочего класса с крестьянством. Западногерманский «специалист» по проблемам истории советского общества В. Кох пишет, например, в этой связи, что Ленин считал крестьянство «ненадежным и поэтому опасным попутчиком». И это убеждение, утверждает он, целиком «соответствовало учению

---

[1] «Страна Советов за 50 лет». Сборник статистических материалов. М., 1967, стр. 115.

[2] См. *С. Трапезников*. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. М., 1959, стр. 40—41.

Маркса»[1]. Противопоставляя рабочих крестьянам, буржуазные историки пытаются представить дело таким образом, что крестьянство будто бы кровными узами навечно связано с капитализмом, а потому только с ним оно и должно разделять свою судьбу. (К. Хант утверждает, например, что для крестьян «более привлекательны лозунги буржуазии, чем далеко идущие лозунги пролетариата»[2].)

Однако реальные исторические факты свидетельствуют о другом. Хорошо известно, что социалистическая революция в России, как и социалистические революции в других странах, победила благодаря прочному союзу между рабочим классом и крестьянством. Многие западные «специалисты» по советской истории, будучи не в силах отрицать этот неоспоримый факт, пытаются, как это делают, например, издатели книги Д. Митрани, расценить его в качестве «великого парадокса современной истории». Этот парадокс, по их словам, состоит в том, что, хотя «марксизм является врагом для сельского населения, он каждый раз поднимается к власти на спинах недовольных крестьян»[3].

Но как же тогда объяснить причины, порождающие подобные «парадоксы»? Буржуазные историки выходят здесь из положения, выдвигая тезис о так называемой «тактике-маятнике», применяемой якобы коммунистами в крестьянской политике. Они тщатся доказать, что коммунисты, рабочий класс шли на союз с крестьянством *лишь из «конъюнктурных соображений»*, делая крестьянству «временные уступки». Так, К. Виттфогель утверждает, что Ленин будто бы учил партию без колебаний жертвовать интересами крестьян, если это отвечает интересам ее политики[4]. Директор Русского исследовательского центра при Гарвардском университете М. Фейнсод представляет дело таким образом, что тактика коммунистов менялась будто бы в зависимости от обстоятельств: когда они «чувствовали себя достаточно сильными, чтобы пренебречь чувствами крестьян... они навязывали

---

[1] *W. Koch.* Geschichtsgesetz und Strategie bei Lenin.—"Der Mensch in kommunistischen System". Tübingen, 1957, S. 44.

[2] *R. N. C. Hunt.* Op. cit., p. 68.

[3] См. суперобложку книги D. Mitrany.

[4] См. "Handbuch des Weltkommunismus", S. 445.

последним свою волю», когда же им нужна была поддержка крестьян, они «делали им уступки» [1].

«Аргументируя» свои измышления, буржузные идеологи утверждают, что большевики, стремясь привлечь на свою сторону крестьянство, за неимением собственной аграрной программы якобы прибегли к помощи эсеровских лозунгов. Г. Шварц, например, пишет в этой связи, что большевики смогли обеспечить себе поддержку крестьянства в период социалистической революции лишь благодаря тому, что они выдвинули «немарксистский» лозунг: «Всю землю крестьянам» — и активно поддерживали «черный передел» [2]. Рассуждения подобного рода обычно заканчиваются клеветническими выводами о том, что Советская власть, укрепившись, якобы отняла у крестьян землю (буржуазные историки имеют в виду национализацию земли), а затем, пролетаризировав их, приступила к кооперированию деревни.

Перед нами, таким образом, целый набор лживых утверждений, в которые могут поверить лишь люди, незнакомые с марксистско-ленинской теорией, не имеющие никакого представления об истории аграрных преобразований в СССР. Буржуазные идеологи бесцеремонно извращают взгляды основоположников марксизма-ленинизма на крестьянство и его место в революционной борьбе. К. Маркс и Ф. Энгельс, выдвинувшие идею союза рабочего класса и крестьянства, указывали, что пролетариат может совершить победоносную социалистическую революцию только в союзе с трудящимися слоями деревни. В. И. Ленин, всесторонне разработавший теорию союза рабочего класса и крестьянства, рассматривал этот союз в качестве высшего принципа диктатуры пролетариата [3]. Хорошо известно, что на уступки крестьянам, поддержав их требование социализации земли, большевики пошли после победы Октябрьской социалистической революции, в феврале 1918 г., когда были уже правящей партией. Партия никогда не принуждала крестьян к выбору пути. Она предоставила им возможность самим на практике убедиться в недостаточности такой меры, как осуществление уравнительного землепользования. Что же касается национализации, то она была проведена по же-

---

[1] *M. Fainsod.* Op. cit., p. 526.
[2] См. *H. Schwartz.* Op. cit., p. 96.
[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 47.

ланию самих крестьян, а не вопреки их воле, как утверждают многие «советоведы». Об этом свидетельствуют исторические факты. Требование национализации земли содержалось в крестьянском «Наказе», составленном на основании 242 наказов местных Советов крестьянских депутатов и полностью вошедшем в принятый II съездом Советов Декрет о земле. Превратив землю в общенародное достояние, большевистская партия выполняла волю трудящегося большинства крестьянства. Умышленно замалчивая этот факт, буржуазные идеологи еще более обнажают свои подлинные фальсификаторские замыслы.

Союз рабочего класса и крестьянства в России был обусловлен не какими-то мнимыми «тактическими уловками» большевиков, как это пытаются представить наши критики, а объективными факторами, единством политических и экономических интересов этих классов. Именно поэтому В. И. Ленин, говоря о закончившейся неслыханно тяжелой войне трудящихся России против внутренней контрреволюции и иностранной интервенции, указывал: «И чудом было, что такую войну выдержала разоренная страна, и это чудо не с небес свалилось, а оно выросло из экономических интересов рабочего класса и крестьянства, которые создали это чудо своим массовым подъемом; этим чудом был создан отпор помещикам и капиталистам» [1].

Как очевидно, нападки современных буржуазных историков на тактику большевистской партии, рассчитанную будто бы на обман крестьянства, не представляют ничего нового. Большевики уже слышали крики подобного рода и со стороны эсеров, которые хотели бы задержать Россию на буржуазном этапе революции, не допустить социалистических преобразований в стране, и со стороны меньшевиков, антисередняцкие взгляды которых исключали установление прочного союза рабочего класса с крестьянством, вели к подрыву диктатуры пролетариата. Такова суть и современных наскоков на аграрную политику партии. Правда, западные историки защищают задним числом не только русскую буржуазию. Они задались целью «просветить» крестьян несоциалистических стран, чтобы они не дали коммунистам «обмануть» себя, а следовали бы послушно за своим «истинным» союзником — буржуазией.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 63—64.

II

Фальсификация марксистско-ленинской теории по крестьянскому вопросу и истории земельных преобразований первых лет Советской власти является как бы фундаментом, на котором буржуазные критики разворачивают свое «исследование», а точнее, извращение истории глубочайшего революционного переворота в советской деревне, начавшегося в конце 20-х годов,— массовой коллективизации сельского хозяйства.

Рассмотрение вопроса о коллективизации западные «специалисты» по русскому сельскому хозяйству начинают обычно с отрицания ее объективной обусловленности. Они пытаются показать, что коллективизация явилась насилием над естественным ходом экономического развития страны и была проведена Коммунистической партией якобы лишь во имя «слепой приверженности», как утверждает, например, Л. Волин (США), «марксистской догме о превосходстве крупного способа производства в сельском хозяйстве». Таково же мнение К. Ханта, А. Ноува, И. Сандерса, М. Фейнсода [1]. Их нападки на объективный характер процесса коллективизации сельского хозяйства в СССР строятся на отрицании самого факта существования в нашей стране в тот период объективных предпосылок социалистического преобразования деревни: экономической потребности коллективизации сельского хозяйства для общества в целом, заинтересованности в ней крестьянства, в частности, а также наличия материальной базы для ее осуществления.

Весьма показательно, что выводы буржуазных ученых об отсутствии объективной экономической потребности в социалистическом преобразовании сельского хозяйства в СССР, в сущности, голословны, лишены аргументации, какого-либо фактического обоснования. Да это и не случайно, ибо подлинно научный анализ исторических условий, сложившихся в нашей стране, неизбежно привел бы к совершенно противоположным выводам.

Социалистическое преобразование советской деревни

---

[1] *L. Volin.* Agricultural Organisation. См. сб. "Soviet Economic Growth. Conditions and Perspectives", p. 287; *R. N. C. Hunt.* Op. cit., p. 189; *A. Nove.* The Peasant, Collectivization and Mr. Carr. "Soviet Studies", April, 1959, N 4, p. 385; *I. Sanders.* Op. cit., p. 2; *M. Fainsod.* Op. cit., p. 527.

было обусловлено всем ходом социально-экономического развития страны. В то время, как крупная социалистическая промышленность развивалась на основе расширенного воспроизводства высокими темпами, в деревне господствовало мелкое крестьянское хозяйство, основанное на ручном труде и едва осуществлявшее простое воспроизводство.

Разрыв в темпах развития промышленности и сельского хозяйства отчетливо обозначился уже в середине 20-х годов. В 1926/27 г. прирост промышленной продукции составил 18,2%, а продукции сельского хозяйства — лишь 4,1% [1]. В 1927 г. в деревне насчитывалось 24 млн. крестьянских хозяйств — примерно на 7 млн. больше, чем в 1913 г. Поскольку помещичьи хозяйства были ликвидированы, а количество кулацких значительно сокращено, середняки и бедняки стали главными производителями зерна. Они стали жить значительно лучше, намного увеличили собственное потребление сельскохозяйственных продуктов. Однако товарность сельскохозяйственного производства была чрезвычайно низкой. Если до первой мировой войны средний уровень товарности зерновых культур составлял в России 26%, то в 1927 г.— 13,3%, т. е. только половину довоенного уровня [2]. Отставание сельского хозяйства грозило срывом индустриализации страны, тормозило процесс строительства социализма в СССР.

В условиях мелкого крестьянского хозяйства неизбежны были распыление средств производства, непроизводительные растраты общественного труда, затруднялось эффективное применение сельскохозяйственных машин, особенно сложных, в первую очередь тракторов и комбайнов

Западным историкам хорошо известна эта особенность мелкого сельскохозяйственного производства. В развитых капиталистических странах до сих пор миллионы крестьянских хозяйств не имеют возможности применять механическую тягу и основывают производство

---

[1] См *М. А. Краев.* Победа колхозного строя в СССР. М., 1954, стр. 399.

[2] См. *С Трапезников.* Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства, стр 42—43.

на ручном труде[1]. Понятно, что это происходит отнюдь не из-за нехватки техники в передовых капиталистических странах. Дело в другом. Сложная техника просто недоступна или почти недоступна мелким фермерам, к тому же ее невыгодно использовать на мелких участках. По этой причине они не в состоянии вести рентабельное хозяйство и конкурировать с крупными хозяйствами и, следовательно, обречены на гибель. Основную часть товарной продукции в странах Запада дают высокомеханизированные крупные капиталистические фермы, оснащенные современной техникой.

В условиях же мелкокрестьянского хозяйства России проблему увеличения производства продуктов питания и промышленного сырья можно было разрешить только путем перехода к крупному машинному сельскохозяйственному производству. Само собой разумеется, что при Советской власти оно могло быть создано лишь на социалистической основе, путем социалистического кооперирования всей массы крестьянских хозяйств. Создание крупного сельскохозяйственного производства в СССР, таким образом, являлось назревшей жизненной потребностью, без осуществления которой было бы немыслимо дальнейшее успешное строительство социализма в стране.

Перейдем к основному тезису, который используют буржуазные фальсификаторы для отрицания объективной обусловленности социалистического преобразования сельского хозяйства. И. Дейчер, М. Рен, Ф. Мосли, С. Харкейв, Ф. Штернберг и другие «советоведы» с видом первооткрывателей доказывают, что в нашей стране в конце 20-х годов не было материально-технической базы для создания крупного сельскохозяйственного производства. Они толкуют о так называемой «незрелости производительных сил» в советской деревне в тот период. И. Дейчер, например, сообщает, что «крупное сельскохозяйственное производство требует намного более развитой технической базы по сравнению с мелким крестьянским хозяйством, тем более такого типа, каким оно

---

[1] В Соединенных Штатах, например, по этим причинам, согласно данным за 1958 г., 40% ферм не имело тракторов. См. «Экономика капиталистических стран в 1958 году». Статистический справочник. М., 1959, стр. 217. Во Франции без тракторов обходятся более половины крестьянских хозяйств.

было в России»[1]. Вокруг этого «открытия» буржуазные историки и экономисты подняли невероятный шум, его всячески стремятся аргументировать «массой фактов». Однако при этом западные «советоведы» не замечают или делают вид, будто не замечают, что они, собственно, ломятся в открытую дверь. В работах советских историков и экономистов давно сказано, что производственное кооперирование в деревне началось, в основном, на базе конно-ручного инвентаря и что машинно-тракторная техника к началу сплошной коллективизации не являлась преобладающей частью материально-технической базы сельского хозяйства[2].

Наша партия перешла к политике сплошной коллективизации сельского хозяйства, не дожидаясь, когда будет полностью завершено создание материально-технической базы для такого преобразования. Это было обусловлено как широким размахом движения самих крестьянских масс за вступление в колхозы, так и социально-экономическими потребностями развития страны по пути к социализму. Таким образом, революция в экономических отношениях опережала революцию техническую. Конечно, если бы такое опережение затянулось надолго, то коллективизация не дала бы своих результатов. Но дело заключалось именно в том, что одновременно с развертыванием массовой коллективизации при наличии того минимума материально-технических предпосылок, который имелся уже в го время, Советское государство по воле партии ускоренными темпами насыщало колхозы современной техникой.

Хотя тяжелая промышленность накануне и в начале массовой коллективизации не могла еще в достаточной степени обеспечить деревню тракторами, сложными сельскохозяйственными машинами, тем не менее первые тысячи тракторов и других машин уже работали на полях. На Северном Кавказе, например, в 1929 г. имелось 14 крупных совхозов, оснащенных машинной техникой. В сентябре 1928 г. на базе тракторных колонн совхоза имени Т. Г. Шевченко (Одесская обл.) была создана первая в стране МТС. К весенней посевной кампании

---

[1] *I. Deutscher.* Op. cit., p. 325.

[2] См., например, *В. П. Данилов.* Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1958, стр. 392.

1930 г. действовало уже 158 машинно-тракторных станций. Совхозы и МТС оказывали окружающим крестьянским единоличным хозяйствам большую производственную помощь.

Следует иметь в виду еще одно очень существенное обстоятельство. Буржуазные историки в своих выводах игнорируют тот важнейший фактор, что значение машинно-тракторного парка, имевшегося в период сплошной коллективизации, определялось не только объемом выполняемых им работ, т. е. чисто экономическими показателями. Первые машины оказывали глубокое революционизирующее воздействие на сознание крестьянских масс. Так, совхоз «Гигант» (Северный Кавказ) только в 1929 г. посетило 50 тыс. представителей крестьянских обществ [1]. Машины на полях совхоза производили огромное впечатление, и крестьяне разъезжались по домам горячими сторонниками коллективизации, активнейшими агитаторами за ее осуществление. Тракторы, таким образом, не только перепахивали межи, разъединявшие крестьянские хозяйства, но и переделывали психологию мелкого земледельца. Крестьяне убеждались, что ведение коллективного хозяйства при помощи машин — единственно верный путь к освобождению от каторжного труда, кулацкой кабалы, к улучшению жизни. Под воздействием примера, получая помощь со стороны государства машинами и кредитами, крестьяне объединялись в колхозы, не дожидаясь, как это следовало бы сделать согласно логике современных буржуазных историков, такого момента, когда будет накоплена огромная масса техники для повсеместной организации крупного производства в деревне.

Закономерность и экономическая целесообразность коллективизации была обусловлена и другим важнейшим фактором, который антикоммунисты также игнорируют. Крестьяне, объединявшиеся в колхозы, руководствовались экономическими интересами. Жизнь убеждала их в том, что производственное кооперирование позволяет полностью использовать еще не исчерпанные возможности ведения сельскохозяйственного производства на старой материальной базе. Даже простое сложение крестьянского инвентаря в коллективных хозяйствах, применение его на обширных земельных массивах вело к более

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 411, л. 33.

эффективному использованию орудий и средств производства, к значительному росту производительности крестьянского труда. В Хоперском округе Нижне-Волжского края — первом в стране округе сплошной коллективизации — в коллективных хозяйствах при прежнем количестве тягла стало возможным поднять вдвое больше пашни, чем в предыдущем году, когда хозяйство велось на индивидуальных началах [1]. В крупных хозяйствах благодаря экономному использованию труда и времени крестьян, большим площадям земли, концентрации денежных средств и инвентаря повышалась культура производства, выращивались более высокие урожаи. Уже в 1929—1930 гг. в основных зерновых районах страны урожайность в колхозах и совхозах была на 20—40% выше, чем в единоличных хозяйствах [2]. В колхозах снижалась соответственно себестоимость продукции, увеличивались доходы крестьян.

Преимущества обобществленного труда, а также все возрастающая материально-техническая помощь общественным хозяйствам со стороны государства, проведение Коммунистической партией в деревне строго классовой политики — все это обусловило бурное развертывание производственного кооперирования крестьянства.

Буржуазные историки, рассуждая о «незрелости производительных сил» в деревне, оперируют обычно статистическими данными, характеризующими материально-техническую оснащенность сельского хозяйства на 1929 г., и, как правило, замалчивают успехи сельскохозяйственного машиностроения в СССР в последующий период. Тем самым читателей пытаются убедить в том, что колхозы в СССР будто бы длительное время базировались на отсталой, примитивной технике. От них попросту скрывают тот факт, что Коммунистическая партия и Советское правительство, поощряя и организуя производственное кооперирование, прилагали огромные усилия для быстрого создания материально-технической базы сельского хозяйства, соответствовавшей требованиям крупного социалистического производства. В Советском Союзе заново была создана автотракторная промышленность, освоено производство зерновых комбайнов. Уже

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 441, стр. 41

[2] См. «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами». М., 1930, стр. 154.

в 1932 г. сельскохозяйственное машиностроение давало продукции (в сопоставимых ценах) на 663 млн руб. по сравнению со 161 млн. руб. в 1927/28 г. и 55 млн. руб. в 1913 г.[1] Из учета высоких темпов создания материально-технической базы сельского хозяйства и исходили Коммунистическая партия и Советское правительство, поддержав широкое крестьянское движение за сплошную коллективизацию.

Мы видим, таким образом, что основной аргумент буржуазных идеологов, отрицающих закономерность коллективизации, не выдерживает критики. Впрочем, они и сами едва ли верят своей выдумке. Многие из них, например А. Ноув, нередко признают в своих трудах возможность и необходимость создания крупного производства в советской деревне, но только... на капиталистической основе[2]. Ставка на кулака, по их мнению, позволила бы быстро машинизировать сельскохозяйственное производство и разрешить все трудности. Допуская такую возможность, антикоммунисты забывают о своих же собственных выводах об отсутствии в стране материально-технической базы для создания крупного машинного производства в деревне, экономической потребности в коллективизации и т. п. Этим они выдают себя с головой, показывая, что их нападки на политику Коммунистической партии в деревне основываются не на научном учете и анализе исторических фактов, а продиктованы чисто политическими соображениями.

Буржуазные историки выступают не против создания в деревне крупного производства вообще, а против социалистического способа ведения сельского хозяйства.

Заметим, что в аргументации современных критиков аграрной политики Коммунистической партии нет не только ничего научного, но и ничего нового. Они «оживляют» поношенные, давно разоблаченные партией меньшевистские, правосоциалистические идеи об «экономической незрелости русской деревни», «экономической незрелости России» вообще, в которой, по их представлениям, «незаконной», «противоестественной» была не только коллективизация сельского хозяйства, но и Великая Октябрьская социалистическая революция.

---

[1] См. *П. И. Лященко.* История народного хозяйства СССР, т. III. М., 1956, стр. 285.

[2] См., например, "Soviet Studies", April 1959, N 4, p. 387.

III

Идея так называемой «экономической незрелости» советской деревни служит буржуазным историкам и экономистам в качестве теоретической посылки, на которой они основывают стержневой тезис своей интерпретации истории коллективизации сельского хозяйства в СССР — тезис о ее «насильственном» осуществлении. Не в силах отрицать тот факт, что коллективизация означала коренной революционный переворот в деревне, они ставят все с ног на голову. Поскольку-де отсутствовала объективная основа для коллективизации, последняя была навязана сверху, т. е. проведена путем насилия. Ф. Мосли, например, утверждает, что «коллективизация представляет собой далеко идущую революцию, навязанную сверху» [1]. И. Дейчер так резюмирует свои «изыскания» по данному вопросу: перефразируя известные слова К. Маркса о том, что «насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым», он пишет, имея в виду рассматриваемый период, что «сила не являлась тогда повивальной бабкой, она стала матерью нового общества» [2]. Такую же в принципе оценку коллективизации дает подавляющая часть реакционных буржуазных историков.

Как уже говорилось, они пытаются доказать также, что при осуществлении коллективизации отсутствовал и такой важнейший фактор, как стремление самого крестьянства стать на путь общественного производства. По их утверждению, интересы крестьянства, которому якобы чужда самая идея социализма, разошлись с интересами рабочего класса сразу же после проведения уравнительного передела земли. Т. Клифф, например, заявляет, что «крестьяне поддерживали правительство лишь тогда, когда распределялась земля». А затем, «когда была ликвидирована опасность реставрации помещичьего землевладения, очень небольшая часть осталась лояльной к рабочим». И это, мол, потому, что крестьяне «никогда не могут изменить своей приверженности к земельной собственности и враждебности к социализму» [3]. Подобными рассуждениями антикоммунистические идеологи

---

[1] "Collectivisation of agricultur in Eastern Europa". Kentucky, 1958, p. 49.

[2] *I. Deutscher*. Op. cit., p. 344.

[3] *T. Cliff*. Op. cit., p. 115.

«подкрепляют» свой вывод о том, что коллективизация была будто бы навязана «сверху» и осуществлена «путем насилия».

Буржуазные идеологи игнорируют те глубинные процессы, которые в действительности происходили в советской деревне и привели к резкому перелому в настроениях крестьян в пользу коллективного способа ведения хозяйства. Вслед за беднотой в колхозы пошли середняцкие массы. По стране быстро распространялась волна коллективизации. Уже в 1929 г. во многих районах крестьяне по своей инициативе целыми селами объединялись в кооперативы. На Северном Кавказе, например, к ноябрю 1929 г. на колхозный путь вступило уже 25—30% крестьянских хозяйств. Такая же обстановка сложилась и на Нижней Волге, Украине и в ряде других мест. Секретарь Нижне-Волжского обкома партии Б. П. Шеболдаев заявил на ноябрьском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б): «Волна подымается настолько быстро, что цифры не поспевают за жизнью...» [1]. К ноябрю 1929 г. по всей стране число коллективизированных хозяйств возросло до 1040 тыс. вместо 564 тыс., как это намечалось государственным планом [2].

Заметим, что в то время лишь в отдельных случаях допускались перегибы при кооперировании крестьян, и они были исправлены в соответствии с указаниями Центрального Комитета партии. Поэтому приведенные цифры в целом верно отражают картину роста колхозов к осени 1929 г., происходившего на основе добровольного объединения крестьян. Эти данные с достаточной наглядностью вскрывают лживость утверждений об отсутствии среди крестьянства стремления к коллективному производству. Тяга крестьян, в том числе и середняков, в колхозы со всей очевидностью проявилась и в 1930 г. Рабочий класс, Коммунистическая партия поддержали и возглавили развернувшееся добровольное колхозное движение. Эти факты вынуждены признать даже некоторые из западных авторов. М. Рен, например, констатируя наличие большой экономической помощи, которую оказывало государство крестьянам, объединявшимся в кооперативы, приходит к выводу, что такая политика способствовала тому, что сначала «бедные крестьяне вступили в колхозы добро-

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед хр. 441, л. 8, 40.
[2] См. «КПСС в резолюциях..», ч. II, стр. 621.

вольно», а после ликвидации перегибов, в начале 1930 г., «экономические привилегии разбили оппозицию средних крестьян и многие из них вернулись в колхозы» [1].

Общую оценку коллективизации как преобразования, навязанного сверху, буржуазные критики в ходе дальнейших рассуждений, так сказать, конкретизируют. Большая часть из них, перепевая белоэмигрантские идейки, обвиняет Коммунистическую партию в переходе на позиции троцкизма в крестьянском вопросе. Х. Сетон-Ватсон пишет, например, что линия партии в рассматриваемый период «представляла намного преувеличенную политику, рекомендованную Троцким» [2]. Фальсификаторы изображают дело таким образом, будто партия, опираясь на рабочий класс и бедноту, развязала в деревне «вторую революцию» — «гражданскую войну» против середняков и кулачества [3]. До абсурда доходит в своих вымыслах Л. Шапиро, заявляя, что коллективизация «под видом войны против кулака» превратилась в «войну против всего крестьянства» [4]. Стремясь опорочить политику Коммунистической партии, приписать ей антикрестьянский характер, буржуазная историография берет под защиту кулачество, пытается изобразить кулаков в виде этаких «миролюбивых» хозяйственных мужичков, выразителей интересов всего крестьянства.

В связи с этим необходимо напомнить о расстановке классовых сил в деревне, а также, хотя бы вкратце, рассмотреть действительную политику партии по крестьянскому вопросу в рассматриваемый период.

Мощное колхозное движение, развернувшееся в стране после XV съезда ВКП(б), проходило в условиях острой классовой борьбы, отчаянного сопротивления кулачества, сознававшего, что курс на коллективизацию означал приближение конца капитализма в деревне. В 1928 г. кулаки пытались остановить наступление социализма путем саботажа хлебозаготовок. Их попытка кончилась провалом. В создавшейся обстановке кулаки резко активизировали свою контрреволюционную деятельность. «Наше желание одно: чтобы поскорее сменить

---

[1] *Melvin C. Wren.* The Course of Russian History. The Macmillan Company. N. Y., 1958, p. 604.

[2] *H. Seton-Watson.* From Lenin to Malenkov. N. Y., 1954, p. 165.

[3] См. *G. von Rauch.* Geschichte des bolschewistischen Russland. Wiesbaden, 1956, S. 244.

[4] *L. Schapiro.* Op. cit., p. 384.

власть или хотя бы началась война, тогда мы повернули бы оружие против Советской власти»[1]. Эти слова, прозвучавшие на одном из кулацких собраний, с исчерпывающей полнотой отражали настроение всех деревенских богатеев. Кулаки терроризовали партийных и советских работников, селькоров, крестьян-активистов. Только за первые пять месяцев 1929 г. по стране был зарегистрирован 1141 случай террора[2].

Понятно, что контрреволюционную деятельность кулаков, их борьбу против колхозов Советская власть могла преодолеть лишь при решительной поддержке всего трудящегося крестьянства. Такая поддержка была обусловлена самой жизнью. Организация колхозов, их землеустройство и нормальная производственная деятельность были невозможны без ликвидации кулацких хозяйств. В свою очередь сама ликвидация кулачества как класса могла быть осуществлена только на основе и в процессе сплошной коллективизации сельского хозяйства. Многочисленные факты, содержащиеся в официальных документах нашей партии и Советского правительства, в работах советских историков, красноречиво свидетельствуют о том, что экспроприация последнего эксплуататорского класса — кулачества — была кровным делом самих трудящихся деревни в их стремлении к новой, колхозной жизни. Раскулачивание, проводившееся в соответствии с директивами партийных и советских органов, осуществлялось только на основе постановлений крестьянских сходов. Более того, известны многочисленные случаи стихийного раскулачивания, когда беднота и середняки, не дожидаясь указаний органов власти, сами, по своей инициативе, проводили раскулачивание. Масштабы стихийного раскулачивания были нередко значительными. Во многих районах Нижне-Волжского края, например, в течение последних месяцев 1929 г.— января 1930 г. таким путем было раскулачено не менее 40% кулацких хозяйств[3]. Политика ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации получила закрепление в постановлении ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» и ряде законодательных актов Советского прави-

---

[1] ЛПА, ф. 24, оп 5, ед. хр. 1323, л. 40.
[2] МПА, ф. 3, оп. 11, ед. хр. 758, л. 76.
[3] См. «История СССР», 1958, № 6, стр. 18.

тельства. Тем самым были созданы условия для ускорения, более широкого размаха революционной перестройки деревни.

Социалистическое преобразование сельского хозяйства в СССР явилось результатом творчества широчайших масс крестьянства, всемерно поддерживаемых и руководимых рабочим классом, Коммунистической партией.

Весьма характерно, что буржуазные апологеты, обвиняя партию в сползании на троцкистские позиции, замалчивают, как правило, ее действительную политическую линию по отношению к крестьянству. Как известно, идейный и организационный разгром троцкизма был завершен XV съездом партии. Этот съезд, явившийся съездом коллективизации, подтвердил ленинскую классовую политику в деревне. В резолюции было записано, что дальнейшее наступление на кулака и частника пролетариат поведет на основе достигнутого укрепления рабоче-крестьянского блока «вместе со всей бедняцкой и середняцкой массой...» [1] Эта установка была подтверждена затем на апрельском и июльском (1928 г.) Пленумах ЦК ВКП(б).

Политика партии по отношению к индивидуальным хозяйствам с исчерпывающей ясностью была выражена в решениях XVI партийной конференции (апрель 1929 г.). Указав на то, что развитие колхозов и совхозов происходит «не путем пожирания, разрушения, уничтожения и разорения мелких и мельчайших хозяйств, не путем борьбы с ними», конференция подчеркнула далее: *«Крупное общественное хозяйство не противопоставляется индивидуальным бедняцким и середняцким хозяйствам, как враждебная им сила, а смыкается с ними,* как источник помощи им, как пример преимущества крупного хозяйства, как организатор содействия им в деле постепенного объединения их в крупное хозяйство» [2]. Против возможности левацких перегибов ЦК ВКП(б) предостерегал в постановлении от 5 января 1930 г. В январе 1930 г. «Правда» предупреждала: «Распространение мероприятий, направленных против кулака, на некулацкие хозяйства являлось бы таким искривлением нашей

---

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 454.
[2] Там же, стр. 578.

линии, которое граничило бы с политической провокацией»[1].

Нужно ли много говорить о том, что партия никогда не помышляла о такой глупейшей и опаснейшей затее троцкистского пошиба, как разжигание классовой войны в деревне, противопоставление бедноты середняцким массам. А именно об этом не устают кричать западные «ученые». Совершенно очевидно, что генеральная линия партии по крестьянскому вопросу в рассматриваемый период, в основе которой лежал лозунг опоры на бедноту, союза с середняком и борьбы против кулачества, не имеет ничего общего с тем, как ее изображают буржуазные идеологи. Утверждения о переходе партии на позиции троцкизма, т. е. к политике, враждебной середняцким и бедняцким массам, являются откровенным вымыслом, рассчитанным лишь на неосведомленных людей.

Столь же откровенно фальсификаторскими являются приемы, при помощи которых буржуазные критики тщатся доказать свои тезисы о «насильственной коллективизации», «сползании партии на троцкистские позиции». Заметим, что, придерживаясь в целом подобного мнения, некоторые историки и экономисты делают определенные шаги в сторону объективности исследования. Не решаясь целиком игнорировать общеизвестные исторические факты, они (К. Хант, Д. Митрани, Н. Ясный) признают, например, что Энгельс и Ленин считали постепенность, добровольные начала обязательными при переходе крестьян к общественной обработке земли[2]. Д. Кларксон, Г. Шварц, М. Рен и другие даже согласны признать, что в определенные периоды метод убеждения и государственная экономическая помощь были важнейшими средствами, которые Коммунистическая партия и Советское правительство использовали для вовлечения крестьян в колхозы[3].

Видимость некоторой объективности, однако, не может ввести читателя в заблуждение относительно основных выводов этих авторов, выполняющих социальный

---

[1] «Правда», 8 января 1930 г.

[2] См. *R. N. C. Hunt*. Op. cit., p. 188; *D. Mitrany*. Op. cit., p. 71; *N. Jasny*. The Socialized Agriculture of the USSR. Plans and Performance. Stanford, California, 1949, p. 30 a. o.

[3] См. *G. Clarkson*. A History of Russia. New York, 1961, p. 595; *H. Schwartz*. Op. cit., p. 109; *M. Wren*. Op. cit., p. 604; *I. Bergaminy*. Russian and Soviet Economic Thought. Cambridge, 1955, p. 236.

заказ своих империалистических хозяев. Признавая, что Коммунистическая партия проводила в жизнь принцип добровольности в колхозном движении «на подступах к сплошной коллективизации», они противопоставляют подобный курс политике, осуществлявшейся непосредственно в период сплошной коллективизации. Причем, «доказывая» это, они преднамеренно суживают хронологические рамки периода, ограничивая его теми тремя-четырьмя месяцами, когда были допущены грубые искривления генеральной линии партии в колхозном строительстве. Делается это для того, чтобы истолковать левацкие загибы в качестве действительной политики партии в деревне в течение всего периода коллективизации сельского хозяйства. Сетон-Ватсон, указывая на перегибы, пишет: «Эти ошибки не были побочными, они явились сущностью политики. Русское сельское хозяйство было коллективизировано силой» [1]. Факты левацких загибов, подаваемые явно в гипертрофированном виде, немыслимые россказни о событиях, вызванных извращением генеральной линии партии в деревне, являются тем коньком, на котором выезжает буржуазная историография, как и вся антикоммунистическая пропаганда, при освещении истории коллективизации.

Нет необходимости подробно рассматривать вопрос о причинах и характере левацких перегибов. Эта проблема обстоятельно освещена в трудах советских историков за последние несколько лет [2]. Следует напомнить лишь о некоторых, наиболее существенных моментах. Коллективизация явилась прежде всего глубочайшим революционным переворотом в деревне, совершенным под руководством партии самими крестьянскими массами, в условиях чрезвычайно обострившейся классовой борьбы. Этот переворот не мог не сопровождаться преодолением огромных трудностей.

---

[1] *H. Seton-Watson.* The East European Revolution. London, 1952, p. 275.

[2] См. *С. П. Трапезников.* Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. М., 1965; *его же.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. В 2-х т. М., 1967; *Н. А. Ивницкий.* О начальном этапе сплошной коллективизации. «Вопросы истории КПСС», 1962, № 4; *М. Л. Богденко.* К истории начального этапа сплошной коллективизации сельского хозяйства в СССР. «Вопросы истории», 1963, № 5, и ряд других.

В. И. Ленин указывал, что переход от мелкого единоличного хозяйства к крупному коллективному — наиболее трудная и сложная задача социалистического строительства. «Такой переход,— писал в 1919 г. Владимир Ильич,— можно только замедлить и затруднить торопливыми и неосторожными административными и законодательными мерами» [1].

Однако вскоре после перелома в колхозном движении, который произошел летом 1929 г., в некоторых районах страны были допущены нарушения ленинского принципа добровольности при организации колхозов, искусственно подстегивался процесс кооперирования крестьян. Обнаружилось также отставание руководства от колхозного движения. В результате имело место немало случаев перескакивания от артельной формы коллективного хозяйства, наиболее отвечающей условиям сельскохозяйственного производства в тот период, к коммуне с принудительным обобществлением всего скота и птицы, случаи грубого нарушения принципа добровольности при вступлении в колхозы. Трудности в осуществлении коллективизации во много раз увеличивались тем, что в нашей стране такое преобразование проводилось впервые в истории. Именно на этих трудностях и ошибках спекулируют антикоммунистические идеологи, пытающиеся выдать искривления в осуществлении коллективизации за генеральный курс партии. Важно подчеркнуть при этом, что они лишь скороговоркой отмечают или вовсе замалчивают то важнейшее обстоятельство, что партия скоро разобралась в сложившейся обстановке и стала на путь ликвидации допущенных ошибок. 14 марта 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». Центральный Комитет партии обязал партийные организации «прекратить наблюдавшуюся в ряде мест практику принудительных методов коллективизации, ведя одновременно дальнейшую упорную работу по *вовлечению* крестьянства в колхозы на основе добровольности и *укреплению* существующих колхозов» [2].

На местах была проведена огромная работа по разъяснению генеральной линии партии, в частности постановления ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. Северо-Кав-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т 39, стр. 277.
[2] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 670.

казский крайком партии, например, в своем обращении ко всем коммунистам от 28 марта подчеркивал, что «тем крепче будет дело с коллективизацией в крае, чем решительнее будет проведено постановление ЦК всюду снизу доверху о беспощадном изгнании всякого рода извращений, перегибов и недостатков из колхозного строительства» [1]. Обо всем этом буржуазные историки умалчивают. Это и понятно. Иначе как бы они могли вводить читателей в заблуждение своими россказнями о «сползании» большевиков на троцкистские позиции. Большинство из них предпочитает «не замечать» и тот факт, что после устранения искривлений политической линии партии в деревне начался новый подъем в колхозном движении. На 1 июля 1930 г. уже 23,6% крестьянских дворов объединились в колхозы. Ровно через год число коллективизированных хозяйств достигло 52,7%, а в последующие годы на путь социализма стала подавляющая часть советского крестьянства [2].

* *
*

Таким образом, даже при общем знакомстве с буржуазной исторической литературой, посвященной марксистско-ленинской теории по аграрно-крестьянскому вопросу и коллективизации сельского хозяйства в СССР, в глаза бросается ее полнейшее подчинение политическим целям, угодным правящим классам капиталистических стран. Буржуазных идеологов одолевает страх перед перспективами роста советской экономики, в том числе сельского хозяйства. Стремление помешать дальнейшему распространению влияния идей коммунизма, росту воздействия хозяйственных успехов Советского Союза на умы людей в несоциалистических странах и заставляет фальсификаторов браться за перо. Ради поставленных целей они идут на большую ложь, рассчитывая при этом, что существующая в странах капитала монополия империалистов в области просвещения и информации обеспечит им полнейшую безнаказанность.

Нельзя преуменьшать силы воздействия буржуазной идеологии на умы людей, прежде всего на крестьянские

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, ед. хр. 3268, л. 113.

[2] См. «Страна Советов за 50 лет». Сборник статистических материалов, стр. 116.

массы. Однако, несомненно, победит та идеология, правильность которой подтверждается самой жизнью. А жизнь доказывает правоту коммунистов, преимущества социалистической системы сельского хозяйства. Исторический опыт Советского Союза все более привлекает народы к социализму, и попытки буржуазных идеологов изменить соотношение классовых сил в мире в пользу капитализма обречены на провал.

М. И. Куличенко

РЕШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В СССР В ИСКАЖЕННОМ СВЕТЕ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В настоящей статье ставится задача на примере Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии и Эстонии, их взаимоотношений с РСФСР показать антинаучный характер буржуазной историографии, освещающей историю борьбы Коммунистической партии за решение национального вопроса в нашей стране в первые годы Советской власти. Автор намерен остановиться на трех вопросах: а) создание ранее угнетенными народами России своей советской национальной государственности; б) государственные взаимоотношения суверенных советских национальных республик; в) успехи освобожденных народов Страны Советов в решении национального вопроса.

* *
*

Одной из центральных проблем, фальсифицируемых в буржуазной литературе, является проблема создания национальной государственности ранее угнетенных народов западных районов России. Многие зарубежные авторы обходят молчанием или прямо отрицают участие трудящихся масс этих районов в государственном строительстве при Советской власти. Например, существовавшие в Прибалтике в 1918—1919 гг. суверенные советские республики на этом основании объявляются «незаконнорожденными», антинародными по своему характеру.

Так, К. Юргела в работе «История литовской нации» исключает из рассмотрения те яркие страницы истории литовского народа, когда он создал свою советскую государственность. Юргела лишь упоминает, что на смену германской армии пришли «русские большевистские войска», а в стране будто бы установился «хаос и террор» [1].

[1] *C. Jurgela.* History of the Lithuanian Nation. N. Y., 1948, p. 513.

Подобным же образом, по сути дела, поступает и А. Швабэ, который в книге «История Латвии» посвятил вопросу об образовании и развитии Латвийской советской республики всего один абзац, да и тот напичкал клеветническими выпадами в адрес партии большевиков и Советской России [1]. Э. Нодль в работе «Эстония. Нация между молотом и наковальней» также ограничивается клеветническими утверждениями, будто в ноябре 1918 г. «более половины территории Эстонской (буржуазной.— *М. К.*) республики было оккупировано Красной Армией» [2]. Удивляться позиции названных авторов не приходится — все их «труды» являются лишь выполнением социального заказа буржуазии и служат целям укрепления ее господства.

Впрочем, наряду с выходцами из контрреволюционной эмиграции явно не пекутся об истине и другие представители буржуазной исторической науки. Подавляющее большинство их утверждает, что западные советские республики были созданы якобы под нажимом русских большевиков и никакой независимости не имели. Сотрудник пресловутого Института по изучению СССР в Мюнхене Вс. Голуб, говоря об Украине, например, заявляет, что Советское правительство было создано там русскими коммунистами и только с той целью, чтобы придать войне Советской России против Центральной рады «гражданский (внутренний) характер, а не характер войны между Россией и Украиной» [3]. Реакционный западногерманский историк Г. Раух называет первое советское правительство Украины «мнимо украинским», возникшим будто бы в результате «сильного инспирирования из Петербурга» [4].

В действительности же дело обстояло совсем по-иному. В основе образования Украинского Советского национального государства лежало не вмешательство Советской России, а глубокие внутренние изменения в жизни украинского народа. Об этих изменениях в период подготовки и проведения социалистической революции на Украине говорят многие факты, свидетельствующие

---

[1] См. *A. Svabe.* Lettlands Historia. Stockholm, 1962, p. 85—86.

[2] *E. Nodel.* Estonia: Nation on the Anvil. N. Y., 1963, p. 171.

[3] *Вс. Голуб.* Конспективний нарис історії КП(б)У. Мюнхен, 1957, стор. 36.

[4] *G. von Rauch.* Rußland: Staatliche Einheit und die nationale Vielfalt. München, 1953, S. 212.

о подъеме революционной активности украинских рабочих и крестьян, о росте их доверия к политике и лозунгам большевиков. Определенное представление об этих процессах можно получить, сопоставив результаты выборов в учредительные собрания — Всероссийское (ноябрь 1917 г.) и Всеукраинское (в основном январь 1918 г.). Хотя, как известно, в большинстве районов Украины, прежде всего в промышленных районах, трудящиеся бойкотировали вторые выборы, такое сопоставление показывает, что даже при отказе большевиков ряда губерний выставлять свои кандидатуры в целом количество полученных ими голосов удвоилось.

Еще более показательным является то, что среди пролетариата — ведущей силы революции — большевики пользовались преобладающим влиянием. Так, уже на выборах во Всероссийское учредительное собрание в ноябре 1917 г. большевики в основных пролетарских районах и губернских центрах заняли первое место, украинские эсеры и близкие им группы — второе, а украинские социал-демократы — лишь пятое.

Более медленно, чем пролетариат, но все же неуклонно в социалистическую революцию включалось и трудящееся крестьянство Украины. Об этом убедительно говорят, например, сохранившиеся данные о результатах выборов во Всеукраинское учредительное собрание в ряде преимущественно крестьянских губерний. Так, в Черниговской губернии за большевистских кандидатов голосовало 56,3% избирателей. В Полтавской губернии большевики на выборах во Всеукраинское учредительное собрание получили почти в 5 раз больше голосов, чем в избирательную кампанию во Всероссийское учредительное собрание.

Тем не менее буржуазные историки полностью игнорируют коренные изменения в настроении крестьянских масс, считая, что они чуть ли не единодушно поддерживали буржуазно-националистическую Центральную раду. Показателем такой поддержки, пишет, например, О. Пидгайный, явились выборы во Всеукраинское учредительное собрание,на которых, по данным Центральной рады, ее сторонники получили 68,5% голосов,а большевики якобы только 20%[1]. На самом же деле эти данные являются

[1] См. *O. S. Pidhainy*. The Formation of the Ukrainian Republic. Toronto—N. Y., 1966, p. 230.

фальсификацией воли украинского народа. Во-первых, на большей части территории Украины выборы вообще не состоялись: либо этому помешали военные действия, либо население отказалось участвовать в выборах. Во-вторых, можно ли судить о влиянии большевиков на Украине по результатам выборов, если известно, что именно большевики, будучи в большинстве округов инициаторами бойкота выборов, совсем не выставляли там своих списков? В-третьих, даже в тех случаях, когда выборы все же происходили, они отличались невиданным абсентеизмом избирателей: обычно в них принимало участие не больше половины населения, а в ряде случаев — лишь около трети. Это означает, что на выборы пришли в основном сторонники Центральной рады, и из их-то числа «большинством» голосов были избраны кандидаты националистических партий. В подтверждение этого обратимся к подлинным документам главной избирательной комиссии по выборам во Всеукраинское учредительное собрание. Из этих документов следует, что в Киеве в голосовании приняло участие лишь 29,3% избирателей, в Черкассах — 37,3%. В Радомышльском уезде «наблюдался огромный абсентеизм избирателей», а в ряде волостей «из-за агитации большевиков выборы не состоялись» [1].

Подобных материалов можно привести много. Все они неопровержимо говорят о том, что «победа» буржуазно-националистических партий на выборах во Всеукраинское учредительное собрание была более чем призрачной, поскольку «большинство» голосов ими было получено от незначительного меньшинства населения Украины. Действительное же политическое положение на Украине характеризовалось резким размежеванием между буржуазно-националистическими силами и трудящимися массами, поднимавшимися на борьбу за Советскую власть. Глубокий анализ этих изменений позволил В. И. Ленину еще 11 декабря 1917 г. отметить новую расстановку классовых сил на Украине, «идущую в процессе борьбы между буржуазным национализмом Украинской рады... с одной стороны, и Советской властью, пролетарски-крестьянской революцией... с другой» [2]. Насколько прав был В. И. Ленин, можно судить по тому,

[1] ЦГАОР УССР, ф. 1115, оп 1, ед хр. 5, л. 80—81.
[2] *В. И. Ленин* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 164.

что уже 12 декабря 1917 г. Всеукраинский съезд Советов провозгласил победу Советской власти и образование суверенного Украинского Советского государства. Эту волю трудящихся решительно поддержала и Всеукраинская крестьянская конференция в январе 1918 г., на которой, кстати сказать, из 73 делегатов 44 были большевиками и сочувствующими им.

Всеобщее недовольство трудящихся Украины антинародной политикой Центральной рады вылилось в мощное восстание против власти украинской буржуазно-националистической контрреволюции. Это восстание вынудило Центральную раду не только бежать из Киева, но и искать помощи у империалистической Германии. Оперативный отдел Восточного фронта Германии в то время точно оценивал положение украинской буржуазно-националистической контрреволюции: «Рада к моменту подписания мирного договора фактически не имела ни власти, ни сторонников в стране» [1].

Настоящих и притом массовых сторонников имело в то время украинское Советское правительство, в поддержку которого выступило подавляющее большинство трудящихся. Следовательно, контрреволюционные партии не смогли удержаться у власти совсем не потому, что Украина якобы была «оккупирована» войсками Советской России, как утверждают буржуазные историки. Подлинная причина заключалась в том, что миллионные массы рабочих и крестьян в ходе гражданской войны против буржуазии и помещиков сбросили их ставленников, сидевших в Центральной раде. Это, в частности, признает и такой известный враг большевиков, как В. Винниченко, возглавлявший в тот период партию украинских социал-демократов и буржуазно-националистическое правительство (Генеральный секретариат) Украины.

Главная причина победы большевиков, по его мнению, заключалась в том, что власть Центральной рады и входивших в нее партий «разошлась со своими массами, что она была социально непоследовательной, нерешительной, неопределенной и несоциалистической».

Глава Украинской буржуазно-националистической

---

[1] Цит. по кн. *Н. И. Супруненко.* Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине (1918—1920). М., 1966, стр. 19.

контрреволюции без всяких оговорок свидетельствует далее, что вместо борьбы с буржуазией и помещиками «мы поддерживали, закрепляли, защищали господство этих классов на Украине» [1].

Особенно важным обстоятельством, ускорившим крушение украинской буржуазно-националистической контрреволюции в конце 1917 г.— начале 1918 г., было банкротство планов создания «украинской национальной государственности». Сохранившиеся документальные материалы, свидетельства современников неопровержимо доказывают, что национальной в этой государственности была лишь вывеска. Весь государственный аппарат, армия, законы, принимавшиеся Центральной радой, политика Генерального секретариата — все было направлено против интересов трудящихся масс. «Говоря откровенно, мы ничего не меняли в сути той государственности, которая была при Временном правительстве» [2],— признавал позднее В. Винниченко.

Совершенно иной была советская национальная государственность, воплощенная в провозглашенной I съездом Советов Украинской советской республике. Не на словах, а на деле Советское правительство Украины (Народный секретариат) сразу же начало передавать крестьянству помещичью землю, проводить национализацию крупных предприятий, добиваться выхода из ненавистной войны. Шедшие вначале за националистическими партиями непролетарские слои трудящихся убеждались, что те требования, которые они выдвигали, участвуя в национально-освободительном движении под руководством Центральной рады, успешно осуществляются на практике большевистским Советским правительством Украины. «Большевики победили нас тем,— писал позднее один из лидеров УПСР Н. Шаповал,— что создали Украинское государство и выбили оружие из наших рук» [3]. К этому следует добавить, что победа большевиков была обусловлена тем, что они создали *социалистическое* Украинское государство, вооружили

---

[1] *В. К. Винниченко.* Відродження нації. Відень — Київ, 1920. ч. II, стор. 89, 110.

[2] Там же, стор. 108.

[3] Цит. по кн. *Н. Н. Попов.* О националистических уклонах в рядах украинской парторганизации и о задачах борьбы с ними. Харьков, 1933, стр. 9.

его программой социалистических преобразований, отвечавших коренным интересам трудящихся.

В искаженном свете буржуазные историки пытаются представить и процесс победы социалистической революции и образования других суверенных советских национальных республик. Это относится, в частности, к Белоруссии. Так, Н. Вейкер в специальном исследовании о развитий белорусской нации [1], Н. Недасек в брошюре об истории большевистских организаций Белоруссии в 1917 г.[2] всячески превозносят влияние белорусских буржуазных националистов, а большевиков изображают противниками интересов трудящихся, якобы выступавшими против образования белорусским народом своей советской национальной государственности.

В действительности положение в Белоруссии в конце 1917 г. было совершенно иным — влияние националистических организаций белорусской буржуазии было ничтожным, а популярность большевиков неуклонно росла. Об этом прежде всего говорит установление безраздельной власти Советов в Белоруссии сразу после победы Октябрьской революции в центре. Об этом же говорит и полный провал планов буржуазно-националистических организаций добиться большинства голосов при выборах в Учредительное собрание, которые состоялись в конце ноября 1917 г. Так, по Минскому избирательному округу из 900 тыс. избирателей за список Белорусской социалистической громады голосовало лишь 2988 человек, в то время как за большевиков — почти 600 тыс. человек. Не намного лучшим было положение белорусских националистов и там, где большевики не получили большинства голосов. В Гомеле националисты собрали 1,25% голосов, а большевики — 30% всех голосов.

Планы националистов создать свое «национальное» правительство потерпели полный крах в ходе работы так называемого Белорусского конгресса в середине декабря 1917 г. Инициативу его созыва взял на себя Белорусский областной комитет при Всероссийском Совете крестьянских депутатов.

Несмотря на то, что руководство белорусских Сове-

---

[1] См. *N. Vakar*. Belorussia. The Making of a Nation. Harvard, 1956, p. 100—107.

[2] См. *Н. Недасек*. Очерки истории большевизма в Белоруссии. Мюнхен, 1954, стр. 46—60.

тов крестьянских депутатов находилось тогда под преобладающим влиянием правых эсеров, эту инициативу сначала поддержал Наркомнац, а затем и ленинский Совнарком.

В дальнейшем, однако, оказалось, что Белорусский областной комитет лишь на словах поддерживал власть Советов. Вступив в сговор с Белорусской радой и другими националистическими организациями, он вместе с ними готовил съезд контрреволюционных организаций, чтобы передать ему всю власть на территории Белоруссии и под видом самоопределения провозгласить белорусское буржуазное государство. Однако все эти планы провалились. Во-первых, Белорусский областной комитет получил поддержку Совнаркома лишь при условии проведения краевого съезда вместе со всеми массовыми организациями трудящихся, и прежде всего с Советами. Это условие было грубо нарушено. Во-вторых, без представительства Советов и других массовых организаций трудящихся созванный оппозиционными организациями националистов белорусский съезд выглядел жалкой кучкой изолированных от масс заговорщиков. Исходя из всего этого и узнав, что такое неправомочное сборище пытается решать судьбу всего белорусского народа, Совнарком Западной области, опираясь на волю большинства трудящихся Белоруссии, запретил дальнейшую работу съезда и распустил его делегатов.

Буржуазные националисты в прошлом и многие историки Запада сейчас пытаются всячески извратить подлинный смысл и причины роспуска съезда, который они стремятся представить как полномочный орган всего белорусского народа. Однако никто из них не берет на себя смелости объяснить, почему подавляющее большинство рабочих и крестьян Белоруссии поддержало разгон Белорусского конгресса, а для части населения подготовка конгресса, как и прекращение его работы, прошли фактически незамеченными. И это происходило несмотря на то, что, взяв на себя инициативу разгона националистического сборища, большевики все же не оценили в полной мере назревшей тогда необходимости четко определить пути решения национального вопроса вообще и образования Белорусского советского национального государства в особенности. Более того, часть местных партийных организаций Белоруссии отрицательно относи-

лась к идее оформления национальной государственности белорусского народа — даже в условиях победы социалистической революции и установления Советской власти,— ошибочно считая, что это ослабит единство трудящихся Белоруссии с братской Советской Россией. А между тем идея создания своей советской национальной государственности становилась все более и более популярной в гуще трудящихся масс Белоруссии.

Местные большевистские организации с некоторым опозданием увидели вызревание этой идеи в массах. Осуществить же ее помешала германская оккупация. Вот почему образование Белорусской советской республики отодвинулось на конец 1918 и начало 1919 г.

Несколько по-иному в ходе социалистической революции стоял вопрос о создании советской национальной государственности латвийского и эстонского народов. Основы этой государственности складывались довольно успешно — под руководством большевиков строился новый государственный аппарат, в его работу были вовлечены широкие слои трудящихся, делопроизводство в учреждениях и преподавание в школах переводились на родной язык.

Что же касается провозглашения Латвии и Эстонии суверенными республиками, то местные большевистские организации считали это тогда нецелесообразным. Они были убеждены, что независимость таких маленьких государств не может быть обеспечена из-за опасности империалистического нашествия и потому высказывались за автономию в пределах Советской России. Тем не менее процесс складывания суверенной национальной государственности народов Прибалтики постепенно развертывался, и только германская оккупация края приостановила этот процесс.

Так в действительности начиналось национально-государственное строительство в Прибалтике. Но буржуазные фальсификаторы, такие, как Э. Нодль и ему подобные, не хотят видеть подлинного содержания этого процесса и как заведенные продолжают твердить о «русской оккупации» Латвии и Эстонии, об отрицании большевиками права латвийского и эстонского народов на свою национальную государственность.

Истоки победы большевиков на территории Украины, Белоруссии и Прибалтики кроются в расстановке клас-

совых сил в период подготовки и проведения Октябрьской революции, а не в насильственном навязывании советского строя населению национальных окраин. За исключением Украины, трудящиеся этих национальных районов по различным причинам, и прежде всего из-за нашествия полчищ австро-германских империалистов, не смогли провозгласить тогда свои суверенные советские республики. Но они остались верны знамени большевиков и под их руководством приступили к решению этой задачи после изгнания немецких оккупантов в конце 1918 г. и в начале 1919 г.

При освещении ленинской национальной политики Коммунистической партии на этом новом этапе буржуазные историки вновь становятся на путь фальсификации. Особенно активно они пытаются извратить сущность процесса восстановления Украинской и образования Белорусской, Литовской, Латвийской и Эстонской суверенных советских республик в конце 1918 г. Р. Пайпс, например, утверждает, что Совнарком РСФСР в то время «не имел намерения провозглашать национальный суверенитет Украины» [1]. Правительство Украины, по его словам, якобы было создано Пятаковым и его сторонниками «без уведомления или одобрения Ленина», хотя впоследствии эти «самозваные комиссары» полностью подчинялись Москве и потому независимость Украины была призрачной. По пути вымыслов пошел и А. Адамс. Он пишет о «своевольном характере ведущих деятелей украинского советского правительства», в связи с чем якобы перед В. И. Лениным встала задача «полного подчинения» правительства и Компартии Украины. С самым серьезным видом А. Адамс утверждает, будто бы с целью ликвидации «своеволия» («партизанщины») правительства УССР В. И. Ленин «убедил ЦИК в Москве (?!) сместить Пятакова» и «избрать» вместо него более покладистого работника [2].

Даже элементарное знакомство с историческими фактами обнажает всю беспочвенность домыслов Р. Пайпса и А. Адамса. Прежде всего ВЦИК и СНК РСФСР ни разу

---

[1] *R. Pipes.* The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism 1917—1923. Rev. ed. Cambridge (Mass.), 1964, p. 141.

[2] См. *A. E. Adams.* Bolsheviks in the Ukraine. The Second Campaign, 1918—1919. New Haven and London, Yale University Press, 1963, p. 116.

не обсуждали ни вопроса о степени суверенности Украины в связи с восстановлением на ее территории Советской власти после изгнания немецких оккупантов, ни тем более состава ее правительства. Инициативу восстановления украинского Советского правительства в ноябре 1918 г. взяла на себя большевистская фракция ЦИК Советов Украины, избранного II Всеукраинским съездом Советов (март 1918 г.). Как известно, позднее, в начале марта 1919 г., III съезд Советов Украины полностью одобрил эту инициативу, являвшуюся выражением воли всего трудового украинского народа.

«Исследованием» проблемы образования Белорусской советской республики особенно усиленно занимается профессор русской истории Уинстонского колледжа в США Н. Вейкер. Он утверждает, что ЦК РКП(б) и СНК РСФСР якобы согласились на провозглашение Белоруссии Советской республикой лишь при условии ее вхождения в РСФСР. Однако, развивает далее свою версию Н. Вейкер, посланные для осуществления этого акта «прежние федералисты» — работники Белорусского комиссариата Наркомнаца,— приехав в Минск, будто бы «оказались уже сепаратистами и не хотели иметь отношения с Москвой иначе, чем на двоевластной основе» [1].

Чтобы «обосновать» свою надуманную версию образования БССР, Н. Вейкер пытается использовать действительно имевшие место среди руководящих работников Белорусского комиссариата Наркомнаца колебания в проведении ленинской линии в национальном вопросе. Однако Н. Вейкер здесь грубо извращает факты. Вопреки его утверждению, эти отклонения проявлялись не столько в «сепаратизме» по отношению к РСФСР, сколько в игнорировании представителями комиссариата местных белорусских работников. В вопросе же о суверенности Белорусской советской республики у них расхождения с позицией ЦК РКП(б) не было [2]. Лживым является утверждение Н. Вейкера, будто бы ЦК РКП(б) согласился на провозглашение Белоруссии республикой лишь при условии ее вхождения в состав РСФСР. Дело обстояло совсем по-другому. Руководство местных большевистских организаций Белоруссии в лице Северо-За-

---

[1] *N. Vakar.* Op. cit., p. 108.

[2] См. «Беларусь», 1944, № 2, стр. 6; «Звезда», 15 января 1919 г.; ЦПА ИМЛ, ф. 3, оп. 1, ед. хр 479, л. 1.

падного областного комитета РКП(б) выступало тогда как раз против полной суверенности Советской Белоруссии, выдвигая довод, что это-де облегчит международному империализму удушение социалистической революции в крае. Именно В. И. Ленин, ЦК РКП(б) первыми указали Северо-Западному комитету РКП(б) на ошибочность его позиции, на недопустимость игнорирования воли белорусского народа, которая совершенно четко была выражена, например, в позиции Минского Совета и ряда других Советов, высказавшихся за создание суверенной Белорусской советской республики [1]. Вот почему 25 декабря 1918 г. из Москвы в Смоленск, являвшийся в то время центром Северо-Западной области, была послана телеграмма, в которой ЦК партии полностью одобрял идею образования белорусского Советского правительства [2]. Позднее секретарь Северо-Западного комитета большевиков В. Г. Кнорин вспоминал, что комитет изменил свою позицию под влиянием ЦК партии. «Независимость Белоруссии была принята по предложению ЦК РКП» [3],— писал он. Приведенные документы показывают всю беспочвенность попыток Н. Вейкера извратить позицию ленинского ЦК РКП(б) по данному вопросу.

Вопреки измышлениям буржуазных фальсификаторов, социалистическая революция, победившая в национальных районах России, не была привнесена в эти районы Советской властью из центра страны. Это, конечно, не исключает огромного влияния победы Октября в центре на развитие революционного движения на окраинах страны. Нельзя не учитывать и то, что в борьбе против эксплуататоров трудящиеся получали всестороннюю помощь со стороны центрального Советского правительства, русских рабочих и крестьян. Эта помощь была ярким проявлением пролетарского интернационализма, под знаменем которого побеждала Октябрьская революция. Но русский пролетариат помогал своим братьям по классу тогда, когда они сами развертывали революционную борьбу и нуждались в поддержке для достижения победы в этой борьбе. Именно такую политику проводила Коммунистическая партия. Она не только теоретически

---

[1] См. «Звезда», 17 сентября 1919 г.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 497, л. 1—2.
[3] Партархив Института истории партии ЦК КП Литвы, ф. 77, оп. 2, ед. хр. 2, л. 29.

отвергала навязывание революции извне, но и всегда последовательно проводила такую линию на практике.

Как вспоминал В. П. Затонский, В. И. Ленин в беседе с ним накануне восстановления Советской власти на Украине «раза два повторил один и тот же вопрос: «Если исключить немцев, вы собственными силами с остатками гетманцев и петлюровцев справитесь?» [1] В отношении Эстонии этим вопросом интересовался секретарь ЦК РКП(б) Я. М. Свердлов. В октябре 1918 г. в беседе с представителем Эстонии Я. Сихвером он подчеркивал, что восстание нужно готовить лишь в случае, «если пролетариат Эстонии в состоянии будет взять власть в свои руки» [2].

И большевики бывших национальных окраин России успешно воплощали в жизнь указания В. И. Ленина, ЦК РКП(б). В результате напряженной работы местных большевистских организаций, всей партии была успешно решена задача завоевания масс на сторону социалистической революции. О неуклонном повышении авторитета партии большевиков свидетельствуют многочисленные документальные данные о быстром численном росте ее организаций. Так, на Украине за июль—октябрь 1918 г. число членов партии возросло с 4364 до 9000 [3]. В одном из отчетов ЦК Компартии Литвы осенью 1918 г. говорилось: «Положение нашей партии весьма отрадное. Везде и всюду рабочие и беднейшее крестьянство с нами. Число членов ее растет с каждым днем... В провинции наша партия занимает господствующее положение, ибо там кроме нашей партии почти нет других» [4]. Из Белоруссии в это же время сообщали, что «среди рабочих большевизм довольно силен» и что «большинство крестьян также нам сочувствует» [5]. Таким же было положение в Латвии и в Эстонии.

Об авторитете Коммунистической партии свидетельствует и создание по инициативе партийных организаций

---

[1] *В. П. Затонський.* Спогади про українську революцію.— «Літопис революції», 1930, № 5, стор. 153.

[2] Партийный архив Института истории партии ЦК КП Литвы, ф. 77, оп. 1, ед. хр. 8, л. 97.

[3] «Нариси історії Комуністичної партії України». Київ, 1964, стор. 237, 245.

[4] Партархив Института истории партии ЦК КП Литвы, ф. 77, оп. 1, ед. хр. 11, л. 25.

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 18, л. 125.

еще в условиях оккупации широкой сети Советов и военно-революционных комитетов. Почти повсеместно большевики играли в них руководящую роль. Советы и ревкомы брали в свои руки власть часто еще до подхода созданных правительствами новых республик вооруженных сил. Так было, например, в Харьковской, Екатеринославской, Черниговской и других губерниях Украины. В Риге в январе 1919 г. рабочие подняли знамя восстания и почти полностью захватили город за два дня до подхода частей Красной Армии. Таким же путем в Латвии были освобождены Елгава, Бауска, Вентспилс, Тукумс, многие города Литвы.

Пытаясь доказать «искусственность» Советской власти на окраинах России, буржуазные историки делают особый упор на то, что в установлении или восстановлении власти Советов в этих районах участвовали посланные из РСФСР части Красной Армии. Бесспорно, части Красной Армии вели борьбу с иностранными интервентами, белогвардейцами и буржуазными националистами на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Но, во-первых, они действовали не вопреки воле народов этих национальных районов, а выступали как помощники и друзья украинских, белорусских, латышских, литовских и эстонских рабочих и крестьян, восставших против иноземных оккупантов и буржуазно-помещичьих националистических правительств. Рабочие и крестьяне РСФСР по праву гордятся тем, что в труднейших условиях того времени они свято хранили верность идеям пролетарского интернационализма, оказали действенную поддержку своим братьям по классу. Во-вторых, части Красной Армии не только посылались из РСФСР, но и формировались на месте из трудящихся национальных районов. Всем известны, например, такие боевые формирования Красной Армии, как три армии Украинской ССР, Литовско-Белорусская армия, Армия Советской Латвии, Эстонская красная армия.

Таким образом, попытки буржуазных историков изобразить участие Красной Армии в освобождении Украины, Белоруссии и Прибалтики как «экспорт революции» представляют собой заурядную идеологическую фальшивку. И это тем более очевидно, что авторы подобных версий всячески обходят молчанием могучий революционный подъем трудящихся масс, возглавлявшееся

коммунистами широкое освободительное движение трудящихся национальных районов. Именно это движение сыграло основную роль в свержении власти местной буржуазии и помещиков. Оно было направлено своим острием не только против интервентов, но и против тех националистических режимов, которые держались лишь силою иностранных штыков. На Украине в конце 1918 г. сотни тысяч повстанцев боролись и против оккупантов, и против украинской буржуазно-националистической Директории. Говоря о военной помощи, которую получала Советская Латвия от РСФСР, П. Стучка заявлял, что «нам необходима военная сила только против германских оккупантов, а с местной буржуазией и местными баронами справится наш пролетариат сам» [1].

Следует отметить также, что в составе прибывших на окраины войск Красной Армии было много представителей местных национальностей, добровольно возвращающихся на свою родину с целью ее освобождения.

Таким образом, решающим фактором установления власти Советов на Украине, в Белоруссии и Прибалтике было то, что по призыву большевиков миллионные массы трудящихся поднялись на борьбу за свое освобождение, тогда как буржуазные и мелкобуржуазные националистические партии своей антинародной политикой оттолкнули от себя массы, оказались в изоляции и всю надежду возлагали на помощь иностранного капитала. Да вожди контрреволюции и не скрывали этого уже в то время. «Просим правительство Его Величества оккупировать и взять под свой военный протекторат территорию Эстонской республики»,— обращались эстонские националисты к английскому правительству. Буржуазно-националистическое правительство Латвии просило Вильсона, «чтобы США оккупировали страну американскими войсками». Петлюровская директория подписала с французскими империалистами договор, по которому Украина на многие десятилетия должна была стать колонией Франции [2].

[1] *П. Стучка.* Пять месяцев социалистической советской Латвии, ч. I. Издание Центрального Комитета Коммунистической партии Латвии. 1919, стр. 6.

[2] См. *Ю. Тайгро.* Борьба трудящихся Эстонии за Советскую власть и мир в годы гражданской войны (1918—1920). Таллин, 1959, стр. 67; «Исторические записки», 1954, № 45, стр. 267; *М. І. Супруненко.* Україна в період іноземної воєнної інтервенції і громадянської війни. Київ, 1951, стор. 106.

На несостоятельность вымыслов о «завоевании» Украины, Белоруссии и Прибалтики Советской Россией, о «создании» национальных республик вопреки воле народных масс не раз указывали даже некоторые лидеры буржуазно-националистической контрреволюции. В. Винниченко, например, прямо писал, что басня о власти «русских штыков на Украине» — «поверхностная неправда. Без украинских масс никакие северные штыки никакой власти не имели бы» [1]. К выводу, что Центральная рада в действительности «не представляла украинский народ и не пользовалась его поддержкой» [2], приходит и буржуазный историк В. Уолш. Эту точку зрения разделяют и другие представители буржуазной науки, в целом стоящие на позициях антикоммунизма. Так, идею «завоевания» Украины Советской Россией и насильственного «насаждения» Советской власти отрицает один из бывших деятелей Кобелякской уездной организации боротьбистов И. Майстренко. Свою книгу «Боротьбизм» он прямо начинает с обвинения украинских эмигрантов в искажении характера Советской власти на Украине, установленной якобы в результате «российской оккупации» [3]. Э. Карр, признавая банкротство попыток украинской буржуазии придать революционному движению народных масс националистический характер, пишет, что «большевизм был принят украинскими массами» [4]. Французский историк Р. Порталь также высказывает несогласие с версией о «завоевании», в частности, с утверждением Р. Пайпса о «захвате» национальных районов Красной Армией [5]. Но наличие такой точки зрения в буржуазной историографии говорит о том, что логика объективных фактов может приводить и приводит отдельных буржуазных ученых к более или менее правильной трактовке некоторых вопросов истории нашей страны.

Большое внимание буржуазные историки уделяют вопросу о государственных взаимоотношениях между суверенными советскими республиками. Это одна из наиболее существенных проблем истории разрешения нацио-

---

[1] *В. К. Винниченко.* Відродження нації, ч. II, стор. 299.

[2] *W. Walsh.* Russia and the Soviet Union. Ann Arbor, 1958, p. 404.

[3] *I. Majstrenko.* Borot'bism, N. Y., 1954, p. VII.

[4] *E. H. Carr.* The Bolshevik Revolution. 1917—1923, vol. 1. London, 1950, p. 304—305, 321.

[5] См. *С. И. Якубовская.* Строительство союзного Советского социалистического государства. 1922—1925 гг. М., 1960, стр. 25.

нального вопроса в нашей стране, и, как всякая другая научная проблема, она может быть правильно освещена лишь добросовестным, объективным исследователем. Однако большинству буржуазных авторов как раз добросовестности-то и не хватает. Они намеренно уклоняются от всестороннего изучения истории взаимоотношений молодых советских республик, спекулируя на тех фактах, которые дают хоть какую-нибудь возможность бросить тень на политику большевиков по национальному вопросу. Как известно, взаимоотношения между молодыми советскими республиками в суровые годы иностранной интервенции и гражданской войны еще только налаживались, во многом не были оформленными, в этой области допускались ошибки и на местах, и в центре. Эти ошибки, вполне объяснимые в таком новом деле, а также сложность и неоформленность отношений республик и пытаются использовать фальсификаторы для извращения действительности, для клеветы на Советскую Россию, на Коммунистическую партию.

В буржуазной историографии совершенно неправильно истолковываются уже первые шаги в развитии взаимоотношений народов Страны Советов после Октябрьской революции. Так, Юр. Борис ставит под сомнение суверенный характер взаимоотношений Украинской советской республики с Советской Россией сразу после их возникновения [1]. М. Младенович в предисловии к книге О. Пидгайного «Создание Украинской республики», полностью игнорирует общеизвестные факты, заявляя, что «направление взаимоотношений между большевистским правительством (т. е. Совнаркомом России.— *М. К.*) и Украинской народной республикой определялись большевистским проектом вновь объединить все части империи и навязать им коммунистический режим» [2]. В этом же смысле высказывается и сам О. Пидгайный [3].

Профессор истории восточноевропейских стран Кельнского университета Г. Штекль также считает, что, несмотря на объявление России федерацией свободных наций, она и после этого будто бы продолжала оставать-

---

[1] *J. Borys.* The Russian Communist Party and the Sovietization of Ukraine. Stockholm, 1960, p. 282.

[2] *O. S. Pidhajny.* Op. cit., p. 9.

[3] Ibid., p. 448.

ся «великорусским» государством и что предоставлявшаяся национальным районам автономия была формальной [1].

Попытку поставить под сомнение осуществление федеративных начал в практике национально-государственного строительства нашей страны предпринимают также Э. Карр [2], Г. Макклоски и Дж. Тернер [3] и др.

Как же в действительности Коммунистическая партия и Советская власть подходили к решению вопросов национально-государственного строительства? Хотя ответ на этот вопрос давно уже дан в многочисленных опубликованных документах и трудах советских историков, все же придется вкратце остановиться на некоторых фактах. Еще в мае 1917 г., излагая платформу большевиков в кампании по перевыборам Советов, В. И. Ленин писал, что РСДРП(б) отстаивает право всех народов России «решить вполне свободно, хотят ли они жить в отдельном государстве или в союзном государстве с кем угодно» [4]. В речи на I Всероссийском съезде Советов 9 июня 1917 г. В. И. Ленин вновь подчеркнул, что в то время, когда меньшевики и эсеры боятся образования отдельных республик, большевики заявляют о том, что «с точки зрения рабочих и крестьян это не страшно. Пусть Россия будет союзом свободных республик» [5].

Как известно, II Всероссийский съезд Советов, закрепивший победу социалистической революции в России, специально не рассматривал вопроса о государственном устройстве страны. Объяснялось это исключительно тем обстоятельством, что ранее угнетенные царизмом народы России к Октябрю еще четко не выразили воли по вопросу о своей будущей национальной государственности и взаимоотношениях с Великороссией после победы революции. Но их представители принимали активное участие в работе II съезда Советов, составляя более трети всех делегатов. Что же касается партии большевиков, то она ясно заявляла о своей готовности содействовать процессу образования советской национальной государственности народов. Об этом со всей определенностью гово-

---

[1] См. *G. Stökl.* Russische Geschichte. Stuttgart, 1962, S. 693.

[2] См. *E. H. Carr.* Op. cit., p. 139.

[3] См. *H. Mc Closky* and *J. Turner.* The Soviet Dictatorship. N. Y.—Toronto—London, 1960, p. 300—301.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, стр. 41.

[5] Там же, стр. 286.

рилось в таких основополагающих актах Советской власти, как «Декларация прав народов России», «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа».

Российская Федерация была провозглашена III Всероссийским съездом Советов в январе 1918 г. не под нажимом сепаратистов окраин, как утверждают некоторые «знатоки» истории СССР, а в результате воплощения в жизнь чаяний освобожденных народов, в полном соответствии с принципами национальной политики ленинской партии. Эти принципы были ясно выражены в законах Советской власти, предоставлявших народам бывшей царской России право самостоятельно строить свою государственность, помогавших им свободно включиться в общее дело создания социалистического содружества наций. Все эти документы хорошо известны каждому, кто хоть сколько-нибудь знаком с историей национально-государственного строительства в СССР. Столь же широко обнародованы и факты, показывающие, что принципы национальной политики партии не только провозглашались и закреплялись в законодательстве, но и неуклонно осуществлялись на практике.

Ныне опубликовано огромное количество документов, неопровержимо свидетельствующих, что народы России после Октября действительно свободно осуществляли свой суверенитет, право на самоопределение, вплоть до образования самостоятельных государств. Это наглядно видно на примере Финляндии, Украины, Туркестана и т. д. Возглавлявшийся В. И. Лениным Совнарком относился к суверенитету народов с исключительным вниманием. Так, он безоговорочно признал независимость Финляндии и Польши.

Выступая против националистических и сепаратистских тенденций, имевших место в некоторых национальных районах после победы Октября, В. И. Ленин, партия вместе с тем решительно боролись с малейшими проявлениями великодержавного шовинизма. Известно, например, с какой настойчивостью В. И. Ленин требовал от представителей Советской России «архитакта национального» во взаимоотношениях с правительством Советской Украины. Он подчеркивал при этом, что речь идет о взаимоотношениях с суверенной республикой [1]. Когда

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 35, 44.

у командования советских войск, направлявшихся через Украину на Дон против Каледина, возникли трения с правительством Советской Украины, В. И. Ленин 21 января 1918 г. дал следующее распоряжение В. А. Антонову-Овсеенко: «Ради бога, приложите *все* усилия, чтобы *все и всяческие* трения с ЦИК (харьковским) *устранить*. Это *архиважно* в *государственном* отношении. Ради бога, помиритесь с ними и признайте за ними *всяческий* суверенитет. Комиссаров, которых Вы назначили, убедительно прошу Вас сместить. Очень и очень надеюсь, что Вы эту просьбу исполните и *абсолютного* мира с харьковским ЦИК достигнете»[1].

Более того, III Всероссийский съезд Советов, на котором среди делегатов, представлявших 567 Советов, были представители от 186 Советов бывших национальных окраин (в том числе делегаты от 60 Советов Украины, 73 — Белоруссии, 18 — Прибалтики), заявил, что он ограничивается установлением лишь коренных начал федерации советских республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение, «желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях»[2]. Отсюда ясно, что утверждения буржуазных историков о «фиктивном» характере советской федерации, о «вынужденном» переходе большевиков от унитарного государства к созданию суверенных национальных республик, о «насильственном» их объединении в федерацию не выдерживает ни малейшей критики.

Множество нелепых извращений и путаницы допускают буржуазные историки и при характеристике взаимоотношений советских республик в годы гражданской войны. В совершенно ложном виде, например, они преподносят позиции большевиков окраин по данному вопросу накануне восстановления Украинской и провозглашения других республик, а также в первые месяцы их существования. Так, Вс. Голуб, сделав в начале своей работы «Конспективный нарис історії КП (б)У» широковещательное заявление о том, что он будет писать свой очерк «в свете документов самой партии (большевиков.— *М. К.*)», на деле же просто фальсифицирует документы.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 34—35.
[2] СУ РСФСР, 1918, № 15, ст. 215.

Он, например, утверждает, что I съезд КП(б)У (июль 1918 г.) принял резолюцию, по которой «Украина должна была полностью войти в состав РСФСР». Такую же позицию, по словам Голуба, занял и II съезд КП(б)У (октябрь 1918 г.). Еще больше нелепостей допускает этот «специалист» по истории Компартии Украины при характеристике решений ее III съезда (март 1919 г.), который якобы по требованию Я. М. Свердлова отклонил «проект отдельной Конституции УССР, отличной от Конституции РСФСР», и «принял компромиссную резолюцию о том, что УССР должна войти на правах автономной республики в состав РСФСР» [1]. Домысел по вопросу о якобы имевшем место обсуждении на III съезде КП(б)У проекта Конституции УССР допускает и Р. Пайпс. Он также утверждает, что якобы Я. М. Свердлов настаивал на том, чтобы Украинская советская республика приняла для себя Конституцию РСФСР «вообще без каких бы то ни было изменений» [2].

В действительности же I съезд КП(б)У в крайне сложных условиях лета 1918 г. принял решение о временном вхождении Украины (после восстановления Советской власти) в состав РСФСР на правах автономной республики, а не о «слиянии с РСФСР». Но уже II съезд КП(б)У, проходивший накануне краха германской оккупации и в условиях бурного подъема революционного движения в других странах, т. е. когда обстановка значительно улучшилась, высказался за восстановление суверенной Советской Украины [3], за объединение усилий Украины и РСФСР в борьбе против контрреволюции и международного империализма. О слиянии Украины с РСФСР на съезде не было и речи. III съезд КП(б)У никакого проекта Конституции УССР не рассматривал, а лишь обсуждал директивы коммунистам-делегатам III Всеукраинского съезда Советов, который открывался через несколько дней и должен был обсудить проект Конституции Украинской советской республики. Что же касается решения съезда о вхождении УССР в состав РСФСР как автономной республики, якобы принятого по предложению Я. М. Свердлова, то это утверждение пред-

---

[1] *Вс. Голуб.* Указ. соч., стр. 31, 33, 40—41.

[2] *R. Pipes.* Op. cit., p. 252.

[3] См. «Комуністична партія України в резолюціях і рішеннях з'їздів і конференцій. 1918—1956». Київ, 1958, стор. 16, 26.

ставляет еще более очевидный вымысел. Резолюции съезда опубликованы, и каждый беспристрастный читатель может убедиться, что ничего подобного в них нет [1].

Позицию литовских коммунистов по вопросу о взаимоотношениях Советской Литвы, а позже Литовско-Белорусской советской республики, с РСФСР всячески пытаются извратить А. Тарулис, К. Юргела, А. Сенн и другие фальсификаторы. Они усердно цепляются за имевшиеся у литовских коммунистов накануне провозглашения Литвы советской республикой ошибки по национальному вопросу, в частности за неправильное толкование ими лозунга о праве наций на самоопределение. Так, А. Сенн многократно цитирует статьи из газет «Известия ВЦИК» и «Коммунистас» (орган ЦК КП Литвы), относящиеся к концу 1918 г., в которых встречались высказывания отдельных коммунистов против создания независимого литовского советского государства [2]. А. Сенн намеренно не обращает внимания на действительное положение вещей, он замалчивает тот факт, что уже в конце 1918 г. коммунисты Литвы, как и других районов Прибалтики, сумели преодолеть свои ошибки и возглавили процесс образования трудящимися подлинно независимых советских национальных республик. Так, уже 8 декабря 1918 г. ЦК Компартии Литвы принял решение об образовании Временного революционного правительства Литвы [3]. Еще раньше, 23 ноября 1918 г., Российское бюро Социал-демократии Латвии одобрило идею провозглашения Латвии суверенной советской республикой и наметило меры по созданию ее правительства [4].

Надуманность позиции Вс. Голуба, А. Сенна и им подобных столь очевидна, что ее не разделяет и ряд буржуазных историков. Даже отличающийся реакционностью своих взглядов Г. Раух признает суверенный характер советских национальных республик. Он пишет, что вначале «они были между собой, собственно говоря, только одной партией связаны, а в остальном совершенно независимы друг от друга» [5].

Зарождение федеративных связей между республика-

---

[1] См. «Комуністична партія України в резолюціях і рішеннях з'їздів і конференцій. 1918—1956», стор. 26.

[2] См. "Osteuropa", 1957, Bd. 5, S. 114—115.

[3] См. «Историк-марксист», 1935, № 2-3, стр. 2—3.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 128, л. 1.

[5] *G. von Rauch.* Op. cit., S. 223.

ми Раух относит лишь к декрету ВЦИК от 1 июня 1919 г. Р. Пайпс также вынужден в какой-то мере признать суверенность советских республик до ее добровольного частичного ограничения по договору от 1 июня 1919 г. Он говорит, например, что при обсуждении вопроса о взаимоотношениях УССР с РСФСР на III съезде КП(б)У «большинство делегатов выражали мнение, что Украина и Россия должны установить как можно более тесные экономические и государственные связи» [1].

Много извращений допускается в буржуазной историографии и при характеристике мероприятий Коммунистической партии по оформлению и развитию государственного союза советских республик. Усиленно фальсифицируется, например, смысл первых мероприятий по проведению в жизнь союзного договора между РСФСР, Украиной, Латвией, Литвой и Белоруссией от 1 июня 1919 г. Так, Р. Пайпс, взяв в свидетели Троцкого, утверждает, что последний во время своего приезда на Украину в мае 1919 г. «совсем ликвидировал» наркоматы по военным делам, финансов, связи, совнархоз, «передав их функции местным бюро соответствующих русских комиссариатов» [2]. Говоря об этом, Р. Пайпс ссылается на мнение Б. Вульфа [3], добавляя от себя: «Вместо Украинского Совета Народных Комиссаров, который в сущности был лишен смысла существования, когда были ликвидированы главные его органы, Троцкий создал местное отделение Российского Совета Рабочей и Крестьянской Обороны». В действительности же все это сплошные вымыслы. Совнарком УССР и все наркоматы Украины продолжали функционировать как в мае 1919 г., так и после заключения соглашения республик об объединении отдельных наркоматов. Ни один из наркоматов не был упразднен, изменились лишь формы и методы их работы, взаимоотношения с соответствующими наркоматами РСФСР. Например, на Украине и в Латвии даже наркоматы по военным делам существовали вплоть до осени 1919 г.

В буржуазной историографии усиленно извращается содержание договора республик от 1 июня 1919 г. Так,

[1] *R. Pipes.* Op. cit., p. 252.

[2] Ibid., p. 251.

[3] См. *B. D. Wolfe.* The Influence of Early Military Decisions upon the National Structure of the Soviet Union.—"The American Slavic and East European Rewiev", 1950, vol. IX, N 2, p. 169—179.

Р. Пайпс утверждает, что поскольку договор был обнародован как декрет ВЦИК, то в связи с этим в республиках якобы «упразднялись важнейшие наркоматы, резко ограничивались права органов управления и т. п.» [1]. Другие буржуазные историки несколько по-иному оценивают этот законодательный акт. Э. Карр считает, что декрет послужил оформлением «военной фазы» объединения республик, но что «подобно большинству документов того периода», он «остался на бумаге» [2]. Юр. Борис утверждает, что летом 1919 г. лишь началась подготовка объединения республик, но «ничего практически не было сделано» [3].

Несмотря на известное различие приведенных точек зрения, для всех их авторов характерна одна общая черта: буржуазные историки не делают ни малейшей попытки разобраться в сущности государственных взаимоотношений советских республик — ни в период с конца 1918 г. до лета 1919 г., ни после принятия декрета от 1 июня 1919 г. Между тем этот вопрос исследован советскими историками [4]. В их работах на основе изучения обширного круга источников убедительно показано, что взаимоотношения между республиками в первые месяцы их существования строились на следующих принципах: полная суверенность и равенство, добровольность при решении всех вопросов сотрудничества, взаимное стремление закрепить узы братского единства. Практика такого сотрудничества, необходимость еще более тесного единства в борьбе с силами внутренней и внешней контрреволюции и привели к заключению договора от 1 июня 1919 г. Это был первый, хотя еще и не совершен-

---

[1] См. *R. Pipes*. Op. cit., p. 251—252. Кроме того, очевидно для большей «убедительности», Р. Пайпс ссылается на работу *Е. Бош* «Год борьбы» (М., 1925). Но такая ссылка не имеет смысла, поскольку книга Е. Бош посвящена лишь периоду с апреля 1917 г. до немецкой оккупации, т. е. до начала апреля 1918 г., и о событиях 1919 г. в ней совсем нет речи.

[2] *E. H. Carr*. Op. cit., p. 381—382.

[3] *J. Borys*. Op. cit., p. 284.

[4] См. *Э. Б. Генкина*. Образование Союза Советских Социалистических республик. М., 1947; *С. И. Якубовская*. Строительство союзного Советского социалистического государства. М., 1960; *О. И. Чистяков*. Взаимоотношения советских республик до образования СССР. М., 1955; *В. М. Курицын*. Государственное сотрудничество между Украинской ССР и РСФСР в 1917—1922 гг М., 1957; *М. Куліченко*. Комуністична партія України в боротьбі за утворення СРСР. Київ, 1962.

ный союзный договор суверенных советских республик. В. И. Ленин называл декрет договором, означающим тесную федерацию[1]. Причем уже летом 1919 г. была проделана большая работа по воплощению договора в жизнь: установлено полное единство в военной политике республик, решена в основном задача слияния армий, объединения людских и материальных ресурсов.

При оценке взаимоотношений между советскими республиками буржуазные историки большое место отводят характеристике союзных договоров УССР и БССР с РСФСР, оформленных в конце 1920 — начале 1921 г. Их содержание разбирают, например, Г. Раух, Э. Карр, Юр. Борис, Р. Пайпс и другие авторы.

При всех различиях в оценке договоров эти авторы сходятся на одном: почти все они в той или иной форме проводят мысль о том, что договоры конца 1920 — начала 1921 г. сильнее привязывали Украину и Белоруссию к РСФСР, были заключены «на пользу РСФСР».

В действительности же сущность союзных договоров 1920—1921 гг. состояла в том, что они еще более закрепили и развили подлинно равноправный и добровольный союз суверенных советских республик на основе федерации. Причем этот союз был всегда выгодным для любой из договаривающихся сторон, а не только для РСФСР. Чтобы в этом убедиться, достаточно проанализировать содержание союзных договоров. В них подчеркивалась полная суверенность УССР и БССР, устанавливались формы совместного руководства различными отраслями народного хозяйства, законодательно закреплялось участие представителей Украины и Белорусии во Всероссийских съездах Советов и в избиравшемся съездами Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете — высшем органе государственной власти для всех республик в перерывах между съездами Советов. Ничего убедительного не могут противопоставить буржуазные историки этим ясным и четким правовым нормам, закрепившим подлинное равноправие всех республик в Федерации. Их оценки союзных договоров 1920—1921 гг. голословны и тенденциозны.

Таким образом, буржуазная историография в целом неправильно освещает содержание и формы процесса зарождения и укрепления государственного союза совет-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 99.

ских республик. Объясняется это тем, что буржуазные историки не в состоянии понять закономерности развития этих взаимоотношений, которые проявляются в стремлении трудящихся различных национальностей и к самостоятельному историческому творчеству, и к самому тесному единству в борьбе против общих врагов, в строительстве новой жизни на началах социализма. Вначале взаимоотношения между суверенными советскими республиками были неоформленными, однако с лета 1919 г. этот союз стал приобретать четкую форму советской федерации. Ни та, ни другая формы на первых этапах своего развития не были полностью законодательно закреплены, не существовало и каких-либо органов регулирования взаимоотношений республик. Все это было создано постепенно, вначале договором от 1 июня 1919 г., а затем — союзными договорами конца 1920 г.— начала 1921 г., которые явились этапами становления и развития государственного союза суверенных республик на основе федерации в предшествующий образованию СССР период.

* *
*

Решение национального вопроса было составной частью общего процесса социалистических преобразований на территории бывших национальных окраин России. Однако в буржуазной историографии вопрос о сущности и характере первых социалистических мероприятий в советских национальных республиках, как правило, замалчивается, а если буржуазные идеологи и пишут об этом, то изображают события в грубо фальсифицированном виде.

Извращение истории социалистических преобразований в советских национальных республиках буржуазные историки начинают чаще всего с утверждения о том, что большевистские организации, возглавившие строительство новой жизни в республиках, состояли из «пришлого элемента», из «русских большевиков». Р. Пайпс, например, пишет, что большевики Украины «были почти иностранцами на украинской земле» [1]. Усердие этого фальсификатора оказалось столь велико, что он даже Григория Ивановича Петровского — потомственного украин-

[1] *R. Pipes.* Op cit., p. 150.

ского рабочего, почти два десятка лет отдавшего только подпольной работе на Украине, посланца рабочих Екатеринославской губернии в IV Государственную думу, активного участника Октябрьской революции в Донбассе — называет в числе «людей, не связанных с украинским коммунистическим движением» [1]. Дальше, как говорится, идти некуда. И все же, закрывая глаза на действительность, по стопам Р. Пайпса идут и другие «специалисты» по истории СССР. Так, Юр. Борис называет членов КП(б)У «агентами русской Советской республики» [2]. А. Тарулис пытается доказать, что Компартия Литвы якобы «не была даже чисто местной политической организацией» [3].

Известно, что роль местных организаций нашей партии определялась не их национальным составом, а тем, что они проводили политику, выражавшую интересы рабочего класса, трудящихся масс всей страны, в том числе и национальных районов. Вместе с тем известно и то, что эти организации возникали в результате роста классового самосознания рабочих и крестьян из местного населения, воспринимавших идеи ленинской партии и пополнявших ее ряды. Буржуазные историки, например, хорошо знают не только то, что большевистские организации на Украине в период Октябрьской революции существовали, но и что члены их в своем большинстве были выходцами из местных рабочих и крестьян, однако пытаются опровергнуть это в чисто фальсификаторских целях. Все же нередко они проговариваются и опровергают самих себя. Выше уже показано, как настойчиво стремится Р. Пайпс доказать, что все большевики на Украине были русские. И в то же время, правда снова в целях извращения действительности, он говорит о «кооперации между украинскими большевиками и Центральной радой» [4]. Р. Саливант также признает существование большевистских организаций, созданных передовыми трудящимися Украины, когда говорит, что будто бы «местные

---

[1] *R. Pipes.* Op. cit., p. 252—253.
[2] *J. Borys.* Op. cit., p. 283.
[3] *A. Tarulis.* Soviet Policy Toward the Baltic States. Estonia, Latvia, Lithuania 1918—1940. Univ. Notre Dame Press, Indiana, 1959, p. 40.
[4] *R. Pipes,* Op. cit., p. 115.

организации партии работали как умели, не получая помощи» от ЦК партии [1]. А. Адамс решил не играть в прятки и откровенно заявил в одной из работ, что признает не только существование местных большевистских организаций, но и их «положительное влияние», добавив, видимо, в порядке оправдания, что «даже черту нужно отдавать должное» [2].

В последние годы в публикуемых на Западе «трудах» получила распространение абсурдная версия, будто в первые годы Советской власти в республиках существовал некий «национальный коммунизм», выражавшийся в стремлении избрать свой «национальный», отличный от пути Советской России путь к социализму и коммунизму. Вс. Голуб, например, утверждает, что «национальный большевизм» имел место внутри КП(б)У, а его сторонниками якобы являлись некоторые киевские работники, в том числе В. Затонский [3]. Версию о существовании на Украине «национального большевизма» в лице боротьбистов и укапистов поддерживает Юр. Борис [4]. Н. Недасек сторонником и даже идеологом «национального большевизма» в Белоруссии считает известного партийного и государственного деятеля БССР А. Червякова [5]. Все это, разумеется, чистейший вымысел, ибо, как свидетельствуют непреложные факты деятельности компартий всех национальных республик Страны Советов, они твердо стояли на позициях марксизма-ленинизма и сохраняли неразрывное единство с РКП(б).

Подобные вымыслы буржуазных апологетов дополняются их попытками убедить своих читателей, будто местное население национальных районов враждебно относилось к большевикам, партийные организации находились в состоянии «развала» и т. п. Так пишут А. Сенн и К. Юргела о Литве, А. Тарулис о всей Прибалтике, Вс. Голуб и Юр. Борис об Украине и др. А. Адамс в уже упоминавшейся работе «Большевики на Украине» много

---

[1] *R. Sullivant.* Soviet Politics and the Ukraine 1917—1957. N. Y.—L. 1962, p. 33.

[2] *A. E. Adams.* The Awakening of the Ukraine.— "Slavic Review", 1963, vol. XXII, N 2, p. 219.

[3] *Вс. Голуб.* Указ. соч., стр. 39.

[4] См. *J. Borys.* Op. cit., p. 246—266, 341.

[5] См. *Н. Недасек.* Указ. соч., стр. 51.

страниц посвящает попыткам изобразить кулацкие восстания весной и летом 1919 г. как «постоянно возраставшее непокорство народа Украины» большевикам, разглагольствует о том, что будто бы Коммунистической партии не удалось создать в республиках государственный аппарат. Так он пишет «о хаосе в политических и экономических учреждениях» Украины, а одну из глав даже специально посвящает якобы возникшей по вине большевиков «административной разрухе» [1].

Если все это верно, то почему же тогда советский строй в тех неимоверно трудных условиях не только выстоял, но и еще более упрочился, почему росли и укреплялись ряды Коммунистической партии? Вполне очевидно, что здесь буржуазные авторы, по меньшей мере, противоречат реальным историческим фактам. Прежде всего отметим, что не «развал» а укрепление и бурный рост численности был характерен для большевистских организаций в республиках. Известно, что за период с осени 1918 г. до весны 1919 г. ряды партийных организаций Украины выросли более чем в 2,5 раза (с 9 тыс. до 23 тыс. членов), в Литве и Белоруссии — более чем в 6 раз (с 2800 до 18 136), в Латвии — более чем в 8 раз (с 900 до 7564). Если большевики не имели поддержки в массах, то за счет кого же тогда росли их организации? Если коммунисты не пользовались авторитетом в массах, то как же тогда объяснить тот факт, что среди делегатов съездов Советов, состоявшихся в республиках в начале 1919 г., было: на съезде Советов Украины — 83% коммунистов и сочувствующих им, на съезде Советов Литвы — 76%, на съездах Советов Латвии и Белоруссии — только коммунисты и незначительное количество беспартийных? [2].

В работах советских историков на большом фактическом и документальном материале показано, с каким энтузиазмом и энергией трудящиеся массы советских национальных республик участвовали в государственном, хозяйственном и культурном строительстве, каких круп-

---

[1] *A. E. Adams.* Op. cit., p. 137, 313—314.

[2] См. «Нариси історії Комуністичної партії України», стор. 245—255; «Очерки истории Коммунистической партии Латвии». Рига, 1962, стр. 459, 477; Партархив Института истории партии ЦК КП Литвы, ф. 77, оп. 1, ед. хр. 8, л. 7, 63, 67; оп. 2, ед. хр. 2, л. 2.

ных успехов добились в проведении социалистических преобразований [1].

Во всех национальных республиках был создан советский государственный аппарат, куда вошли лучшие представители трудового населения; успешно шло формирование вооруженных сил; широко развернулась национализация промышленности и транспорта, началось их восстановление и налаживание нормальной работы. Так, в Советской Латвии было восстановлено более 100 промышленных предприятий, и 10 крупных предприятий было организовано заново. За 3 месяца количество занятых рабочих в республике увеличилось более чем в 6 раз (с 4 тыс. до 25 тыс. человек). Коренные преобразования развернулись в деревне. На Украине из 14,5 млн. десятин нетрудовых земель крестьяне уже к середине 1919 г. получили свыше 8 млн. десятин. Бурно проходило культурное строительство. В тяжелых условиях интервенции и гражданской войны под руководством большевиков шла перестройка школы (на Украине восстановили работу более 82% школ), массовыми тиражами издавались газеты, различная литература и т. п. Все это было осуществлено самими массами, их волей и энергией, пробужденными к жизни социалистической революцией. А этот подъем нельзя вызвать «насилием» и «террором», о которых так любят писать идеологи антикоммунизма.

Проведенные в 1918—1920 гг. в национальных советских республиках экономические преобразования вообще не получили сколько-нибудь значительного отражения в буржуазной историографии. Правда, относительно аграрных преобразований, да и то очень скупо, пишут А. Сенн, Юр. Борис, А. Адамс [2], но почти все свое внимание они концентрируют на допущенных в то время ошибках. Эти ошибки действительно были, и советские историки давно отметили их в своих работах. Но в трудах

---

[1] См. *М. І. Супруненко* Україна в період іноземної воєнної інтервенції і громадянської війни. Київ 1951; *Н. В. Каменская.* Первые социалистические преобразования в Белоруссии. Минск, 1957; *М. И. Куличенко.* Борьба Коммунистической партии за решение национального вопроса в 1918—1920 гг. Харьков, 1963; «Українська РСР в період громадянської війни. 1917—1920 рр.». Т. 1, Київ, 1967; т. 2, Київ, 1968; т. 3, Київ, 1969; *B. Vaitkevicius.* Socialistishe revoliucija Lietuvole 1918—1919 metais. Vilnius, 1967.

[2] См. "Osteuropa", 1957, Bd. 5, S. 108—110; *J. Borys.* Op. cit., p. 340—341; *A. E. Adams.* Op. cit., p. 137.

советских ученых подробно освещена и большая организаторская и воспитательная работа партии большевиков среди трудящегося крестьянства, показана деятельность органов Советской власти на селе, процесс распределения помещичьих и кулацких земель [1], а буржуазные историки предпочитают даже не упоминать об этом.

Несколько большее место буржуазные историки отводят в своих работах проблеме осуществления национальной политики Коммунистической партии. Но действительный ход исторических событий оказывается у них поставленным с ног на голову. В. Коларц, например, утверждает, что большевикам так и не удалось создать «национального» государства литовского народа, поскольку в правительство Советской Литвы кроме литовцев входили также поляки, евреи, белорусы [2]. Подобный способ «доказательства» свидетельствует лишь о том, что этот буржуазный историк просто не в силах понять различие между пролетарской национальной политикой и буржуазным национализмом.

Справедливости ради следует отметить, что и среди буржуазных исследователей истории СССР иногда можно услышать относительно трезвые суждения о проведении большевиками национальной политики. Так, Г. Раух вынужден признать, что одной из причин того, почему зажатая интервентами и белогвардейцами на небольшой части центра страны Советская власть затем победила на всей территории России, была правильная национальная политика большевиков, противостоявшая планам контрреволюции восстановить «единую и неделимую» Россию [3]. Гордон Ист называет «замечательным достижением» большевиков то, что они «сумели объединить нерусские народы окраин своей страны». Отдавая дань избитому тезису буржуазной пропаганды о «покорении» нерусских народов, Гордон Ист в то же время не может отрицать бесспорности того, что наро-

---

[1] См. *І. Х. Ганжа.* Перші колективні господарства на Україні, Київ, 1960; *Я. П. Крастынь.* К вопросу об аграрной политике Коммунистической партии Латвии в 1919 г. «Вопросы истории КПСС», 1959, № 4; *Н. Г. Каротамм.* Решение Компартией Эстонии аграрного вопроса в 1917—1919 гг. «Вопросы истории КПСС», 1959, № 5; *Е. Н. Шкляр* К вопросу аб аграрной политике Компартии Литвы и Белоруссии. «Вопросы истории КПСС», 1962, № 2, и др.

[2] См. *W. Kolarz.* Russia and Her Colonies. N. Y., 1952, p. 117.

[3] См. *G. von Rauch.* Op. cit., S. 220.

дам окраин большевики «одновременно с объединением в социализированную Россию предоставляли и привилегии в области культуры и вообще все завоевания пролетариата, обещанные революцией»[1]. Р. Пайпс, тщетно пытаясь доказать, что ленинская программа КПСС по национальному вопросу якобы не была осуществлена, все же признает «ясный смысл» этой программы в Октябрьской революции, «утверждающей право наций на самоопределение и образование независимых государств»[2]. Ряд авторов, и в их числе такие откровенно антисоветски настроенные, как Вс. Голуб, И. Майстренко, Юр. Борис и др., также в ряде случаев отмечают, несмотря на многочисленные оговорки, большую популярность национальной политики Коммунистической партии среди трудящихся масс Украины. Все эти высказывания свидетельствуют о том, что даже фальсификаторские приемы не дают возможности буржуазным историкам полностью исказить правду о сущности и успехах национальной политики ленинской партии.

* *
*

Так освещены в зарубежной буржуазной историографии разрешение национального вопроса на Украине, в Белоруссии, Литве, Латвии и Эстонии и их взаимоотношения с Советской Россией в период Октябрьской революции, иностранной интервенции и гражданской войны.

Как видно из приведенных выше материалов, «научной основой» «трудов» буржуазных историков Запада является фальсификация подлинных событий. Несостоятельность идей антикоммунизма обнаруживается в полной мере, если их сопоставить с конкретно-исторической действительностью освободительной борьбы народов Страны Советов, их жизни и развития по пути к социализму. Эта действительность показывает, какие могучие жизненные силы придала социалистическая революция ранее угнетенным народам. Торжество ленинской национальной политики Коммунистической партии наглядно

---

[1] *G. W. East.* The Soviet Union. Toronto—New York—London, 1963, p. 57, 58.

[2] "Bulletin. Institute for the Study of the USSR", vol. XIV, January, 1967, N 2, p. 57.

проявляется в подлинном расцвете экономики, культуры и национальной государственности освобожденных Октябрьской революцией народов, в их нерушимой дружбе и взаимопомощи. Вся практика разрешения национального вопроса в СССР и ее результаты являются свидетельством жизненности идей марксизма-ленинизма, величайших преимуществ социалистической системы перед капиталистической.

Ю. Ф. Воробьев

ОПЫТ КПСС В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РАНЕЕ ОТСТАЛЫХ НАРОДОВ СССР И БУРЖУАЗНЫЕ ИДЕОЛОГИ

В буржуазной литературе, посвященной проблемам социалистического строительства в нашей стране, особое место занимают работы о деятельности Коммунистической партии в области развития народного хозяйства советских национальных республик Востока. Ярко выраженный тенденциозный характер этих работ объясняется стремлением наших идеологических противников дискредитировать присущие социализму пути и методы экономического строительства в глазах трудящихся всего мира и прежде всего широких масс населения развивающихся стран. И это не случайно.

В современную эпоху углубления общего кризиса капитализма и крушения колониальной системы империализма перед молодыми государствами встала насущная задача преодоления вековой отсталости. Народы, вступившие на путь самостоятельного развития, в поисках наиболее эффективных средств подъема национальной экономики все чаще обращают взоры к первой стране социализма, открывшей новую эру во взаимоотношениях между народами.

Именно поэтому опыт экономического развития советских республик Востока, поднявшихся за три-четыре десятилетия от крайней отсталости до высот социально-экономического и культурного прогресса, подвергается злобным нападкам со стороны антикоммунистов, стремящихся парализовать влияние успехов нашей страны на национально-освободительное движение. Надо отметить, что в буржуазной историографии все чаще встречаются невольные признания достижений Советского Союза в преодолении унаследованного от дореволюционного прошлого экономического неравенства народов. Однако в силу своей классовой принадлежности буржуазные исследователи не могут дать последовательно правдиво-

го отображения социалистической действительности. Поэтому неудивительно, что отдельные признания нередко сопровождаются антисоветскими выпадами, а элементы объективного анализа развития хозяйства советских республик чередуются с откровенной неприязнью к социалистическому строю. Для антисоветской литературы о национальных республиках СССР характерна противоречивость аргументации, причем разные авторы, исходя даже из прямо противоположных утверждений, подбирают всевозможные доводы для того, чтобы опорочить ленинскую национальную политику, неуклонно проводимую в нашей стране Коммунистической партией. Всестороннее разоблачение фальсификаций, изобилующих в работах буржуазных историков, социологов и экономистов по данной проблеме, является актуальной задачей советской исторической науки, историков КПСС. В настоящей статье рассматриваются буржуазные концепции, извращающие пути и результаты ликвидации экономической отсталости Средней Азии и Казахстана и прежде всего методы социалистической индустриализации, явившейся решающим фактором ускоренного подъема экономики ранее отсталых республик.

* *
*

Современные антикоммунисты пытаются возвести своего рода идеологический заслон, который помешал бы распространению в странах Азии, Африки и Латинской Америки богатого опыта социалистического строительства, накопленного народами советских республик. Они всерьез рассуждают о «колониях советской империи», о томящихся под гнетом «красного империализма» народах социалистических республик. «Советская национальная политика по отношению к нерусским народам,— заявляет французский советолог В. Монтей,— есть не что иное, как колониализм, замаскированный марксистскими формулами» [1]. О направлении буржуазной критики красноречиво говорят сами названия трудов западных «теоретиков»: «Коммунизм и колониализм», «Советская империя», «Советское влияние в Латинской Америке» и т. д. Или взять, например, статьи, публикуемые в антикоммунистическом журнале «Проблемы коммунизма», органе

[1] *V. Monteil*, Les musulmans soviétiques. Paris, 1957, p. 98.

информационного агентства США, на тему, сформулированную в форме риторического вопроса: «Существует ли советский колониализм?» [1].

Рассматривают ли буржуазные критики экономическое положение отдельных республик или советские методы индустриализации, они во всех случаях занимают резко отрицательную позицию, когда ставится вопрос о возможности использования развивающимися странами опыта советских республик. Их цель — дискредитировать этот опыт. Эту цель довольно ясно сформулировал, например, английский экономист А. Ноув. «Многие черты советской модели,— пишет он,— должны служить скорее предупреждением, чем примером, для слаборазвитых стран». Аналогичный тезис, но в еще более категорической форме, выдвигает В. Коларц: «Пример индустриального развития Узбекистана и Казахстана не может являться моделью для слаборазвитых стран» [2].

Не имея убедительных доводов для обоснования своей позиции, буржуазные идеологи намеренно фальсифицируют, а многие из них просто замалчивают реальные достижения национальных республик за годы Советской власти, извращают марксистско-ленинские идеи, которыми Коммунистическая партия руководствовалась при осуществлении социалистических преобразований в республиках советского Востока.

Как известно, основоположники научного коммунизма предсказывали возможность перехода отдельных стран от докапиталистических отношений непосредственно к социализму при условии победы пролетарской революции в крупнейших капиталистических странах Запада. В новой исторической обстановке В. И. Ленин, развивая взгляды Маркса и Энгельса, показал, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» [3]. Разработанные В. И. Лениным, Коммунистической партией программа и политика по национальному вопросу определили пути и методы строительства социализма в отсталых странах и национальных районах, создания условий для одновременного

---

[1] См. "Problems of Communism". N. Y., 1963—1964.

[2] *A. Nove*. The Soviet Economy. London, 1961, p. 304; *W. Kolarz*, Russia and Her Colonies. London, 1953, p. 58.

[3] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 246.

перехода к социализму народов, находившихся на разных ступенях экономического развития. В проекте второй Программы РКП(б) В. И. Ленин указывал, что политика пролетариата в национальном вопросе состоит в неуклонном фактическом проведении в жизнь сближения рабочих и крестьян всех наций [1].

Партия последовательно осуществляла ленинскую национальную политику. Сразу же после победы власти Советов было провозглашено уничтожение национального гнета. В важнейших законодательных актах ВЦИК и Советского правительства были закреплены равенство и суверенность народов, отмена всяких национальных привилегий. Установление диктатуры пролетариата, национализация средств производства, проведение аграрных реформ, а также утверждение национальной государственности народов Средней Азии и Казахстана полностью уничтожили всю систему колониальных отношений, существовавшую в царской России. Тем самым были созданы необходимые условия для достижения фактического равенства народов в экономической и культурной жизни.

Практика социалистического строительства в республиках советского Востока полностью подтвердила правильность ленинского положения о возможности некапиталистического развития ранее отсталых народов. Среднеазиатские республики и Казахстан, которые до Октябрьской революции были отсталыми национальными окраинами России, где господствовали патриархально-феодальные отношения, уже за годы довоенных пятилеток (1928—1940 гг.) превратились из аграрно-сырьевых районов в индустриально-аграрные республики, ныне имеющие многоотраслевую промышленность, высокомеханизированное сельское хозяйство и передовую культуру. Опыт некапиталистического развития советских национальных республик — одно из самых выдающихся завоеваний социализма. Против этого реального опыта нашей партии и выступают идеологи антикоммунизма.

* *
*

Для того чтобы принизить значение достижений народов Советского Союза, умалить их притягательную силу

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр соч., т. 38, стр. 111.

и опорочить социалистический строй, буржуазные фальсификаторы используют самые разнообразные приемы. Приемов много, но реакционная социально-классовая подоплека измышлений буржуазных идеологов едина. Остановимся на некоторых наиболее характерных версиях фальсификаторов.

Чтобы умалить достижения среднеазиатских республик в условиях советского строя, противники социализма утверждают, что там еще дореволюционный «царский режим фактически проделал большую подготовительную работу» [1]. Этот тезис выдвигает один из наиболее плодовитых западных специалистов по истории национальных отношений в СССР, В. Коларц. Но ни этот автор, ни другие «советологи», разрабатывающие аналогичную проблематику, не приводят в доказательство фактов. Это и понятно: слишком очевидна лживость подобных измышлений. Общеизвестно, что колониальная политика царской России препятствовала экономическому развитию национальных районов, сохраняя их на положении аграрно-сырьевых придатков метрополии. Она привела к крайне неравномерному размещению промышленности и глубокому разрыву в уровнях развития экономики центральных областей страны и национальных окраин.

В национальных окраинах был крайне немногочисленным промышленный пролетариат и почти полностью отсутствовали кадры квалифицированных рабочих местных национальностей. В 1913 г. на территории Казахстана было всего 10 предприятий с числом рабочих свыше 100 человек. Если в Петербургской губернии в 1908 г. на 1000 жителей приходился 61 рабочий, занятый в промышленности, то в Туркестане — лишь 2. В Киргизии, например, в 1913 г. насчитывалось всего 1,5 тыс. рабочих. Промышленной продукции на душу населения в Туркестане производилось в 15 раз меньше, чем в Петербургской губернии. Безусловно, Петербургская губерния была наряду с Центрально-промышленным и Южным (Украина) районами наиболее развитой в индустриальном отношении. Тем не менее такой значительный разрыв в душевых размерах промышленной продукции свидетельствует о глубоких территориальных диспропорциях в развитии экономики дореволюционной России.

В сельском хозяйстве Средней Азии использовались

---

[1] *W. Kolarz.* How Russia Is Ruled. London, 1953, p. 111, 112.

примитивные орудия труда. Отсутствие на окраинах развитой промышленности сочеталось с почти поголовной неграмотностью коренного населения. К 1917 г. грамотность среди узбеков составляла 2%, казахов — 1%, киргизов — 0,5% [1]. Таково было действительное наследие колониальной политики царизма. Как видим, оно ни в какой мере не соответствует представлению Коларца и ему подобных.

Извращая действительность, противники социализма утверждают, что в национальных республиках, входящих в состав Советского Союза, якобы «существовали гораздо более благоприятные условия для быстрого промышленного развития, чем те, которые существуют в странах Азии теперь. Во-первых, русские имели возможность строить на фундаменте, заложенном в течение предшествующего капиталистического развития. Во-вторых, и что особенно важно, они располагали таким соотношением населения и естественных ресурсов (земли в особенности), которое было более благоприятно по сравнению с большинством азиатских стран» [2].

Прежде всего, совершенно неправомерна попытка рассматривать национальные окраины и центральные районы дореволюционной России как некое недифференцированное целое, ибо они находились на разных ступенях экономического развития. Если центральные районы располагали развитой крупной капиталистической промышленностью, то на окраинах, особенно в Средней Азии и Казахстане, преобладали феодальные отношения с сохранением пережитков патриархального и даже родового строя. Сравнивая же дореволюционную Среднюю Азию и Казахстан с современными азиатскими странами, такими, например, как Индия, Пакистан, Афганистан, необходимо учитывать, что после завоевания независимости эти страны добились заметных успехов на пути индустриализации. Так, в 1964 г. в Индии было добыто 14,9 млн. *т* железной руды, 64 млн. *т* угля, произведено 6 млн. *т* стали, 28,5 млрд. *квт-ч* электроэнергии,

---

[1] См. «Советская социалистическая экономика 1917—1957 гг.». М., 1957, стр. 509; *П. М. Алампиев.* Ликвидация экономического неравенства народов советского Востока и социалистическое размещение промышленности. М., 1958, стр. 114; «Киргизия в цифрах». Статистический сборник. Фрунзе, 1963, стр. 74; «От средневековья к вершинам современного прогресса». М., 1965, стр. 193

[2] "Osteuropa Wirtschaft", 1958, N 2, S. 98, 99.

1318 тыс. *л. с.* электромоторов; доля промышленности в валовом национальном продукте Пакистана увеличилась с 7% в 1949/50 г. до 13% в 1964/65 г., а в 1964 г. производство электроэнергии здесь составило 3,2 млрд. *квт-ч,* химических удобрений — 120 тыс. *т,* каменного угля — 1,2 млн. *т,* хлопчатобумажных тканей — 693 млн. *м*[1]. Несмотря на то что по уровню экономического развития эти страны превосходят дореволюционный Казахстан и Среднюю Азию, перед ними в полном объеме стоят задачи индустриализации.

А поскольку в зарубежных азиатских странах в наши дни половина или большая часть национального дохода создается в сельском хозяйстве, то антикоммунисты приходят к «выводу», что в этих странах не следует быстро индустриализировать экономику, так как сделать необходимые для создания промышленности накопления, по их мнению, можно лишь путем ограничения потребления пищевых продуктов и, следовательно, снижения жизненного уровня населения.

В цитированной выше статье из изданного в Мюнхене сборника «Хозяйство Восточной Европы» сознательно умалчивается о том, что в ряде национальных республик СССР накануне индустриализации господствовали не капиталистические, а феодальные и родовые отношения. К тому же автор статьи «упускает» из виду главное — то, что численность населения и наличие сырьевых ресурсов сами по себе отнюдь не определяют темпов и уровня промышленного развития. Рост накоплений на первых этапах социалистической индустриализации национальных республик зависел прежде всего от масштабов помощи, оказывавшейся отсталым окраинам центральными районами Советской страны.

Обосновывая возможность и необходимость некапиталистического пути развития экономики отсталых наций и учитывая роль индустриализации в ликвидации их экономической и культурной отсталости, В. И. Ленин писал, что русский рабочий класс поможет народам, находящимся на низкой ступени экономического развития, «перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму»[2]. Последовательная борьба

---

[1] См. *В. В. Рымалов.* Распад колониальной системы и мировое капиталистическое хозяйство. М., 1966, стр. 168, 173, 175.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 120.

Коммунистической партии и Советского правительства за обеспечение фактического равенства народов отвечала сущности социализма, цель которого состоит в неуклонном повышении благосостояния трудящихся всех национальностей на основе всемерного расширения и совершенствования производства.

Уже в итоге довоенных пятилеток основной движущей силой развития производительных сил в прошлом аграрных национальных окраин стала машинная индустрия, которая давала преобладающее количество продукции народного хозяйства. По удельному весу промышленности в совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства отсталые в прошлом республики Средней Азии и Казахская ССР приблизились к уровню передовых индустриальных районов. Так, например, в Казахской ССР удельный вес валовой продукции промышленности в общем объеме продукции народного хозяйства республики возрос за 1928—1939 гг. с 16,5 до 58,9%; в Туркменской ССР за 1926—1937 гг.— с 38,5 до 68,9%. Доля промышленности в продукции народного хозяйства Киргизской ССР составила в 1940 г. свыше 50% (в 1913 г.— 9,3%) [1]. Сближение индустриальных уровней национальных республик и центральных районов Советского Союза явилось материальной основой достижения фактического равноправия народов и открыло широкие перспективы для дальнейшего развития производительных сил.

Опровергать очевидные факты, свидетельствующие об огромных хозяйственных достижениях в национальных республиках, становится все труднее. «Многим делегациям из стран Среднего Востока, посещающим сейчас Среднюю Азию,— с тревогой констатирует издающийся в Англии журнал «Среднеазиатское обозрение»,— было продемонстрировано развитие, которое убедило их не только в том, что материальные условия там в большей части такие же, как и у народов остальной части Советского Союза, но и что они во многих случаях значительно лучше, чем условия, преобладающие в их собственных

---

[1] См «Социалистическое строительство Казахской ССР за 20 лет». Статистический сборник. Алма-Ата, 1940, стр. 4; *Н. Роговский.* Киргизская ССР. Фрунзе, 1959, стр 9; «15 лет Туркменской ССР». Статистический сборник. Ашхабад, 1939, стр. 9; «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928/29 г.». М., 1929, стр. 530.

странах, они во всяком случае много лучше, чем можно было ожидать»[1].

Как же выходят из положения те буржуазные идеологи, которых реальная действительность все-таки вынуждает признавать успехи политики партии в области создания крупной машинной индустрии в национальных советских республиках? И в данном случае мы сталкиваемся с насквозь фальсификаторской аргументацией противников социализма.

Они утверждают, что, мол, низкий исходный уровень развития производительных сил всегда предполагает последующий более высокий темп экономического роста, что даже небольшой объем капиталовложений в промышленность отсталой республики дает значительный относительный прирост продукции. Иными словами, антикоммунисты пытаются объяснить причину высоких темпов подъема экономики ранее отсталых республик «технологическими» факторами. Поэтому современные хозяйственные успехи республик Средней Азии и Казахстана, заявляют буржуазные экономисты, объясняются их прежней экономической отсталостью[2]. Но такое объяснение совершенно не учитывает характера социального строя, определяющего распределение капиталовложений между районами и эффективность их использования. Прежде всего необходимо, чтобы отсталые республики получили необходимые капиталовложения. А это возможно лишь в условиях социализма, когда передовые промышленные районы оказывают бескорыстную материальную и культурную помощь отсталым республикам.

Ведь экономика многих отсталых стран Азии и Африки развивается медленными темпами именно вследствие нехватки ресурсов для создания собственной промышленности. Поэтому для понимания причин и источников быстрого развития той или иной страны ничего не дает механическое сопоставление исходного экономического уровня и объема капиталовложений. И в данном случае отчетливо видна классовая «логика» буржуазных идеологов, объясняющих одной и той же причиной — низким исходным уровнем экономики — как отставание молодых государств Азии и Африки, так и быстрый подъем хозяйства советских республик Средней Азии и Казахстана.

[1] "Central Asian Review". London, 1958, vol. 6, N 1, p. 3.

[2] См. "Journal of The Royal Central Asian Society". London, 1949, vol. XXXVI, July—October, p. 39.

Игнорируя общественные условия производства, западные идеологи опираются на выдвинутый ими тезис о том, что подобные высокие темпы индустриализации отсталых районов могли быть достигнуты при «любом режиме», «при любой другой экономической, социальной структуре». Буржуазные теоретики считают, что если бы царское правительство проводило либеральную политику, то, возможно, были бы даже большие, чем в условиях советского строя, достижения [1].

Но в таком случае, естественно, возникает вопрос: почему же тогда те государства зарубежного Востока, экономика которых ранее была на таком же низком уровне, как и экономика среднеазиатских национальных окраин царской России, а в ряде случаев даже и на более высоком, ныне так сильно отстают от современного уровня хозяйственного развития советских республик? Так, в Советском Узбекистане в 1964 г. вырабатывалось электроэнергии на душу населения в 7 раз больше, чем в Турции, в 16 раз больше, чем в Иране. Узбекистан производит хлопка больше, чем Пакистан и Турция, вместе взятые, а они являются крупными хлопкосеющими государствами. В настоящее время, пожалуй, более правомерным было бы сопоставление уровня развития хозяйства республик Средней Азии и Казахстана с экономикой крупнейших капиталистических стран. Например, в 1963 г. в Узбекистане было произведено на душу населения тканей в несколько раз больше, чем во Франции [2]. Причины этих успехов коренятся прежде всего в характере социалистических производственных отношений. Лишь на путях социализма за короткий исторический период можно преодолеть экономическое отставание. Именно способ производства определяет характер и целенаправленность материальных, политических и организационных усилий и соответствующие темпы экономического развития.

Социалистическая индустриализация позволила рационально использовать громадные естественные ресурсы и людские резервы всех районов, что дало колоссальный экономический эффект, привело к расширению промышленного производства в национальных республиках

---

[1] См. "Central Asian Review". London, 1956, N 3, p. 213.

[2] См. «От средневековья к вершинам современного прогресса», стр. 130.

невиданными ранее в истории темпами. Расширение индустриальной базы национальных республик послужило основой ускоренных темпов роста их промышленности. Если среднегодовой темп прироста продукции всей промышленности составил за 1928—1940 гг. по СССР в целом 16,8%, то для Казахской ССР этот показатель был равен 19,2%, Таджикской ССР — 20,1%, Киргизской ССР — 19,7% [1]. Все это наглядные результаты практического претворения в жизнь политики Коммунистической партии, направленной на подтягивание экономически отсталых районов до уровня передовых промышленных районов страны. Курс партии на ускоренное развитие отстающих национальных республик неуклонно проводится на протяжении всего периода социалистического строительства. Он отвечает коренным интересам всех народов Советского Союза, а не является временным политическим маневром, как это пытаются представить буржуазные идеологи. В 1966 г. по сравнению с 1913 г. промышленное производство по СССР в целом увеличилось в 66 раз, а в Казахской ССР — в 101 раз, в Киргизской ССР — в 117 раз. В 1966 г. в Узбекской ССР вырабатывалось электроэнергии в 6 раз больше, чем во всей дореволюционной России [2]. Достижение высокого уровня развития производительных сил страны в целом и каждой отдельной республики, преодоление унаследованного от прошлого разрыва в экономических уровнях различных районов страны и создание в каждой республике современной индустриальной базы обеспечили фактическое равенство наций.

Изменение соотношения уровней экономического развития республик определяется прежде всего масштабами капитальных вложений, их перераспределением между республиками. В 1966 г. в народное хозяйство Казахской ССР и республик Средней Азии было вложено 6,6 млрд. руб. по сравнению с 475 млн. руб. в годы первой пятилетки. При этом вложения в хозяйство указанных республик увеличились в 12 раз, а Российской Феде-

---

[1] См. «Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах». Статистический сборник. М., 1957, стр. 17, 125, 135, 136 (подсчеты автора).

[2] См. «Страна Советов за 50 лет». Сборник статистических материалов. М., 1967, стр. 51, 300, 316, 328.

рации — в 5,6 раза [1]. Если удельный вес РСФСР в общем объеме капитальных вложений государственных и кооперативных организаций (в том числе колхозов и населения) снизился с 65,7 в 1958 г. до 59% в 1965 г., то доля Казахской ССР за это время возросла соответственно с 5,8 до 7,2% [2]. О повседневном внимании, которое Советское государство оказывает восточным национальным республикам, свидетельствует территориальное распределение денежных ресурсов, способствующее повышению их экономического уровня. Республикам оказывается систематическая поддержка путем отчислений в их распоряжение фондов из общесоюзных доходов. Например, в 1969 г. Узбекская, Казахская, Таджикская, Туркменская ССР получат стопроцентное отчисление по налогу с оборота. Законом о Государственном бюджете СССР на 1969 г., принятом пятой сессией Верховного Совета СССР, предусмотрено выделение из средств союзного бюджета Казахской ССР более 819 595 тыс. руб., Узбекской ССР — 307 650 тыс., Таджикской ССР — 64 092 тыс., Туркменской ССР — 36 423 тыс. руб.[3]. Таким образом создаются материальные условия для ускоренного подъема хозяйства отдельных республик.

В Программе КПСС указывается: «Партия будет попрежнему проводить политику, обеспечивающую фактическое равенство всех наций, народностей, уделяя особое внимание тем районам страны, которые нуждаются в более быстром развитии. Растущие в процессе коммунистического строительства блага необходимо справедливо распределять среди всех наций и народностей» [4]. Выполнение этих задач обеспечивается всесторонним развитием хозяйства республик и совершенствованием разделения труда между ними, укреплением их экономических связей и взаимопомощи.

Еще более повысится роль каждой республики в общесоюзном разделении труда в ходе выполнения пятилетнего плана, директивы по которому, утвержденные

---

[1] См. «Капитальное строительство в СССР». М., 1961, стр. 74; «Народное хозяйство СССР в 1965 г.». М., 1966, стр. 538 (подсчеты автора).

[2] См. «Народное хозяйство СССР в 1965 г.», стр. 538.

[3] См. «Правда», 14 декабря 1968 г.

[4] «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет». М., 1962, стр. 314.

XXIII съездом КПСС, предусматривают более высокие, чем в среднем по стране, темпы роста для национальных республик Востока. Если, например, за 1966—1970 гг. объем промышленной продукции по СССР в целом увеличится в 1,5 раза, то промышленное производство в Таджикской ССР возрастет в 1,8 раза, в Узбекской, Туркменской и Киргизской ССР — в 1,6 раза, в Казахской ССР — в 1,7 раза [1]. Эти данные убедительно свидетельствуют о том, что ускоренное развитие экономики республик Средней Азии и Казахстана осуществляется планомерно по заранее намеченной программе, определяющей соотношение темпов роста отраслей материального производства.

Капитализм не может предложить народам развивающихся стран своего опыта устойчивого развития отдельных экономических районов, ускоренного подъема хозяйства отсталых стран. Его цели и методы полностью противоречат национальным интересам молодых государств, которые рассматриваются только как выгоднейшее место помещения капиталов, источник ценного и дешевого сырья, почти даровых рабочих рук. Так, инвестиции западноевропейских монополий в экономику Берега Слоновой Кости только за 1965 г. достигли 200 млн. долл., что равняется суммам, вложенным иностранными фирмами в хозяйство этой страны за предыдущие пять лет. Но такой бум привел лишь к еще большим страданиям и лишениям широких крестьянских масс.

Печальная история бедствующих районов в развитых капиталистических странах показывает, как не надо развивать производительные силы. Например, Англия прошла длинный путь интенсивного капиталистического развития. Но стихийное размещение производительных сил в этой стране привело к глубочайшей экономической депрессии огромных территорий с многомиллионным населением. Так, в 1950—1963 гг. уровень безработицы в Северной Ирландии был в 3,3 раза выше среднего уровня по Соединенному королевству, в Шотландии — на 70% и в Северной Англии — на 25% [2]. Да и средние заработки трудящихся этих районов остаются значительно меньшими, чем в целом по стране.

---

[1] См. «XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет, ч. II. М., 1966, стр. 363—377.

[2] См. «Мировая экономика и международные отношения», 1966, № 2, стр. 73.

Если при социализме ликвидируется экономическое неравенство народов и планомерно осуществляется выравнивание уровней их экономического развития, то при капитализме сохраняются и усиливаются диспропорции в развитии отдельных стран и районов. В результате увеличения разрыва в области производительности труда между отсталыми и развитыми капиталистическими странами и непрекращающейся эксплуатации отсталых стран со стороны иностранного монополистического капитала снизились темпы роста совокупного национального продукта в расчете на одного жителя развивающихся стран с 2,8% в 1950—1955 гг. до 2,1% в 1955—1960 гг. и до 1,5% в 1960—1963 гг. Среднегодовые темпы роста валового национального продукта на душу населения в ведущих капиталистических странах в 60-х годах более чем в 2 раза выше, чем в развивающихся странах[1]. Разрыв в уровнях развития этих двух групп стран не сокращается. На долю экономически слаборазвитых стран приходится более $^2/_3$ населения капиталистического мира и лишь $^1/_{10}$ промышленной продукции. К такому итогу привели столетия существования капиталистического строя.

* *
*

Неопровержимые факты все же вынуждают некоторых буржуазных идеологов признать успехи в промышленном развитии республик советского Востока, достигнутые в результате социалистической индустриализации. Но зато они сосредоточивают свои усилия на извращении социальных и политических последствий индустриализации этих республик.

Прежде всего буржуазные идеологи пытаются представить процесс социалистической индустриализации как расширение производства ради производства, которое будто бы привело к ухудшению условий жизни народа, особенно в бывших национальных окраинах. «Самым поразительным явлением оказалось то,— пишет, например, Н. Ясный,— что индустриализация была осуществлена без нормального сопутствующего повышения жизненного

---

[1] См. «Мировая экономика и международные отношения», 1966, № 2, стр. 15.

уровня населения... Индустриализация была осуществлена ценой большого снижения жизненного уровня»[1].

Безусловно, советскому народу пришлось преодолевать большие трудности, терпеть лишения, чтобы создать собственную тяжелую индустрию за короткий срок. Эти трудности не являются, разумеется, общей закономерностью социалистического строительства. Они были порождены специфическими условиями развития нашей страны: экономической отсталостью России, хозяйственной разрухой в результате пережитых войн, военной угрозой со стороны враждебного капиталистического окружения.

Но трудности, как известно, неуклонно преодолевались. Осуществленные под руководством Коммунистической партии расширение промышленного производства, подъем сельского хозяйства, как свидетельствуют реальные факты, явились прочной базой для дальнейшего повышения жизненного уровня народов республик. Причем в тех республиках, где индустриализация проводилась наиболее интенсивно, более быстрыми темпами повышался и уровень личного потребления трудящихся, их культурного и медицинского обслуживания. Так, если розничный товарооборот на душу населения на 1928—1940 гг. возрос по СССР в целом в 11,9 раза, то в Казахской ССР — в 15,3 раза, а в республиках Средней Азии — в 16,2 раза; число больничных коек на 10 тыс. человек населения за те же годы увеличилось в Казахской ССР в 5,9, в республиках Средней Азии — в 3,7 раза[2]. В итоге социалистической индустриализации был сделан решающий шаг в преодолении существенных различий в условиях жизни населения центральных областей и отсталых в прошлом национальных окраин. Подъем социалистической экономики закономерно сопровождался и сопровождается неуклонным улучшением материальных условий жизни и повышением культурного уровня всех советских народов. Ленинская национальная политика Коммунистической партии направлена на то,

---

[1] *N. Jasny.* Soviet Industrialization 1928—1952. The University of Chicago Press. 1961, p. 1, 5.

[2] Подсчитано автором по данным статистических сборников: «Народное хозяйство СССР в 1958 году». М., 1959, стр. 716; «Народное хозяйство СССР». М., 1956, стр. 18; «Социалистическое строительство СССР». М., 1934, стр. 354; «Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах», стр. 297—321.

чтобы открыть широкий простор действию этой объективной закономерности строительства социализма и коммунизма.

Стремясь опорочить эту политику, антикоммунисты выдвигают тезис о том, что «материальный прогресс» в республиках советского Востока сопровождался потерей «национальной независимости» [1]. И опять-таки подобный вымысел используется для того, чтобы помешать народам развивающихся стран изучить и воспринять богатый опыт экономического и культурного строительства республик советского Востока.

Буржуазные идеологи распространяют версию, будто политика Советского государства по отношению к национальным районам означала продолжение колониальной политики царизма [2]. Подобное абсурдное утверждение используется американским историком Р. Пайпсом, чтобы обосновать необходимость для народов Средней Азии противостоять «гнету коммунистов» [3].

Отождествляя национальную политику Советского государства с политикой царизма, защитники капитализма не только фальсифицируют исторический процесс, но и стараются доказать, что характер взаимоотношений между нациями не зависит от способа производства. Однако в дореволюционной России именно крупный капитал, сохранение феодально-родовых отношений тормозили создание промышленности на территории национальных окраин, обрекали их народы на нищету и безжалостную эксплуатацию правящими классами. В результате победы Октябрьской революции и установления общественной собственности на средства производства коренным образом изменились условия развития национальных окраин. Полностью были сняты социальные преграды, тормозившие развитие производительных сил этих районов, между всеми народами многонациональной Советской страны установлены отношения братского сотрудничества и взаимопомощи, явившиеся одним из решающих факторов ускоренного подъема ранее отсталых республик. Так, в 1967 г. по сравнению с 1913 г. валовая продукция промышленности увеличилась в Киргизской

---

[1] *W. Kolarz.* Communism and Colonialism. London, 1964, p. 23.
[2] *W. Kolarz.* Russia and Her Colonies, p. 303.
[3] "The Middle East Journal", 1952, N 2; 1955, N 3; "Muslims of Soviet Central Asia: Trends and Prospects" by R. Pipes (part I, II).

ССР в 137 раз, в Казахской — в 114 раз при росте в среднем по СССР за тот же период в 73 раза[1]. Такие темпы развития экономики союзных республик стали возможными благодаря социалистическим производственным отношениям, активизировавшим внутренние ресурсы каждой из них и определившим новое содержание национальной политики, направленной на обеспечение фактического равенства народов нашей страны во всех областях экономической и культурной жизни.

Противники социализма советуют среднеазиатским народам стремиться к обособлению и отделению от Советского Союза. Но если вся эта низкопробная клевета не в состоянии поколебать симпатии народов зарубежных стран Востока к Советской стране, то она тем более непригодна как средство давления на трудящихся социалистических республик Средней Азии. Антикоммунистам следовало бы помнить, что братские отношения между народами СССР нерушимы, ибо базируются на общности экономических и политических интересов социалистических наций, на сложившихся тесных хозяйственных связях, расширение и развитие которых является закономерностью социалистического способа производства.

Явно чувствуя неубедительность доводов, «предостерегающих» молодые государства от проведения политики индустриализации по примеру СССР, буржуазные теоретики сочиняют небылицы о разрушении в советских республиках «традиционных общественно-культурных институтов и ценностей», о том, что будто бы «быстрая индустриализация по советской модели не может быть принята без того, чтобы не подвергнуться чрезвычайно большому риску развития тоталитарной социальной системы и разрушения ценных национальных учреждений»[2]. Д. Уилер, директор английского центра по изучению Средней Азии, заявляет, например, что преобразование экономики республик Средней Азии было «осуществлено... без всякого прогресса в том, что может быть названо духовной стороной»[3].

Советское государство действительно уничтожило все институты социального угнетения и несправедливости, узаконивавшие пережитки родового быта, кровной мес-

[1] См. «Народное хозяйство СССР в 1967 году». Статистический ежегодник. М., 1968, стр. 190.

[2] "Problems of Communism", 1959, N 6, p. 33

[3] "Geographical Journal", 1957, October, p. 304.

ти, многоженства, калыма, и установило демократические институты, утверждающие правопорядок и законность в интересах широчайших народных масс. О каком разрушении национальных общественно-культурных учреждений можно говорить, если на территории Средней Азии и Казахстана до Октябрьской революции не было ни одного высшего учебного заведения?

Любому объективному наблюдателю вполне очевидна несостоятельность измышлений буржуазных социологов и экономистов. В самом деле, проведение индустриализации обеспечивало рост не только отраслей производственной сферы, но и учреждений науки, культуры, просвещения, здравоохранения. Благодаря увеличению масштабов накопления и планомерному распределению капиталовложений между отраслями народного хозяйства за годы Советской власти в республиках были созданы сотни техникумов, десятки вузов и других специальных учебных заведений, готовящих квалифицированных специалистов. Если в 1914 г. на территории Средней Азии и Казахстана не было ни одного высшего и было только 8 средних специальных учебных заведений, то в 1940 г. здесь насчитывалось уже 67 вузов и 315 техникумов [1]. В Узбекистане ныне имеется Академия наук, 35 вузов, свыше 19 тыс. научных работников [2]. По развитию высшего образования среднеазиатские республики достигли уровня многих культурно развитых стран Запада.

Стремясь во что бы то ни стало опорочить опыт социалистического преобразования экономики и культуры советских республик, антикоммунисты прибегают к грубым извращениям национальной политики партии и Советского государства. Извращая цели, которые ставило Советское государство в борьбе за социалистические преобразования в национальных республиках, буржуазные пропагандисты изображают помощь отсталым народам как средство «закабаления» населения коренных национальностей. В ход пускаются самые низкопробные вымыслы о «насильственном навязывании» национальным республикам экономических форм со стороны «мощного центра», о том, что социалистическая индустриализация национальных республик якобы вела к механиче-

[1] См. «Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах», стр. 297—321.

[2] См. «Страна Советов за 50 лет», стр. 315; «СССР и союзные республики». М., 1968, стр. 109.

скому «уподоблению» экономической структуры последних «великорусскому шаблону».

Если трудящиеся всех республик установили в итоге социалистического строительства однотипную социально-классовую структуру, ликвидировали эксплуататорские классы и утвердили прочный союз рабочих и крестьян, то при формировании структуры экономики, пропорций воспроизводства, при распределении капиталовложений и трудовых ресурсов между отраслями народного хозяйства в республиках Советское государство исходило из конкретных условий каждой из них. Учет местных особенностей проявлялся и при определении специализации промышленности республик.

Постепенно расширялся круг взаимодополняющих отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности, обеспечивающих увеличение производства и удовлетворение растущих потребностей населения. Только благодаря тщательному учету специфики каждой республики могли быть достигнуты высокие темпы их промышленного развития. Поэтому совершенно несостоятельными являются утверждения буржуазных критиков о «шаблонном» подходе к развитию хозяйства республик, якобы наносящем ущерб экономике последних, и тщетны их попытки опорочить методы индустриализации национальных республик.

Вымыслы фальсификаторов опровергаются самой историей развития социалистического планирования, практикой индустриализации национальных районов. Коммунистическая партия намечала перспективы промышленного развития дифференцированно для каждой республики в соответствии с достигнутым уровнем производства, наличием природных и трудовых ресурсов, с учетом развития межреспубликанского разделения труда и общих интересов многонационального государства.

В. И. Ленин предупреждал против шаблонного распространения опыта Центральной России на окраины, требовал учитывать конкретную социально-экономическую обстановку в каждом национальном районе. В основу национальной политики партии были положены ленинские указания о том, что, чем лучше будет учтено разнообразие условий и форм перехода различных народов к социализму, тем вернее и быстрее будет осуществляться этот переход. Особое значение Ленин придавал

взаимопомощи национальных республик в развитии производительных сил страны, планомерной мобилизации и использованию хозяйственных ресурсов. Так, в 1920 г. в «Первоначальном наброске тезисов по национальному и колониальному вопросам» В. И. Ленин указывал, что без теснейшего союза республик не только нельзя отстоять страну от внешних врагов, но и невозможно восстановить разрушенное хозяйство, обеспечить благосостояние трудящихся и создать единое, регулируемое по общему плану социалистическое хозяйство [1]. Социалистический способ производства обеспечивал рациональное разделение труда между республиками и районами, планомерный учет интересов и потребностей каждой республики и страны в целом. Эти принципы воплотились в политике партии, направленной на повсеместное развитие в национальных республиках крупного машинного производства и социалистических производственных отношений, на сближение уровней экономического развития всех советских республик.

Буржуазные идеологи тщатся доказать, что при создании промышленности в ранее отсталых республиках партия и Советское государство, якобы преследуя великодержавные цели, пренебрегали интересами малых наций, не заботились о сочетании интересов каждой из республик и страны в целом. Фальсификаторы истории всячески противопоставляют интересы русского народа и народов Казахстана и Средней Азии и пытаются доказать, что в условиях советского строя развитые промышленные районы страны эксплуатировали национальные окраины. «Практика показывает,— пишет, например, В. Коларц,— что каждая новая фабрика, каждая новая угольная шахта, каждая новая нефтяная скважина на нерусской территории Советского Союза создавались главным образом не для народов этой территории, а для великороссов» [2]. Ему вторит американский профессор О. Кэроу, который сделал «открытие», будто главной задачей среднеазиатских республик и Казахстана являлось снабжение «индустриального Молоха» (Урала) рабочей силой [3]. Подобные утверждения нельзя расценивать ина-

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 164.
[2] *W. Kolarz.* Russia and Her Colonies, p. 58.
[3] См. *O. Caroe.* Soviet Empire. London, 1954, p. 192.

че, как грубую фальсификацию истории индустриального развития наших республик.

Исторические факты неопровержимо свидетельствуют о том, что создание собственной индустрии, коренное изменение хозяйственного облика республик, новое разделение труда между ними явилось важнейшим условием ликвидации их экономического неравенства, успешного строительства социализма, освоения природных ресурсов и расширения производства в стране. Форсированный подъем экономики среднеазиатских республик и Казахстана отвечал интересам как народов этих республик, так и всего государства.

Жалкими и неубедительными выглядят потуги буржуазных идеологов изобразить дело так, что новые промышленные предприятия будто бы создавались в республиках Средней Азии и Казахстана «для великороссов». В условиях социализма все республики участвуют в общесоюзном разделении труда, способствуя тем самым росту экономики всей страны в целом и прогрессу каждого народа. По мере развития отраслей легкой и пищевой промышленности национальные республики все в большей мере удовлетворяли потребности населения в предметах потребления за счет собственного производства. Приведем некоторые факты. Так, в 1938 г. для народного потребления в республики Средней Азии и Казахстан поступило 100% тканей, произведенных на ташкентском текстильном комбинате, 81,5% продукции ферганской и 100% ашхабадской фабрик. Сюда же было отправлено 23,2% тканей, произведенных на предприятиях Ивановской области, 6,8% — Московской и Калининской, 10,7% — Ленинградской области и 32,5% — на барнаульском комбинате [1]. В свете подобных фактов лишаются всякой реальной основы вымыслы фальсификаторов о том, что продукция промышленности, создаваемой в национальных республиках, якобы «выкачивалась» в центральные районы страны.

Создавая собственную промышленность, республики Советского Востока опирались на могучую братскую помощь всех народов Советской страны. Эта помощь выражалась в поставках промышленного оборудования, материалов, льготном финансировании, совместном участии

---

[1] См. *П. А. Хромов.* Очерки экономики текстильной промышленности СССР. М.—Л., 1946, стр. 104—105.

народов в осуществлении мероприятий хозяйственного и культурного строительства, в подготовке национальных технических кадров.

Уже в первые годы Советской власти в труднейших условиях войны и хозяйственной разрухи Советское правительство, стремясь ускорить экономический подъем республик Средней Азии, сделало первые шаги по созданию здесь промышленных очагов. Так, летом 1920 г. Советское правительство направило из промышленных районов РСФСР оборудование для ферганской и маргеланской шелкоткацких, шелкопрядильных и шелкомотальных фабрик. По решению Политбюро ЦК РКП(б) от 13 июня 1922 г. в Бухару было ввезено из центральных областей оборудование текстильной и бумажной фабрик, кожевенного и мыловаренного заводов. В 1922 г. в Туркестан были переведены писчебумажная фабрика и целлюлозный завод. Изыскивая всевозможные формы экономической помощи народам Средней Азии, Советское правительство передало Реутовскую прядильно-ткацкую фабрику (Московская губерния) в систему «Туркмануфактуры», а Зарайскую текстильную фабрику — крупнейшее предприятие Рязанской губернии — Русско-Бухарскому акционерному обществу (фабрика получила название «Красный Восток»). Продукция этой фабрики шла в Бухару. На фабрике обучались текстильному делу многие рабочие — представители местных национальностей.

Передача республикам промышленных предприятий из центральных районов сыграла важную роль в укреплении союза центральных районов и окраин.

Форсированный подъем всех отраслей народного хозяйства республик Востока, высокие темпы и правильные пропорции развития их экономики и, следовательно, преодоление экономического неравенства были бы невозможны без систематической финансовой помощи, оказывавшейся национальным окраинам из общесоюзного бюджета. За этот счет финансировалось строительство промышленных предприятий общесоюзного значения в республиках Средней Азии и Казахстана; тем самым там создавалась мощная индустриальная база. В начальный период социалистической индустриализации, особенно в годы первой пятилетки, когда ввиду отсталости хозяйства и низкого уровня внутреннего накопле-

ния среднеазиатские республики и Казахстан испытывали острый дефицит в финансовых ресурсах, эти республики получали из резервного фонда СНК СССР крупные дотации к республиканским бюджетам. Так, в 1926 г. государственный бюджет Таджикистана состоял на 84,4%, в 1927 г.— на 92,2%, в 1928 г.— на 79,7% и в 1929 г.— на 72,6% на дотации Советского правительства [1].

Большое значение имела посылка в республики Средней Азии квалифицированных кадров из центральных районов страны. В ответ на обращение Средазбюро ЦК ВКП(б), ЦК компартий Узбекистана, Туркмении и Таджикистана к рабочим-текстильщикам Московской, Ленинградской и Иваново-Вознесенской областей в 1929 г. в районы Средней Азии выехали 356 рабочих и 100 специалистов текстильной промышленности [2]. На промышленные стройки Узбекской ССР только в 1933—1935 гг. прибыло из различных областей РСФСР около 10 тыс. рабочих [3]. Прибывшие инженеры и рабочие помогали республикам создавать крупную индустрию, передавали трудящимся местных национальностей свой богатый опыт в создании тяжелой, легкой и пищевой промышленности.

Помощь, оказывавшаяся ранее отсталым народам, позволила добиться не только ускоренного развития народного хозяйства национальных районов, но и вовлечения в экономический оборот богатейших природных и трудовых ресурсов республик, что отвечало интересам всех народов Советского Союза. Лишь при наличии всесторонней помощи со стороны более развитых районов республики Средней Азии и Казахстан смогли перейти к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Помогая национальным окраинам в создании собственной экономики и культуры, народы, ушедшие вперед в своем развитии, и прежде всего русский народ, обеспечивали одновременный переход к социализму всех республик, объединение усилий социалистических наций в создании высокоразвитой материально-технической базы народного хозяйства.

Извращая историю социалистической индустриализа-

---

[1] См. «История таджикского народа», т. III. М., 1964, стр. 204.

[2] См. *В. Я. Непомнин*. Исторический опыт строительства социализма в Узбекистане. Ташкент, 1960, стр. 255.

[3] См. «Минуя капитализм». М., 1961, стр. 61.

ции национальных окраин СССР, некоторые идеологи антикоммунизма выдвигают еще один тезис. Он сводится к тому, что в политике Коммунистической партии и Советского государства по отношению к национальным окраинам якобы не принимались во внимание экономические оценки эффективности размещения производительных сил в различных районах, что «насаждение» промышленности в национальных районах вообще не имело экономического смысла. В связи с этим буржуазные авторы видят в промышленном строительстве на территории среднеазиатских республик один из «примеров», свидетельствующих о якобы «нерациональном» характере всего хозяйственного строительства в социалистическом обществе, где отсутствует частное предпринимательство.

Так, американский профессор Г. Шварц в книге «Экономика Советской России» называет неоправданным с экономической точки зрения «стремление обеспечить развитие промышленности особенно в отсталых районах, таких, как Средняя Азия» [1]. Такое же утверждение содержится и в вышедшей во Франции книге Ф. Лепранса-Рэнге «Будущее русской Азии». «Большие усилия в деле индустриализации самых отдаленных районов,— говорится в ней,— несомненно диктовались главным образом политическими целями, а не экономической необходимостью» [2]. Эти буржуазные специалисты считают, что с экономической точки зрения не имело смысла развивать индустрию в отсталых национальных районах.

Как же обстояло дело в действительности?

Как известно, установление социалистических производственных отношений кладет начало новому размещению производительных сил, осуществляемому планомерно в соответствии с экономическими законами социалистического способа производства. Сразу же после победы Октябрьской революции В. И. Ленин в «Наброске плана научно-технических работ» (апрель 1918 г.) указывал на необходимость рационально размещать промышленность [3]. Процесс такого размещения производительных сил В. И. Ленин связывал с задачей освоения неисчер-

---

[1] *H. Schwartz.* Russia's Soviet Economy. N. Y., 1957, p. 207.
[2] *F. Leprince-Ringuet.* L'avenir de l'Asie Russe. Paris, 1951, p. 181.
[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 228.

паемых природных ресурсов, вовлечение которых в народнохозяйственный оборот ускорило бы темпы расширенного воспроизводства во всех республиках. Советское государство в условиях жесткого лимита ресурсов осуществляло перераспределение капиталовложений между республиками с глубоким обоснованием необходимости создания новых предприятий, обеспечения пропорциональности в развитии отраслей и специализации хозяйства, учитывающей сочетание общесоюзных и внутриреспубликанских интересов.

В республиках Средней Азии и Казахстане за годы Советской власти получили развитие те отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности, для роста которых в данном районе имелись наиболее благоприятные условия. Наличие здесь огромных запасов полезных ископаемых позволило уже в период социалистической индустриализации создать развитую угольную, нефтяную, химическую промышленность, развернуть добычу руд цветных и редких металлов, цветную металлургию. Безусловно, развитие этих отраслей в Средней Азии и Казахстане отвечало как республиканским, так и общесоюзным интересам, способствовало форсированному росту в стране производства средств производства. Вместе с тем непрерывное расширение легкой и пищевой промышленности в Казахстане и среднеазиатских республиках, опирающейся на использование сельскохозяйственного сырья, позволяло с наименьшими затратами удовлетворять растущие потребности местного населения в предметах потребления. Именно благодаря комплексному сочетанию отраслей тяжелой, легкой и пищевой индустрии экономика Средней Азии и Казахстана развивалась высокими темпами.

Несмотря на коренные изменения в территориальном разделении труда в период социалистического строительства, буржуазные идеологи все еще твердят о том, будто к концу довоенных пятилеток Средняя Азия оставалась сырьевым придатком колониального типа, и усматривают в межреспубликанском разделении труда якобы один из примеров эксплуатации национальных районов, обусловленной специализацией их хозяйства. Английский экономист П. Хензе пишет: «Валовая продукция Средней Азии накануне второй мировой войны состояла преимущественно из необработанного и полуочищенного

хлопка, топлива и металлов»[1]. Такой вывод делается лишь на том основании, что некоторые виды продукции добывающей промышленности и большая часть продукции хлопкоочистительной промышленности поставлялась в другие районы страны. При этом полностью игнорируется строительство на территории среднеазиатских республик десятков крупнейших промышленных предприятий и создание многих новых отраслей промышленности, как тяжелой, так и легкой, в результате чего уже в годы довоенных пятилеток удалось в существенной мере преодолеть диспропорции дореволюционного размещения производительных сил.

При вновь созданной отраслевой структуре производства коренным образом изменился характер разделения труда между республиками. За годы Советской власти только в Казахстане было построено более 2 тыс. крупных промышленных предприятий, а в Узбекистане — около 1,3 тыс. Свыше 100 отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности насчитывается в настоящее время в Средней Азии и Казахстане, и среди них высокоразвитое машиностроение, производящее оборудование для радиотехнической и электрохимической промышленности, станки, кузнечно-прессовое оборудование, экскаваторы. Республики Средней Азии дают три четверти общесоюзного производства прядильных машин и почти 100% машин для сева, обработки и уборки хлопчатника[2].

Характерной особенностью изменения отраслевой структуры индустрии национальных республик является в наши дни ускоренный рост в них прогрессивных отраслей обрабатывающей промышленности. Например, объем промышленного производства в Киргизской ССР за 1959—1965 гг. вырос в 2 раза, а производство продукции машиностроения и металлообработки росло значительно более высокими темпами[3]. В Таджикской ССР ускоренно развивались машиностроение, металлообработка, электротехническая промышленность. Взять, к примеру, Казахстан. Еще недавно он славился главным образом

---

[1] "Journal of the Royal Central Asian Society", 1950, vol. 37, N 1, p. 40.

[2] См. «От средневековья к вершинам современного прогресса», стр. 128, 126.

[3] См. «XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет, ч. I, стр. 486.

добычей металлических руд, угля и производством цветных металлов. Сегодня республика имеет мощную металлургическую промышленность, занимает первое место в стране по выплавке свинца, второе — по меди и цинку, дает стране чугун, глинозем, асбест, титан, магний, суперфосфат. Глубокие качественные изменения в структуре производства республик Советского Востока способствуют более полному использованию их внутренних ресурсов. Вместе с ростом индустриальной мощи республик непрерывно увеличивается их вклад в общесоюзное индустриальное строительство, что оказывает огромное влияние на повышение эффективности всего общественного производства.

Никакими вымыслами и клеветой нельзя опровергнуть наглядный и неоспоримый факт, что только в условиях социализма отношения между нациями строятся на началах равноправия и братского сотрудничества, взаимопомощи и взаимного уважения. Поэтому весь советский народ глубоко заинтересован в увеличении вклада каждой республики в общественное производство, в сплочении и сближении социалистических наций. Создание крупной промышленности и высокомеханизированного сельского хозяйства, подготовка технических и научных кадров в республиках, та огромная роль, которую сыграли в развитии экономики и культуры народов Средней Азии и Казахстана представители братских народов Советского Союза,— все это опровергает вымыслы буржуазных фальсификаторов истории.

* *
*

Современные сторонники колониальной эксплуатации отсталых народов стремятся воспрепятствовать их переходу на некапиталистический путь развития. Однако вопреки стараниям антикоммунистов достижения советских республик в хозяйственном строительстве, в преодолении исторически сложившихся различий в уровнях экономического развития получают широкое признание в слаборазвитых странах. С этим вынуждены считаться даже далекие от социализма люди. Государственный деятель США А. Гарриман в 1959 г. после посещения Алма-Аты и ряда других городов Казахстана и среднеазиатских республик отмечал, что «наиболее тревожным

аспектом» быстрого развития советских среднеазиатских республик является влияние, которое оно может оказать на народы других слаборазвитых стран. «Каждый год через огромный международный аэропорт Ташкент,— пишет далее Гарриман,— прибывают тысячи визитеров из стран Юго-Восточной Азии, их возят по гигантским образцовым коллективным фермам, показывая им освобожденные от малярии деревни, крупные фабрики, выпускающие все — от ботинок до крупных сельскохозяйственных машин, не говоря уже о школах, университетах, госпиталях и оперных театрах. Эти достижения представляют убедительное оружие компартий стран Юго-Восточной Азии, которые указывают на все это тем, кто горит нетерпением развивать свои собственные страны» [1].

Сбылись слова В. И. Ленина, обращенные к коммунистам Туркестана: «Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч и миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам» [2]. В настоящее время мировая социалистическая система оказывает всемерную помощь развивающимся странам, способствуя ускоренному подъему их экономики. С помощью Советского Союза в странах Азии и Африки строится около 600 промышленных, сельскохозяйственных и других объектов, свыше 100 учебных и медицинских учреждений, научных центров. Большую помощь наша страна оказывает народам развивающихся государств в подготовке кадров.

Опыт СССР показывает, что только социализм обеспечивает ликвидацию всех форм эксплуатации и национального гнета, быстрое развитие народного хозяйства и повышение благосостояния народа. В Тезисах ЦК КПСС к 50-летию Октября подчеркивается, что развивающиеся страны «видят перед собой реальный пример того, как угнетавшиеся царизмом национальные окраины России, опираясь на поддержку победившего российского пролетариата, в короткие исторические сроки ликвидировали экономическую и культурную отсталость, добились замечательных достижений во всех областях

---

[1] «Правда», 11 января 1960 г.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 304.

общественной жизни»[1]. В разработанных XXIII съездом КПСС мероприятиях по дальнейшему росту экономики и культуры республик, расширению хозяйственных и культурных связей и укреплению сплоченности народов СССР находят реальное воплощение ленинские принципы национальной политики.

[1] «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы ЦК КПСС. М., 1967, стр. 55—56.

Ю. П. Петров

ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ РУКОВОДЯЩЕЙ РОЛИ КПСС В СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ФЛОТЕ

Буржуазные идеологи, взяв на вооружение антикоммунизм, одним из объектов своей фальсификации избрали руководство Коммунистической партии строительством вооруженных сил социалистического государства. Расчет здесь прост — создать хотя бы маленькую трещину в том военном щите, который оберегал многие годы созидательный труд советского народа и оберегает сейчас в содружестве с армиями других социалистических стран мировую социалистическую систему. Этой тематике буржуазные историки уделяют исключительное внимание. В той или иной степени она затрагивается во многих выходящих за рубежом книгах и статьях по истории советского общества, Коммунистической партии.

Разоблачение буржуазных фальсификаторов, пытающихся исказить огромный исторический опыт КПСС в военном строительстве, является насущной задачей советской исторической науки, важнейшей стороной идеологической работы партии.

* *
*

Буржуазные идеологи, прилагая большие усилия к попыткам извратить роль партии в жизни и развитии советского общества, всячески стараются очернить ее деятельность по руководству вооруженными силами Советского государства. Они утверждают, что руководство Коммунистической партии Советской Армией и Флотом противоречит характеру и назначению любых вооруженных сил, что последние всегда должны быть «независимы», «вне политики» и развиваться только по присущим им законам. Западногерманский историк Юрген Ровер утверждает, например, что руководство Коммунистической партии армией и флотом «все время приводило к сильнейшим осложнениям в советском военном руко-

водстве»[1]. Английский историк, «специалист по восточноевропейским вопросам» Дж. М. Макинтош пытается доказать, что руководство Коммунистической партии вооруженными силами «всегда было искусственным процессом»[2]. Таким образом, мы имеем дело с попытками поставить под сомнение правомерность, историческую обусловленность руководящей роли Коммунистической партии по отношению к вооруженным силам социалистического государства.

Подобные попытки антинаучны по своему существу. Историческим опытом давно уже доказано, что не бывает вооруженных сил, стоящих вне политики, что армия всегда носила классовый характер, являясь орудием того класса, который держит в своих руках государственную власть. Отсюда вытекает объективная обусловленность руководства армией со стороны господствующего класса и его партии.

Эти общие положения вполне применимы к вооруженным силам социалистического государства, которые создавались и начали действовать под непосредственным руководством авангарда российского пролетариата, завоевавшего государственную власть. Опираясь на марксистско-ленинскую теорию, Коммунистическая партия всесторонне разработала важнейшие вопросы советского военного строительства. В указаниях В. И. Ленина, в решениях партии сформулированы теоретические принципы и определены практические мероприятия по созданию и укреплению вооруженных сил первого в мире социалистического государства. Коммунистическая партия, являясь правящей партией и направляя все стороны жизни советского общества, естественно, руководит и военным строительством. Подчеркивая это, Центральный Комитет РКП(б) в постановлении «О политике военного ведомства» (декабрь 1918 г.) отмечал, что «политика военного ведомства, как и всех других ведомств и учреждений, ведется на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее Центрального Комитета и под его непосредственным контролем»[3]. В партийной Программе,

[1] *Jürgen Rohwer.* Die Organisation der sowjetischen Seekriegführung im zweiten Weltkrieg. Beiträge zur Wehrforschung. Bd. IV. Darmstadt, 1964, S. 137.

[2] *J. M. Mackintosh.* The Political Administration in the Red Army. Edited by B. H. Liddell Hart. New York, 1956, p. 229.

[3] «КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы 1917—1968». М.. 1969, стр. 35.

принятой VIII съездом РКП(б), в решениях съезда по военному вопросу всесторонне обосновывалась руководящая роль партии в военном строительстве. Осуществление этой роли не только не приводило к каким-либо осложнениям в советском военном руководстве, о чем бездоказательно пишет Ю. Ровер, но, наоборот, стало важнейшим условием укрепления вооруженных сил Советского государства. «Главный источник могущества наших армии и флота,— подчеркивается в решении Пленума ЦК КПСС, состоявшегося в октябре 1957 г.,— состоит в том, что их организатором, руководителем и воспитателем является Коммунистическая партия — руководящая и направляющая сила советского общества» [1].

Это принципиальное положение сформулировано и в Программе партии, принятой XXII съездом КПСС. В неи большое внимание уделено военной политике партии, партийному руководству Советской Армией и Флотом, укреплению обороноспособности Советского Союза, подчеркнута возрастающая роль партии в военном строительстве: «Основой основ военного строительства является руководство Коммунистической партии Вооруженными Силами, усиление роли и влияния партийных организаций в армии и на флоте» [2].

Таким образом, руководящая роль Коммунистической партии в военном строительстве вовсе не является чем-то искусственным, как считают буржуазные идеологи. Это — закономерное явление, обусловленное прежде всего тем, что партия в нашей стране — единственная политическая организация, выступающая в качестве ведущей и направляющей силы всего социалистического общества. Только партия, вооруженная знанием законов общественного развития, способна осуществлять подлинно научное руководство военным строительством. В ее решениях всестороннее обоснование получили военная политика Советского государства, пути и средства укрепления его обороноспособности, повышения боевой мощи Советской Армии и Флота.

Другой попыткой принизить руководящую роль Коммунистической партии в создании и укреплении Советской Армии и Флота является возрождение буржуазны-

---

[1] «КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза», стр. 349.

[2] «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет, т. III. М., 1962, стр. 312.

ми фальсификаторами легенды о выдающейся роли Троцкого в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны, о том, что якобы он был организатором вооруженных сил Советского государства, руководителем их побед. Особое рвение в этом отношении проявлял Исаак Дейчер, написавший биографию Троцкого в трех томах.

По утверждению Дейчера, «вооруженному пророку» — Троцкому принадлежит заслуга в привлечении старых военных специалистов в ряды армии Советского государства и введении института военных комиссаров, сыгравших решающую роль в создании и укреплении Советской Армии и Флота. В связи с этим Дейчер писал, что Троцкий «прикомандировал к офицерам комиссаров... Троцкий назначил их на все ступени военной иерархии, от командира роты до главнокомандующего». Обозревая деятельность Троцкого в годы борьбы Советской Армии с интервентами и белогвардейцами, Дейчер патетически восклицал, что «он основал великую армию и привел ее к победе» [1].

Разделяя мнение Дейчера, буржуазный военный историк, в прошлом майор английской армии, Эдгар О'Бэлланс пишет, что «Троцкий заслуживает титула «отца Красной Армии»» [2]. Им вторит другой буржуазный историк — преподаватель одного из французских университетов Робер Жан Браду, заявляя, что «Троцкий был организатором Красной Армии» [3]. Явно преувеличивает роль Троцкого и английский историк Вильям Чемберлин в своей книге «Русская революция 1917—1921 гг.» [4].

Вопрос об использовании старых военных специалистов в первые месяцы установления Советской власти решался в неразрывной связи с проблемой возможности использования вообще буржуазных специалистов. Этой проблеме большое внимание уделяли В. И. Ленин, вся партия. Еще весной 1918 г. ЦК РКП(б), обсуждая общую политику партии, рассматривал и вопрос об использова-

---

[1] *Isaac Deutscher.* Trotsky. T. I. Le prophète armé. (1879—1921). Paris, 1962, p. 586.

[2] *Edgar O'Ballance.* The Red Army. A Short History. New York, 1964, p. 39.

[3] *Robert-Jean Bradout.* Les Baïonnettes du Kremlin. Paris, 1964, p. 27.

[4] *W. H. Chamberlin.* The Russian Revolution 1917—1921. Vol. II. New York, 1935, p. 31, 37—38.

нии старых, буржуазных специалистов. В. И. Ленин неоднократно возвращался к этому вопросу, всесторонне обосновывал отношение Коммунистической партии к старым военным специалистам. В проекте Программы партии, принятой VIII съездом, В. И. Ленин по этому поводу писал: «...с одной стороны, не делать ни малейшей политической уступки данному буржуазному слою и беспощадно подавлять всякое контрреволюционное его поползновение, а с другой, также беспощадно бороться с мнимо-радикальным, на самом же деле невежественным, самомнением, будто трудящиеся в состоянии преодолеть капитализм и буржуазный строй, не учась у буржуазных специалистов, не используя их, не проделывая долгой школы работы рядом с ними» [1]. Выступая против пересмотра политики партии в отношении старых военных специалистов, В. И. Ленин в июле 1919 г. писал: «Наша партийная программа как по общему вопросу о буржуазных специалистах, так и по частному вопросу об одной из их разновидностей, о военспецах, с полной точностью определила политику коммунистической партии» [2].

В свете всех этих указаний и заявлений Владимира Ильича полностью лживым выглядит утверждение Дейчера о том, что Ленин «долгое время не высказывался по вопросу использования старых военных специалистов» [3]. Нет, В. И. Ленину, но отнюдь не Троцкому, как хотел убедить Дейчер, принадлежит всесторонняя разработка одной из труднейших проблем революции — проблемы привлечения буржуазной интеллигенции, в том числе и военной, на службу Советской власти.

В равной степени нельзя отнести к заслугам Троцкого введение в Советской Армии и Флоте института военных комиссаров.

Одним из серьезных недостатков в деятельности Троцкого на посту наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета, как это неоднократно указывал ЦК партии, являлось игнорирование военных коммунистов, в том числе и военных комиссаров, пренебрежительное, а подчас и жестокое отношение к ним. Это вызывало резкую критику со стороны партийных организаций, коммунистов.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 98.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 57.

[3] *Isaac Deutscher.* Trotsky. T. I. Le prophète armé (1879—1921), p. 542.

Особенно острой критика была накануне VIII съезда РКП(б). Недовольство деятельностью Троцкого проявилось и при выборах в Центральный Комитет партии. Против его кандидатуры голосовало на съезде наибольшее количество — 50 человек — шестая часть делегатов с правом решающего голоса. Пленум ЦК, состоявшийся после VIII съезда, принял решение, в котором говорилось: «...указать т. Троцкому на необходимость как можно более внимательного отношения к работникам-коммунистам на фронте, без полной товарищеской солидарности с которыми невозможно проведение политики ЦК в военном деле» [1].

Легенда о якобы исключительной роли Троцкого в организации Советской Армии и Флота, в завоевании ими победы не нова. Она была сочинена самим же Троцким в его книжке «Как вооружалась революция». По поводу этой книжки С. И. Гусев писал в 1924 г.: «На протяжении полутора тысяч страниц вы едва ли наберете пару сотен строк, в которых говорится о роли партии, политорганов, комиссаров, коммунистических ячеек, профсоюзов» [2]. Многогранную деятельность партии здесь затмила фигура Троцкого.

Разоблачая созданную Троцким легенду о его роли в борьбе за упрочение Советской власти, К. Е. Ворошилов в заявлении объединенному Пленуму ЦК и ЦКК, состоявшемуся в конце июля — начале августа 1927 г., писал: «Достаточно пробежать хотя бы один том его (Троцкого.— *Ю. П.*) «сочинения» «Как вооружалась революция», чтобы понять эту несложную механику, с помощью которой с исторической сцены исчезает партия, тысячи славных рабочих-коммунистов, сам Ленин и остается один «сказочный герой» Троцкий, который совместно с несколькими меньшего масштаба «героями», большей частью специалистами, «вооружали революцию»».

Решительно выступили военные партийные организации осенью 1924 г. против попыток Троцкого подменить ленинизм троцкизмом, против его домогательств на исключительные заслуги в организации Советской Армии и Флота, их победы над силами внутренней и внешней

---

[1] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 2. М., 1968, стр. 279.

[2] *С. И. Гусев.* Гражданская война и Красная Армия. М.—Л., 1925, стр. 206.

контрреволюции. Партийный актив гарнизона Казани, состоявшийся в ноябре 1924 г., в своем решении подчеркнул: «Собрание считает необходимым особо отметить, что Красная Армия организатором своих побед считает не одно какое-либо лицо, а железный ленинизм, сплоченный в большевистский коллектив» [1].

Осуждая выступления Троцкого против ленинизма, военные коммунисты указывали, что эти действия находятся в тесной связи с его бонапартистскими устремлениями, особенно проявившимися в годы гражданской войны. Совещание начальников политических управлений округов, флотов, комиссаров и начальников политотделов соединений в середине ноября 1924 г. отметило: «Подобные выступления Троцкого, сводящие на нет роль партии в строительстве Красной Армии и тем самым направленные против партии и ее руководящих органов, резко обнаруживают ту тенденцию Троцкого к отрыву военного ведомства от партии, которая лежала в основе расхождения его с ЦК в вопросе военной политики» [2].

Так реагировала партия на стремление Троцкого приписать себе заслугу создания Советской Армии и Флота, сочинить легенду о своей исключительной роли в разгроме контрреволюции. Все потуги фальсификаторов вновь возродить эту легенду обречены на провал.

Реакционные буржуазные историки, стремясь опорочить руководящую роль Коммунистической партии в военном строительстве, обычно противопоставляют партию и армию, рассуждают о каких-то «противоречиях» между партией и армией, между политическим и военным руководством. Например, американский историк Давид Даллин, в прошлом меньшевик, выдающий себя за знатока истории КПСС и Советского Союза, в откровенно антисоветской книге «Россия и послевоенная Европа», которой реакционная печать США дала самые лестные отзывы, видит «противоречия» в советских вооруженных силах между «партийно-коммунистической позицией и национальными тенденциями» [3]. Характерна в этом отношении и книга небезызвестного Рэймонда

---

[1] «Красная звезда», 4 декабря 1924 г.

[2] ЦГАСА, ф. 9, оп 1, ед. хр. 232, л. 49.

[3] *David Dallin.* Russia and Postwar Europe. New Haven, 1948, p. 18.

Л. Гартхофа [1] «Советская военная политика», в которой автор, выдавая желаемое за действительное, противопоставляет политическое руководство военному. Когда же факты не укладываются в его субъективную схему, он твердит о «компромиссе между армией и партией» [2].

Как правило, буржуазные историки, заявляющие о существовании «противоречий» между партией и армией, между партийным и военным руководством, пытаются противопоставить командный состав — партии, командные кадры — политическим кадрам, утверждая, что первые олицетворяют армию, а вторые — партию. Из этой надуманной посылки они выводят затем совершенно абсурдный тезис о неразрешимом конфликте между командирами и политработниками.

О «конфликте» между Центральным Комитетом партии и командным составом Красной Армии, якобы существовавшем при проведении единоначалия в 20-е годы, подробно пишет реакционный французский буржуазный историк, считающий себя знатоком советского военного строительства, М. Гарде. Чтобы обосновать свою точку зрения, он утверждает, что к «1929 году большинство офицерского корпуса было аполитичным, особенно в своих высших рангах: 65 процентов командующих военными округами и корпусами, а также командиров дивизий, бригад и полков не были членами партии» [3]. Тогда же, как пишет далее Гарде, с целью форсировать удельный вес коммунистов среди руководящего состава Советской Армии и Флота, ЦК партии принял решение о «коммунизации командного состава», по которому «впредь только члены или кандидаты в члены партии допускались к замещению постов командующих военными округами, крупными соединениями и корпусами» [4].

На самом деле не было, да и не могло быть, никакого

---

[1] Рэймонд Л. Гартхоф был специальным помощником государственного секретаря США по военно-политическим вопросам, касающимся социалистических стран. Он неоднократно бывал в социалистических странах: в 1959 г. был советником вице-президента США Никсона во время его посещения СССР. Гартхоф — автор ряда книг, в которых рассматриваются в фальсифицированном виде различные аспекты советского военного строительства.

[2] *Raymond L. Garthoff.* Soviet Military Policy. A Historical Analysis. New York, 1966, p. 52.

[3] *Michel Garder.* A History of the Soviet Army. London, 1966, p. 68.

[4] Ibid., p. 68.

«конфликта» между Центральным Комитетом партии и командным составом при проведении единоначалия, ибо само проведение единоначалия означало расширение прав командиров, укрепление их авторитета. В соответствии с решением ЦК партии, принятом в марте 1925 г., контрольные функции комиссаров, как изжившие себя, отменялись полностью. В руках командиров сосредоточивалось как военное, так и политическое руководство войсками [1]. Конкретные мероприятия, проведенные ЦК партии в 1929 г., представляли дальнейший шаг в повышении авторитета командного состава. 25 февраля 1929 г. ЦК, заслушав доклад начальника Политического управления Красной Армии А. С. Бубнова, принял постановление «О командном и политическом составе РККА». В нем, прежде всего, были подчеркнуты дальнейшие успехи в укреплении руководящего состава Красной Армии: «Центральный Комитет констатирует, что с периода военной реформы 1924 г. достигнуты значительные успехи в деле укрепления политического и боевого совершенствования кадров начальствующего состава, в результате чего к настоящему времени РККА обладает подготовленным и политически устойчивым начальствующим составом, вполне обеспечивающим боеспособность армии как орудия пролетарской диктатуры» [2].

О какой же аполитичности командного состава можно говорить! Гарде, выдвигая свой тезис, закрывает глаза на бесспорные факты. Вместо их анализа он попросту пытается уверить читателей, что беспартийность якобы является проявлением аполитичности. Но, право же, это попытка с негодными средствами. Бесспорные факты свидетельствуют о том, что вместе с ростом Советской Армии происходил непрерывный рост политической активности ее командного состава. Введение единоначалия было наглядным свидетельством этого. Командиры теперь непосредственно вели политическую работу среди личного состава, на них возлагалось проведение политических занятий — основной формы политического воспитания красноармейцев. Если в 1921 г. среди руководителей политических занятий с красноармейцами почти не было командиров, то в 1927 г., например, в Бе-

---

[1] До введения единоначалия политическое руководство осуществляли военные комиссары.

[2] «КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза», стр. 258.

лорусском военном округе командиры среди руководителей политических занятий составляли 82%, в Кавказской Краснознаменной армии — 75%, в Северо-Кавказском военном округе — 67%. В дальнейшем процент этот непрерывно увеличивался.

Нельзя не заметить, кроме того, что Гарде для обоснования своего тезиса об «аполитичности» командного состава Красной Армии приводит явно заниженные данные о партийной прослойке среди командиров, берет к тому же эти данные безотносительно к служебным категориям. В действительности уже в 1927 г. партийная прослойка среди командиров корпусов составляла 95%, среди командиров дивизий — 66%, среди командиров полков — 54%. К концу 1928 г. процент командиров-коммунистов в частях и соединениях возрос еще больше.

Наконец, в 1929 г., как и в последующие годы, ЦК партии никакого решения «о коммунизации командного состава», как это голословно утверждает Гарде, не принимал. Наоборот, в период широкого обсуждения вопроса о способах и формах проведения единоначалия Центральный Комитет не согласился с мнением состоявшегося в ноябре 1924 г. совещания начальников политуправлений округов, флотов, комиссаров и начальников политотделов соединений, которое высказалось за то, чтобы единоначалие рассматривалось как совмещение партийно-политического и военного руководства в одном лице, чтобы оно проводилось в рамках лишь партийного состава и распространялось лишь на командиров-коммунистов. ЦК партии принял решение о введении единоначалия как для членов партии, так и для беспартийного командного состава. В постановлении «О командном и политическом составе РККА» он высоко оценил деятельность беспартийных командиров. «Основная масса беспартийного начальствующего состава Красной Армии,— подчеркивалось в постановлении,— полностью доказала преданность Советской власти и в настоящее время активно продолжает свою повседневную работу по укреплению боеспособности Красной Армии»[1]. Далее ЦК партии указывал: «Непрерывное увеличение партпрослойки в комсоставе армии ни в коей мере не исключает, а, наоборот, обязательно предполагает неустанное

---

[1] «КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза», стр. 258.

выдвижение беспартийных командиров, активно и честно выполняющих свои обязанности...» [1]

Все эти факты доказывают полнейшую беспочвенность утверждений Гарде о «конфликте» между ЦК партии и командным составом во время проведения единоначалия, об «аполитичности» командного состава, о том, что ЦК партии принял решение о его «коммунизации».

Многие буржуазные историки, стремясь извратить существо и характер института военных комиссаров в Советской Армии, утверждают, что его введение в начале Великой Отечественной войны было якобы свидетельством «политического кризиса», «недоверия» к командному составу. Особенно настойчив в подобных измышлениях уже знакомый нам Юрген Ровер [2]. Его единомышленник, некий Панас Феденко, подвизавшийся в так называемом «Институте по изучению СССР» в ФРГ, в своей фальсификаторской книге «Новая история КПСС» утверждает, что введение института комиссаров в 1941 г. было вызвано тем, что «нужен был надзор партийных комиссаров над командирами Красной Армии и Флота» [3]. К такой же фальсификации прибегают сотрудники так называемого «Гарвардского русского исследовательского центра» Гарольд Берман и Мирослав Кернер в книге «Советское военное право и управление» [4].

Однако в действительности введение института военных комиссаров в начале Великой Отечественной войны, в июле 1941 г., обусловливалось иными причинами, нежели те, которые придумывают буржуазные фальсификаторы истории. Оно являлось временной мерой, вызванной конкретной обстановкой, необходимостью усилить партийно-политическую работу в войсках. Достаточно обратиться к содержанию положения о военных комиссарах, утвержденного ЦК партии, чтобы убедиться в том, что оно буквально пронизано одной мыслью — мыслью о необходимости дружной совместной работы командира и комиссара по укреплению боеспособности войск, уси-

---

[1] «КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза», стр. 258.

[2] *Jürgen Rohwer.* Die Organisation der sowjetischen Seekriegführung im zweiten Weltkrieg. Beiträge zur Wehrforschung. Bd. IV, S. 146.

[3] *Панас Феденко.* Новая история КПСС. Мюнхен, 1960, стр. 113.

[4] *Harold Berman* and *Miroslav Kerner.* Soviet Military Law and Administration. Cambridge, 1955, p. 16, 21.

лению отпора немецко-фашистским захватчикам. Так оно и было воспринято командным составом Советской Армии и Флота. Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов, командовавший в начале войны 132-й стрелковой дивизией, а затем возглавлявший Генеральный штаб, вспоминая о тяжелых оборонительных боях того периода, писал: «И как раз в это время мы получили сообщение о том, что в Красной Армии снова вводится институт военных комиссаров. Хорошо помню, с каким удовлетворением была встречена эта весть. Ведь каждый командир чувствовал тогда, насколько необходимо было усилить политическое руководство в войсках» [1]. Дружно работали командир и комиссар по укреплению вверенных им войск. Характеризуя свои взаимоотношения с комиссаром И. С. Горбенко, другой талантливый советский военачальник — командир 226-й стрелковой дивизии, впоследствии возглавивший корпус, армию, советские воздушно-десантные войска, генерал армии А. В. Горбатов писал: «Я сразу подружился с ним. Мы вместе переживали и горечь неудачи и радость — когда было чему радоваться» [2].

Грубая ложь о недоверии к командирам, противоречиях, трениях требуется фальсификаторам для того, чтобы принизить роль кадровых работников партии в Советских Вооруженных Силах, их вклад в достижение победы в Великой Отечественной войне, очернить деятельность Коммунистической партии, сумевшей в трудный период начала войны сплотить ряды Советской Армии, организовать отпор фашистскому агрессору. Но никакие измышления наших идейных противников не в состоянии перечеркнуть беспримерный подвиг, который со всеми советскими воинами совершили в годы войны кадровые работники партии в Советской Армии.

Политработники Советской Армии и Флота, в том числе и комиссары, были одновременно и бесстрашными солдатами, с оружием в руках отстаивавшими свою Родину. Их личный пример в бою играл важнейшую роль. Огромные потери политработников на полях сражений Великой Отечественной войны свидетельствуют об их мужестве и бесстрашии в защите Советской Родины. Сто тысяч кадровых работников партии в вооруженных силах

---

[1] *С. С. Бирюзов.* Когда гремели пушки. М., 1961, стр. 29.
[2] *А. В. Горбатов.* Годы и войны. М., 1965, стр. 189.

отдали свою жизнь, защищая социалистическое отечество от гитлеровских оккупантов.

Огромная роль политработников в укреплении Советской Армии и Флота во многом предопределила поистине звериную ненависть к ним со стороны руководителей гитлеровской армии в период Великой Отечественной войны. Рассматривая политработников как важнейших проводников коммунистического влияния в советских вооруженных силах, гитлеровское командование еще до нападения на Советский Союз, 6 июня 1941 г., издало «Директиву относительно обращения с ответственными политическими работниками и прочими лицами» (часто в литературе эту директиву именуют как «приказ о комиссарах»), предусматривавшую поголовное истребление политработников. В директиве говорилось: «Политические руководители в войсках не считаются пленными и должны уничтожаться самое позднее в пересыльных лагерях» [1].

На Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками эта директива была квалифицирована как одно из чудовищных преступлений, ответственность за которое полностью несет командование германской армии. С подобной квалификацией согласен даже такой защитник гитлеровского вермахта, как западногерманский историк Вальтер Герлиц [2].

Однако и по сей день бывшие гитлеровские генералы (Рендулич, Манштейн и др.) пытаются обосновать «законность» приказа о расстреле политработников. Эти попытки не могут не вызвать негодования у всех честных людей, не забывших чудовищные злодеяния фашизма в годы второй мировой войны.

* *
*

Извращение буржуазными фальсификаторами роли Коммунистической партии в Советской Армии и Флоте сопровождается попытками опорочить и партийно-политическую работу в них. Английский историк Дж. Эриксон утверждает, что огромное значение, которое придает-

---

[1] «Судебный процесс по делу верховного командования гитлеровского вермахта». М., 1964, стр. 312.

[2] *Walter Görlitz.* Der zweite Weltkrieg 1939—1945. Bd. I. Stuttgart, 1952, S. 263.

ся политическому воспитанию личного состава в Советской Армии и Флоте, наносит ущерб их боевым качествам. В связи с этим он пишет: «Советское государство выдвинуло на первое место политическую надежность и лишь на второе место действительную эффективность военной машины, так как первое является абсолютным, а второе — лишь относительным» [1].

Историческая действительность опровергает эти измышления.

Создавая Советские Вооруженные Силы, призванные противостоять империалистическому лагерю, способные защитить завоевания народа, Коммунистическая партия, естественно, большое внимание уделяла политическому воспитанию их личного состава. Партия исходила из того непреложного принципа, что боеспособность вооруженных сил в решающей степени зависит от политической подготовки, политической сознательности их личного состава, от понимания им необходимости защиты социалистических завоеваний. «Работа военного обучения и воспитания Красной Армии,— подчеркивалось в Программе партии, принятой на VIII съезде РКП(б),— совершается на основе классового сплочения и социалистического просвещения» [2]. Чтобы Красная Армия «была действительно социалистической...— указывал ЦК РКП(б) еще в период создания вооруженных сил,— нужна партийная работа в ее среде» [3].

Огромное значение политическому воспитанию личного состава Советской Армии и Флота придавал В. И. Ленин. В многочисленных выступлениях, беседах, телеграммах и письмах он постоянно напоминал о необходимости усиления политической работы в армии, улучшения политического воспитания красноармейцев, требовал от реввоенсоветов фронтов и армий, политорганов, местных партийных организаций уделять этому неослабное внимание [4].

На всех этапах военного строительства партия заботилась о сочетании боевой подготовки войск с политическим воспитанием их личного состава. И ныне она про-

---

[1] *John Erickson.* The Soviet High Command. A Military-Political History 1918—1941. London, 1962, p. 375.

[2] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 417.

[3] «КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза», стр. 106.

[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 271; т. 51, стр. 5; т. 39, стр. 56.

являет такую же заботу. В Уставе КПСС записано, что партийные организации Советской Армии «мобилизуют личный состав на выполнение задач боевой и политической подготовки, овладение новой техникой и оружием...» [1]

Именно тесное сочетание политической работы с боевой подготовкой, а не забвение военной стороны, как утверждает Дж. Эриксон, является первостепенным фактором непреоборимой мощи Советской Армии. Благодаря этому воины Советских Вооруженных Сил приобрели те высокие морально-боевые качества, которые позволили им разбить войска интервентов и белогвардейцев, выдержать тяжелые оборонительные бои начального периода Великой Отечественной войны, разгромить армии фашистского блока. Подчеркивая огромное значение победы Советской Армии над объединенными силами внутренней и внешней контрреволюции, ЦК партии в апреле 1921 г. писал: «Все знают, что эта победа стала возможной только благодаря огромной политической работе членов Коммунистической партии, стойкости их, преданности делу революции, героическому примеру, увлекающему сотни тысяч и миллионы бойцов» [2].

Небезынтересно в связи с этим привести слова тех, кто непосредственно сталкивался с Советской Армией и испытал на себе ее удары в годы Великой Отечественной войны. Гитлеровский генерал Л. Рендулич, который на советско-германском фронте командовал дивизией, корпусом, а затем армией, в книге «Сражались, побеждали и были разбиты» вынужден признать: «Большую боеспособность русским солдатам придают политические доктрины... а без идеологии ни один солдат не совершит выдающихся подвигов» [3].

Буржуазные фальсификаторы всячески стремятся опорочить коммунистов и партийные организации Советской Армии и Флота, в многогранной деятельности которых наиболее ярко проявляется руководящая и направляющая роль Коммунистической партии в вооруженных силах. Особенно преуспел в этом неблаговидном деле Л. Шапиро. Весь процесс строительства партийных орга-

---

[1] «Устав Коммунистической партии Советского Союза». М., 1961, стр. 29.

[2] «Правда», 28 апреля 1921 г.

[3] *Lothar Rendulic.* Gekämpft, gesiegt, geschlagen. Wels—Heidelberg, 1952, S. 88.

низаций в период создания Советской Армии и Флота, определение их роли и задач в системе военной организации социалистического государства он сводит к «сопротивлению» армейских коммунистов созданию централизованного партийно-политического руководства. «В течение всего периода гражданской войны и в послевоенный период,— пишет Шапиро,— требования дисциплины вызывали сильное сопротивление, и эффективную централизованную систему партийного подчинения удалось создать лишь несколько лет спустя» [1].

Для подтверждения этого тезиса Шапиро выдвигает абсурдное утверждение, что в Советской Армии существовали «непокорные партячейки», противодействовавшие установлению централизованного партийно-политического руководства, что предоставление Политическому управлению права перераспределять партийные силы «позволило ему рассредоточивать не подчиняющиеся дисциплине группировки» [2].

В необоснованности утверждений Шапиро убедиться нетрудно. Для этого достаточно ознакомиться лишь с некоторыми моментами истории партийного строительства в Советской Армии.

Создавая впервые в истории вооруженные силы социалистического государства, Коммунистическая партия не имела опыта строительства в них своих организаций. В этих условиях, вполне естественно, были поиски наиболее целесообразных форм, а также методов работы военных партийных организаций. Но уже с самого зарождения Советских Вооруженных Сил коммунисты, направленные туда партией, стремились создать централизованное, гибкое и эффективное руководство партийно-политической работой в войсках.

Вначале руководство партийными организациями действующей армии, как и в тылу, принадлежало местным партийным комитетам. Однако практика показала, что они не в состоянии в должной мере обеспечить это руководство. Оно затруднялось маневренным характером боевых действий, оторванностью частей от населенных пунктов. К тому же руководство со стороны местных комитетов зачастую было недостаточно конкретным,

---

[1] *Leonard Schapiro*. The Communist Party of the Soviet Union. London, 1963, p. 259

[2] Ibid., p. 259—260.

слабо увязывалось с военными задачами. На эти обстоятельства прямо указывалось в решениях ряда местных партийных организаций [1].

Стремясь создать централизованное партийно-политическое руководство, отвечающее характеру военной организации, коммунисты перенесли в действующую армию схему местных территориальных организаций. Это привело к возникновению дивизионных и армейских партийных комитетов. Одновременно с ними появились политотделы фронтов, армий, дивизий, обладающие главным образом политико-административными функциями. Практика подтвердила, что там, где политотделы брали на себя и партийные функции, партийно-политическое руководство было более действенным и эффективным.

Обобщая опыт работы в армии, ЦК партии 25 октября 1918 г. принял решение, в котором определил строение партийных организаций в вооруженных силах. Руководящими органами партии в армии становились политотделы. В развитие этого постановления Центральный Комитет РКП(б) в январе 1919 г. утвердил инструкцию партийным ячейкам красноармейских частей фронта и тыла, в которой всесторонне характеризовались содержание, формы и методы работы военных партийных организаций. Инструкция устанавливала в действующей армии централизованное партийно-политическое руководство (экстерриториальное) в соответствии с линией подчинения военного командования: Политическое управление Реввоенсовета республики, политотделы фронта, армии, дивизии и, наконец, партийные организации частей.

Эти решения ЦК партии были положительно встречены всеми коммунистами армии и флота, о чем свидетельствует резолюция съезда коммунистов 3-й армии, состоявшегося в феврале 1919 г., и решения других армейских партийных организаций [2]. Инструкция ЦК была одобрена и VIII съездом РКП(б), среди делегатов которого было много армейских коммунистов. «Одобряя в общем и целом,— говорилось в его решении,— выработанное Центральным Комитетом положение о правах и обязанностях коммунистических ячеек, комиссаров и политических отделов, съезд вменяет в обязанность всем

[1] См. «Правда», 17 января 1919 г.; «Партийно-политическая работа в Красной Армии (апрель 1918 — февраль 1919)». Документы. М., 1961, стр. 243—244.

[2] См. «Правда», 23 февраля 1919 г.

товарищам, работающим в армии, неуклонно сообразовываться с указанным положением»[1].

Вот так складывалась система партийно-политического руководства в действующей армии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. И никакого сопротивления со стороны армейских коммунистов этому закономерному процессу, вопреки утверждению Шапиро, не было. А отсюда, естественно, не могло быть и «непокорных» партийных организаций, выступающих против централизованного руководства, и связанных с этим перемещений коммунистов.

После разгрома интервентов и белогвардейцев экстерриториальная система руководства была сохранена для всех полевых частей и соединений. В 1924 г., в соответствии с решением ЦК партии, централизованное партийно-политическое руководство через соответствующие политорганы распространяется и на все остальные военные партийные организации. Причем какого-либо несогласия, а тем более сопротивления армейских коммунистов, о чем пишет Шапиро, и на этот раз не было.

Так же несостоятельны попытки Шапиро противопоставить «непокорных» коммунистов, находившихся в армии, «более послушным» коммунистам, прибывшим в нее по партийным мобилизациям, проводимым в 1919 г. Ни в одном документе периода иностранной военной интервенции и гражданской войны не упоминается о разделении партийных коммунистов на такие категории. Наоборот, неизменно подчеркивается понимание всеми армейскими коммунистами, направленными по партийным мобилизациям в Советскую Армию, задач партии по организации разгрома объединенных сил внутренней и внешней контрреволюции. При этом особо отмечается огромная роль прибывших по партийным мобилизациям коммунистов в создании и укреплении партийных организаций действующей армии, в повышении ее боеспособности. В. И. Ленин, ЦК партии высоко оценивали их дисциплинированность, умение сплотить красноармейские массы, внести в них организованность, добиться перелома в бою[2]. Оценивая роль мобилизованных коммунистов в укреплении Советской Армии, ЦК партии писал в

---

[1] См. «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 436.

[2] См. «Правда», 24 апреля 1918 г.; *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 70.

конце 1919 г.: «Без этих мобилизаций мы не сделали бы ни шагу вперед» [1].

Такова была действительная роль мобилизованных партией коммунистов в укреплении Советской Армии в 1918—1919 гг. В армию направлялись лучшие силы партии, наиболее самоотверженные и стойкие коммунисты.

Лживо освещает Шапиро и отношение армейских коммунистов к так называемому циркуляру № 200, изданному начальником Политического управления Красной Армии В. А. Антоновым-Овсеенко в декабре 1923 г. без согласования с ЦК и вопреки его мнению. В этом циркуляре В. А. Антонов-Овсеенко, разделявший в то время взгляды Троцкого, ревизовал основы партийного строительства в Советской Армии и Флоте. Он предлагал военным партийным организациям обсудить вопрос об установлении подчиненности политических органов и военных комиссаров партийным ячейкам, о передаче партийных функций политотделов партийным комиссиям. Выдавая желаемое за действительное, Шапиро так пишет по поводу циркуляра № 200: «Армейские коммунисты, крайне недовольные контролем центральных партийных органов над их политическими организациями, с энтузиазмом приветствовали возможность подвергнуть критике централизованную систему партийного подчинения» [2].

Разумеется, Шапиро ничем не подтверждает эту выдумку, ибо факты говорят противоположное. Как реагировали, например, коммунисты крупнейшего в стране Петроградского военного округа на циркуляр № 200? Партийный актив этого округа, состоявшийся 11 января 1924 г., принял следующую резолюцию: «Заслушав доклад по циркуляру ПУРа за № 200 и обсудив его по пунктам, совещание находит, что проведение в жизнь принципиальной линии этих тезисов, вытекающих из них мероприятий, отбросило бы армейский аппарат к 1918 году» [3]. «Политическая ошибочность тезисов ПУРа,— заявил актив,— грозит серьезными последствиями для

---

[1] «Известия Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков)», 22 декабря 1919 г.

[2] *Leonard Schapiro.* The Communist Party of the Soviet Union, p 326.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 60, ед. хр. 3, ч. 1, л. 95.

армии»[1]. Осужден был циркуляр и в дивизиях. Совещание партийных работников 16-й стрелковой дивизии, обсудив этот документ, постановило: «Принципиальную часть тезисов и вредные практические предложения осудить и отвергнуть»[2].

Решительно осудило циркуляр № 200 подавляющее большинство армейских и флотских партийных организаций. Лишь отдельные коммунисты разделяли взгляды Антонова-Овсеенко, да и они очень скоро убедились в их ошибочности. В связи с этим Политическое управление Красной Армии в мае 1924 г. писало, что «колебания отдельных товарищей и выявившиеся вредные уклоны в понимании задач армейского партстроительства без особых затруднений изживались внутренними силами и общим влиянием самих парторганизаций частей и политорганов»[3].

Где же здесь недовольство армейских коммунистов центральными партийными органами, о котором пишет Шапиро, где здесь «энтузиазм» в якобы положительной оценке циркуляра № 200? Как мы видим, ничего подобного в действительности не было.

Ложными от начала до конца являются и строки Давида Даллина, характеризующие военно-мобилизационную деятельность Коммунистической партии в годы Великой Отечественной войны. Этот автор утверждает, что Коммунистическая партия в те годы боялась посылать коммунистов на фронт, ибо это, по мнению Даллина, грозило «подорвать» советскую систему[4]. Кощунственно звучит эта выдумка, если вспомнить, какие огромные потери понесла наша партия, посылая лучших своих сынов на передний край борьбы с врагами социалистической Родины. В борьбе с интервентами и белогвардейцами погибло около 200 тыс. армейских коммунистов. Еще большие потери понесла партия в годы Великой Отечественной войны. Только в первые шесть месяцев войны погибло свыше 500 тыс. членов и кандидатов партии. А всего за время Великой Отечественной войны около 2 млн. коммунистов отдали жизнь на полях сражений.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп 60, ед. хр. 3, ч. 1, л. 79
[2] ЦГАСА, ф. 9, оп. 3, ед. хр 175, л. 7.
[3] Там же.
[4] См. *David Dallin.* Russia and Postwar Europe, p. 19.

Вполне естественно, что столь большие потери военных коммунистов в боях требовали соответствующего пополнения. Одним из средств укрепления Советской Армии партия считала перемещение коммунистов из территориальных в военные партийные организации. Это она делала как в годы иностранной военной интервенции, так и в годы Великой Отечественной войны. За период интервенции и гражданской войны было направлено из тыла в действующую армию более 260 тыс. коммунистов. Это перемещение коммунистов с фабрик, заводов, из учреждений на фронт партия производила в условиях, когда еще только складывалось Советское государство, существовали враждебные классы. И от этого, как бы ни хотелось Даллину, «советская система не подрывалась»!

Используя опыт укрепления Советских Вооруженных Сил в годы иностранной военной интервенции, партия прибегла к этому испытанному средству и в период Великой Отечественной войны. В тот период было перемещено из территориальных партийных организаций в военные значительно больше коммунистов, чем в годы интервенции. Основное перераспределение было произведено в первые шесть месяцев войны. За это время в Советскую Армию и Флот с фабрик, заводов, из советских и партийных учреждений было послано 1100 тыс. членов и кандидатов партии, а всего за время войны — более 1600 тыс.— подавляющая часть членов и кандидатов партии, годных к несению военной службы, свыше половины состава партии накануне войны. В тылу, по сути дела, оставались из коммунистов главным образом женщины, а также мужчины, по возрасту и состоянию здоровья не годные к несению военной службы.

Такова действительность, опровергающая утверждения Даллина о боязни партии посылать на фронт коммунистов.

Явно обманывает Даллин читателей и тогда, когда утверждает, что по мере развертывания Советских Вооруженных Сил в связи с начавшейся войной против гитлеровской Германии «относительная величина парторганизаций уменьшилась», что численность коммунистов в годы Великой Отечественной войны в Советской Армии и Флоте была ниже по сравнению с довоенным периодом [1].

[1] *David Dallin.* Russia and Postwar Europe, p. 19.

Эта версия также легко опровергается фактами. Если удельный вес коммунистов Советской Армии накануне нападения гитлеровской Германии на СССР составлял 12,7%, то с начала Великой Отечественной войны идет непрерывное увеличение партийной прослойки, и уже в 1943 г. члены и кандидаты партии составляли в армии четвертую часть всего личного состава.

В период Великой Отечественной войны не только увеличивалась «относительная величина» коммунистов в Советской Армии и Флоте, но рос и удельный вес военных партийных организаций в составе всей партии. Если накануне войны в Советской Армии и Флоте находилось 15% состава партии, то к концу 1942 г.— половина партии, через год еще больше — 53%.

Коммунистическая партия всегда сосредоточивала свои основные, лучшие силы на решающих участках, там, где решалась судьба страны, судьба народа. Здесь же в первую очередь цементировалось единство партии и народа, которое было и остается источником всех побед. Вопреки этой очевидной истине Робер-Жан Браду заявляет о каком-то «недоверии» личного состава Советской Армии и Флота к Коммунистической партии в начале Великой Отечественной войны. «В начале войны с Германией,— пишет он,— солдаты, младшие офицеры и даже средние офицеры Красной Армии начали сомневаться в своих руководителях и в непогрешимости Коммунистической партии» [1]. Но, в чем проявлялось это «сомнение», Браду так и оставляет без ответа.

Факты же говорят обратное: в начальный, наиболее тяжелый период Великой Отечественной войны личный состав Советской Армии и Флота, как и весь советский народ, еще теснее сплотился вокруг Коммунистической партии, поддержал ее. Эта поддержка нашла свое выражение в массовом стремлении советских воинов вступить в ряды партии, взять на себя преодоление тех трудностей, которые выпали на ее долю. В августе 1941 г. партийные организации Западного фронта, прикрывавшего важнейшее, московское направление, приняли в свои ряды в 5 с лишним раз больше, чем в предшествующий месяц, а в сентябре — в 7 раз больше. Всего военные

---

[1] *Robert-Jean Bradout*, Les Baïonnettes du Kremlin, p. 59.

партийные организации во второй половине 1941 г. приняли в кандидаты партии в 4 раза больше, чем в первом полугодии: армейские партийные организации — 126 625 красноармейцев и командиров, флотские — 10 500.

Некоторые буржуазные историки, а также западные дипломаты, находившиеся в СССР в годы Великой Отечественной войны и позднее подвизавшиеся в качестве «исследователей» советского общества, пытались ослабить значение такого огромного притока в партию лучших советских воинов. Так, поверенный в делах США в Советском Союзе Тэрстон в январе 1942 г. сообщал государственному секретарю Соединенных Штатов: «Усилия, которые прилагает печать для того, чтобы показать, что «лучшие солдаты» вступают теперь в партию, являются, по-видимому, попыткой реабилитировать партию в глазах командного состава» [1]. Такая версия и поныне повторяется в ряде исторических трактатов, издаваемых на Западе. Однако осталась она столь же далекой от истины, как и более четверти века назад.

Огромный приток в партию отличившихся в боях советских воинов не был «показным». В нем проявилась закономерность развития партии, в ряды которой наибольший приток наблюдается в самые тяжелые и ответственные периоды истории Советской Родины.

Мы уже показали, как пополнялась партия во второй половине 1942 г. В дальнейшем ее рост продолжался. В первые шесть месяцев 1942 г. кандидатами в члены ВКП(б) было принято 448 690, а в члены партии 15 650 воинов Советской Армии и Флота — в 3 раза больше, чем за первые шесть месяцев войны. Во второй половине 1942 г. приток в партию еще более увеличился: в члены ВКП(б) было принято 253 226 и в кандидаты — 640 238 советских воинов. Еще больший рост рядов партии наблюдался в 1943 г.

Всего за четыре года войны партийные организации Советской Армии и Флота приняли в кандидаты партии 3 869 200 и в члены партии 2 511 900 человек — в 4 раза больше, чем было принято за все время до начала Великой Отечественной войны. Это число составляло четыре пятых всех принятых в партию за годы войны и половину принятых за годы мирного социалистического строитель-

---

[1] "Foreign Relations of the United States". Diplomatic Papers, 1942. Vol. III. Washington, 1961, p. 409.

ства — от разгрома иностранных военных интервентов до Великой Отечественной войны. Вот яркое подтверждение авторитета Коммунистической партии в годы Великой Отечественной войны. Ни одна партия в истории не могла так завладеть сердцами воинов, так расти в годину величайших испытаний для своей страны, как ленинская партия коммунистов.

* *
*

Все измышления буржуазных историков, затрагивающих вопросы советского военного строительства, направлены на то, чтобы дискредитировать военную организацию первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян, ослабить впечатление от тех громадных успехов, которых она достигла за время своего существования. Но как бы ни изощрялись в своих «изысканиях» фальсификаторы, их опровергает сама жизнь, факты исторической действительности. Дважды разгромив вооруженные силы империализма, пытавшиеся уничтожить наше государство, Советская Армия и Флот являются сейчас важнейшими гарантами мирного труда советских людей и народов всего социалистического содружества. Руководство Коммунистической партии вооруженными силами — важнейший источник могущества Советской Армии и Флота. Непоколебимая идейная убежденность военных кадров, их единство и сплоченность вокруг Коммунистической партии, высокая политическая сознательность всего личного состава, всенародная поддержка — вот та сила, которая всегда обеспечивала и будет обеспечивать непобедимость социалистической армии, стоящей на страже великих завоеваний социализма.

Г. Г. Алахвердов,
П. С. Кольцов

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ПРИНЦИПОВ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АМЕРИКАНСКИМИ ИДЕОЛОГАМИ АНТИКОММУНИЗМА

Рожденное в огне Великой Октябрьской социалистической революции Советское государство неизменно проводит миролюбивую внешнюю политику, которую вырабатывает КПСС на основе марксистско-ленинского учения, исходя из коренных интересов советского народа, интернационального революционного долга перед братскими социалистическими странами и трудящимися всего мира. «Внешняя политика Советского государства,— говорится в резолюции XXIII съезда КПСС,— имеет своей целью обеспечить, вместе с другими социалистическими странами, благоприятные международные условия для построения социализма и коммунизма; крепить единство и сплоченность социалистических стран, их дружбу и братство; поддерживать национально-освободительные движения и осуществлять всестороннее сотрудничество с молодыми развивающимися государствами; последовательно отстаивать принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем, давать решительный отпор агрессивным силам империализма, избавить человечество от новой мировой войны» [1].

Внешняя политика Советского Союза, его успехи в строительстве коммунизма оказывают большое воздействие на ход борьбы за дело мира, за демократию, национальную независимость и социализм во всем мире. Эти успехи в значительной мере способствуют тем огромным изменениям на международной арене, которые характеризуются дальнейшим ростом могущества социалистической системы, укреплением всех революционных сил современности, ослаблением позиций империализма.

[1] «XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет, т. II. М., 1966, стр. 304.

Не случайно одним из ярких проявлений антикоммунизма является фальсификация советской внешней политики. В настоящей статье рассматриваются некоторые концепции американских идеологов антикоммунизма, направленные на извращение принципов мирного сосуществования и пролетарского интернационализма во внешнеполитической деятельности КПСС и Советского государства на современном этапе.

* *
*

Попытки империалистов оклеветать миролюбивую советскую внешнюю политику имеют давнюю историю. На заре Советской власти, когда сведения о социалистической революции в России с трудом доходили до населения американского материка, защитники «свободного мира» не очень-то утруждали себя в изобретении фальшивок о красной дипломатии. Почти любой вымысел сходил им с рук, и миф о «большевистской угрозе», нередко доведенный до абсурда капиталистической прессой и сдобренный россказнями белоэмигрантов, довольно долго владел умами среднего американца. Во всяком случае, дезинформация была не последней из причин, задержавших на многие годы признание Советского Союза Соединенными Штатами Америки. Дезинформация и в наши дни играет немалую роль в общественной жизни США. Следует учесть, что из 20 с лишним тысяч периодических изданий в этой стране подавляющее большинство газет и журналов сосредоточено в руках газетных трестов и издательских концернов, прямо и открыто связанных с финансово-промышленными кругами, а прогрессивные органы печати насчитываются единицами и имеют довольно ограниченные тиражи [1]. Кроме того,

---

[1] Тиражи крупнейших буржуазных газет: «Нью-Йорк таймс» — от 650 тыс. до 1 млн. 300 тыс. экземпляров (по воскресным дням), «Нью-Йорк геральд трибюн» — от 307 до 385 тыс., «Уолл-стрит джорнэл» — свыше 830 тыс., «Чикаго трибюн» — от 836 тыс. до 1 млн. 150 тыс.; журналов: «Тайм» — 3 млн., «Лайф» — 7,3 млн., «Лук» — 7,5 млн., «Ридерс дайджест» — 15 млн. экземпляров (только в США, не считая международных изданий). Тиражи прогрессивных изданий: газеты «Уоркер» — 15 тыс. экземпляров; журналов «Политикл афферс» — 5 тыс., «Нью-уорлд ревью» — 5,2 тыс. экземпляров (см. «Международная жизнь», 1966, № 1, стр. 141—144). Многие газеты и журналы США издаются в различных странах мира. Только ЮСИА

в сущности в тех же самых руках находятся такие важные и мобильные средства пропаганды, как радио, телевидение и кино. Отсюда станет понятным, сколь велика мощь этого изощренного аппарата идеологической обработки масс в царстве доллара.

Однако только лишь примитивная стряпня журналистов, живущих сенсациями одного дня, не могла удовлетворять правящие круги Соединенных Штатов. Уже в тридцатые и сороковые годы, а особенно после второй мировой войны, в связи с расширением международных контактов и ростом влияния коммунистической идеологии во всем мире потребовались более тяжеловесные и дальнобойные орудия. В поддержку желтой прессы были двинуты научные силы, призванные «теоретически» обосновать антисоветскую политику. Так появились на свет различного рода исследовательские центры, в том числе специализирующиеся непосредственно на изучении и фальсификации внешней политики СССР и других социалистических стран [1]. Они выпускают многочисленные и весьма солидные по объему труды видных буржуазных историков и социологов, преследующие цель подорвать все более усиливающееся в мире доверие к советской внешней политике и обосновать политику гонки вооружений и подготовки термоядерной войны, проводимую империалистической реакцией.

Идеологи антикоммунизма упорно и настойчиво пытаются внушить читателю мысль, будто проводимая СССР политика мирного сосуществования государств с различным социальным строем является лишь тактическим маневром советской внешней политики и несовместима с ее истинными целями. Группа американских

имеет 233 отделения в 112 странах и насчитывает около 12 тыс. сотрудников в центральном аппарате и его местных отделениях. Оно издает более 20 газет и 80 журналов (см. «Международная жизнь», 1967, № 6, стр. 102—103).

[1] Среди этих учреждений и организаций выделяются такие крупные, как Совет по внешним сношениям, центры по исследованию международных отношений в Гарвардском университете и Технологическом институте (Кэмбридж, штат Массачусетс), в Принстонском университете (штат Нью-Джерси), в Гудзоновском институте (г. Нью-Йорк), так называемая РЭНД-корпорейшн. Причем, хотя многие из них существуют на средства частных фондов, все они работают под негласным контролем и влиянием Центрального разведывательного управления и госдепартамента (см. «Мировая экономика и международные отношения», 1967, № 8, стр. 107—108).

«специалистов» по Советской России утверждает, например, что определяющая внешнюю политику СССР «коммунистическая стратегия базируется на невозможности мирного сосуществования»[1]. Эта модернизация затасканных басен о «коммунистической угрозе» и «экспорте революции» нужна буржуазным фальсификаторам для того, чтобы спекулировать на недостаточной осведомленности широкой публики о принципах коммунизма и на ее незнании фактов советской истории. Противопоставляя друг другу отдельные выхваченные из контекста ленинские цитаты, они совершают научный подлог, как это делает, например, буржуазный историк Я. Либрех, усматривающий ни много ни мало невозможность мирного сосуществования в самой ленинской теории социалистической революции[2].

Утверждения подобного рода ничего общего с истиной не имеют и построены на сознательном искажении исторической действительности. Еще до победы Октябрьской революции В. И. Ленин в своих работах «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (1915 г.) и «Военная программа пролетарской революции» (1916 г.) выдвинул положение о возможности победы социалистической революции первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой стране. «Развитие капитализма,— писал он, анализируя эпоху империализма,— совершается в высшей степени неравномерно в различных странах. Иначе и не может быть при товарном производстве. Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно *во всех* странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными»[3]. В. И. Ленин решительно отвергал всякого рода теории «подталкивания революции». «...Тот русский,— указывал Ленин в апреле 1918 года,— который задумал бы, исходя из русских сил, ставить задачу свержения международного империализма, был бы человеком, сошедшим с ума»[4]. Вождь Коммунистической партии показал, что революции не делаются по заказу, а зависят от целого ряда объективных причин, от степени

---

[1] "Soviet Power and Soviet Policy". N. Y., 1955, p. 18.
[2] См. *J. Librach.* The Rise of the Soviet Empire. L., 1965, p. 9.
[3] *В. И. Ленин* Полн. собр. соч , т. 30, стр. 133.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 253.

обострения внутренних противоречий и наличия в той или иной стране классовых сил, способных совершить революцию.

Признавая неизбежность параллельного существования государств с различным социальным строем в течение определенного исторического периода, В. И. Ленин считал, что единственно разумной политикой в этих условиях является политика их мирного сожительства, основанная на соревновании между социализмом и капитализмом. В. И. Ленин не сомневался, что в ходе этого соревнования силы социализма и мира будут постоянно крепнуть и достигнут решающего превосходства над силами империализма и войны. Международные экономические, торговые, научно-технические отношения с буржуазными странами Ленин рассматривал в качестве экономической основы мирного сосуществования.

Призывая расширять взаимовыгодные деловые связи с капиталистическим миром, Ленин в то же время подчеркивал, что Советское правительство должно проводить твердую и гибкую политику, обеспечивающую сохранение и укрепление всех завоеваний социалистической революции. В. И. Ленин всегда считал, что мирное сосуществование отнюдь не означает примирения между двумя социальными системами, не свидетельствует о какой-либо сдаче социалистическим государством своих классовых позиций. Напротив, Ленин рассматривал его как специфическую форму острой классовой борьбы между социализмом и капитализмом на международной арене, но борьбы, ведущейся не военными, а мирными средствами.

В. И. Ленин не только обосновал необходимость и возможность мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Он был самым активным проводником этого принципа в жизнь. С именем Ленина связано появление всемирно известного Декрета о мире, заключение первых мирных и торговых договоров Советской республики с капиталистическими странами, ее предложения о всеобщем и полном разоружении и осуждение войны как орудия национальной политики. В произведениях Ленина, а также в официальных заявлениях Советского правительства, которое он возглавлял, неоднократно выдвигалась идея мирного сосуществования как одно из начал внешней политики социалистиче-

ского государства. В суровом 1920 г., когда империалисты всех стран сделали очередную попытку задушить Советскую Россию и тем самым ликвидировать в зародыше эту идею, народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин заявил: «Наша политика есть по-прежнему политика мира, и это знают все. Мы хотим одного. Мы хотим, чтобы нам не мешали развиваться так, как мы желаем, строить в мире наше новое, социалистическое общество. Мы не несем ни своего строя, ни своей власти на штыках... Наш лозунг был и остается один и тот же: мирное сосуществование с другими правительствами, каковы бы они ни были» [1].

Ленинский принцип мирного сосуществования и поныне остается одним из руководящих принципов советской внешней политики, что отражено в Программе КПСС и других известных всему миру официальных документах партии и Советского правительства, в том числе в документах XXII и XXIII съездов КПСС [2].

Естественно, что перед лицом подобных фактов открыто нападать на ленинский принцип мирного сосуществования становится все труднее. В последнее время некоторые американские идеологи антикоммунизма, пытаясь скомпрометировать миролюбивую внешнюю политику СССР, стремятся доказать, будто внешнеполитические цели Советской страны переменились и иными стали методы осуществления политики мирного сосуществования. Если раньше, утверждают они, советские руководители использовали лозунг мирного сосуществования, для того чтобы скрыть свою слабость, добиться передышки и накопить силы, то теперь их политика приобретает все более агрессивный характер, становится «сложной и утонченной доктриной агрессии и наступления» [3].

По словам апологетов антикоммунизма, Советский Союз, вынужденный считаться с мощью ядерного оружия, стал на путь длительной «осады» капиталистических стран, решил заранее не устанавливать точной даты

---

[1] *Г. В. Чичерин.* Статьи и речи. М., 1961, стр. 144—145.

[2] См. «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет, т. III. М., 1962, стр. 271—272; «XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет, т. I, стр. 44; т. II, стр. 304.

[3] *J. Dougherty, J. Lehman* (eds.). The Prospects for Arms Control. N. Y., 1965, p. 107.

для достижения своей основной цели — завоевания мирового господства [1]. Группа экспертов по внешнеполитическим вопросам Пенсильванского университета (Р. Страус-Хюпе, У. Кинтнер, Д. Догерти, А. Котрелл) разработала даже особую теорию «стратегии затяжного конфликта» [2], которая воспринята ныне многими реакционными историками США. Согласно этой теории, СССР осуществляет наступление на «свободный мир», используя самые различные средства — начиная от наиболее окольных, более политических, и кончая разжиганием национально-освободительных войн в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Наряду с этим имеются и такие представители современного антикоммунизма, которые пытаются представить дело таким образом, что-де политика мирного сосуществования имеет своей целью «не только подчинение свободных наций коммунизму без мировой войны, но и оправдание возможности войны, если другие средства навязать свою власть окажутся тщетными» [3]. Борьбу СССР за мир они рисуют как «эксплуатацию страха людей перед ядерным хаосом» [4], как средство «навербовать себе сторонников для будущей войны» [5]. «С самого начала следует усвоить,— запугивает своих читателей американский профессор Л. Буденз,— что советский коммунизм стремится захватить контроль над всем миром...» [6] Поэтому, по его словам, «Соединенные Штаты будут терпеть поражение за поражением, пока они не поймут, что мирное сосуществование служит целям войны, а не мира...» [7].

Обращает на себя внимание то, что в этих рассуждениях содержится признание роста могущества Советского Союза и мировой системы социализма. Что же касается понятия «силы» и «слабости», то нелишне вспомнить, что́ говорил В. И. Ленин в 1921 г., анализируя причины

---

[1] См. "Russia under Khrushchev. An Anthology from "Problems of Communism". Edited by A. Brumberg. N. Y., 1962, p. 19.

[2] См. *R. Strausz-Hupé, W. Kintner, J. Dougherty, A. Cottrell.* Protracted Conflict. N. Y., 1959, p. 25.

[3] *J. Librach.* Op. cit., p. 315.

[4] "The Profile of Communism: A Fact-by-Fact Primer". N. Y., 1961, p. 38.

[5] *E. R. Goodman.* The Soviet Design for a World State. N. Y., 1961, p. 301.

[6] *L. F. Budenz.* The Bolshevik Invasion of the West. New Jersey, 1966, p. 2.

[7] Ibid., p. 193.

победы Советской страны над интервентами и белогвардейцами. «Материально,— подчеркивал В. И. Ленин,— в отношении экономическом и военном мы безмерно слабы, а морально,— не понимая, конечно, эту мысль с точки зрения отвлеченной морали, а понимая ее, как соотношение реальных сил всех классов во всех государствах,— мы сильнее всех. Это испытано на деле, это доказывается не словами, а делами, это уже доказано раз, и, пожалуй, если известным образом повернется история, то это будет доказано и не раз» [1].

Империалистические пропагандисты в те далекие годы объясняли миролюбие Советской страны ее слабостью и не раз обжигались на этом. О слабости Советов твердили интервенты и белогвардейцы и потерпели поражение. На слабость социалистического государства рассчитывали Гитлер и его клика и оказались сметенными с лица земли. Теперь уже не говорят о слабости Советского Союза, но намекают, что он-де наращивает свою мощь, чтобы завоевать мировое господство. Цели внешней политики СССР были и остаются неизменными. Но, меряя на свой аршин, идеологи антикоммунизма в каждом шаге советской дипломатии склонны видеть элементы «двойной бухгалтерии». Некоторые из них, соглашаясь на словах признать принцип мирного сосуществования, требуют, чтобы Советский Союз отказался от идеологической и классовой борьбы, от поддержки национально-освободительного движения [2]. Шаг навстречу подобным требованиям означал бы капитуляцию перед силами империализма, отказ от коммунистической идеологии, от завоеваний социалистической революции.

КПСС и Советское правительство последовательно и неизменно проводят курс на мирное сосуществование государств с различным общественным строем. «Это значит,— говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду партии,— что Советский Союз, рассматривая сосуществование государств с различным общественным строем как форму классовой борьбы между социализмом и капитализмом, вместе с тем последовательно выступает за поддержание нормальных, мирных отношений с капиталистическими странами, за решение спорных

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 300.

[2] См. *M. Lindsay.* Is Peaceful Co-existence Possible? Michigan State University Press, 1960, p. 128; *D. J. Dallin.* Soviet Foreign Policy after Stalin. Philadelphia—Chicago—New York, 1961, p. 530.

межгосударственных вопросов путем переговоров, а не путем войны. Советский Союз твердо стоит за невмешательство во внутренние дела всех государств, за уважение их суверенных прав и неприкосновенности их территорий» [1].

Марксистско-ленинское учение всегда исходило из того непреложного факта, что внешняя политика каждого государства вытекает из основ его общественного и государственного строя. В социалистическом государстве нет таких классовых и общественных групп, которые были бы заинтересованы в нападении на другие страны, в захвате колоний. Самой природе социалистического общества не может быть присуща какая-либо «агрессивность», какое-либо стремление силой насаждать свой режим в других странах. В свое время Ф. Энгельс подчеркивал, что «победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своеи собственной победы» [2].

Что же касается басен о «коммунистической угрозе Западу», под которой разумеется мнимая агрессивность Советского Союза, то они нужны буржуазным идеологам прежде всего для того, чтобы замаскировать деградацию капиталистического общества, вытекающую из объективных законов общественного развития. «Господство капитализма,— указывал В. И. Ленин,— прекратить было бы невозможно, если бы к этому не вело все экономическое развитие капиталистических стран... Никакая сила не разрушила бы капитализм, если бы его не подмыла и не подрыла история» [3].

И разумеется, там, где речь идет об идеологической борьбе или о внутренних процессах классовой и национально-освободительной борьбы в капиталистических странах и колониях, никакого мирного сосуществования не может быть. Принцип мирного сосуществования неприемлем в отношениях между угнетателями и угнетенными, между колонизаторами и жертвами колониального гнета.

Коммунистическая партия Советского Союза и Советское правительство, руководствуясь заветами

---

[1] «XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза», Стенографический отчет, т. I, стр. 44.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 35, стр. 298.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, стр. 99.

В. И. Ленина, решительно выступают как против «подталкивания» революции, ее экспорта, так и против экспорта контрреволюции, означающего попрание принципов мирного сосуществования и ведущего к развязыванию войны между государствами. Коммунистическая партия Советского Союза «считает своим интернациональным долгом призывать народы всех стран сплачиваться, мобилизовать все внутренние силы, активно действовать и, опираясь на мощь мировой социалистической системы, предотвратить или дать решительный отпор вмешательству империалистов в дела народа любой страны, поднявшегося на революцию» [1].

По мере расширения и упрочения социалистической системы мирное сосуществование не только не утрачивает своего значения, а, наоборот, становится объективной необходимостью развития человеческого общества. Во внешней политике КПСС и Советского правительства мирное сосуществование играет роль не «тактического лозунга», как это изображают идеологи антикоммунизма, а единственно возможной альтернативы опустошительной войны.

Курс на мирное сосуществование государств с различным общественным строем открывает благоприятные перспективы для предотвращения термоядерной войны, для укрепления и успешной борьбы всех сил, выступающих против империализма, за мир, демократию и социализм.

Будучи не в силах опорочить идею мирного сосуществования и практическое воплощение этой идеи ленинской Коммунистической партией и Советским правительством, идеологи империализма идут по пути новых фальсификаций, пытаясь противопоставить принцип мирного сосуществования принципу пролетарского интернационализма, а цели масс, борющихся за свое социальное и национальное освобождение,— целям внешней политики СССР.

«Теоретической» основой для фальсификаторов служат лживые утверждения о том, что якобы одним из главных стимулов внешней политики СССР в настоящее

---

[1] «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет, т. III, стр. 256.

время является «национализм», который почти не отличается от национализма и панславизма царской России [1].

В объемистой монографии профессора Висконсинского университета Джона Армстронга «Политика тоталитаризма. Коммунистическая партия Советского Союза с 1934 г. по настоящее время» говорится, что во внешнеполитическом курсе КПСС «прежняя преданность мировой революции... фактически исчезла. Ее место твердо заняла догма... о необходимости следовать желаниям СССР, принять его контроль, так как он является сильнейшей мировой державой» [2]. Другой фальсификатор, Д. Лукас, утверждает, что действительной тенденцией советских руководителей за последнее время «был скорее национализм, чем интернационализм, что тенденция эта была скорее русской, чем коммунистической, скорее изоляционистской, чем революционной» [3].

Эти и подобные утверждения на все лады перепевают и другие «специалисты» по антикоммунизму. Более того, профессор Колумбийского университета А. Даллин заявляет, что «международный коммунизм стал в руках Москвы вспомогательным орудием политики» [4]. Профессор Браунского университета Э. Гудмен приписывает советским руководителям стремление создать «мировое Советское государство», насильственно включив в него все нации, которые, пугает этот «теоретик», «будут ассимилированы русской нацией» [5].

Опираясь на эти и аналогичные клеветнические измышления, сторонники антикоммунизма делают вывод, что внешнеполитические цели СССР угрожают самостоятельному развитию всех стран, в том числе и социалистических. «Впервые,— восклицает А. Улам,— национальные интересы Советского Союза и дело мирового коммунизма не могут уже более быть синонимами» [6].

Нелепость подобных вымыслов, взятых из арсенала

---

[1] См *R. D. Warth.* Soviet Russia in World Politics. N Y., 1963, p. 471; *J. Librach.* Op. cit., p. 40; "Russian Foreign Policy. Essays in Historical Perspective". Edited by Ivo Lederer. New Haven, 1961, p. 39.

[2] *J. A. Armstrong.* The Politics of Totalitarianism. The Communist Party of the Soviet Union from 1934 to the Present. N. Y., 1961, p. 346.

[3] *J. Lukacs.* A History of the Cold War. N. Y, 1962, p. 73.

[4] "Russian Foreign Policy", p. 325.

[5] *E R. Goodman.* Op. cit., p. 126, 128, 284, 472.

[6] "Russian Foreign Policy", p. 67.

геббельсовской пропаганды, ясна всякому здравомыслящему человеку. Московское Совещание представителей коммунистических и рабочих партий 1960 г. в своем Заявлении подчеркнуло: «Советский Союз первым в истории прокладывает путь к коммунизму для всего человечества. Он является самым ярким примером и самым могущественным оплотом для народов всего мира в их борьбе за мир, демократические свободы, национальную независимость, социальный прогресс»[1]. В этом же документе отмечается значение братской, интернациональной помощи Советского Союза для успехов всего социалистического содружества и подчеркивается роль КПСС как авангарда мирового коммунистического движения: «Пример КПСС и ее братская солидарность вдохновляют все коммунистические партии в их борьбе за мир и социализм и являются выражением применения революционных принципов пролетарского интернационализма на практике»[2]. Представители братских партий неоднократно в своих выступлениях подтверждали справедливость этой высокой оценки, данной международным форумом коммунистов.

В свою очередь КПСС в Программе и других документах перед всем миром не раз заявляла о непоколебимой верности священным для революционной марксистской партии принципам пролетарского интернационализма, и эти слова никогда не расходились с делом. КПСС и другие братские партии строят отношения между собой на основе равноправия, принципов пролетарского интернационализма, добровольно и сознательно координируют свои действия. КПСС исходит из того, что единство общих целей и задач коммунистических партий имеет неизмеримо большее значение, чем временные расхождения по отдельным конкретным вопросам, которые могут возникать в то или иное время и на которых пробуют спекулировать враги коммунизма. Международная деятельность КПСС проникнута неизменным стремлением крепить братскую солидарность с коммунистическими и рабочими партиями, укреплять единство великой армии коммунистов всего мира. На своем XXIII съезде, на проходивших в последнее время международных

---

[1] «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». М., 1964, стр. 46.

[2] Там же, стр. 83—84.

встречах коммунистов наша партия неизменно подчеркивала, что она выступает против гегемонизма в коммунистическом движении, за подлинное равноправие и братские отношения между всеми партиями на принципах пролетарского интернационализма [1].

КПСС не только не стремится к «ослаблению» других социалистических стран в интересах их «подчинения и эксплуатации», как об этом лживо трубит буржуазная пропаганда, а, наоборот, учитывая особую историческую ответственность, которая выпадает на долю социалистического содружества, делает все возможное для укрепления и развития мировой системы социализма [2].

Выполняя свой интернациональный долг, СССР взял на себя основную часть расходов по обороне социалистического содружества. Он оказывал и оказывает широкую экономическую помощь братским странам в целях дальнейшего укрепления их политической и экономической самостоятельности. За послевоенные годы Советский Союз предоставил другим социалистическим странам на льготных условиях кредиты, общая сумма которых в 1965 г. превысила 9 млрд. руб.[3]

В странах социалистического содружества СССР построил или строит 1400 объектов различного назначения. В последние годы в братских странах работало 38 тыс. советских специалистов, 25 тыс. граждан из этих стран получили образование в СССР [4]. Советская страна безвозмездно передала социалистическим странам огромное количество патентов, лицензий, технической документации. Все это свело на нет попытки империалистических держав затормозить экономическое и социальное развитие в народно-демократических странах, свернуть их с пути социализма.

Внешняя политика социалистического государства никогда не имела своей целью закабаление других наций, их угнетение и эксплуатацию. Социалистические страны строили и строят свои взаимоотношения на принципах пролетарского интернационализма, равенства и братского сотрудничества. Отношения неравенства и

[1] См. «XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет, т. I, стр. 32; т. II, стр. 302; «Правда», 8 июня 1969 г.

[2] См. *Л. И. Брежнев*. Пятьдесят лет великих побед социализма. М., 1967, стр. 54.

[3] См. «Коммунист», 1965, № 12, стр 5.

[4] См. «Правда», 2 сентября 1968 г.

угнетения характерны для мира империализма, в котором действуют законы социального и национального порабощения. Выдавая интересы монополистической буржуазии за общенациональные, апологеты американского империализма стремятся оправдать ее агрессивную внешнюю политику, которая представляет угрозу самостоятельному развитию других наций. Более того, некоторые наиболее откровенные реакционные представители буржуазной идеологии заявляют, что Соединенные Штаты в своей внешней политике должны исходить не из соблюдения моральных принципов и норм международного права, а из эгоистических интересов национальной империалистической буржуазии. «С полным основанием можно сказать,— пишет профессор Чикагского университета Х. Моргентау,— что внешняя политика, которая руководствуется общими моральными принципами... является политикой национального самоубийства, фактического или потенциального». Х. Моргентау зовет к отказу от уважения международных обязательств, к вероломству во внешней политике. Нельзя не согласиться с буржуазным историком Л. Перла, который, анализируя теоретические «упражнения» Х. Моргентау, вынужден признать, что, исходя из такой философии, «нация должна лгать, ни во что не верить, быть жестокой, двуличной» и т. д., «если это служит национальным интересам» [1].

Х. Моргентау и ему подобные, хотят они того или нет, раскрывают существо буржуазного национализма во внешней политике США. Попытки буржуазных фальсификаторов исказить внешнюю политику СССР отражают стремление приписать ей, вопреки общеизвестным фактам, черты, присущие воинствующему империализму.

С таких же позиций идеологи антикоммунизма подходят и к оценке взаимоотношений СССР с молодыми развивающимися странами, разглагольствуя о колониальной и эгоистичной направленности советской внешней политики [2].

История свидетельствует, что СССР всегда был и остается искренним другом и союзником народов, борю-

---

[1] *L. Perla.* Can We End the Cold War? A Study in American Foreign Policy. N. Y., 1960, p. 37, 38, 39.

[2] См. *J. Rosenau* (ed.). International Aspects of Civil Strife. N. Y., 1964; *J. Cross.* Conflict in the Shadows. N. Y., 1963; *J. M. Mackintosh.* Strategy and Tactics of Soviet Foreign Policy. L., 1962; *M. Lindsay.* Op. cit.

щихся за свое национальное и социальное освобождение. Победа социализма в СССР и существование мировой социалистической системы, огромная моральная и материальная поддержка, которую оказали борющимся народам социалистические страны, явились важными факторами, приблизившими крушение колониальной системы империализма. Ныне свыше 70 государств поднялись на обломках колониальных империй. Боевой союз с народами, которым еще приходится вести вооруженную борьбу против колонизаторов, и сегодня представляет собой важный элемент советской внешней политики. По инициативе Советского Союза, при активной поддержке других социалистических государств Организация Объединенных Наций голосами подавляющего большинства стран мира приняла известную «Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам», а затем — «Декларацию о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета». Вместе с тем, когда колониальная система империализма практически распалась, особое значение приобретает развитие сотрудничества с молодыми развивающимися государствами, борющимися за укрепление своей независимости, за социальный прогресс.

«КПСС,— указывается в Программе партии,— рассматривает братский союз с народами, сбросившими колониальное и полуколониальное ярмо, как один из краеугольных камней своей международной политики. Этот союз основан на общности жизненных интересов мирового социализма и мирового национально-освободительного движения. КПСС считает своим интернациональным долгом помогать народам, идущим по пути завоевания и укрепления национальной независимости, всем народам, борющимся за полное уничтожение колониальной системы» [1].

Можно привести немало примеров такой поддержки. Благодаря твердой и решительной позиции Советского Союза были успешно сорваны агрессивные планы империалистов в отношении Египта (1956 г.), Сирии (1957 г.), Ирака (1958 г.) и Кипра (1964 г.). Существенную помощь получил от СССР Алжир во время своей борьбы

---

[1] «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет, т. III, стр. 265.

за независимость. СССР оказывает большую экономическую и военную помощь народам Объединенной Арабской Республики, Сирии и Иордании, подвергшимся новому нападению со стороны израильских милитаристов, народу Вьетнама, борющемуся против вооруженной интервенции американского империализма.

В современных условиях многие из завоевавших государственную независимость стран вступают в новый этап — этап борьбы за экономическую самостоятельность, против неоколониалистских попыток империализма вернуть утраченные позиции, воспрепятствовать социальному прогрессу этих стран. Народы все решительнее связывают перспективы полной победы национально-освободительной революции, ликвидации вековой отсталости и улучшения условий жизни с некапиталистическим путем развития. Некоторые молодые государства уже стали на этот путь, и Советский Союз строит свои отношения с ними на основах равноправного сотрудничества и дружбы.

Важным вкладом нашей страны в национально-освободительную борьбу против империализма является всестороннее экономическое сотрудничество Советского Союза с молодыми независимыми странами Азии, Африки и Латинской Америки в форме взаимовыгодных торговых соглашений, предоставления кредитов, технической помощи.

При содействии СССР в этих странах построено или строится до 600 промышленных предприятий и других важных объектов. Более 220 из них уже введено в строй [1]. Все более крепнет дипломатическое сотрудничество СССР с развивающимися странами, направленное на обеспечение мира во всем мире и устранение остатков колониализма.

«Национальное революционное движение народов Азии и Африки против империализма и отсталости... своими победами в значительной мере обязано существованию и могуществу Советского Союза, ставшего реальным фактором обуздания империализма и создания для сил национальной революции исключительно благоприятной возможности играть в самых широких масштабах эффективную роль в борьбе за независимость и про-

---

[1] См. «Вопросы истории КПСС», 1968, № 11, стр. 26.

гресс»[1] — так характеризует значение Советского Союза и его помощи освободительному движению президент Объединенной Арабской Республики Гамаль Абдель Насер. И это — лишь одно из многих подобного рода заявлений руководителей развивающихся стран Азии и Африки.

XXIII съезд поручил Центральному Комитету КПСС и впредь проводить политику поддержки народов, борющихся против колониального гнета и неоколониализма, всестороннего сотрудничества со странами, добившимися национальной независимости, всемерно содействовать развитию антиимпериалистического фронта народов всех континентов, расширять связи с коммунистическими и революционно-демократическими партиями молодых национальных государств. КПСС и Советское правительство неуклонно идут по этому пути[2].

Разносторонняя материальная, политическая и моральная поддержка, которую оказывают молодым развивающимся странам Советский Союз и другие социалистические государства, их строгая приверженность принципам невмешательства во внутренние дела этих стран — такова действительность, разбивающая домыслы буржуазной пропаганды. Перед железной логикой фактов это вынуждены признать и некоторые представители западной науки, которые не разделяют крайних взглядов антикоммунизма. «Мы считаем,— с горечью пишет Л. Перла,— что выигрываем очко, когда заявляем, что борьба за свободу «инспирирована коммунистами». Неужели мы действительно думаем, что это разубедит народ, отчаянно борющийся против внутренних или внешних поработителей? Мы становимся союзниками диктаторов или режимов, имеющих вековую репутацию поработителей, в то время как Россия заключает союз с борющимися массами. И вместо того, чтобы показать угнетенным народам путь к освобождению, мы предлагаем им не доверять русским, которые оказывают им помощь»[3].

Американский империализм, ставший вождем все-

---

[1] «СССР и страны Африки. 1946—1962». Документы и материалы, т. II. М., 1963, стр. 627.

[2] См. *Л. И. Брежнев*. Пятьдесят лет великих побед социализма, стр. 55—56.

[3] *L. Perla*. Op. cit., p. 8—9.

мирного контрреволюционного движения, не может указать народам путь к освобождению. В канун 50-летия Октября, летом 1967 г., в Нью-Йорке, Лондоне и Торонто вышла книга под названием «Влияние русской революции (1917—1967)», в которой помещены работы ряда видных западных историков. Известный буржуазный идеолог А. Тойнби вынужден признать в этой книге, что если сегодня освободительная борьба народов и «вызывает какое-либо действие со стороны Америки, то оно в конце концов сводится к посылке карательных экспедиционных сил, чтобы «огнем и мечом» выжечь и уничтожить всякое освободительное движение. Аргументом, оправдывающим эту интервенцию США, является утверждение, что всякое восстание, начавшееся как освободительное, может затем вылиться в коммунистическую революцию, и, таким образом, США не могут допустить даже освободительного движения, не вмешиваясь в его подавление» [1].

Прикрываясь лицемерными рассуждениями о защите «мира, свободы и демократии», империалисты США все шире прибегают к экспорту контрреволюции, открыто вмешиваются во внутренние дела суверенных государств, используя для этой цели свои войска. Прямым выражением агрессивности американского империализма является грязная война, которую США ведут против народа Южного Вьетнама. Американский империализм выступает в качестве защитника самых реакционных антинародных сил.

Вооруженное подавление освободительного движения народов, защита фашистских последышей — вот политическое кредо американского империализма в наши дни. Все меньше и меньше становится в мире людей, которые верят разглагольствованиям идеологов антикоммунизма о «советском колониализме» и «освободительной миссии» американской внешней политики.

* *
*

Беззастенчиво фальсифицируя советскую внешнюю политику, идеологи антикоммунизма рассчитывают на то, чтобы не только подорвать доверие к ней мировой общественности, изобразить Советский Союз источником

[1] "The Impact of the Russian Revolution (1917—1967)". London, New York, Toronto, 1967, p. 23.

международной напряженности, но и обелить политику империализма, создать психологическую атмосферу, благоприятную для наступления против сил мира, демократии и социализма, для развязывания новых военных авантюр. Изливая клевету на СССР, идеологические оруженосцы империализма стараются внушить читателю мысль, что внешняя политика США носит чисто «оборонительный характер».

Подобная «версия» проходит, например, красной нитью через всю книгу профессора Гарвардского университета Д. Тарра «Американская стратегия в ядерный век» [1]. Тарр утверждает, что правительство США якобы все время вынуждено было разрабатывать свою политику под натиском агрессивно напирающей России. По его словам, Америка обратилась к традиционным формам обеспечения безопасности лишь тогда, когда убедилась, что СССР не желает с ней сотрудничать и своими интригами подрывает дело мира. Примерно такую же мысль проводит в своей книге и Л. Галле [2], долгое время работавший советником в госдепартаменте США. Об «оборонительной миссии США» говорят и два других американских автора — профессор Карнельского университета М. Раш и А. Горелик, занимавший одно время пост консультанта по внешнеполитическим вопросам при правительстве Соединенных Штатов.

Они пытаются доказать, что развитие советской внешней политики находилось в прямой зависимости от соотношения ядерной мощи двух стран. В книге, которая так и называется «Стратегическая мощь и советская внешняя политика», М. Раш и А. Горелик уверяют читателя, что СССР и США, используя ядерную угрозу в области политики, преследовали при этом различные цели. «Советский Союз,— пишут они,— использовал эту угрозу главным образом для того, чтобы распространить свою власть или свое влияние на некоммунистические районы мира; Соединенные Штаты прибегали к этой угрозе в оборонительных целях для охраны союзных или дружественных некоммунистических стран от коммунистического господства» [3].

---

[1] См. *D. W. Tarr.* American Strategy in the Nuclear Age. N. Y., 1967.

[2] См. *L. J. Halle.* The Cold War as History. N. Y., 1967.

[3] *A. L. Horelick* and *M. Rush.* Strategic Power and Soviet Foreign Policy. Chicago—London, 1966, p. 9—10.

Выдвинув такой, с позволения сказать, «аргумент», авторы заявляют, что начиная с 1962 г. СССР стал значительно отставать от США по запасам ядерного оружия и средствам его доставки к цели. Именно это, по их словам, заставило советских руководителей начиная с 1963 г. искать пути к разрядке международной напряженности, что способствовало «стабилизации международного положения». «Нет оснований думать,— заявляют Раш и Горелик,— что разрядка международной напряженности может быть усилена, если советское отставание в стратегическом оружии, которое, собственно, и породило ее, будет заменено равновесием сил» [1].

Разумеется, ни Рашу, ни Горелику, ни кому-либо другому из апологетов антикоммунизма не дано знать о ядерной мощи Советского Союза. Их утверждения об отставании СССР и превосходстве США в этой области ни на чем не основаны, бездоказательны и наивны. Ничего общего с истиной не имеют и попытки поставить курс советской внешней политики в зависимость от колебаний ядерного потенциала. Основная цель, которую преследуют антикоммунисты, выдвигая подобную версию, заключается в том, чтобы навязать рядовому американскому налогоплательщику мысль о необходимости дальнейшей гонки вооружений, столь выгодной крупному монополистическому капиталу. «Для того, чтобы страна продолжала тратить горы денег на вооружение,— признает американский публицист Сидней Ленс,— важно, чтобы коммунистическая угроза была на переднем плане в сознании американцев» [2].

Запугивая читателя мифической угрозой со стороны СССР, буржуазные фальсификаторы, как уже указывалось выше, ставят возможность мирного сосуществования в зависимость от таких, например, ультимативных требований, предъявляемых Советскому Союзу, как отказ от идеологической борьбы, от упрочения социалистической системы, от поддержки национально-освободительного движения и т. д. Заранее зная, что Советский Союз не пойдет на подобного рода ультиматумы, теоретики «холодной войны» делают вывод о том, что СССР якобы от-

---

[1] *A. L. Horelick* and *M. Rush*. Op. cit., p. 179—180.

[2] *S. Lens*. The Futile Crusade. Anti-Communism as American Credo. Chicago, 1964, p. 71.

казывается от сотрудничества в пользу мира и что поэтому сосуществование с ним невозможно[1]. «Но если это так,— пишет Э. Гудмен,— то разве не должен Запад использовать свою основную энергию для того, чтобы ускорить процесс разъединения советских сил, попытавшись обострить и использовать все внутренние трудности в советской орбите?»[2]. А бригадный генерал США Д. Сарнов в статье «Политическое наступление против коммунизма» открыто рекомендует поддерживать в социалистических странах «дух сопротивления», оказывать моральную и материальную поддержку контрреволюционным силам, максимально использовать эмигрантов из этих стран для борьбы против социализма и т. д.[3]

Нередко эти идеи проповедуются под невинными на первый взгляд лозунгами «наведения мостов», «укрепления взаимопонимания», олицетворяющими так называемую стратегию «мирного проникновения», направленную на «размывание» устоев социализма, на подрыв единства социалистических государств. Что означает эта стратегия на практике, хорошо известно по событиям в Чехословакии, где силы внутренней и внешней контрреволюции готовили реставрацию капитализма, отрыв страны от социалистического содружества, ослабление организации Варшавского Договора, являющейся важным фактором сохранения всеобщего мира. Сорвав замыслы контрреволюции в Чехословакии, братские социалистические страны нанесли решительный удар по агрессивным планам империалистов, оградили народы Европы от угрозы нового военного пожара.

Наряду с пропагандой стратегии «мирного проникновения» империалисты намерены, как писал М. Линдсей, «продолжать политику равновесия сил и устрашения, если мирное сосуществование не будет достигнуто»[4], подразумевая под термином «мирное сосуществование» систему ультиматумов в отношении социалистических государств.

За последние годы в США публикуется все больше книг, авторы которых призывают к проведению «жесткого курса» в отношении СССР и других социалистических

---

[1] См. *D. J. Dallin.* Op. cit., p. 530.

[2] *E. R. Goodman.* Op. cit., p. 475.

[3] См. "American Strategy for the Nuclear Age". Edited by W. Hahn and J. Neff. N. Y., 1960, p. 426.

[4] *M. Lindsay.* Op. cit., p. 237.

стран. Так, в специальном сборнике статей, вышедшем в Нью-Йорке в 1965 г. под редакцией Г. Ренсома, такие маститые идеологи буржуазии, как Х. Моргентау, У. Ростоу, Дж. Кеннан, М. Банди, Г. Киссингер, отстаивают политику с позиции силы как якобы основу для сохранения мира в условиях борьбы двух систем [1]. Призывы к активизации борьбы против СССР содержатся в книге бывшего командующего стратегической авиацией США Т. Пауэра [2], в работе сотрудника центра международных отношений Гарвардского университета Д. Стоуна [3] и других выступлениях антикоммунистов. На состоявшейся в середине сентября 1967 г. в Нью-Йорке конференции социологов США большинство докладов было посвящено «теоретическому обоснованию» жесткой политики по отношению к СССР и другим странам социалистического содружества, оправданию гонки вооружения и ядерного шантажа [4].

Могут сказать, что писания «советологов» — это безответственные заявления частных лиц. Однако эти частные лица, как правило, выступают от имени субсидирующих их монополий, которые определяют политику правительств капиталистических стран, в частности США. А идеи, проповедуемые ими, порой даже без всякого обрамления казуистической софистикой определяют содержание ответственных заявлений должностных лиц, занимающих высокие административные посты. Так, например, 12 января 1966 г. агентство Ассошиэйтед Пресс распространило текст послания тогдашнего президента США Джонсона «О положении страны». Формулируя принципы политики США, Джонсон заявил: «Первый принцип — сила... История не благоприятствует какой-либо одной системе или одной вере, если для этого не используется сила. Вот почему нам было необходимо защищать этот основной принцип нашей политики в Берлине, в Корее, на Кубе, а теперь во Вьетнаме».

Это заявление весьма знаменательно. Несмотря на явный провал авантюры во Вьетнаме, куда США послали более полумиллиона своих солдат, грязная война против героического вьетнамского народа продолжается до

[1] См. "An American Foreign Policy Reader". H. Ransom (ed.), N. Y., 1965.

[2] См. *T. S. Power*. Design for Survival. N. Y., 1965.

[3] См. *J. Stone*. Containing the Arms Race. Cambridge, 1966.

[4] См. "New York Times", 21. IX. 1967.

сих пор. Правительство США опутало земной шар системой агрессивных блоков, паутиной военных баз; оно держит в настоящее время за пределами своего государства более 1,5 млн. военнослужащих. Сапог американского солдата топчет земли более чем 40 стран. Созданное Пентагоном в 1961 г. в соответствии со стратегией «гибкого реагирования» ударное командование так называемых мобильных сил располагает огромной мощью для действий в зоне, включающей 64 страны. Под давлением США созданы коллективные мобильные силы агрессивного Североатлантического блока, в котором все большее влияние приобретают реваншистские круги ФРГ. Являясь практическим воплощением взглядов наиболее откровенных сторонников «атомной дубинки», все эти силы призваны обеспечить выполнение Соединенными Штатами роли мирового жандарма [1].

Как известно, военный бюджет Соединенных Штатов на 1967/68 финансовый год достиг 70 млрд. долл. В новом 1969/70 финансовом году общая сумма ассигнований на военные цели и связанные с ними программы достигнет 84,3 млрд. долл. Это самые высокие ассигнования на военные цели после второй мировой войны. Даже во время событий в Корее в 1953 г. военные расходы США, по официальным американским данным, не превышали 49 млрд. долл.[2].

Проповедник балансирования на грани войны Джон Фостер Даллес в свое время писал, что «ход событий заставляет Америку взять руководство миром в свои руки» [3]. Доктрина «мировой гегемонии США» и по сей день составляет кредо американских монополий. Группа американских буржуазных историков в статье «Основные цели внешней политики Соединенных Штатов» прямо заявляет, что «США должны играть руководящую роль в послевоенном мире» [4]. Правда, более благоразумные представители буржуазии с некоторой иронией относятся к этим гегемонистским стремлениям. «Мы сами,— замечает Л. Перла,— короновали себя, не имея короны, скипетра, полномочий и всеобщего согласия. Мы претендуем на моральное руководство, в то же время продолжая

[1] См. «Правда», 14 марта 1969 г.

[2] См. "U. S. News and World Report", 17. I 1966, p. 28—29; «Правда», 17 апреля 1969 г.

[3] *J. F. Dulles.* War or Peace. N. Y., 1957, p. 265.

[4] "American Strategy for the Nuclear Age", p. 5.

компрометировать свое право на такое руководство, так как часто выступаем против борющихся масс» [1].

Однако благоразумие — не столь распространенная черта среди идеологов антикоммунизма, как, впрочем, и среди тех, кто их вскармливает. «Первоочередной и самой важной задачей будущей стратегии Америки в широком смысле слова,— пишет группа идеологов антикоммунизма,— является сохранение и укрепление нашей политической системы, и эта задача более важная, чем сохранение мира... В основе нашей политики должна лежать следующая предпосылка: мы не можем допустить, чтобы выжила политическая система, противоположная нашей» [2].

Ради этого сторонники антикоммунизма готовы даже оправдать применение атомного и водородного оружия. Рассматривая уничтожение коммунизма в качестве главной «моральной» задачи США, американский социолог и историк Голдмен без обиняков заявляет, что вопрос о применении термоядерного оружия «подчинен этой высшей морали» [3].

Так реакционные идеологи США выбалтывают основную цель внешней политики американского империализма: любыми средствами, вплоть до глобальной ядерной войны, сохранить отживающий строй капитализма и уничтожить коммунизм.

Добиваясь гибели коммунизма и воодушевляя его врагов, буржуазные идеологи всячески стремятся умалить факт могучего роста коммунистических идей, тешат себя иллюзией «сужения» базы коммунистической идеологии. Д. Лукас пытается, например, уверить читателя в том, что-де «между двумя мировыми войнами марксистская историческая система и коммунизм привлекли к себе не массы, а лишь часть интеллигентов и некоторое количество политических идеалистов» [4]. Американские публицисты Гарри и Бонаро Оверстрит тщатся доказать, будто условия, которые ранее способствовали рас-

---

[1] *L. Perla.* Op. cit., p. 113.

[2] *R. Strausz-Hupé, W. Kintner, S. Possony.* A Forward Strategy for America. N. Y., 1961, p. 402, 405—406.

[3] Цитируется по кн. *В. В. Мшвениерадзе.* Антикоммунизм — оружие обреченных. М., 1964, стр. 136.

[4] *J. Lukacs.* Op. cit., p. 244.

пространению коммунизма, теперь, после второй мировой войны, отошли уже в прошлое [1].

По поводу подобных прорицаний В. И. Ленин саркастически замечал, что «нельзя рассчитывать правильно, когда стоишь на пути к гибели» [2]. Империалистам всегда хотелось похоронить коммунизм, задушить освободительное движение народов. В борьбе с идеями коммунизма были испытаны все средства: беззастенчивая ложь, полицейские репрессии и кровопролитные войны. И все оказалось напрасным. «Капитализм гибнет,— писал В. И. Ленин,— в своей гибели он еще может причинить десяткам и сотням миллионов людей невероятные мучения, но удержать его от падения не может никакая сила» [3].

Жалкому лепету апологетов империализма о «сужении» идеологической базы коммунизма противостоят реальные факты. Идеи коммунизма привели к победе Великой Октябрьской революции, породившей на свет первую в мире страну социализма. А ныне на путь социализма встали народы многих стран, в том числе трудящиеся героической Кубы, сломавшие устои империализма у самых ворот его американской цитадели. Несмотря на отдельные разногласия, вызванные сложностью исторического развития, растут сила и влияние коммунистических партий.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции численность коммунистов во всем мире возросла в 100 с лишним раз. До 1917 г. существовала лишь одна марксистско-ленинская партия, в 1918 г. их было 10, в 1921 г.— 34, в 1935 г.— 61, в 1957 г.— 75. Сейчас компартии имеются в более чем 80 странах. Опираясь на мощь мировой системы социализма, добиваются все новых успехов международное рабочее и национально-освободительное движение, все прогрессивные силы современности, борющиеся против агрессивной политики империализма.

Тщетны упования империалистов на развал коммунистического движения. Слов нет, антиленинские идейные установки, раскольническая политика нынешнего китайского руководства наносят большой вред международно-

[1] См. *Harry* and *Bonaro Overstreet*. The War Called Peace. N. Y., 1961, p. 76.

[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 303.

[3] Там же, стр. 329.

му коммунистическому и рабочему движению, служат на руку империалистам. Вопиющим попранием принципов пролетарского интернационализма являются имевшие место в 1969 г. вооруженные инциденты на советско-китайской границе, спровоцированные китайской стороной. Напряженность между двумя странами, возникшая в результате происшедшего за последние годы резкого изменения политики правительства КНР в отношении Союза ССР, не имеет ничего общего с коренными интересами советского и китайского народов, наносит серьезный ущерб делу социализма и мира, общему фронту антиимпериалистической борьбы. Великодержавный внешнеполитический курс и раскольнические действия нынешних руководителей Китая, встречающие решительный отпор со стороны подавляющего большинства братских партий, доставляют радость только тем, кто хотел бы любым способом вырыть пропасть вражды между СССР и КНР, подорвать мировое освободительное движение. Не случайно американский сенатор Г. Джексон заявил: «Самое ценное, что мы имеем,— это раскол между Советским Союзом и красным Китаем» [1]. Решительно отвергая любые посягательства кого бы то ни было на советские земли, попытки говорить с СССР языком оружия, Советское правительство призывает правительство КНР воздерживаться от действий на границе, могущих вызвать осложнения, выступает за решение разногласий, если они возникают, в спокойной обстановке и путем переговоров. Твердо следуя ленинскому курсу, правительство СССР неоднократно выражало непоколебимое убеждение в том, что в конечном счете коренные интересы советского и китайского народов позволят устранить и преодолеть трудности в советско-китайских отношениях [2].

Объективная общность интересов социалистических стран, коммунистических партий, всех отрядов мирового революционного движения сильнее тех факторов, которые вызвали разногласия и расхождения. В документах состоявшегося в июне 1969 г. в Москве международного Совещания коммунистических и рабочих партий подчеркивается: «В природе социализма нет таких противоречий, какие присущи природе капитализма. Когда между

[1] "U. S. News and World Report", 23. I. 1967, p. 42.
[2] См. «Правда», 30 марта, 14 июня 1969 г.

социалистическими странами возникают те или иные расхождения, порождаемые различиями в уровне их экономического развития, в их социальной структуре, международном положении, связанные с их национальными особенностями, то подобные расхождения могут и должны успешно разрешаться на основе пролетарского интернационализма, путем товарищеского обсуждения и добровольного, братского сотрудничества. Они не должны нарушать единого фронта социалистических государств против империализма» [1].

КПСС всегда делала все от нее зависящее во имя укрепления сплоченности коммунистов и других борцов против империализма и реакции, в интересах дальнейшего упрочения дела мира, демократии, национальной независимости, социализма и коммунизма. Июньский (1969 г.) Пленум ЦК КПСС постановил проводить и далее, опираясь на итоги Совещания, последовательную линию партии на сплочение международного коммунистического движения на принципиальной основе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Пленум подтвердил неизменность линии КПСС на воспитание нашего народа в духе советского патриотизма, в духе дружбы, братства и интернациональной солидарности с народами социалистических стран, со всеми народами, борющимися за свое социальное и национальное освобождение, за демократию, мир и социализм [2].

Весь ход мирового развития за последние годы полностью подтверждает оценку основных исторических процессов, данную в Заявлении братских партий 1960 г. Состоявшееся в июне 1969 г. международное Совещание, отметив новые моменты, возникшие в современной действительности, подчеркнуло тот непреложный факт, что и ныне *«магистральный путь развития человечества определяют мировая социалистическая система, международный рабочий класс, все революционные силы»* [3]. Наша партия и Советское правительство делают все возможное для того, чтобы способствовать дальнейшему упрочению позиций социализма, укреплению мира во всем мире.

---

[1] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г.». М., 1969, стр. 305.

[2] См. «Правда», 27 июня 1969 г.

[3] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г.», стр. 289.

Учитывая что в последние годы с новой силой обнажилась агрессивная природа империализма, в результате чего обострилась международная напряженность, Советское государство, не ослабляя дипломатической активности, направленной на обеспечение мирных условий строительства коммунизма, проявляет неустанную заботу об укреплении своей оборонной мощи.

Весомым вкладом в дело укрепления всеобщего мира и безопасности народов, утверждения ленинского принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем, новым свидетельством выполнения советским народом своего интернационального долга перед братскими социалистическими странами, международным пролетариатом и мировым освободительным движением является успешное осуществление пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. Претворяя в жизнь этот план, советский народ под руководством Коммунистической партии обеспечивает дальнейший рост оборонной мощи Советского Союза, что позволит еще более надежно оградить нашу страну, все социалистическое содружество от опасности империалистической агрессии, укрепить позиции миролюбивых и освободительных сил во всем мире.

Н. П. Микешин

ТРОЦКИЗМ НА ВООРУЖЕНИИ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Современная буржуазная историография всячески изощряется в попытках подвергнуть сомнению авторитет вождя Октябрьской революции и основателя Советского государства Владимира Ильича Ленина. Опорочить Ленина, а также других выдающихся деятелей международного рабочего движения, не останавливаясь перед самой грубой клеветой,— такова задача, которую ставит перед собой империалистическая пропаганда. Одновременно она пытается возвести на пьедестал разного рода ренегатов, извратителей марксизма, выдавая их за «подлинных последователей Маркса». Этим самым буржуазия совершает обходный маневр с целью удара по коммунистическому движению, так сказать с тыла, с целью обмана и отвлечения масс от революционной борьбы.

Именно в этой связи и нужно рассматривать тот повышенный интерес, который проявляет империалистическая пропаганда в последние годы к Троцкому. На переиздание его «произведений» изведены тонны бумаги. Так, в США в 1962 г. издательство «Рэндом Хауз» выпустило в свет «Основные сочинения Троцкого». В последние годы они вышли также в Западной Германии, Италии, Греции, Франции, Дании и других капиталистических странах.

Сравнительно недавно были опубликованы личные архивы Троцкого, приобретенные в 1940 г. библиотекой Гарвардского университета (США) у международного института социальной истории (Амстердам, Голландия) [1].

«Советологи» беспрерывно пишут большие и маленькие «трактаты» о Троцком. Среди них выделяется трехтомная биография Троцкого, написанная Исааком Дейчером [2], в прошлом троцкистом, ставшим затем на Западе

[1] См. "The Trotsky Papers 1917—1922". The Hague, 1964.

[2] *Isaac Deutscher*. The Prophet Armed. Trotsky (1879—1921); The Prophet Unarmed. Trotsky (1921—1929); The Prophet Outcast. Trotsky (1929—1940). London, 1954—1963.

крупнейшим «советологом» [1]. «Биография», вначале вышедшая на английском языке, была издана затем на немецком. Она получила широкий отклик в реакционной печати. О ней восторженно писала английская буржуазная газета «Таймс», которой вторили реакционный американский журнал «Тайм», западногерманская газета «Дейче цейтунг» и многие печатные органы подобного рода.

Возникает вопрос: почему империалистические идеологи столь широко пропагандируют наследие человека, который, по их словам, стоит «по другую сторону баррикад»? Почему они, как выразилось буржуазное издательство «Даблдей Анкор Бук», рекламируя американское издание книжки Троцкого «Русская революция», не могут «удержаться от чтения его сочинений»?

За ответом не нужно ходить далеко. В книжонках Троцкого идеологи империализма находят то, что ищут, — антисоветский и антикоммунистический яд, которым можно отравлять умы людей, мало искушенных в политике и истории. За маской «красного дракона», которую надел на себя троцкизм, они давно разглядели его ренегатское, оппортунистическое нутро, его контрреволюционную и антисоветскую сущность. Буржуазные идеологи поняли, что троцкизм, на словах выступая против капитализма, на деле льет воду на мельницу последнего, что подлинное его острие направлено против идеологии и политики рабочего класса и его марксистско-ленинской партии. Это поняла в свое время белоэмигрантская партия Милюкова. Ее газета «Последние новости», издававшаяся в Париже, без обиняков характеризовала троцкистскую оппозицию как самого страшного врага для Советской власти, «который подползает к ней незаметно, охватывает ее своими щупальцами со всех сторон и ликвидирует ее раньше, чем она замечает, что ликвидирована» [2]. Надежды русской буржуазии, как мы знаем, не оправдались: была ликвидирована не Советская власть, а троцкистская оппозиция вместе с другими враждебными социализму течениями. Но выраженное милюковской газетой более сорока лет назад стремление использовать

---

[1] Дейчер более четверти века был корреспондентом многих буржуазных журналов и газет Англии и некоторых других капиталистических стран.

[2] «Последние новости», 27 августа 1926 г.

троцкизм для борьбы против коммунизма и поныне служит одним из побудительных мотивов империалистической пропаганды. Вот почему писания Троцкого, вроде «Преданной революции», стали своего рода евангелием антикоммунизма. Любопытное признание по поводу этой грязной стряпни делает Дейчер: «В 40-х и 50-х годах нашего века многие честолюбивые исследователи — «советологи» и пропагандисты холодной войны черпали прямо или косвенно свои аргументы и крылатые фразы из этого источника»[1].

* *
*

В наш век, когда марксизм-ленинизм стал идеологией сотен миллионов людей, когда сама жизнь ежечасно подтверждает его правоту, для империалистической пропаганды, борющейся всеми средствами против пролетарской идеологии, троцкизм явился сущей находкой. Трудно отыскать такого буржуазного «специалиста» по истории КПСС, который бы обошел стороной «сочинения» Троцкого. Не говоря уже об упомянутой биографии Троцкого, вышедшей из-под пера Дейчера, и многие другие антисоветские «исторические исследования» написаны по Троцкому и в духе Троцкого.

Когда «советологи» углубляются в историю борьбы КПСС за свержение самодержавия и капиталистического строя, эталоном для них, как правило, служит книжонка Троцкого «Уроки Октября» (1924 г.). В ней доказывалось, что большевистская партия до Октября якобы блуждала в потемках и впоследствии добилась успехов только благодаря тому, что отказалась от ранее проводившейся ею политики и взяла на вооружение платформу Троцкого. Короче говоря, не Ленин, не Коммунистическая партия, а будто бы Троцкий был организатором и вдохновителем Октябрьской революции. Коммунистическая партия в 20-х годах разоблачила эту попытку подменить ленинизм троцкизмом. В известных партийных решениях, а также в историко-партийной литературе на широком документальном материале был убедительно показан антибольшевистский, мелкобуржуазный характер троцкизма с момента его возникновения.

«За границей, — отмечал В. И. Ленин, — еще слишком недостаточно знают, что большевизм вырос, сложил-

[1] *Isaac Deutscher*. The Prophet Outcast. London, 1963, p. 322.

ся и закалился в долголетней борьбе против *мелкобуржуазной революционности...»* [1]. Прошло 49 лет с тех пор, как были написаны эти строки. Казалось бы, срок вполне достаточный для любого зарубежного исследователя истории КПСС, чтобы усвоить эту истину. Но в буржуазной историографии по-прежнему не находит места непримиримая, последовательная борьба Ленина, большевиков против троцкизма как одного из самых опасных проявлений мелкобуржуазной революционности. В широко известном зарубежному читателю «Письме к съезду» (1922 г.) В. И. Ленин, давая итоговую оценку политической деятельности Троцкого, указывал на его небольшевизм[2]. Этот факт, как и многие другие, говорит о многом. Но какое дело буржуазным фальсификаторам до фактов!

Леонард Шапиро в своей пресловутой книжке «Коммунистическая партия Советского Союза» тщится доказать, будто идейки Троцкого «совпадали» с ленинизмом и даже «оплодотворяли» его. Корни теории «перманентной революции» Троцкого, утверждает он вслед за ее автором, «мы находим еще в учении Маркса»[3].

Дав обещание во введении к книге держаться фактов, Шапиро, однако, сразу же начинает искажать их вкривь и вкось. Пытаясь обелить Троцкого и доказать «непогрешимость» его «теории», он пишет: «...Троцкий... утверждал тогда (т. е. в 1905—1906 гг.— *Н. М.*), что задача социал-демократов после завершения буржуазной революции заключалась не в ослаблении своих усилий, а в продолжении всеми силами борьбы за осуществление следующей фазы — социалистической революции. Фактически именно такую политику и проводил Ленин после Февральской революции» [4]. Здесь возмущает не только утверждение, что Ленин якобы ходил в учениках у Троцкого (кстати, этот тезис заимствован из упомянутой книжки Троцкого «Уроки Октября»). Шапиро здесь совершает и другой подлог. По его версии, получается, что Троцкий якобы считал буржуазно-демократический этап революции само собой разумеющимся. На самом же

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 14.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 345.

[3] *L. Schapiro.* The Communist Party of the Soviet Union. N. Y., 1960, p. 288.

[4] *L. Schapiro.* Op. cit., p. 288.

деле он его «перепрыгивал», или, иначе говоря, отрицал, выдвигая порочный лозунг: «без царя, а правительство рабочее». Как известно, В. И. Ленин резко критиковал этот лозунг. «Основная ошибка Троцкого, — писал он в 1909 г., — игнорирование буржуазного характера революции, отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой революции к революции социалистической [1].

Шапиро пытается также доказать, будто В. И. Ленин разделял троцкистскую точку зрения на крестьянство, отрицая его революционную роль [2]. Подобные попытки обвинить марксистов-ленинцев в третировании крестьянства давно уже предпринимаются буржуазными идеологами. Один из них, «знаток» аграрного вопроса в социалистических странах, Давид Митрани, в своем пасквиле на марксизм пишет: «Марксизм всегда оправдывал свое презрение к крестьянству по той причине, что оно дико и не поддается организации» [3]. Здесь Митрани намеренно перепутал адрес. Если слово «марксизм» заменить словом «троцкизм», все станет на свое место. Троцкий даже не пытался скрывать своего презрения к крестьянству. Он не уставал твердить о выдуманном им «политическом варварстве», «социальной неоформленности» и «бесхарактерности» крестьянства, подчеркивая при этом, что будто бы «примитивность крестьянства повернется к пролетариату своей враждебной стороной» [4]. Вот у кого, оказывается, черпал свои характеристики Митрани. В указанных высказываниях Митрани и Троцкого ясно видно не только полное тождество мыслей, но и даже словесное сходство.

В противоположность Троцкому Коммунистическая партия рассматривала крестьянство как главного союзника рабочего класса. Союз рабочего класса со всем крестьянством в буржуазно-демократической революции, союз с беднейшим крестьянством в социалистической революции — под этими лозунгами, выдвинутыми Лениным, партия вела массы на штурм самодержавия и капитализма в России. Она неустанно укрепляла и развивала

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 381.
[2] *L. Schapiro.* Op. cit., p. 288.
[3] *David Mitrany.* Marx Against the Peasant. A Study in Social Dogmatism. North Carolina University Press, 1952, p. 211.
[4] «Троцкий о Ленине и ленинизме». Л., 1925, стр. 102.

союз рабочего класса с трудящимися массами деревни и в ходе строительства социализма. Это была незыблемая линия ее политики, основанная на принципиальных позициях марксистско-ленинского учения.

Маркс, Энгельс и Ленин высоко ценили революционную энергию крестьянства. В их произведениях нет и намека на третирование этого союзника пролетариата. Наоборот, они неоднократно подчеркивали, что пролетариат, установив свою диктатуру, должен принять меры, улучшающие положение крестьянина, облегчающие его добровольный переход к коллективному хозяйству, к социализму. Об этом писал Маркс в «Конспекте книги Бакунина «Государственность и анархия»» (1874—1875 гг.) [1]. Такие же высказывания мы находим в работе Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» (1894 г.) [2]. Идей Маркса и Энгельса были развиты Лениным, который создал подлинное учение о союзе рабочего класса с крестьянством, как высшем принципе диктатуры пролетариата, решающем условии построения социализма. «Мы заключили союз с крестьянством, — говорил В. И. Ленин на III конгрессе Коминтерна в 1921 г. — Мы понимаем этот союз так: пролетариат освобождает крестьянство от эксплуатации буржуазии, от ее руководства и влияния и привлекает его к себе, чтобы совместно победить эксплуататоров» [3].

Все эти положения классиков марксизма-ленинизма достаточно определенны. Знакомясь с ними, нетрудно убедиться в их коренной противоположности троцкистским взглядам на взаимоотношения пролетариата с крестьянством. Но именно поэтому буржуазные фальсификаторы истории преподносят читателям только троцкистские идейки по крестьянскому вопросу и пытаются приписать их Ленину, не приводя его высказываний по данному вопросу. Совершая столь грубый подлог, они явно рассчитывают на неосведомленность своих читателей, на недостаточное знакомство их с марксистской литературой. Политический смысл такой фальсификации открывается легко. Приписывание Ленину взглядов

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 611—612.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 520.
[3] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 42.

Троцкого совершается с определенной целью: дискредитировать КПСС, а заодно и другие братские партии в глазах крестьянства всего мира.

Подменяя большевизм троцкизмом, фальсификаторы истории ведут с помощью троцкизма подкоп и под другие составные части ленинской теории социалистической революции. Троцкий, как известно, отвергал возможность победы социализма первоначально в одной стране и особенно в такой сравнительно отсталой стране, как Россия. По его стопам идут современные реакционные историки. Так, Шапиро заявляет, что ленинская теория социалистической революции есть якобы не более как «выдумка» наследников Ленина. Шапиро известна статья Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (1915 г.), но он, мнящий себя «знатоком» советских источников, не видит, вернее, не хочет придавать значения содержащемуся в ней выводу Ленина о возможности победы социализма в одной стране. Ему, видите ли, этот вывод представляется случайно оброненной фразой, а сама теория социалистической революции — недостаточно обоснованной [1]. Заметим, что примерно то же самое в середине 20-х годов твердил и Троцкий. Но вздорность этих утверждений становится очевидной при первом ознакомлении с такими известными работами В. И. Ленина, как «Военная программа пролетарской революции» (1916 г.), «О продовольственном налоге» (1921 г), «О нашей революции» (1923 г.), «О кооперации» (1923 г.), в которых идея, впервые высказанная им в статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы», глубоко и всесторонне обосновывается и конкретизируется.

Идеологи империализма не случайно противопоставляют ленинскому выводу о возможности победы социализма в одной стране троцкистскую «теорию перманентной революции». Внешне ультрареволюционная, на деле эта теория оборачивается откровенным оппортунизмом и капитулянтством. В этой связи буржуазным фальсификаторам выгодно и удобно выдавать троцкистов за сторонников мировой революции, а марксистов-ленинцев — за ее противников. Не случайно поэтому Зигфрид Бане в статье «Троцкий о сталинской России» дает по-

---

[1] *L. Schapiro.* Op. cit., p. 289—290.

нять читателю, что разногласия между Троцким и Коммунистической партией вращались якобы вокруг вопроса о том, должна или не должна быть отвергнута идея мировой революции. Естественно, троцкисты у него выглядят «интернационалистами». Что же касается ленинской идеи о возможности построения социализма в одной стране, то ее, ссылаясь на Троцкого, Бане называет «реакционной утопией» и «национальным социализмом» [1].

Бане и особенно Шапиро и Дейчер пытаются приписать марксистской науке чуждый ей субъективистский, прагматистский подход, свойственный буржуазной методологии. Не объективными условиями классовой борьбы, а субъективными желаниями, «тактическими соображениями» «объясняют» они, например, выдвижение идеи о построении социализма в одной стране. Но и здесь они неоригинальны. Первым сказал это фальсификаторское «а» Троцкий. Следуя ему, Шапиро тщится доказать, будто марксистская концепция революционного процесса была пересмотрена Коммунистической партией Советского Союза в начале 20-х годов, когда спала революционная волна в Европе. По Шапиро, это было сделано якобы из чисто практических соображений (будто бы нужно было найти утешение для народа, утрачивавшего веру в мировую революцию и почувствовавшего себя в изоляции). В том же духе высказывается и Исаак Дейчер [2]. При этом, конечно, полностью игнорируются последние работы В. И. Ленина и партийные решения того времени, в которых курс на построение социализма в СССР был разработан на основе глубокого научного анализа объективных условий внутри страны и на мировой арене. Свои домыслы о мнимом отказе партии от марксистской концепции революции в 20-х годах буржуазные фальсификаторы сдабривают клеветническими рассуждениями о борьбе за власть, которая будто бы велась в тот период внутри партии и Советского государства. Развращенные нравами политической жизни в капиталистических странах, где борьба идей сплошь и рядом служит лишь лицемерным прикрытием беспринципной борьбы буржуазных партий за власть, Шапиро,

---

[1] "Survey. A Journal of Soviet and East European Studies", 1962, April, N 41, p. 31.

[2] См. *L. Schapiro*. Op. cit., p. 289—290; *Isaac Deutscher*. The Prophet Unarmed. London, 1959, p. 241—242, 246.

Дейчер и прочие «советологи» приписывают подобные же порядки и советской политической системе.

Весь поток клеветы, который обрушивали на нашу партию троцкисты в середине 20-х годов и в последующий период, вливается ныне в русло империалистической пропаганды. «Термидор», «бюрократизация», «буржуазное перерождение» — так оценивали троцкисты положение в партии и Советском государстве в то время, когда вся страна была охвачена пафосом социалистического строительства, когда воочию раскрылись преимущества советского демократизма, который не могли изменить и не изменили ошибки и недостатки, порожденные сложившимся постепенно культом личности. Буржуазная пропаганда тогда же подхватила измышления Троцкого, и до сих пор они составляют ее «методологическую основу».

Небезызвестный идеолог империализма Уолт Ростоу в книжке «Динамика советского общества» фактически воспринял фальсификаторскую схему Троцкого. В таком же духе выдержан трактат западногерманского «советолога» Г. Шейера [1].

Какой же вывод делают буржуазные идеологи вместе с троцкистами из созданного их воображением положения в Советской стране? Краткий и недвусмысленный: «Революция предана. Нужна новая политическая революция». Революция против кого? На словах против якобы «бюрократического большевистского руководства», а на деле против власти рабочих и крестьян в СССР.

Полным провалом закончились попытки реставрировать капиталистический строй в нашей стране. Такая же участь уготовлена всем, кто все еще носится с мыслью осуществить с этой целью «политическую революцию» в СССР и других социалистических странах. Империалистическая пропаганда проявила особую активность в период, когда развернулась критика культа личности Сталина. Она всячески старалась нажить себе капитал на этом, предпринимала новую попытку реабилитировать троцкизм и опорочить историю борьбы КПСС против него. Но эти попытки не достигли и никогда не достигнут цели. Осуждение культа личности нашей партией ни в какой мере не означает реабилитации антиленинских

---

[1] См. *Georg Scheuer*. Von Lenin bis...? Die Geschichte einer Konterrevolution. Berlin und Hannover, 1957, S. 271.

течений. Программа КПСС считает исторической заслугой партии то, что она отстояла ленинизм в острой борьбе против троцкистов, правых оппортунистов, национал-уклонистов и других враждебных групп.

Империалистическая пропаганда стремится использовать троцкистские «пророчества» для того, чтобы отождествить чуждые социализму наслоения культа личности со всем общественным и государственным строем в СССР. Характерно, что буржуазная историография пытается провести ту мысль, что якобы Троцкий был «поборником демократии». Этот тезис повторяется во всех закоулках реакционной пропаганды. И это говорится о Троцком, который за период пребывания в партии большевиков (1917—1927 гг.) вполне проявил себя как бюрократ с диктаторскими замашками, как сторонник «завинчивания гаек», «перетряхивания профсоюзов» и т. п. Здесь нет необходимости освещать все перипетии борьбы партии с троцкизмом по этим вопросам. Напомним лишь некоторые исторические факты, характеризующие действительное отношение троцкистов к демократии, к социалистическому государству. Троцкий отводил пролетарскому государству «особую» роль. Если отношения между рабочим классом и крестьянством неизбежно должны вылиться в форму самой ожесточенной и непримиримой классовой борьбы, то отсюда, считал он, вытекает, что рабочее государство должно быть по отношению к крестьянству таким же жестоким аппаратом принуждения и подавления, как и по отношению к другим враждебным классам. Диктатура рабочего класса, по Троцкому, должна была осуществляться не в форме смычки, союза с крестьянством, а в форме господства над ним. Если Троцкий и думал о каком-либо «экономическом строительстве», то предлагал его вести за счет разорения и вытеснения крестьянства, рассматривая его в качестве объекта эксплуатации.

Поскольку Троцкий не верил в творческие, созидательные способности трудящихся Советской страны и уповал всецело на помощь извне, со стороны пролетариата Запада, постольку в его глазах хозяйственные функции Советского государства приобретали ничтожное значение и, наоборот, принуждение, административный нажим становился нормальным методом управления. «Никакая другая организация, кроме армии,— доказывал

Троцкий,— не охватывала в прошлом человека с такой суровой принудительностью, как государственная организация рабочего класса в тягчайшую переходную эпоху» [1]. Политика такого государства неизбежно становилась политикой крайнего волюнтаризма. Важную роль в ее осуществлении Троцкий отводил репрессиям. «Репрессия для достижения хозяйственных целей,— утверждал он,— есть необходимое орудие социалистической диктатуры» [2].

Если диктатура пролетариата мыслилась Троцким как состояние непрерывной борьбы пролетариата с крестьянством, то неизбежно по этой схеме и отношения партии с самим рабочим классом должны были строиться по законам военного времени. Троцкий отождествлял диктатуру пролетариата с диктатурой партии. «Диктатура пролетариата, по самому существу своему,— утверждал он,— означает непосредственное господство революционного авангарда...» [3]. У него получалась не диктатура пролетариата, а диктатура над пролетариатом. Между прочим, эту идею Троцкого буржуазные фальсификаторы зачастую приписывают Ленину. И вновь они замалчивают многократные высказывания Ленина о демократической сущности диктатуры пролетариата, о положении и роли партии в ее системе. В. И. Ленин всегда подчеркивал, что убеждение — единственно возможный и правильный метод работы пролетарской партии в рядах рабочего класса. Главную сущность пролетарской диктатуры он видел не в насилии, а в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся, их авангарда, их единственного руководителя, пролетариата, призванного создать социализм [4]. Даже в самые острые и суровые моменты классовой борьбы Ленин не переставал указывать на воспитание масс как основной метод диктатуры пролетариата.

«Пролетарская диктатура,— говорил он,— должна состоять больше всего в том, чтобы передовая, самая сознательная и самая дисциплинированная часть рабочих городских и промышленных... воспитали, обучили и дисциплинировали весь остальной пролетариат, часто несо-

---

[1] *Л. Троцкий.* Соч., т. XII, стр. 161—162.
[2] Там же, стр. 143
[3] Там же, стр. 107.
[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 385.

знательный, и всю трудящуюся массу и крестьянство»[1]. Замена метода убеждения приказом и угрозой в отношении пролетариата, вытекающая из писаний Троцкого, в корне противоречила ленинскому пониманию диктатуры пролетариата.

Не выдерживает критики и тезис об «интернационализме» Троцкого, который, как пытается, например, доказать Дейчер, был якобы «против распространения революции с помощью штыков»[2]. Факты говорят совсем о другом.

Троцкий выступал рьяным поборником идеи «революционной» войны как средства подталкивания революции извне. Правда, в 1937 г. он с наигранным негодованием отрицал свою причастность к пропаганде этой идеи, рассчитывая путем спекуляции на миролюбивых чаяниях трудящихся масс втереться к ним в доверие. Однако многие его писания говорят об обратном. В них в той или иной форме протаскивается тезис о войне как единственном радикальном средстве решения революционных задач. Имея в виду европейский пролетариат, Троцкий писал: «Война поставила его на ноги в революционном смысле». Далее он с пафосом восклицал: «До войны рабочий класс по социальному значению разве был бы способен революцию произвести?.. Война встряхнула рабочий класс»[3].

Применительно к России эта «философия» выглядела не менее воинственно. Так, фальсифицируя историю 1918 г., когда Советская власть завоевала спасительную временную мирную передышку, Троцкий доказывал, что тогда «революцию спасла не новая передышка, а, наоборот, новая острая опасность, которая вскрыла в пролетариате подспудные источники революционной энергии»[4]. Война — источник революционной энергии масс, без войны революция увянет и в конце концов погибнет — такой вывод вытекает из всех этих «откровений».

В противоположность Троцкому В. И. Ленин указывал, что прежде всего успехи советского народа в строительстве социализма, пропаганда опыта социалистическо-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 147.
[2] *Isaac Deutscher.* The Prophet Outcast, p. 519.
[3] *Л. Троцкий.* Пять лет Коминтерна, стр. 541.
[4] *Л. Д. Троцкий.* О. Ленине, стр. 122.

го строительства, преимуществ советского строя перед системой капиталистической эксплуатации должны служить могучим революционизирующим фактором, облегчающим победу пролетариата в других странах. Укрепляя первое государство диктатуры рабочего класса, трудящиеся СССР под руководством партии усиливали базу мировой социалистической революции. Они всегда оказывали братскую помощь революционным движениям в других странах. В годы второй мировой войны именно Советский Союз помог народам Европы и Азии освободиться от ига гитлеровского фашизма и японского милитаризма. Благодаря разгрому этих реакционных сил, при решающей роли Советского Союза, возникли благоприятные условия для победы народно-демократических и социалистических революций, для свержения власти помещиков и капиталистов народами ряда стран Европы и Азии.

Что касается троцкистов, то они мешали развитию мировой революции, стремясь ослабить своей раскольнической деятельностью ведущие революционные силы нашего времени — Коммунистическую партию Советского Союза и другие братские партии, первое в мире социалистическое государство — Советский Союз. Сам Троцкий в 1927 г., отвечая на вопрос председателя ЦКК ВКП(б) Г. К. Орджоникидзе о политической линии оппозиции в случае войны против СССР, прямо заявил, что оппозиция свергнет руководство партии даже в том случае, если враг будет у ворот Москвы.

Антипартийная деятельность оппозиции принимала антисоветский характер. Директивное письмо Троцкого от 21 октября 1928 г. было опубликовано одновременно в газете Маслова и в «Руле» — газете кадетов в Берлине. Характеризуя режим в СССР как «керенщину наизнанку», оно призывало к организации в Советском Союзе стачек, к срыву кампании по заключению коллективных договоров и подготовке кадров оппозиции для будущей гражданской войны.

Можно представить, какими тяжелыми были бы последствия для нашей страны, если бы Коммунистическая партия не разгромила идейно и организационно троцкистскую оппозицию перед суровой годиной войны против фашизма.

Троцкизм потерпел в нашей стране полное банкрот-

ство. Вопреки пророчествам троцкистов, ленинские заветы успешно осуществлялись и осуществляются советским народом под руководством Коммунистической партии. Успехи социалистического строительства в СССР способствовали дальнейшему политическому падению троцкизма, который окончательно превратился в контрреволюционное течение, направившее острие своей борьбы против Советского Союза, КПСС и международного коммунистического движения.

В последнее время определилась новая тенденция в буржуазной пропаганде, использующей троцкистское наследие.

Если раньше делался акцент на мнимой «тождественности» взглядов Ленина и Троцкого, то теперь буржуазные идеологи все настойчивее «отождествляют» троцкистскую капитулянтскую, оппортунистическую линию с ленинским курсом, проводившимся партией после смерти Ленина. Называя этот курс «сталинизмом», небезызвестный американский фальсификатор марксизма Альфред Мейер определяет его как «троцкизм плюс жестокость и минус утонченность» [1]. С усердием, достойным лучшего применения, этот антикоммунист доказывает, что «Троцкий... «изобрел» и пустил в оборот почти все основные пункты политической программы, которую впоследствии Сталин претворил в жизнь» [2]. С легкой руки Мейера Троцкий объявляется «изобретателем» всего и вся, включая проект Днепрогэса, государственное планирование, социалистическое соревнование, сдельную оплату труда рабочих и многое другое.

Эти заявления настолько вздорны, что их можно было бы и не опровергать.

Архивные материалы, партийные документы, сама историческая практика показывают всю их несостоятельность.

Возьмем, к примеру, сдельную оплату труда. Не кто иной, как Троцкий, проповедовавший мелкобуржуазную уравнительность, был ее ярым противником. В. И. Ленин во время профсоюзной дискуссии подверг уничтожающей критике троцкистский тезис о том, что «в области *потребления,* т. е. условий личного существования трудя-

---

[1] "Problems of Communism", 1967, N 6, p. 38.
[2] Ibid., p. 31.

щихся, необходимо вести линию уравнительности». Такую точку зрения Ленин характеризовал как «совершенную путаницу» [1]. «Когда,— отмечал Ленин,— речь идет о распределении продовольствия, думать, что нужно распределить только справедливо, нельзя, а нужно думать, что это распределение есть метод, орудие, средство для повышения производства» [2]. В. И. Ленин неоднократно повторял и углублял эту мысль. Напротив, троцкисты вроде Преображенского тщились доказать, что сдельная оплата есть система «буржуазных стимулов к труду», противопоказанная социализму. Как известно, наша партия перешагнула через этих пророков и твердо провела в жизнь ленинские принципы материального стимулирования работников труда (в том числе и на основе сдельщины).

Еще более чудовищной выглядит ложь Мейера о Троцком как «изобретателе» идеи социалистического соревнования. Ведь именно Троцкий постоянно кликушески кричал о том, что после гражданской войны революционный пафос рабочих «увял», что в их массе воцарились «усталость» и «апатия». Вопреки именно Троцкому и его последователям партия провела в жизнь ленинскую идею социалистического соревнования, взяв курс на построение социализма в нашей стране. Ответив пафосом социалистического труда, громадным размахом социалистического соревнования на призывы партии, рабочий класс Советской страны дал достойный ответ троцкистам и их апологетам, которые ставили под сомнение творческие способности трудящихся.

Еще меньше оснований у Мейера и ему подобных считать Троцкого «изобретателем» государственного централизованного планирования. Они не найдут ни одного сколько-нибудь убедительного факта в подтверждение этой выдумки. Общеизвестно, что принципы государственного планирования были обстоятельно разработаны В. И. Лениным. Ленину принадлежит идея создания первого государственного плана Советской России — ГОЭЛРО.

После смерти В. И. Ленина, следуя его заветам, Коммунистическая партия разработала первый и последую-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 212.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 359.

щие пятилетние планы. И не кто иной, как Троцкий, был ярым врагом указанных планов, неоднократно предрекавшим их провал. Сама жизнь посмеялась над этими пророчествами Троцкого. Так один за другим рушатся под напором фактов «пункты» платформы Троцкого, якобы «заимствованные» впоследствии ленинской партией.

Для чего империалистической пропаганде понадобилась эта новая волна «освоения» наследия Троцкого? Подоплеку этой диверсии раскрывает сам Мейер. В заключении своей статьи он проговаривается: «Как идеология, он (т. е. троцкизм) так глубоко погряз в своих вышедших из моды формулировках, что его последователи в условиях... новых революционных движений не могут соответствующим образом ориентироваться, тем менее, возглавить их» [1].

Итак, ларчик открывается просто. Троцкизм дискредитировал себя во всех пунктах своей программы. Ленинизм же торжествует. Это не устраивает Мейера и К°. Отождествив генеральную линию КПСС с троцкизмом, они хотят дискредитировать ленинизм. Но это безнадежная затея. Все больше людей за рубежом открывает глаза на истинное значение троцкизма. И не случайно единомышленник Мейера Л. Шапиро, имея в виду, в частности, и троцкизм, сетует на многих западных историков за то, что им претит «мусорная свалка» истории и что они «рассматривают изучение безуспешного протеста и оппозиции в советской истории с безразличием или даже отвращением» [2]. Можно понять этих историков. Уж очень неприятное дело гальванизировать трупы и выдавать их за живых.

* *
*

После выдворения из Советского Союза в 1929 г. Троцкий направил свою деятельность на раскол международного коммунистического движения. Он стремился насадить или расширить во всех коммунистических партиях свои фракции и с их помощью разложить эти партии. Он носился с идеей создания международного троцкистского центра в противовес III, Коммунистическому

---

[1] "Problems of Communism", 1967, N 6, p. 40.
[2] Ibid., p. 87.

Интернационалу — подлинному боевому штабу международного пролетариата. В сентябре 1938 г. на совещании троцкистских групп 11 стран было с помпой провозглашено создание IV, троцкистского интернационала. Троцкий по этому случаю громогласно заявил: «В течение ближайших десяти лет программа Четвертого интернационала завоюет на свою сторону миллионы».

И вот прошло не десять, а уже более тридцати лет. И что же? Оказывается, IV интернационал не добился влияния на массы ни в одной стране. Это горькое признание содержится в основной резолюции так называемого объединенного конгресса IV интернационала (июнь 1963 г.).

Чтобы полностью не исчезнуть с политической арены, троцкизм ныне пытается изменить свою политическую окраску, приспособиться к новым условиям, к таким реальным явлениям, как победа Советского Союза совместно со свободолюбивыми народами мира над германским фашизмом и японским милитаризмом; возникновение мировой системы социализма; полная, окончательная победа социализма в СССР; крах колониальной системы империализма и т. д. Перед лицом этой реальности троцкизм, переживающий перманентный кризис, стал лихорадочно искать средства спасения. Его деятели разработали тактику самосохранения, получившую впоследствии название «энтризма» («проникновения»). Троцкисты стали примазываться ко многим популярным лозунгам, надеясь таким образом вкрасться в доверие к массам.

Жизнь заставляет самих троцкистов втихомолку пересматривать наиболее одиозные пункты «наследия Троцкого». Теперь они уже не говорят о невозможности построения социализма в одной стране,— подобные заявления в наше время были бы просто смешны. Но троцкисты спешат найти замену обанкротившейся догме: и вот они уже ставят под сомнение возможность построения коммунизма в СССР.

Жизнь посмеялась над «пророчествами» Троцкого о неизбежности конфликта между рабочим классом и крестьянством, о развале колхозной системы и неминуемом поражении Советской власти. Эти факты вынужден констатировать и биограф Троцкого. «Если бросить ретроспективный взгляд,— пишет, например, Дейчер,— то становится очевидным, что Троцкий рисовал слишком

мрачную картину: колхозы в конце концов не потерпели провала» [1].

В. И. Ленин, вскрывая сущность мелкобуржуазных уклонов в рабочем движении, отмечал, что для выразителей подобных уклонов характерно шараханье из одной крайности в другую. Такая метаморфоза произошла и с троцкистами в крестьянском вопросе. В то время как Троцкий до конца своих дней отчаянно цеплялся за старую социал-демократическую догму о реакционности крестьянства, его последователи делают поворот на 180°. Они как ни в чем не бывало стали говорить о «радикальной» или даже «революционной» роли крестьянства, главным образом крестьянства слаборазвитых стран. Они теперь кричат о великом историческом значении национально-освободительного движения, которое в прошлом ими игнорировалось.

Парадоксально, но факт: троцкисты незаметно возвращаются к исходному пункту. Несмотря ни на что, догма Троцкого о неизбежности разрыва, конфликта между рабочим классом и крестьянством выплывает опять, но теперь не во внутригосударственном плане, а в международном.

Современные троцкисты проповедуют разъединение мирового пролетариата с национально-освободительным движением, в своей основе крестьянским по характеру и содержанию. Они выступают против ленинской теории гегемонии пролетариата в международном революционном процессе, всячески обособляя народные массы стран, завоевавших национальную независимость или борющихся за нее, от влияния революционной борьбы народов социалистических государств и рабочего класса развитых капиталистических стран. С одной стороны, они кричат о том, что социалистические страны, и прежде всего СССР, якобы «обуржуазиваются», рабочий класс капиталистических стран «погряз в оппортунизме», а с другой — тщатся доказать, что «авангардом», «главной силой мировой революции является национально-освободительное движение».

В противоположность этой порочной концепции троцкистов программные документы мирового коммунистического движения утверждают идеи незыблемого союза

---

[1] *Isaac Deutscher.* The Prophet Outcast, p. 97.

международного рабочего класса, его детища — мировой системы социализма — с национально-освободительным движением народов Азии, Африки и Латинской Америки. Нисколько не умаляя значения национально-освободительного движения, марксисты-ленинцы заявляют, что только гегемония рабочего класса может направить освободительное движение в русло последовательной борьбы против империализма и довести ее до конца. Лишь при этом условии антиимпериалистическое освободительное движение в конечном итоге приобретает подлинно социалистический характер.

В программе современных троцкистов есть один пункт, который они полностью, без каких-либо изменений, восприняли из «теории перманентной революции»,— это отрицание мирного сосуществования государств с различными социальными системами. Троцкистские деятели выступают против политики мирного сосуществования и скрытно (прячась за изобретенную еще Троцким формулу: «Ни мира, ни войны»), и открыто (называя политику мирного сосуществования «оппортунистической», «политикой умиротворения империализма»). Наиболее оголтелые троцкистские крикуны прямо указывают, чем они хотят заменить политику мирного сосуществования. «Стратегия рабочих государств,— писала 24 января 1963 г. газета «Фронте Обреро», орган уругвайских троцкистов,— означает: выступать, чтобы подталкивать мировую революцию, чтобы массы всего мира чувствовали, что подталкивание мировой революции, подталкивание социалистической революции — это лучший и единственный способ разложить капиталистические страны». Война, по их мнению,— лучший способ такого «подталкивания» революции. В этой связи указанная газета подчеркивает, что IV интернационал строит свою деятельность «на основе программы взятия власти, свержения капитализма, готовясь к атомной войне или подготавливая превентивную войну раньше, чем ее развяжет империализм». В таком же духе выступают и некоторые другие газетенки и журналы, издающиеся троцкистами во Франции, Италии, США, Бразилии, Боливии, Чили.

IV интернационал представляет собой отвратительное зрелище. Подобно паукам в банке, троцкистские группки, примыкающие к нему, грызутся между собой.

Одна троцкистская группировка называет себя «Международным секретариатом», другая — «Международным комитетом», третья — «Латиноамериканским бюро». В 1954 г. возня в IV интернационале вылилась в открытый раскол. Споры среди троцкистов велись главным образом вокруг методов борьбы против марксистско-ленинских партий. Лишь в июне 1963 г. разношерстные троцкистские организации вновь формально объединились. Это произошло на VII, так называемом объединительном конгресе IV интернационала. Но, не успев объединиться, троцкисты вновь раскололись. В Англии на основе «Лейбор Ревю», органа Социалистической лейбористской лиги (организации троцкистского толка), стал выходить журнал международного комитета IV интернационала под названием «Четвертый интернационал». Этот новый журнал противопоставляет себя старому одноименному журналу, органу международного исполнительного комитета IV интернационала. «Новичок» обвиняет своего «старого собрата» по извращению марксизма в недостаточном «радикализме», в попытках приспособиться к обстановке в ущерб троцкистской доктрине [1].

Не свидетельство ли это окончательного краха троцкизма — идейного и организационного?

* *
*

Империалистическая реакция в борьбе против СССР и мирового коммунистического движения не брезгает никакими средствами. Она охотно использует и всевозможные оппозиционные группки и течения, путающиеся в рядах международного пролетариата. Вот почему даже обанкротившийся троцкизм оказался на вооружении антикоммунизма. Империалистических идеологов не смущает ультрареволюционная фразеология троцкистов. Для них важна суть этого течения, направленного своим острием против Советского Союза, против мировой социалистической системы, международного коммунистического движения.

---

[1] "Fourth International. A Journal of International Committee of the Fourth International". 1964. Vol. I, p. 4—21.

Но идеологам антикоммунизма следовало бы помнить, что рабочий класс всех стран давно уже разгадал контрреволюционную суть троцкизма. В этом ему помог многолетний опыт борьбы нашей ленинской партии против троцкизма, его идеологии и практики. Он свидетельствует о неодолимости идей творческого марксизма-ленинизма, о неизбежности падения догматизма и ревизионизма, в какие бы «левые» одежды они ни рядились.

В. И. Тетюшев

ПРАВЫЙ ОППОРТУНИЗМ В ВКП(б) ПОД ЗАЩИТОЙ АПОЛОГЕТОВ КАПИТАЛИЗМА

Международному рабочему движению постоянно приходится бороться с правым оппортунизмом в своих рядах. Эту опасность нельзя сбрасывать со счетов и тогда, когда на передний план выдвигается «левый», псевдореволюционный уклон. Буржуазные идеологи всячески затушевывают классовую сущность правого оппортунизма, понимая, что его влияние на массы укрепляет позиции капитала. Они фальсифицируют историю борьбы против правого уклона в ВКП(б), учитывая, что опыт этой борьбы имеет важное практическое значение для рабочих и коммунистических партий в их повседневной деятельности.

Кроме того, их пугает тот факт, что народы освободившихся от колониализма стран в поисках кратчайшего пути к экономическому и социальному прогрессу неизменно обращаются к поучительному историческому примеру Советского Союза, построившего социализм. Не решаясь ныне открыто предлагать негодный товар — капитализм, антикоммунисты идут на хитрость, пытаясь навязать его развивающимся странам в привлекательной «социалистической» упаковке. Под видом социализма они пропагандируют правооппортунистическую идеологию, изображают правых фракционеров в ВКП(б) во главе с группой Бухарина ортодоксальными марксистами-ленинцами, а их политическую платформу — наиболее целесообразным и эффективным вариантом плана социалистического строительства [1]. Профессор Гарвардского университета А. Улам, касаясь перспектив разви-

[1] См., например, *D. Mitrany.* Marx Against the Peasant. A Study in Social Dogmatism. The University of North Carolina Press, 1951, p. 72; *L. Schapiro.* The Communist Party of the Soviet Union. New York, 1960, p. 365; *L. Volin.* Agricultural Organization. "Soviet Economic Growth. Conditions and Perspectives", New York, 1953, p. 285.

тия советской деревни, пишет, например, что к концу 20-х годов у Советской власти имелись два возможных плана развития сельского хозяйства: во-первых, производственное кооперирование деревни, коллективизация сельского хозяйства и, во-вторых, «действительно имевший смысл», по его мнению, план, который «защищался крылом Бухарина — Рыкова в партии» [1]. Английский экономист А. Ноув, признавая, что освободившиеся страны внимательно изучают «путь, по которому идут вперед русские», также объявляет «советский опыт» социалистического преобразования сельского хозяйства неубедительным, пытается доказать, что «более логичной и более обещающей» была бы «прокулацкая политика» правых [2].

Усиление пропаганды правого ревизионизма буржуазными идеологами связано также с теми мероприятиями в области развития сельского хозяйства, которые проводит в последние годы КПСС. Антикоммунисты пытаются выдать эти мероприятия (совершенствование экономических методов руководства колхозами и совхозами, снятие необоснованных ограничений с приусадебного хозяйства колхозников и т. п.) за отказ от идей марксизма-ленинизма. Они утверждают в этой связи, что в Советском Союзе наметился процесс так называемой «гибридизации» общества, в котором-де разумно сочетается «кое-что от капитализма» и «кое-что от социализма». Не случайно поэтому противники социализма поднимают на щит бухаринские «теории» «сосуществования» капиталистических и социалистических элементов в экономике, затухания классовой борьбы, мирного врастания капитализма в социализм.

Фальсификация истории борьбы против правого уклона в ВКП(б) проводится в буржуазной историографии по многим линиям. Мы познакомимся с трактовкой западными историками лишь некоторых из основных проблем, связанных с преодолением в партии правого уклона.

* *
*

Особое внимание западные историки уделяют важнейшему вопросу разногласий партии с правыми

---

[1] См. *Adam B. Ulam.* The New Face of Soviet Totalitarianism. Harward University Press. Cambridge, Massachusetts, 1963, p. 33.
[2] "Soviet Studies", Vol. X, April 1959, N 4, p. 387.

оппортунистами — вопросу классовой политики в переходный период. Они пытаются отождествить бухаринскую «теорию» классового сотрудничества с учением В. И. Ленина о союзе рабочего класса и крестьянства. Так, например, Л. Шапиро, характеризуя Бухарина как проповедника «эволюционного пути к социализму», политики «мирного развития страны», всерьез разглагольствует о том, что позиция Бухарина будто бы целиком соответствовала взглядам В. И. Ленина [1].

Известно, что Бухарин, игнорируя факт существования в деревне антагонистических классов, считал возможным избежать обострения классовой борьбы, не искореняя условий, порождающих капиталистическую эксплуатацию. В 1925 г. в одной из своих брошюр, объясняя причины кулацкого террора, он утверждал, например, что по мере улучшения работы советского аппарата и укрепления местных партийных организаций «такого рода явления будут, как это совершенно очевидно, становиться все более редкими и в конце концов бесследно исчезнут» [2]. Исходя из такой посылки, Бухарин навязывал партии политику союза рабочего класса со всем крестьянством, пытался доказать, что «диктатура пролетариата служит оболочкой для известного сотрудничества классов» [3].

Подобную концепцию классовой политики Бухарин защищал и в последующие годы. Выступая, например, в январе 1929 г. с докладом, известным под названием «Политическое завещание Ленина», посвященным пятилетию со дня смерти Владимира Ильича, Бухарин, имея в виду рабочий класс и крестьянство в целом, вновь высказался против «раздвигания пропасти между основными классами» [4]. Ревизуя фактически ленинские взгляды на классовую политику в деревне, Бухарин одновременно заявлял о своем якобы полном согласии с В. И. Лениным.

Вот за эту идею классового сотрудничества и ухватились современные идеологи капитала. Ссылаясь на Буха-

---

[1] См. *L. Schapiro.* Op. cit., p. 378, 382.

[2] *Н. Бухарин.* Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз. М — Л., 1926, стр. 54.

[3] *Н. Бухарин.* К вопросу о троцкизме. М.— Л., 1925, стр. 146.

[4] *Н. И. Бухарин.* Политическое завещание Ленина. Доклад на торжественном заседании, посвященном 5-летию со дня смерти Ленина. М., 1929, стр. 10.

рина, они пропагандируют ее в качестве «эффективного», «неиспользованного опыта» в классовой политике в период социалистического строительства. Бухарин, мотивируя свое утверждение, будто бы В. И. Ленин высказывался «против раскола общества» в смысле — за союз с кулачеством в социалистическом строительстве, но не находя подтверждения этому вымыслу в произведениях В. И. Ленина, ссылался на известное место из письма К. Маркса Ф. Энгельсу от 16 апреля 1856 г. «Все дело в Германии,— писал К. Маркс,— будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием Крестьянской войны. Тогда дела пойдут превосходно» [1]. Проводя аналогию, Бухарин утверждал, что «у нас социалистическая революция в значительной мере держится на том *особом* сочетании классовых сил, которое было учтено еще Марксом». В «сочетании пролетарскои революции и крестьянской войны» он и усматривал «основу развертывания *социалистической* революции в нашей стране» [2]. Подобную интерпретацию слов К. Маркса Бухарин приписывал В. И. Ленину. Как он утверждал, «эти смелые рассуждения» были «необходимы Владимиру Ильичу... для того, чтобы протянуть отсюда нитку для дальнейшего» [3]. На деле же протягивал эту «нитку», очевидно, сам Бухарин, причем с целью ревизии ленинского учения о союзе рабочего класса и крестьянства.

Как известно, в указанном письме К. Маркса речь шла о сочетании пролетарской революции с антифеодальной войной, из чего, однако, отнюдь не вытекало, что деревенскому капиталисту-кулаку отводилась роль союзника пролетариата в социалистической революции и в последующем социалистическом строительстве. Взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на этот счет были совершенно иными. В написанном, например, ими «Обращении Центрального Комитета к Союзу коммунистов» (март 1850 г.) ясно указывалось, что на социалистическом этапе революции рабочие должны объединиться с сельским пролетариатом против капитала [4].

И в России крестьянство в целом шло с рабочим

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 29, стр. 37.
[2] *Н. И. Бухарин.* Политическое завещание Ленина, стр. 8.
[3] Там же.
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, стр. 265.

классом только на этапе буржуазно-демократической революции, а в ходе социалистической революции оно раскололось, и кулачество перешло к активной борьбе с Советской властью. Как указывал В. И. Ленин, *«этот* процесс развился летом и осенью 1918 года»[1]. Исходя из новой расстановки классовых сил, В. И. Ленин в 1918 г. с предельной четкостью сформулировал сущность политики партии в деревне. В статье «Ценные признания Питирима Сорокина» (ноябрь 1918 г.) он писал: «Уметь достигать соглашения с средним крестьянином — ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту — это задача момента...»[2]. Этот лозунг, подтвержденный затем VIII съездом РКП(б), и лег в основу классовой политики партии на весь переходный период.

Усиленно пропагандируя бухаринскую «теорию» классового сотрудничества, противники социализма вместе с тем грубо извращают политику партии в деревне. Как и Бухарин в прошлом, современные антикоммунисты характеризуют курс ВКП(б) на ликвидацию кулачества как класса как политическую линию, направленную против всего крестьянства. Многие буржуазные историки — Г. Раух, С. Прокопович, Л. Шапиро, А. Ноув и др. изображают наступление на кулачество в период массовой коллективизации как политику натравливания бедноты против остальной части деревни, «развязывания своего рода войны против всего крестьянства»[3].

Сознательно искажая действительное положение дел в деревне в конце 20 — начале 30-х годов, замалчивая антисоветскую деятельность кулачества, фальсификаторы лицемерно осуждают ими же самими приписанную партии политику по отношению к крестьянству. В связи с этим они выдвигают тезис о «миролюбии кулака», утверждают, что будто на основе именно такой оценки кулачества Ленин определял тактику по отношению к этому последнему эксплуататорскому классу в России. И все это «специалисты» по истории КПСС, как правило, подтверждают ссылками на высказывания Бухарина.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 313.

[2] Там же, стр. 195.

[3] *G. v. Rauch.* Geschichte des bolschewistischen Russland. Wiesbaden, 1956, S. 244; "Soviet Studies". Vol. X, April 1959, N 4, p. 387; *С. Н Прокопович.* Народное хозяйство СССР, т. 1. Нью-Йорк, 1952, стр. 187; *L. Schapiro.* Op. cit., p. 382.

Идеологи антикоммунизма, толкующие о «миролюбии» кулака, разжигании «классовой войны» в деревне, на деле замалчивают или преподносят в фальсифицированном виде исторические факты, программные положения ленинской партии по крестьянскому вопросу. Отношение В. И. Ленина к кулачеству никогда не вызывало двоякого толкования. Если Ф. Энгельс полагал, что при определенных условиях можно обойтись и без экспроприации крупного крестьянства, то в России, где впервые победила социалистическая революция, в условиях капиталистического окружения такое решение вопроса оказалось невозможным. В. И. Ленин, исходя из конкретной обстановки, говорил по поводу указанного предположения Ф. Энгельса: «В России это предположение не оправдалось: мы стояли, стоим и будем стоять в прямой гражданской войне с кулаками. Это неизбежно» [1].

Такая неизбежность была продиктована, разумеется, не «догматическими установками» марксизма, как пытаются изобразить дело антикоммунисты, а поведением самого кулачества — оплота всех контрреволюционных сил в России. Исходя из реальной действительности, В. И. Ленин характеризовал кулака бешеным врагом Советской власти, грабительским меньшинством народа, миру с которым не бывать [2]. В. И. Ленин постоянно обращал внимание партии на то, что последняя схватка с кулачеством еще впереди. Так, в 1922 г. на XI съезде РКП(б) он указывал, что в ближайшем будущем предстоит «последний и решительный бой» с русским капитализмом, вырастающим из мелкого крестьянского хозяйства [3], т. е. с кулачеством.

Жизнь подтвердила ленинское предвидение. В годы нэпа, когда кулачество усилилось экономически, оно предприняло бешеную атаку на позиции партии и Советского государства в деревне, рассчитывая сорвать проведение социалистического преобразования сельского хозяйства, надеясь вырвать у Советской власти политические уступки. Об этом намерении кулак ясно заявил в 1928 г. мощной «хлебной стачкой», террором против советских и партийных работников, сельских активистов, открытыми контрреволюционными выступлениями. Все

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 145.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 40.
[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 83.

это свидетельствует о том, что только тот, кто умышленно игнорирует действительные факты истории, как это делают антикоммунисты, может утверждать, что классовые противоречия в СССР могли исчезнуть сами собой.

Буржуазные историки (Г. Раух, Л. Волин и др.), стремясь придать правдоподобность своей выдумке насчет тождественности взглядов Бухарина с ленинизмом, утверждают, что вообще вся партия вплоть до начала сплошной коллективизации руководствовалась будто бы при определении своей политики в деревне бухаринской «мирной», «эволюционной» классовой теорией [1]. Однако и в этом случае они предпочитают обходить молчанием конкретные факты, свидетельствующие об истинном положении дел. Действительно, правые стремились навязать партии свою политику сотрудничества с кулачеством, но безуспешно. Такую линию в вопросе о классовой борьбе в деревне они пытались протащить, например, в Политбюро ЦК накануне ноябрьского (1928 г.) Пленума ЦК ВКП(б), а затем и на самом Пленуме [2]. Однако большинство участников Пленума отвергло «теорию» затухания классовой борьбы, которую отстаивала группа Бухарина. В резолюцию Пленума, проект которой обсуждался в Политбюро, было включено положение о том, что период выкорчевывания капитализма «не может не означать обострения классовой борьбы в стране». Такая оценка социально-классовой обстановки, создавшейся в стране, была подтверждена на ноябрьском (1928 г.) Пленуме ЦК, а затем на апрельском (1929 г.) объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), а также на XVI партийной конференции. В резолюции конференции было записано: «Партия решительно *отвергает антиленинскую теорию врастания кулака в социализм как теорию, ведущую к разоружению рабочего класса перед классовыми врагами,* к усыплению его революционной бдительности, к ослаблению его боеспособности в борьбе за преодоление хозяйственных трудностей на основе генеральной линии партии» [3].

Развитие классовых отношений в деревне, ход социалистического преобразования сельского хозяйства в СССР полностью опровергли расчеты Бухарина на

---

[1] См. *G. v. Rauch.* Op. cit., S. 241; *L. Volin.* Op. cit., p. 285.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 417, л. 120—121.
[3] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 582.

мирное разрешение противоречий между силами социализма и капитализма в деревне. Но что до этого современным фальсификаторам! Стремясь опорочить осуществленные под руководством Коммунистической партии меры по выкорчевыванию корней капитализма в сельском хозяйстве и ликвидации кулачества, они и поныне продолжают пропагандировать правооппортунистическую идеологию, бухаринские «теории» затухания классовой борьбы, мирного врастания капитализма в социализм. Буржуазные апологеты пытаются отвлечь внимание трудящихся деревни несоциалистических стран от революционной задачи — ликвидации капиталистической эксплуатации.

* *
*

Защищая теоретические установки Бухарина, политическую платформу правой оппозиции, буржуазные историки и экономисты грубо извращают смысл новой экономической политики. Их интерпретация нэпа не оригинальна. Чаще всего это — лишь повторение концепций сменовеховцев и прочих идеологов реставрации капиталистического строя в нашей стране, усматривавших в нэпе «введение капитализма». Такую оценку нэпа дают А. Улам, В. Шарндорф [1] и многие другие буржуазные историки и экономисты.

Подобная трактовка новой экономической политики буржуазными идеологами обусловливает их оценку взглядов правой оппозиции на нэп. А. Улам, А. Ноув, Н. Рязановский, Л. Шапиро, Л. Волин и др.[2] считают, что для группы Бухарина нэп являлся политикой, открывавшей капиталистический путь развития сельского хозяйства в СССР. Такая в общем-то объективная оценка правооппортунистических взглядов на нэп могла бы и не привлечь внимания, если бы буржуазные историки не представляли дело таким образом, что будто не только правые, но и В. И. Ленин, партия в целом в 1921 г. созна-

---

[1] См. *A. B. Ulam.* Op. cit., p. 33; *W. Scharndorff.* Die Geschichte der KPdSU. München, 1961, S. 95.

[2] См. *A. B. Ulam.* Op. cit., p. 33, 34; "Soviet Studies", Vol. X, April 1959, N 4, p. 387; *N. V. Riasanovsky.* A History of Russia. New York. Oxford Univ. Press, 1963, p. 543; *L. Schapiro.* Op. cit., p. 368; *L. Volin.* Op. cit., p. 285.

тельно пошли на «введение капитализма» в нашей стране.

Характерны в этом отношении рассуждения А. Улама, считающего, что «марксизм был официальной идеологией» партии, тогда как нэп был некоей «экономической реальностью», под воздействием которой часть коммунистов пошла якобы на компромисс, т. е. позволила развиваться в деревне капитализму, позволила кулаку «расти и стать преобладающей силой в деревне» [1]. Примерно так же рассуждают Н. Рязановский и А. Мазур [2]. Они, следовательно, противопоставляют новую экономическую политику марксизму.

Не останавливаясь на этом, фальсификаторы пытаются изобразить отступником от марксизма и самого В. И. Ленина, который будто бы тоже «не строил иллюзий» насчет победы социализма в одной стране, отрицал ее возможность [3]. А. Мазур пишет, что Ленин, «столкнувшись с реальностью», «оставил свою надежду на мировую революцию», «пошел на компромисс» с капитализмом, предложив ввести нэп. Что имеют в виду буржуазные историки под компромиссом, можно судить по словам того же А. Мазура. Для Ленина, пишет он, новая экономическая политика была «рассчитана на некий вид капитализма, укрепляющегося в социалистическом государстве» [4].

Мы видим, таким образом, что антикоммунисты в корне извращают взгляды В. И. Ленина на нэп, извращают действительное содержание нэпа как политики, направленной на укрепление союза рабочего класса с трудящимся крестьянством под руководством рабочего класса, на построение социализма в СССР, отождествляют ее с правооппортунистическим толкованием нэпа. Наиболее грубо и неприкрыто делает это Л. Шапиро. Говоря о бухаринской «теории» врастания капитализма в социализм, он прямо заявляет, что «это была классическая теория нэпа, логически вытекавшая из последних работ Ленина». Солидаризируясь с бухаринским пониманием так

---

[1] *A. B. Ulam.* Op. cit., p. 32, 33.

[2] См. *N. V. Riasanovsky.* Op. cit., p. 543; *A. G. Mazour.* Russia Tsarist and Communist. Toronto, New York, London, 1962, p. 623.

[3] См., например, *W. Scharndorff.* Op. cit., S. 38; *E. Boettcher.* Die Sowjetische Wirtschaftspolitik am Scheidewege. Tübingen, 1959, S. 81; *A. G. Mazour.* Op. cit., p. 623.

[4] *A. G. Mazour.* Op. cit., p. 623.

называемого «эволюционного пути к социализму» как политики стимулирования капитализма в сельском хозяйстве, политики, не допускавшей экспроприации кулачества, Шапиро утверждает далее, что «Бухарин был прав, доказывая, что Ленин задумал нэп как эволюционный путь к социализму» [1].

Бухарин, как известно, прилагал немалые старания, пытаясь выдать свои взгляды на нэп за «дальнейшую разработку» ленинизма. Указывая, например, на одну из тех важнейших теоретических проблем, которые, по его мнению, наметил В. И. Ленин и «которые нам необходимо разработать», Бухарин писал: «Это, во-первых, учение, или намечающееся учение, о врастании в социализм после победы рабочей революции» [2]. Как он утверждал, после завоевания в нашей стране власти рабочим классом «дальнейшее развитие к социализму идет эволюционным путем и не может иначе идти» [3].

Таким образом, вместо дальнейшего развития революции, в том числе и в деревне, Бухарин говорил об эволюционном врастании капитализма в социализм, отождествляя при этом свои взгляды с ленинскими [4]. Эти высказывания Бухарина и служат ныне в качестве «аргументации» буржуазным историкам, уверяющим несведущих читателей в том, что В. И. Ленин задумал нэп как «эволюционный путь к социализму».

В. И. Ленину, как известно, вообще не свойственно было употребление таких терминов, как «врастание» и т. п. Всегда, в том числе и когда речь шла о нэпе, он говорил о революционных преобразованиях в экономике, в классовой структуре общества. На X съезде РКП(б), например, он подчеркивал, что в условиях, «когда пролетарская революция развертывается в стране, где пролетариат в меньшинстве, где большинство мелкобуржуазное» [5], роль пролетариата заключается в руководстве переходом этих мелких хозяев к новому, обобществленному, коллективному способу производства в сельском хозяйстве. В нэпе, следовательно, В. И. Ленин видел новый

---

[1] *L. Schapiro.* Op. cit., p. 378.

[2] *Н. Бухарин.* Атака (Сборник теоретических статей). М., 1924, стр. 27.

[3] *Н. Бухарин.* Ленин как марксист, стр. 42.

[4] См. там же.

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр соч., т. 43, стр. 26.

этап развития революционного процесса в стране, в том числе и в деревне, но отнюдь не какую-то «эволюцию».

Абсурдность попыток фальсификаторов приписать В. И. Ленину правооппортунистические взгляды становится очевидной при рассмотрении подлинного содержания разработанной В. И. Лениным, партией новой экономической политики.

Новая экономическая политика была единственно правильной политикой Советского государства в переходный от капитализма к социализму период. Она была рассчитана на создание фундамента социалистической экономики, укрепление союза рабочего класса и крестьянства под руководством рабочего класса, на вытеснение, а затем ликвидацию капиталистических элементов и в конечном счете на победу социализма.

В. И. Ленин подчеркивал, что главной задачей, «основой и сущностью» нэпа являлось установление экономической смычки между социалистической промышленностью и мелкокрестьянским хозяйством. Эта смычка, по мысли Ленина, должна была осуществляться при условии ведущей роли социалистического сектора по отношению к мелкотоварному крестьянскому производству и обеспечить в конечном счете победу социализма во всех отраслях экономики. Указывая на то, что «сущность новой экономической политики есть союз пролетариата и крестьянства», В. И. Ленин точно определял, с какой именно частью деревенского населения состоит в союзе рабочий класс — с «большинством крестьянского населения» [1], т. е. с трудящимися слоями крестьянства. «Нам нужно строить нашу государственную экономику применительно к экономике середняка...» [2],— подчеркивал он на X съезде РКП(б). Следовательно, новая экономическая политика не имела ничего общего с линией на безудержное развитие кулацкого производства, с бухаринской «теорией» мирного врастания капитализма в социализм, пропагандируемой ныне фальсификаторами.

Искажение трактовки сущности нэпа в работах буржуазных «советологов» логически связано с той характеристикой, какую они дают всей политической линии партии в 20-х годах. Правые, во главе с группой Бухарина,

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 322; т. 43, стр. 58.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 71.

изображаются ни более ни менее как «проводниками» ленинской политики в крестьянском вопросе, а большинство ЦК ВКП(б), партия в целом до определенного момента — в качестве исполнителей воли Бухарина. Такие измышления содержатся в «трудах» Г. Рауха, А. Улама, Л. Шапиро, Г. Динерштейна и многих других. А. Улам, например, характеризуя нэп как политику, поощряющую развитие капитализма, делает вывод, что именно такому процессу, т. е. линии Бухарина, вся партия «оказывала поддержку в 1924—1925 годах» [1].

Однако «аргументация» этого тезиса не выдерживает критики. Чаще всего фальсификаторы прибегают к такому «доводу»: ЦК партии якобы санкционировал выступление Бухарина в 1925 г. с лозунгом «обогащайтесь», означавшим на практике призыв к безудержному развязыванию капиталистических тенденций в деревне. Г. Динерштейн прямо заявляет, что лозунг Бухарина «обогащайтесь» «первоначально... был утвержден ЦК и ПБ» [2]. В действительности же дело обстояло иначе.

Как известно, с лозунгом «обогащайтесь» Бухарин обратился ко «всему крестьянству» 17 апреля 1925 г. в докладе «О новой экономической политике и наших задачах» на собрании партийного актива Москвы. В дальнейшем Бухарин пытался теоретически обосновать свой лозунг, делая это, разумеется, под флагом разъяснения «партийной» политики. Однако партия, ее ЦК немедленно отмежевались от подобных «разъяснений». На XIV партийной конференции (апрель 1925 г.) против этого лозунга выступил Генеральный секретарь ЦК РКП(б) И. В. Сталин, заявивший, что «лозунг «обогащайтесь» не есть наш лозунг» [3]. В этой связи большинство ЦК партии предложило Бухарину выступить в печати с заявлением об ошибочности его лозунга.

Центральный Комитет пресекал пропаганду бухаринского лозунга. Секретариат ЦК РКП(б) поправил позицию «Комсомольской правды», в которой появились ошибочные статьи, посвященные данному вопросу. Оргбюро ЦК освободило автора одной из этих статей Стецкого от

---

[1] *G. v. Rauch.* Op. cit., S. 241; *A. B. Ulam.* Op. cit., p. 33; *H. S. Dinerstein.* Communism and the Russian Peasant. Glencoe, 1955, p. 18. *L. Schapiro.* Op. cit., p. 365.

[2] *H. S. Dinerstein.* Op. cit., p. 18.

[3] *И. В. Сталин.* Соч., т. 7, стр. 382.

должности редактора «Комсомольской правды», а в редакцию 2 июня 1925 г. от имени ЦК РКП(б) было направлено письмо, в котором говорилось: «Лозунг этот не наш, он неправилен... Наш лозунг — социалистическое накопление» [1]. Острой критике лозунг Бухарина подвергся на XIV съезде партии. По требованию Центрального Комитета Бухарин вынужден был публично выступить с осуждением своего лозунга [2].

Обращает на себя внимание еще один «довод» буржуазных авторов в защиту тезиса о тождественности политики партии по отношению к крестьянству в 20-е годы с бухаринской линией. Некоторые из фальсификаторов, доказывая, что партия устами Бухарина провозгласила будто бы прокулацкую политику в деревне, ссылаются на решения XIV партийной конференции. А. Улам, например, ставит знак равенства между решениями этой конференции о расширении прав найма рабочей силы, аренды земли и бухаринским лозунгом «обогащайтесь» [3].

Этот «аргумент» совершенно несостоятелен. XIV конференция расширила права на аренду земли, облегчила условия найма рабочей силы, сняла ряд ограничений с крестьянской торговли. Но она отнюдь не поддержала бухаринскую политику «ставки на кулака», как утверждают антикоммунисты. Осуществление намеченных конференцией мер способствовало сокращению размеров безработицы в деревне, устранению остатков «военного коммунизма» в экономических отношениях между городом и деревней. Дальнейшее развитие товарооборота на основе нэпа способствовало росту темпов социалистического накопления, ограничению эксплуататорских тенденций кулачества, укреплению позиций социализма в деревне, во всей стране. Партия также сознавала, что подобные мероприятия ведут вместе с тем к известному усилению капиталистических элементов в сельском хозяйстве. XIV партконференция подчеркивала, что вся работа партии в деревне должна была вестись таким образом, «чтобы обеспечить интересы малоимущих и середняцких слоев населения», а общая политика партии и

---

[1] «XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)». Стенографический отчет. М.—Л., 1926, стр. 205.

[2] См. там же, стр. 149.

[3] См. *A. B. Ulam.* Op. cit., p. 33.

Советской власти направляться «в сторону укрепления социалистических начал нашего народного хозяйства...»[1].

В решениях XIV конференции были намечены конкретные меры по осуществлению этой политической линии. Основное внимание уделялось кооперированию крестьян, в котором в соединении с расширением государственного кредита партия видела важнейшее условие «для постепенного приобщения крестьянских масс к социалистическому строительству и для проведения пролетарского руководства в деревне». Чтобы обеспечить руководящую роль в кооперировании бедняцко-середняцкой части крестьянства, конференция указала на необходимость введения в устав кооперативов ограничений, которые гарантировали бы «недопущение в правления обществ явно кулацких элементов»[2]. Содержание решений XIV партийной конференции, таким образом, на деле опровергает измышления противников социализма, будто бы партия проводила бухаринскую политику. Конференция еще раз подтвердила ленинскую генеральную линию партии в деревне.

Итак, попытки антикоммунистов извратить ленинские взгляды на нэп, на сущность политики партии в деревне в переходный период никого не убеждают. Новая экономическая политика, выработанная В. И. Лениным, явилась политикой, направленной на построение фундамента социализма в СССР. Она не имела ничего общего с бухаринской «эволюционной» теорией врастания капитализма в социализм. «Экономически и политически,— указывал В. И. Ленин,— *нэп* вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики»[3]. Практическая деятельность партии по руководству социалистическим строительством полностью подтвердила правильность разработанного В. И. Лениным курса.

* *
*

С антинаучным толкованием нэпа тесно связана трактовка буржуазными историками и экономистами проблемы кооперирования крестьянства в СССР. Если нэп, как они утверждают, был рассчитан в основном на развитие

[1] «КПСС в резолюциях ..», ч. II, стр. 147, 146.
[2] Там же, стр. 133, 147.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 60—61.

капитализма, то процесс кооперирования, следовательно, должен был охватывать лишь сферу товарооборота, что сохранило бы условия для капиталистического производства в деревне. Поскольку же фальсификаторы не делают различия между ленинским и правооппортунистическим пониманием нэпа, они расценивают производственное кооперирование крестьянства, коллективизацию, как полное отступление от ленинизма. «Политика коллективизации,— пишет К. Хант,— которая закончилась экспроприацией кулака, ясно, была отклонением от учения Ленина» [1]. То же самое утверждают Л. Волин, Л. Шапиро, В. Гофман и др. Многие из них считают, будто В. И. Ленин вообще не ставил задачу производственного кооперирования деревни [2].

Бухарин же в данной ситуации представляется ими в качестве марксиста-ленинца, противника «антиленинской» крестьянской политики, которую якобы проводила партия. Так, К. Хант, исходя из своего толкования коллективизации как «отклонения от учения Ленина», утверждает, что она проводилась «вопреки значительной оппозиции внутри Политбюро», т. е. вопреки группе Бухарина [3]. Американский историк Г. Эллисон, характеризуя позицию правого крыла в ВКП(б), пишет, что «общая политическая линия Бухарина» представляла собой «синтез, не выходящий из рамок коммунистической аграрной теории, взглядов Ленина в его последние годы и опыта, который продолжался в годы после смерти Ленина» [4].

«Аргументация» этих измышлений опять-таки почерпнута из работ Бухарина, который, как известно, в 20-е годы сам фальсифицировал ленинский кооперативный план. На словах признавая ленинскую идею производственного кооперирования, Бухарин, правые вообще противопоставляли производственному объединению крестьянства кооперирование в сфере торговли и кредита. В колхозах Бухарин видел «естественную форму органи-

---

[1] *R. N. Garew Hunt.* The Theory and Practice of Communism. London, 1951, p. 188.

[2] См. "The Journal of Political Economy", August, 1953, N 4, p. 295; *L. Schapiro.* Op. cit., p. 373; *W. Hofmann.* Die Arbeitsverfassung der Sowjetunion. Berlin, 1956, S. 11—12

[3] *R. N. Carew Hunt.* Op. cit., p. 378.

[4] "The American Slavic and East European Review", April 1961, N 2, p. 201.

зации» лишь бедных хозяйств[1]. А подавляющая часть деревни, по его мнению, должна была идти к крупному коллективному производству путем постепенного врастания в социализм, как он выражался, «всей лестницы» кооперативных организаций, объединявших середняцкие и кулацкие хозяйства по линии закупок, сбыта и кредита[2]. Не колхозы, а торговую кооперацию рассматривал Бухарин как «столбовую дорогу» деревни к социализму[3].

Стремясь оживить эти и им подобные «теоретические» положения Бухарина, современные фальсификаторы истории преподносят их читателю как прямое развитие взглядов В. И. Ленина. Однако на деле в рассуждениях Бухарина о кооперации отсутствовало то главное, что являлось душой ленинских взглядов на кооперацию,— идея производственного кооперирования деревни. По Бухарину, выходило, что В. И. Ленин будто бы и не ставил перед партией в качестве главной задачу производственного кооперирования деревни, ограничившись лишь указанием на необходимость объединения крестьянских хозяйств в сфере товарообмена. Если же учесть, что Бухарин, выдававший за развитие ленинского кооперативного плана собственную «теорию» кооперирования крестьянства, считал в ней «основной линией... блок с крестьянством, который организуется в кооперацию», т. е. блок и с кулачеством, то выходило, что В. И. Ленин будто бы не считал обязательной ликвидацию капитализма в сфере сельскохозяйственного производства.

Такой путь к социализму, не имевший, разумеется, ничего общего с ленинизмом, и пропагандируют современные антикоммунисты. Прекрасно сознавая, что этот путь вел к реставрации капиталистических отношений в сельском хозяйстве, они тем не менее изображают его как путь социалистический, стремятся убедить своих читателей в его правильности и эффективности.

В. И. Ленин признавал ту важную положительную роль, которую должна была сыграть торговая кооперация на пути к социализму. Однако в ней он видел проме-

---

[1] *Н. Бухарин* Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз, стр. 47.

[2] См. «XIV конференция РКП(б)». Стенографический отчет. М.—Л., 1925, стр. 187.

[3] См. *Н. Бухарин*. Текущий момент и основы нашей политики. М., 1925, стр. 28.

жуточную ступень, с которой крестьянство должно было сделать следующий, решающий шаг в преобразовании своей жизни — к производственному кооперированию, социализму. «Кооперация, как форма торговли,— писал он в 1921 г. в брошюре «О продовольственном налоге»,— выгоднее и полезнее, чем частная торговля», поскольку она «облегчает объединение, организацию миллионов населения, затем всего населения поголовно, а это обстоятельство, в свою очередь, есть гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода от государственного капитализма к социализму» [1]. В этой брошюре, формулируя идею перерастания кооперирования деревни от простейших форм к высшей, производственной, В. И. Ленин подчеркивал: «Политика кооперативная, в случае успеха, даст нам подъем мелкого хозяйства и облегчение его перехода, в неопределенный срок, к крупному производству на началах добровольного объединения»[2]. В Программе РКП(б), принятой в 1919 г. на VIII съезде партии, в качестве важнейшей меры в области сельского хозяйства ставилась задача поддержки «обществ, а равно товариществ для общественной обработки земли» [3].

Многие современные буржуазные идеологи, подобно тому как в свое время это делали правые, прибегают еще к одному «доводу», пытаясь уверить читателей в том, что В. И. Ленин не ставил задачи производственного кооперирования деревни. Это требование, утверждают они, якобы отсутствует в последних программных статьях Ленина, в частности в статье «О кооперации». Однако и здесь фальсификация ленинизма налицо. В. И. Ленин в этой статье, говоря о «предприятиях коллективных», которые «основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу» [4], имел в виду именно производственную сторону процесса кооперирования. Н. К. Крупская писала позднее в этой связи: «Последняя, написанная Ильичем статья посвящена вопросу «кооперирования», т. е. объединения хозяйственных усилий мелкого крестьянина. Он имел в виду в этой статье главным образом производственное кооперирование,— другими словами, *коллективизацию.*

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 226.
[2] Там же, стр. 227
[3] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 424.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 375.

В ней видел он выход, в ней видел он, как и раньше, путь к социализму» [1].

Таким образом, из всей цепи органически связанных между собой мыслей В. И. Ленина, касающихся его кооперативного плана, современные фальсификаторы, следуя по стопам Бухарина, «хорошо» усвоили только одну: торговая кооперация, с которой они связывают свободное развитие капитализма в сельском хозяйстве,— благо. Все остальное ими фальсифицируется или игнорируется.

В. И. Ленин писал в 1921 г. о необходимости введения свободы торговли «при данных условиях России» «в силу невозможности быстро восстановить крупную промышленность» [2]. Бухарин же, как известно, и в начале 20-х годов и в 1929 г., например, на апрельском (1929 г.) объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), утверждал, что столбовая дорога деревни к социализму пойдет «через обыкновенную кооперацию — сбыт, закупку, кредит — словом, через сельскохозяйственную кооперацию» [3].

К концу 20-х годов стало уже очевидным, что вместе с успехами в индустриализации торговая смычка между городом и деревней начала перерастать в производственную. Простейшие виды кооперации, объединив подавляющую часть крестьянских хозяйств, сыграли свою роль, предвиденную В. И. Лениным, как важный фактор перехода крестьян к социализму. Деревня, говоря словами Владимира Ильича, уже находилась в «преддверии социализма». Бухарин не хотел идти дальше 1921 г. Он, как и правые вообще, продолжал противиться самой мысли о переходе к производственному кооперированию крестьянства. На апрельском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1929 г. он вновь подтвердил свои прежние взгляды на характер кооперирования [4].

Современные буржуазные историки не желают признавать все эти реальные факты действительности, попросту замалчивают их. Подобно Бухарину, они рассуждают насчет имевшейся якобы возможности перехода деревни к социализму через «кооперирование оборота».

---

[1] *Н. Крупская.* Что говорил Ленин о колхозах и мелком крестьянском хозяйстве. М.—Л., 1930, стр. 55.

[2] *В. И. Ленин* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 225, 243.

[3] *Н. Бухарин.* Текущий момент и основы нашей политики, стр. 28.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед хр. 417, л. 84—85.

Ленинский кооперативный план предусматривал выкорчевывание капитализма в сельском хозяйстве на основе производственного кооперирования. Современные фальсификаторы защищают бухаринский «кооперативный социализм», в котором оставалось место для капитализма — «кулацких гнезд», способных, по мнению Бухарина, «врасти в социализм». Ленинский путь кооперирования крестьянства, являвшийся важнейшей органической частью плана построения социализма в СССР, фальсификаторы пытаются отождествить с кооперативной «теорией» Бухарина, явно ревизовавшей ленинизм.

Защищая правый оппортунизм в ВКП(б), буржуазные апологеты, по сути дела, защищают старую правооппортунистическую теорию, согласно которой существо проблемы социализирования заключается будто бы в обобществлении процесса обращения и потребления и что именно в этом — кратчайший путь к социализму. Само же производство, по их мнению, должно сохраниться за предпринимателями, ибо со временем, как они надеются, оно непременно «автоматически, само по себе, врастет в социализм».

Нетрудно понять, в чьих интересах распространяются подобные версии. Идеи социализма становятся в наши дни все более популярными в мире. Фальсифицируя ленинский план построения социализма, подсовывая читателю правооппортунистический вариант «пути к социализму», современные антикоммунисты пытаются ослабить притягательную силу марксистско-ленинского учения, советского опыта социалистических преобразований.

* *
*

Фальсификация буржуазными историками ленинских взглядов на расстановку классовых сил в стране, нэп и кооперацию предопределяет крайне искаженное изображение в их трудах внутрипартийной борьбы в период после XV съезда партии. Курс партии на сплошную коллективизацию они расценивают как «переход» в конце 20-х годов большинства ЦК ВКП(б) от политики, якобы определявшейся группой Бухарина, на позиции троцкистского «левого крыла». Такие утверждения содержатся, например, в работах А. Улама, Б. Пареса, Л. Волина,

Л. Шапиро, А. Ноува, Н. Рязановского, Х. Сетона-Ватсона и многих других [1]. Причем и в этом случае некоторые из них отождествляют позицию правых с ленинской линией. Так, Л. Шапиро, уверяя читателей в том, что политика сплошной коллективизации «была ближе к взглядам Преображенского», противопоставляет ее «взглядам Бухарина или Ленина» [2].

Пытаясь обосновать свою точку зрения, буржуазные историки проводят аналогию между выдвигавшимся троцкистами еще в середине 20-х годов требованием осуществить экспроприацию кулачества уже в то время и взятым позднее партией курсом на сплошную коллективизацию. Подобное утверждение, разумеется, не имеет под собой почвы. Курс, принятый XV съездом ВКП(б), не имел ничего общего с авантюристическими предложениями троцкистов экспроприировать кулачество в 1926—1927 гг. Ликвидация кулачества как класса мыслилась партией лишь на основе сплошной коллективизации, условия осуществления которой созрели только к 1929—1930 гг. Намеченный XV съездом курс на социалистическое преобразование деревни тем более не имел ничего общего с троцкистской антисередняцкой политикой. Он не означал, как это изображают современные зарубежные фальсификаторы, наступления «на все крестьянство». Напротив, съезд дал отпор вылазкам троцкистов. Были отклонены, в частности, их требования «максимальной перекачки» капиталов из сельского хозяйства в промышленность, об изъятии капиталов из крестьянской кооперации. Подобные предложения троцкистов, подчеркивалось в резолюциях съезда, находились в «полном и принципиальном противоречии со всем *кооперативным планом Ленина,* который настаивал на *финансировании* кооперации...» [3], явились бы ударом «по всему кооперативному плану Ленина...» [4]. XV съезд с предельной яс-

---

[1] "The Journal of Political Economy", 1953, N 4, p. 295; *B. Pares.* A History of Russia. London, 1949, p. 497, 498; *L. Schapiro.* Op. cit., p. 365, 382; *A. Nove.* The Peasant, Collectivisation and Mr. Carr.— "Soviet Studies", Vol. X, April 1959, N 4, p. 388; *N. V. Riasanovsky.* Op. cit., p. 543; *H. Seton-Watson.* From Lenin to Malenkov. New York, 1954, p. 165.

[2] *L. Schapiro.* Op. cit., p. 365.

[3] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 468.

[4] Там же, стр. 462.

ностью сформулировал классовую политику, которую партия должна была проводить в деревне. «Вся *политика* пролетарского государства,— подчеркивалось в его резолюции «О работе в деревне»,— финансовая, налоговая, кредитная, экономическая политика вообще направлена к тому, чтобы поддерживать всеми доступными мерами бедняцкие и середняцкие слои деревни...» [1].

В выдвигаемом западными авторами тезисе о переходе большинства ЦК партии с правых позиций на «левые» нельзя не обратить внимание на весьма характерную для буржуазной историографии черту. Антикоммунисты, как правило, оставляют «незамеченным» тот факт, что и «левая» и правая оппозиции в ВКП(б) являлись, по существу, лишь разновидностями проявления мелкобуржуазных настроений внутри партии. И если правые во главе с группой Бухарина открыто толкали партию на капитуляцию перед кулачеством, то капитулянтская по своему существу линия троцкистов в крестьянском вопросе выражалась в «левой» фразе. И дело не менялось оттого, что на определенном этапе правые в известной мере участвовали в борьбе партии с троцкизмом. А именно на этот факт любят ссылаться буржуазные историки, подчеркивая «принципиальное отличие» платформы правых и «левых».

Истинные взаимоотношения оппортунистов обеих мастей открыто проявились в последующий период, когда дело дошло до практического строительства социализма в деревне. Троцкисты, открыто перейдя на правооппортунистические позиции, выступали против политики сплошной коллективизации. Бывшие «противники» сделали попытки объединить свои силы для борьбы против генеральной линии партии. Троцкий, например, заявив, что он «согласен с правыми договориться», отчетливо определил платформу, на которой возможна была такая договоренность. Он писал в 1930 г., будучи за границей, что необходимо отказаться от политики коллективизации [2]. Бухарин предпринял практические меры в этом направлении. Забыв о своих «разногласиях» с троцкистами, он пытался от имени всей группы правых договориться

---

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 470—471.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 357, л. 35.

с ними о блоке [1]. Обо всем этом, конечно, известно и западным историкам. Некоторые из них, кстати, признают факт попытки правых блокироваться с троцкистами. Г. Раух, например, пишет, что «в июле 1928 года Бухарин связался с Каменевым» [2]. Об этом факте упоминает и Сетон-Ватсон [3]. Все это позволяет судить, чего стоят утверждения буржуазных историков о переходе «центра» с позиций бухаринских на «левые», троцкистские. Факты свидетельствуют о непримиримой борьбе партии с правым оппортунизмом. И разгром последнего никак не означал победы «левых». Победила генеральная ленинская линия в деревне. Партия разгромила и «левых», и правых фракционеров.

Не имеет под собой оснований и другой тезис, выдвинутый западными историками с целью исказить смысл генеральной линии партии и представить в приукрашенном виде платформу правых. Многие из фальсификаторов утверждают, что, поскольку XV съезд партии взял курс на осуществление производственного кооперирования деревни, он отменил тем самым нэп. Но так как собственное толкование нэпа наши оппоненты выдают за ленинское, то и здесь правые фигурируют в роли защитников ленинизма. «Партийный съезд,— писал Н. Рязановский, имея в виду XV съезд ВКП(б),— одобрил меры, которые означали конец нэпа и начало первого пятилетнего плана» [4]. «Нэп продолжалась только 7—8 лет,— пишет также Л. Волин,— хотя ее главные защитники — правая оппозиция во главе с Бухариным и Рыковым несомненно одобряли ее продолжение» [5]. Подобную точку зрения разделяют Х. Сетон-Ватсон, Л. Шапиро и другие историки [6].

Эти измышления, как видно, также не оригинальны.

---

[1] Переговоры Бухарина с Каменевым состоялись в июле 1928 г. Они продолжались также в последующие месяцы. Встречи Бухарина с Каменевым, Пятаковым и другими троцкистами имели место, в частности, в декабре 1928 г. и январе 1929 г. На ноябрьском (1929 г.) Пленуме ЦК Сокольников подробно рассказал о встрече Бухарина с Каменевым при его участии и «по прямой инициативе Бухарина» (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 441, л. 131, 132).

[2] *G. v. Rauch.* Op. cit., S. 252.

[3] См. *H. Seton-Watson.* From Lenin to Malenkov, p. 165.

[4] *N. V. Riasanovsky.* Op. cit., p. 549.

[5] «Soviet Economic Growth. Conditions and Perspectives», p. 285.

[6] См. *H. Seton-Watson.* The New Imperialism, p. 54; *L. Schapiro.* Op. cit., p. 379.

Об отказе от нэпа в связи с наступлением на кулачество в свое время твердили правые. Но если исходить из реальных исторических фактов, то легко убедиться, что в решениях XV съезда не было ни призыва «к массовой атаке на кулака», т. е. к немедленной и повсеместной экспроприации последнего, как утверждают западные историки, ни возвращения к «военному коммунизму», о чем также заявляли в свое время правые. В решениях съезда содержалось лишь требование применять по отношению к эксплуататорским элементам политику «еще более решительного хозяйственного вытеснения», «ограничивать эксплуататорские стремления сельскохозяйственной буржуазии» [1]. XV съезд не отменял предшествовавших решений партии и по вопросам развития товарооборота. В «Директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» указывалось, что вытеснение частников с рынка государственной торговлей и кооперацией должно было происходить «в меру их действительных организационных и материальных возможностей, так, чтобы это вытеснение не влекло за собой бреши в товаропроводящей сети и перебоев в снабжении рынка» [2].

После съезда ЦК ВКП(б) повел решительную борьбу с теми, кто пытался отождествить политику решительного наступления на кулачество с отменой нэпа. «Глупостью или контрреволюционной болтовней,— подчеркивалось, например, в одной из передовых статей журнала «Большевик»,— следует считать всякие разговоры о том, что проводимая кампания по борьбе с кулаком-спекулянтом означает «отмену нэпа», восстановление «военного коммунизма»... Напротив, вся эта кампания проводится и должна проводиться в рамках нэпа и на его основе» [3].

Не отменялась новая экономическая политика и с началом сплошной коллективизации сельского хозяйства. Напротив, усилив наступление на кулачество, партия продолжала стимулировать подъем индивидуальных хозяйств середняков и бедноты, осуществляла меры, направленные на развитие товарооборота между городом и деревней.

Фальсификация исторических фактов в трудах бур-

---

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 438, 471.
[2] Там же, стр. 462.
[3] «Большевик», 1928, № 3-4, стр. 5—6.

жуазных «советологов» с особой наглядностью выступает, когда они пытаются дать «объяснение» классовой сущности борьбы партии с правыми оппортунистами. Противники социализма изображают при этом правых в качестве выразителей интересов всего крестьянства, как подлинных проводников ленинской классовой политики в деревне. И именно поэтому, утверждают антикоммунисты, партия, большинство ее Центрального Комитета, будто бы «развязав классовую войну» в деревне, предприняв наступление на широкие крестьянские массы, под которыми буржуазные идеологи понимают кулачество, развернули борьбу против Бухарина и его группы. Не в силах, однако, сколько-нибудь убедительно аргументировать эту версию, «советологи» встают на путь выхолащивания социально-экономической основы внутрипартийной борьбы, стремятся свести огромной важности проблему борьбы классов, нашедшую отражение в партии, к вопросу о междоусобной борьбе отдельных личностей за власть в партии и государстве. Они не желают видеть, что подлинной причиной краха правых было то, что партия отвергла их капитулянтскую линию, которая вела к срыву социалистического строительства в нашей стране.

Наиболее рельефно подобная «концепция» междоусобной борьбы в партии проявляется в работах Н. Рязановского, А. Улама, М. Фейнсода [1]. Извращенное объяснение причин внутрипартийной борьбы дает, например, А. Улам. Он концентрирует внимание читателей на том, что Бухарин, правые вообще, так же как и Троцкий и Зиновьев, были устранены с политической арены в ходе «борьбы за господство внутри партии», затушевывая социальную подоплеку этой борьбы [2].

Вполне понятно, что главным содержанием такого приема фальсификаторов является грубая демагогия, рассчитанная на отвлечение внимания читателей от социальной стороны дела. О классовой сущности правого уклона в ВКП(б) можно судить на основе действительных фактов истории. Более того, и сами буржуазные авторы вольно или невольно вступают в противоречие с их

---

[1] См. *N. V. Riasanovsky*. Op. cit., p. 542—544; *A. B. Ulam*. Op. cit., p. 33; *M. Fainsod*. How Russia Is Ruled. Cambr. Mass., 1959.

[2] См. *A. B. Ulam*. Op. cit., p. 33.

собственной общей оценкой правого уклона, когда они излагают взгляды Бухарина и его группы по конкретным проблемам социалистического строительства. Следует при этом подчеркнуть, что и в данном случае, характеризуя исторические события, позицию правых уклонистов по вопросам индустриализации, коллективизации и т. д., буржуазные идеологи отнюдь не стремятся к объективности. И здесь преследуется все та же классово враждебная цель — дискредитировать построение социализма в нашей стране, политику Коммунистической партии, опорочить в глазах трудящихся несоциалистических стран пути и методы, с помощью которых эта политика осуществлялась.

Многие буржуазные авторы предпринимают нападки на нашу партию за то, что она отвергла бухаринскую «теорию» самотека в области индустриализации. Американский экономист А. Эрлих, беря под защиту правооппортунистическую платформу, утверждает, например, что нужно было начинать индустриализацию с развития легкой промышленности, т. е. так, как это предлагали правые [1]. А. Ноув, солидаризируясь с группой Бухарина, прямо пишет, что, решая проблему накопления, государство должно было делать ставку на кулака. Подчеркивая, что политика «поощрения кулаков», «прокулацкая политика», на проведении которой настаивали правые во главе с Бухариным, «была бы более логичной и более обещающей», А. Ноув уверяет, что она «обеспечила бы приток рабочей силы в развивающуюся индустрию», что «государство имело бы возможность получить от кулака годовой доход», который явился бы источником для финансирования индустриализации [2]. При этом дело представляется таким образом, будто такая политика отвечала бы интересам всей страны, всех слоев населения. Выражая сожаление о том, что предлагавшиеся правыми методы индустриализации России «не были должным образом испытаны», западные историки и экономисты, например тот же А. Ноув, настоятельно рекомендуют испытать их экономически слаборазвитым странам,которые, по выражению А. Ноува, так же как и Россия в прошлом,

---

[1] См. *A. Erlich.* The Soviet Industrialisation Debate. 1924—1928. Harward Univ. Press, 1960, p. 32.

[2] См. "Soviet Studies", Vol. X, April 1959, N 4, p. 385.

«обременены большим количеством мелких крестьян» и «так же нуждаются в источниках накопления» [1].

Действительно, правые, отстаивая приоритет развития легкой промышленности, добивались свертывания строительства предприятий тяжелой индустрии. Угланов, например, поддержанный Бухариным и Рыковым, открыто выступил на пленуме МК ВКП(б) в январе 1928 г. против строительства Днепрогэса и других крупных предприятий, требовал «решительным образом повернуть» от индустриализации, «претензии на большую стройку убавить», а «основные вложения направить в легкую промышленность» [2]. Понятно, что такой метод индустриализации, рассчитанный прежде всего на удовлетворение потребительского спроса зажиточных слоев населения, вел к фактическому срыву намеченной партией линии на социалистическую индустриализацию.

Партия не пошла по пути, на который толкали ее правые оппортунисты. Их капитулянтскую линию отверг июльский (1928 г.) Пленум ЦК ВКП(б). Участники Пленума дали решительную отповедь «теории» преимущественного развития легкой промышленности. А. А. Андреев справедливо квалифицировал предложения о сокращении вложений в тяжелую промышленность как попытку «пересмотра нашего плана на индустриализацию» [3]. Пленум подчеркнул, что укрепление союза рабочего класса с крестьянством шло не только по линии снабжения деревни потребительскими товарами, но и, главным образом, по линии производственной смычки. В своих решениях Пленум отметил неразрывную связь между социалистическими преобразованиями сельского хозяйства и обеспечением высоких темпов развития индустрии [4]. Напряженную борьбу с правыми партии пришлось выдержать и при принятии первого пятилетнего плана. Вопреки их сопротивлению XVI партийная конференция приняла оптимальный вариант пятилетки, указав, что народное хозяйство страны должно развиваться в направлении *«решительного роста социалистического сектора* в городе и в деревне за счет капиталистических элементов...» [5].

[1] Soviet Studies", Vol. X, April 1959, N 4, p. 385.
[2] «Вестник МГУ», 1961, № 3, стр 6—7.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 417, л. 32.
[4] См. «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 513.
[5] Там же, стр. 571.

Вполне понятен и классовый смысл требований правых, настаивавших на замедлении темпов индустриализации. Низкие темпы индустриализации не позволили бы Советской власти удовлетворить производственные запросы крестьянства, что ставило под угрозу успех осуществления ленинского кооперативного плана. Линия на преимущественное развитие легкой промышленности и свертывание темпов роста тяжелой индустрии исходила из стремления правых установить смычку с кулачеством, не говоря уже о том, что она не учитывала нужд обороны страны. Вот почему буржуазные историки ратуют за теорию «самотека» в области индустриализации, проведение которой давало бы выгоду в первую очередь кулачеству, всем капиталистическим элементам, привело бы к реставрации капитализма в стране. Они пытаются навязать подобный путь освободившимся странам, становящимся на некапиталистический путь развития.

Классовая сущность правого уклона с полной наглядностью предстает и в вопросах политики по отношению к крестьянству. Известно, что правые оппортунисты демагогически требовали облегчения налогового обложения крестьян и повышения цен на хлеб. На этом основании многие буржуазные авторы создали версию о Бухарине и правых как о защитниках интересов крестьянства.

Но что же было в действительности? Центральный Комитет проводил политику, которая отвечала интересам трудящегося большинства крестьянства. И, напротив, суть требований группы Бухарина, с которыми она выступила, например, на апрельском (1928 г.) объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), заключалась в том, чтобы установить посезонный уровень цен с наибольшим их увеличением весной. А это означало бы, что кулаки, сохранившие в результате саботажа хлебозаготовок значительные запасы хлеба до весны, получали бы возможность сдавать его по повышенным ценам, тогда как беднота и середняки сдавали бы хлеб осенью и зимой за более низкую плату. Пленум, естественно, отверг подобные требования группы Бухарина, принятие которых дискредитировало бы политику партии в глазах бедняцких и середняцких масс, способствовало бы усилению кулачества. Исходя из интересов подавляющего большинства крестьянства, Пленум признал необходимым повысить хлебозаготовительные цены. Однако вопреки требова-

ниям Бухарина устанавливались не сезонные, а постоянные цены, и практическое осуществление этой меры относилось на осень, т. е. к началу новой хлебозаготовительной кампании[1]. В свете этих фактов становится ясным смысл «урегулирования» хлебной проблемы побухарински, на деле означавшего игнорирование интересов большинства крестьянства, капитуляцию перед кулачеством.

Едва ли следует доказывать, что ярко выраженный кулацкий смысл имели требования группы Бухарина о «расширении нэпа», высказанные на июльском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б). Эти требования предполагали отказ от нажима на кулачество, представляли, в сущности, саботаж развертывания колхозного строительства. Линия правых, ориентировавшая на кооперирование крестьянства преимущественно в сфере торговли, означала бы в случае ее осуществления установление в деревне господства кулачества, капитализма.

С программой правых солидаризировались все контрреволюционные силы в стране. Кулачество, как говорилось, например, в одном из документов кулацкой организации, действовавшей в Армавирском округе Северокавказского края, считало необходимым «держаться за правый уклон», как за «единственное оружие для свержения коммунистов». Контрреволюционная кулацкая группа в Хоперском округе действовала под вывеской «Окружная организация правого уклона»[2]. Не случайно поэтому XVI съезд партии, подводя итоги борьбы с правыми, оценил их политическую линию как «предательство интересов рабочего класса». «Осуществление линии правых уклонистов, являющихся объективно агентурой кулачества,— было записано в резолюции съезда,— означало бы срыв строительства социализма и восстановление капитализма в нашей стране»[3].

* *
*

Таким образом, мы видим, насколько неуклюжими являются попытки реакционных западных идеологов

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 353, л. 62; «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 494.
[2] МПА, ф. 448, оп. 1, ед. хр. 5, лл. 77, 78.
[3] «КПСС в резолюциях...», ч. III, стр. 21.

фальсифицировать историю борьбы партии против правого уклона в ВКП(б), замаскировать под ленинизм бухаринские «теории» врастания капитализма в социализм, затухания классовой борьбы, протащить под социалистической маркой оппортунизм. Правооппортунистическая идеология была и остается откровенно антисоциалистической, буржуазной идеологией. Именно поэтому теоретические взгляды Бухарина по вопросам социалистического строительства были в свое время отвергнуты партией.

Воскрешая правооппортунистические взгляды Бухарина, политическую платформу правого уклона в ВКП(б), пропагандируя ревизионизм в качестве «творческого» марксизма-ленинизма, современные антикоммунисты надеются использовать их в качестве оружия против все шире и шире распространяющихся в мире идей социализма.

Однако затея фальсификаторов протащить под флагом ленинизма правый оппортунизм, бухаринскую политическую платформу в качестве «ценного», хотя и «неиспользованного исторического опыта» абсурдна, и это вынуждены в какой-то мере признать даже некоторые из наших оппонентов. А. Ноув, например, с такой страстью рекламирующий бухаринскую «теорию» затухания классовой борьбы, вынужден в конце концов задать себе недоуменный вопрос: «Не ясно, как Бухарин предполагал совместить свою политику с удержанием коммунистической партией власти в ситуации, когда в деревенской жизни господствовали бы кулаки»? [1]. Действительно, факты со всей очевидностью свидетельствуют о том, что теоретические взгляды Бухарина, политическая платформа правого уклона в ВКП(б) указывали не на «особый путь к социализму», как утверждают современные идеологи капитала, а вели к реставрации капитализма в нашей стране. Именно поэтому буржуазные идеологи и выступают в роли «защитников» Бухарина и его единомышленников. Победа социализма в СССР стала возможной только благодаря последовательному осуществлению ленинской генеральной линии партии, преодолению любых уклонов — правого и «левого» — в ВКП(б).

---

[1] См. "Soviet Studies", vol. X, April 1959, N 4, p. 388.

Н. П. Микешин

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОКТЯБРЯ И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА

В последние годы в антикоммунистической литературе резко усилилось внимание к опыту КПСС в области социально-экономических преобразований.

На суд истории были вынесены итоги экономического соревнования двух противоположных систем: капиталистической и социалистической. Эти итоги внушают большую тревогу империалистической буржуазии. Такую тревогу недвусмысленно выразил, например, американский антикоммунист Ашбрук. Выступая в палате представителей конгресса США 18 июля 1967 г., он пытался внушить народу Соединенных Штатов страх «перед лицом этих всеобъемлющих коммунистических усилий», т. е. перед историческими итогами полувекового существования Советской власти. Его выступление было густо напичкано рассуждениями о «защите» американского государственного строя и «богом данной свободы» [1].

Во имя этой так называемой «свободы», представляющей на деле свободу монополий грабить трудящихся, империалистическая пропаганда предприняла широкие усилия по «обработке» в выгодном для себя духе итогов осуществления социально-экономических преобразований в СССР. Цель такой «операции» состоит в том, чтобы доказать мнимую «бесперспективность» экономического соревнования с капитализмом для социализма, превосходство первого над последним. Эта цель, по

[1] "Congressional Record. Proceedings and Debates of the 90-th Congress", July 18, 1967. Washington, p. H8872. Разумеется, народу США мировой социализм не угрожает. Другое дело, что своим существованием и успехами он угрожает господству эксплуататорского класса капиталистов. В этой связи известный английский социолог и историк Арнольд Тойнби сделал следующее любопытное признание: «Богатые люди не только в Соединенных Штатах, но и повсюду восприняли коммунизм в сугубо личном плане. Они усмотрели в коммунизме угрозу своим бумажникам» (*A. J. Toynbee.* America and the World Revolution. London, 1962, p. 18).

убеждению империалистической буржуазии, оправдывает любые средства.

За последнее время книжный рынок капиталистических стран пополнился серией самых низкопробных фальшивок о нашей стране, вроде книжонки ярого американского антикоммуниста Юджина Лайонса «Утраченный рабочий рай: 50 лет советского коммунизма. Итоги». Это оголтелый, примитивный антикоммунизм, продукция которого оплодотворяет повседневную империалистическую пропаганду.

Типичным его образчиком кроме названной книжки могут служить три статьи обозревателя агентства Ассошиэйтед Пресс Уильяма Райяна под общим наименованием «Красный мир» (март 1967 г.) и редакционная статья американского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» с крикливым заголовком: «Коммунизм: величайший мировой крах», опубликованная 5 декабря 1966 г.[1]

Здесь не утруждают себя долгими размышлениями, а рубят с плеча: в коммунизме (социализме) — все плохо, в капитализме — все хорошо. Уильям Райян утверждает: «В последние годы во всем мире коммунизм теряет почву под ногами». Ему вторят авторы упомянутой статьи в «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». «После примерно пятидесятилетнего испытания,— пишут они,— Россия обнаружила, что коммунизм как система, способная конкурировать с современной системой свободного предпринимательства... потерпел крах». «Частно-предпринимательские нации Западной Европы, США и Японии,— продолжают они,— превосходят Россию... почти в любой сфере экономического прогресса».

Крах и все тут. Антикоммунистам такого рода не мешало бы вспомнить, что о крахе советской системы ее враги начали кричать на другой же день после победы Октября. Ослепленные классовой ненавистью, они на каждом этапе истории нашего государства предрекали гибель Советской власти, советских порядков. Но каждый раз не кто иной, как именно эти «пророки» терпели действительный крах: советская система, невзирая на гро-

---

[1] Дань грубым антикоммунистическим трафаретам отдал и обычно довольно сдержанный английский буржуазный журнал «Экономист», опубликовавший в номере за 7—10 ноября 1967 г. статью «Русская революция. Вопросы 1917 года не нашли ответа».

мадные трудности, росла и крепла, на деле доказывая всему миру жизненность коммунистических идеалов.

И в стане антикоммунизма кое у кого наступило просветление. Некоторым буржуазным идеологам стало ясно, что нельзя огульно отрицать силу коммунистических идей, подкрепленных практикой. Произошла известная девальвация «грубого», «примитивного» антикоммунизма. Именно в этой связи авторы сборника статей «Состояние исследований по советским проблемам», вышедшего в США в 1965 г., констатируют, по существу, кризисное состояние антикоммунистических «теоретических» исследований. Они призывают «советологов» к серьезному пересмотру методов работы, к отказу от грубо сфабрикованных «теорий». «Такие теории,— сетует один из авторов этого сборника, Артур Адамс,— создали плохую репутацию советологии, представляя ее в виде предмета исследования, где безответственные домыслы и чудовищное теоретизирование являются обычной практикой» [1]. Подобные призывы были услышаны. В лагере империалистической реакции стали резко подниматься акции «утонченного» антикоммунизма, который вместо лобовых атак использует, как правило, обходные маневры.

Характерным примером такого рода может служить редакционная статья газеты «Нью-Йорк таймс» от 10 января 1967 г., посвященная 50-летию Советской власти. «Сегодня Советский Союз,— говорится в ней,— является одним из двух самых мощных и самых влиятельных государств в мире; его народу обеспечен самый высокий за всю историю России уровень жизни; и благодаря вкладам Советского Союза в науку, технику, музыку и литературу весь мир стал богаче». Словно сговорившись с «Нью-Йорк таймс», французская буржуазная газета «Фигаро» 7 марта 1967 г. в статье Тьерри Мольнье писала: «...измеряемый в общих цифрах экономический прогресс СССР за последние полвека... гигантский».

Список подобных признаний можно было бы продолжить. Они симптоматичны. Перед лицом неоспоримых фактов, свидетельствующих о гигантских успехах Советского государства за последние полвека, об укреплении позиций мирового социализма, империалистическая пропаганда вынуждена отступать и лавировать. Но отсту-

[1] "The State of Soviet Studies". Cambridge (Mass.). 1965, p. 116.

пая, она переходит в контратаки, стремясь бросить тень на эти с большой неохотой признаваемые ею успехи.

Делается хитроумный ход. Успехи признаются, но при этом доказывается непричастность к ним... Октябрьской социалистической революции, нового социально-экономического строя в СССР.

«Необычайно талантливые и трудолюбивые народы европейской равнины, являющейся центром России,— заявляет газета «Нью-Йорк таймс» 10 января 1967 г.,— добивались огромных успехов как при царях, так и при комиссарах». След в след за ней идет газета «Фигаро». На ее страницах уже упомянутый Тьерри Мольнье, характеризуя развитие народного хозяйства нашей страны в XX веке, заявляет: «...продлевая кривую роста производства в период 1900—1914 гг. до настоящего времени, можно заметить, что результаты очень схожи с теми, которые действительно достигнуты. Если бы старый режим сохранился, изменились бы эти кривые роста? Возможно. Нельзя доказать, что экономический подъем СССР произошел в результате революции, так же как нельзя доказать и обратное». В том же духе высказывается западногерманский публицист Карл Хайнс Янсон в еженедельнике «Ди Цайт» (март 1967 г.), Адам Улам — в наукообразном английском антикоммунистическом журнале «Сэрвей» (июль 1967 г., № 64) и некоторые другие.

Итак, сейчас «утонченная» фальсификация вопроса непричастности Октябрьской революции и социализма к успехам Советского государства весьма модна. Но она отнюдь не оригинальна. Еще в начале 30-х годов американский историк У. Х. Чемберлин, характеризуя экономику России накануне первой мировой войны, утверждал, что «предвоенная Россия взяла поздний старт в промышленной области, но скорость ее продвижения в периоды процветания была очень быстрой» [1]. Эта версия была повторена в сборнике статей американских историков «Российская империя после 1961 года. Мирная модернизация или революция?» (Нью-Йорк, 1965). Со страниц наукообразных «трудов» фальсификаторский тезис о непричастности Октября к достижениям Советской страны перекочевал на страницы популярных изданий.

---

[1] *W. H. Chamberlin.* Russia's Iron Age. Boston, 1934, p. 59.

Согласно этой версии, не социалистическая революция и новый передовой общественно-политический строй, а взятая в отрыве от них, возведенная в абсолют некая «индустриализация» или «модернизация» определила лицо современной России.

«Индустриализация, урбанизация и, в частности, распространение образования,— пишет известный западногерманский «советолог» Клаус Меннерт в сборнике статей «Разрядка напряженности. Переходный этап в стратегии холодной войны» (Нью-Йорк — Лондон, 1965),— изменили традиционный характер русского человека... превратив его в человека, характер которого сформировался под воздействием вездесущих движущих сил современного мира». Значит, индустриализация, урбанизация и распространение образования объясняют экономический, социальный и культурный прогресс в России. Здесь есть доля правды. Но полуправда, как известно, нередко бывает хуже лжи. Эти прогрессивные факторы имели важное значение, но они находились не вне (как пытается это доказать Меннерт и др.), а в прямой связи с социалистическими преобразованиями, явились фактически их прямым следствием. Напротив, капитализм вместе с остатками крепостничества *тормозил* прогрессивные процессы в экономической, социальной и культурной жизни России.

Возьмем индустриальное развитие дореволюционной России. За период 1860—1913 гг. в этой области разрыв между Россией и передовыми капиталистическими странами, по существу, не только сократился, но в ряде важнейших отраслей увеличился. Производство чугуна в России в 1860 г. составило 40% производства США и 61% Германии; в 1913 г. оно равнялось соответственно 13 и 27,8%. По расчету известного английского экономиста Колина Кларка, объем промышленного производства России в 1895—1899 гг. составлял 8,5% объема производства США, а в 1910—1913 гг.— 8,3%. Как мы видим, расстояние, отделявшее Россию от Соединенных Штатов, не только не сокращалось, но и возрастало [1]. Это признавали даже представители русской крупной буржуазии. Заявление такого рода делали, например, член Государственной думы Шингарев, член Государст-

[1] См. «Новое время», 1967, № 26, стр. 16.

венного совета Тимашев и др.[1]. Красноречиво признание крупнейшего текстильного фабриканта Коновалова. «В продолжение целого десятилетия,— отмечал он,— мы стояли на мертвой точке и только в 1911 г. добились того, что душевое производство чугуна превысило соответствующую цифру 1900 года. При таких наших успехах, при таком нашем медленном поступательном движении наши мировые конкуренты могут оставаться совершенно спокойными; превосходство над Россией им обеспечено; для них наше движение вперед, взятое в масштабе западноевропейской эволюции, есть не что иное, как движение вспять» [2].

Эти слова, сказанные 50 с лишним лет назад человеком, не имеющим никакого отношения к коммунизму, с известным основанием можно применить, например, к ряду стран Латинской Америки, где бурный рост капитализма начался примерно в тот же период, что и в России. В развитии латиноамериканских стран и дореволюционной России можно найти немало сходных моментов: аграрный характер экономики, сохранение помещичьего землевладения, значительная (хотя и в разной степени) зависимость от иностранного капитала и т. д. И каковы же сравнительные результаты? Капиталистические страны Латинской Америки, как и 50 с лишним лет назад, остались аграрно-сырьевыми придатками США и некоторых других империалистических держав. Видимо, говоря словами Коновалова, их экономическое движение вперед, взятое в масштабе эволюции империалистического Запада, есть не что иное, как движение вспять. Не случайно журнал американских деловых кругов «Бизнес уик» отмечает, что «экономическая пропасть между Латинской Америкой и богатыми индустриализированными районами мира растет» [3].

А каковы здесь плоды урбанизации и просвещения? — позволим себе спросить сторонников тезиса о непричастности социалистической революции и социализма к прогрессу современного общества. Известно, что подавляющее большинство населения Латинской Америки живет в ужасающей нищете. «В прошлом году,— свидетельствует журнал «Бизнес уик»,— прирост доходов на душу

---

[1] См. «Вопросы истории», 1966, № 3, стр. 58.
[2] Там же.
[3] "Business Week", 15. IV. 1967.

населения (в Латинской Америке — *Н. М.*) составил только половину от 2,5 процента, установленных в качестве минимума «Союзом ради прогресса»... Крайняя поляризация богатства и нищеты сохраняется. Нехватка домов растет»[1]. Итак, голод, безработица, болезни, неграмотность, как и 50 лет назад, являются постоянными спутниками трудящегося человека, живущего в этой части земного шара.

И виной этому — капитализм. Он тормозил хозяйственное и культурное развитие царской России, находившейся в зависимости от высокоразвитых капиталистических держав, он то же самое делал и делает по отношению к слаборазвитым странам Латинской Америки и других континентов.

Капитализм породил и продолжает углублять чудовищное неравенство между горсткой мощных капиталистических держав и громадным числом стран, отставших в своем развитии. На капиталистическом пути для этих стран, как учит опыт истории, выхода нет. То же самое относится и к странам со среднеразвитой экономикой, таким, как Португалия, Греция, Испания. Известно, что за последние 50 лет ни одна из них не перешла в группу развитых капиталистических государств.

Факты истории вопреки утверждениям Тьерри Мольнье и других показывают, что экономический подъем СССР произошел в результате социалистической революции. Так, в период социалистической индустриализации страны промышленная продукция СССР почти ежегодно росла, по некоторым оценкам, темпами в 4 раза более высокими, чем в дореволюционной России[2]. Еще более быстрыми темпами развивались ранее отсталые окраины России. Они в кратчайший исторический срок преодолели свою отсталость и превратились в развитые индустриальные республики Советского Союза. По ряду важных экономических показателей они сейчас успешно соревнуются с наиболее мощными капиталистическими странами. А ведь известно, что до Октябрьской революции сами представители российской буржуазии либо не видели (а вернее, не хотели видеть) реального пути ликвидации отсталости окраин, либо исчисляли срок ее преодоления астрономическими цифрами (до 1000 лет).

---

[1] "Business Week", 15. IV. 1967.

[2] См «Правда», 23 сентября 1967 г.

В свете всего этого модная на Западе гипотеза о том, что в условиях капитализма Россия, включая окраины, развивалась бы столь же быстрыми темпами, как и при социализме, не выдерживает никакой критики.

* *
*

Видимо, чувствуя шаткость подобной «исторической» гипотезы, некоторые искушенные буржуазные идеологи отказываются от нее. «Октябрьская революция...— пишет известный английский «советолог» Исаак Дейчер в книге «Иронии истории»,— дала России громадный импульс». «Действительно,— продолжает он ту же мысль,— его (т. е. советского режима) экономическая эффективность была, во всяком случае, выше, чем у царской России, и это позволило большевизму уцелеть наперекор всем превратностям» [1].

Но Дейчер не принадлежит к числу тех, кто питает симпатии к советскому строю. Отвергая гипотезу о «непричастности» социалистической революции к успехам Советского государства, он вместе с тем пытается перевести великий спор о превосходстве той или иной социально-экономической системы в более удобную для империализма плоскость. Да, рассуждает он, советский строй оказался более эффективным, чем экономическая система царской России. Но при этом он заявляет, что советская эффективность полностью уступает западной, что «Советский Союз до сих пор занимает позицию полной экономической ущербности по отношению к своему американскому антиподу» [2]. Правда, Дейчер достаточно осторожен, чтобы предрекать, что сформулированное им «статус-кво» сохранится навечно. Он допускает, что СССР сможет «достичь со временем такого же индустриального превосходства над США, каковым последние обладают над Европой» [3].

Самые ретивые сторонники тезиса о более высокой эффективности капиталистической экономики по сравнению с социалистической отказывают последней и в подобной перспективе. Американские экономисты Л. Е. До-

---

[1] *Isaac Deutscher*. Ironies of History. Essays on Contemporary Communism. London, 1966, p. 53, 56.

[2] Ibid., p. 58.

[3] Ibid., p. 55.

брянский и А. Ранд, утверждают, что советский строй по самой своей природе никогда не сможет догнать Запад [1]. То же самое стремятся доказать и авторы объемистого пятитомного сборника «Новые направления в советской экономике», опубликованного объединенной экономической комиссией конгресса США в 1966 г. Собранный ими большой, тщательно подобранный материал тенденциозно подогнан к готовому выводу о «преимуществах» капиталистической рыночной экономики над социалистической, о том, что СССР никогда-де не победит развитые страны капитализма в экономическом соревновании.

Но факты говорят о том, что эффективность советской социально-экономической системы неизмеримо выше, а капиталистической системы Запада намного ниже, чем это изображают антикоммунисты. На этот счет имеются свидетельства даже некоторых идеологов самой буржуазии, враждебных социализму.

Так, английский историк Р. Петибридж заявляет: «Перепроизводство ни в коей мере не типично для СССР, как это имеет место в США. Другие преимущества проистекают из советской экономической и политической системы... Советская экономика особенно хорошо приспособлена для производства основных видов продукции, и именно в этой сфере, очевидно, прежде всего Россия догонит США» [2].

Такие признания делаются, конечно, не от хорошей жизни. К ним принуждает неумолимая логика экономической статистики, отражающей важные показатели развития народного хозяйства СССР и США. Известно, например, что за 49 лет (1918—1966 гг.) среднегодовые темпы прироста промышленной продукции СССР и США составляли соответственно 9,9 и 3,7% [3].

Устойчивые высокие темпы ежегодного прироста продукции являются главной определяющей линией развития народного хозяйства СССР. Развитие же экономики капиталистических стран характеризуется неустойчивостью, кризисными явлениями, низкими темпами при-

---

[1] "Congressional Record. Proceedings and Debates of the 90th Congress". Washington, August 16, 1967, p. H.10635; Ibid. August 21, 1967, p. H.10856.

[2] *R. W. Pethybridge.* A History of Postwar Russia. New York, 1966, p. 247.

[3] См. «Страна Советов за 50 лет». Сборник статистических материалов. М., 1967, стр. 105.

роста продукции. Среднегодовой прирост промышленного производства за 1929—1966 гг. составил в СССР 11,1%, тогда как в США — 4, в Англии и Франции — 2,5% [1]. В период 1961—1965 гг. в главных капиталистических странах, исключая США, снизились темпы промышленного роста. Соединенным Штатам, главным образом вследствие военной конъюнктуры (агрессия во Вьетнаме), удалось сохранить в течение ряда лет относительно постоянные темпы развития. Но милитаризация экономики, как известно, не может обеспечить надолго подобную устойчивость.

В силу превосходства в темпах хозяйственного роста и по другим причинам Советский Союз выигрывает соревнование с развитыми капиталистическими странами Западной Европы. Сейчас по производству промышленной продукции на душу населения он вплотную подошел к Франции, Англии и ФРГ и значительно опережает такие страны, как Италия и Япония.

Растет число изделий, по производству которых СССР опережает и США. Наша страна в настоящее время производит больше, чем Америка, железной руды, кокса, угля, цемента, металлорежущих станков, электровозов, тепловозов, тракторов (по мощности), зерновых комбайнов, пиломатериалов, шерстяных и льняных тканей, масла животного, рыбы и сахара. Уверенно приближается она к уровню США и по другим важнейшим экономическим показателям.

Чувствуя шаткость своих позиций в области оценки общего экономического прогресса в СССР, «советологи» пытаются спекулировать на тех конкретных показателях, по которым наша страна в силу известных исторических причин, прежде всего вследствие войн, навязанных ей империалистами, еще отстает от развитых капиталистических государств. Излюбленным объектом такой спекуляции является сопоставление жизненного уровня населения при социализме и капитализме.

Известно, что Советский Союз еще не догнал наиболее развитые капиталистические страны по потреблению ряда продовольственных и промышленных товаров на душу населения (в особенности предметов потребления длительного пользования: холодильников, телевизоров,

---

[1] См. «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы ЦК КПСС, стр. 30—31.

некоторых бытовых электроприборов, легковых автомобилей), а также по среднему уровню обеспеченности жильем. Злорадствуя по поводу этих трудностей, буржуазные идеологи сознательно закрывают глаза на то, что именно империалисты, когда Советская страна в одиночестве строила социализм, поставили ее перед выбором: «либо пойти на сознательное ограничение уровня жизни людей и героическими усилиями, в кратчайший срок создать могучую экономику и укрепить свою обороноспособность, либо быть раздавленной объединенными силами реакции» [1]. Теперь, когда эта дилемма снята с повестки дня, темпы роста материального благосостояния советских людей намного выше темпов повышения жизненного уровня населения развитых капиталистических стран. Если за период 1963—1967 гг. фонд потребления в СССР увеличился на 4,3%, то в США, где в то время наблюдалась самая высокая хозяйственная конъюнктура,— лишь на 2,4%.

Что касается питания, то рацион советского человека, хотя и нуждается в дальнейшем улучшении структуры с целью повышения удельного веса таких продуктов, как мясо, овощи и некоторые другие, сейчас не уступает по своей калорийности стандартам развитых стран. СССР выдвинулся в качестве самого крупного в мире производителя молока, животного и растительного масла, сахара и некоторых других важных продовольственных продуктов. По производству ряда промышленных товаров, например тканей на душу населения, СССР находится на уровне Западной Европы, но еще отстает по их качеству и ассортименту. Сейчас Советское правительство принимает меры для быстрого увеличения массы тех товаров, особенно предметов потребления длительного пользования, в производстве которых отставание СССР от развитых капиталистических стран является наибольшим. Это лишь одно из звеньев обширной программы повышения жизненного уровня советского народа, намеченной XXIII съездом партии и развитой сентябрьским (1967 г.) Пленумом ЦК КПСС.

Советская действительность опровергает утверждения буржуазных идеологов о «несовместимости» коммуниз-

---

[1] «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы ЦК КПСС, стр. 27.

ма и «высокого массового потребления»[1]. В 1968 г. национальный доход в Советском Союзе возрос на 7,2% по сравнению с 1967 г. Вместе с тем на 6,1% возросли и реальные доходы на душу населения. За период с 1950 по 1967 г. реальные доходы в расчете на одного работающего рабочего и служащего выросли в 2 с лишним раза, а колхозника — в 3 с лишним раза[2]. И еще один характерный факт. За пять лет (1961—1966 гг.) фонд потребления в нашей стране увеличился на 36,2 млрд. руб., а фонд накопления — на 15,1 млрд. руб.[3] Спрашивается, где же здесь «разрыв» между социалистической системой хозяйства и потреблением? Если бы такой «разрыв» существовал, то, очевидно, объективные наблюдатели, такие, как члены экономической и плановой комиссии французского сената, посетившие летом 1965 г. Советский Союз, не отметили бы, что «русские сейчас лучше питаются, одеваются и более требовательны к качеству товаров»[4].

Говоря о жизненном уровне населения, следует сделать по крайней мере три замечания. Во-первых, нельзя не обратить внимания на некоторые «тонкие» приемы буржуазных идеологов, которые зачастую исходят из ложной посылки, что всю зарплату рабочий может истратить на приобретение необходимых ему товаров. Этот статистический трюк позволяет буржуазным пропагандистам делать лишь такие сравнения, которые ставят капиталистическую экономику в выгодное положение. Они оставляют вне поля зрения такие явления, оказывающие значительное влияние на жизненный уровень трудящихся капиталистических стран, как громадные (в частности, в США) прямые налоги, непомерно высокая квартплата (она составляет нередко треть или даже половину зарплаты рабочего), взносы на личное и имущественное страхование, платное образование и медицинское обслуживание. Кстати, о медицинском обслуживании. «Свобо-

---

[1] См., например, *W. W. Rostow*. Problems and Constructive Trends on the World Scene. The Department of State Bulletin. Vol. LV, July 18, 1966, p. 80.

[2] См. «Труд в СССР». Статистический сборник. М., 1968, стр. 134; «Правда», 26 января 1969 г.

[3] См. «СССР в цифрах в 1966 году», стр. 167.

[4] „Rapport d'information faite au mon de la commission des affaires économiques et du plan á la suite de la mission effectuée par une délégation de cette commission en URSS du 26 juin au 12 juillet 1965". Paris, 1966, p. 128.

да быть здоровым в наши дни столь дорогая вещь,— пишут канадские журналисты Д. Картер и Ш. Картер,— что ее может позволить себе только социализм» [1].

Таким образом, совершенно неправомерно и антинаучно сравнивать уровни жизни населения СССР и капиталистических стран только по размерам средней зарплаты трудящихся, без учета той части потребления, которая покрывается из общественных фондов. Если же принять во внимание этот последний фактор (а он в СССР дал в 1968 г. 55 млрд. руб. прибавки к доходам населения, или на 11% больше, чем в предыдущем году) [2], то картина материального благосостояния народа в Советском Союзе и в странах капитала окажется совсем не такой, как она изображается нашими идейными противниками.

Во-вторых, параллельное существование индустриально развитых капиталистических держав и Советского государства за последние полвека вскрывает следующее кардинальное различие между ними. Закономерностью развития Советского Союза была помощь индустриальных районов страны экономически отсталым окраинам. Следствием этого явилось выравнивание уровней экономического развития всех советских республик и вместе с тем выравнивание жизненного уровня их населения. Противоположное происходит в индустриальном развитии капиталистических держав.

Разве бывшие колонии и зависимые страны Британской империи сравнялись по своему экономическому развитию и жизненному уровню населения с метрополией? То же самое можно сказать и о странах Латинской Америки, Азии и Африки, которые подвергаются эксплуатации со стороны США и других империалистических держав. Империалисты выкачивают из экономики этих стран в виде прибылей, процентов по займам и т. д. громадные суммы. Так, вывоз прибылей монополий США из Латинской Америки составляет 1,5 млрд. долл. в год [3]. Результат такой политики известен. По подсчетам ФАО (организация ООН по вопросам продовольствия и сельского хозяйства), в настоящее время голодает от 500 до

---

[1] *Д. Картер* и *Ш. Картер*. Будущее свободы. М., 1963, стр. 62.

[2] См. «Правда», 26 января 1969 г.

[3] См. «Мировая экономика и международные отношения», 1967, № 6, стр. 49.

600 млн. человек, т. е. одна шестая населения мира. Около 1,5 млрд. человек (примерно половина человечества) недоедают, и половина из них страдает от явлений недостаточности.

Ответственность за такое положение несут империалисты развитых капиталистических держав, которые наживаются на страданиях народов колоний и других стран, отставших в своем развитии. Это позволяет империалистам обеспечивать относительно высокий уровень жизни населению своих государств. Вот почему порочны попытки Ростоу и других западных идеологов полностью обособиться в своих рассуждениях о высоком жизненном уровне в странах «свободного мира» от положения во многих бывших колониальных и зависимых странах, которые фактически продолжают подвергаться ограблению со стороны «свободного мира».

И наконец, последнее замечание. Жизненный уровень в капиталистических странах только тогда будет научно определен, когда станут учитываться классовая дифференциация населения, безработица, интенсивность труда и т. д. Но этого-то как раз и стараются не делать апологеты капитализма, предпочитая прятаться за «средними» статистическими цифрами.

Спекуляция на объективных трудностях развития социалистического общества понадобилась буржуазным идеологам для того, чтобы обосновать свой лживый тезис о «цене» социализма и коммунизма. Утверждение, будто революция и социалистические преобразования в СССР не оправдали себя с точки зрения издержек общественного прогресса, давно появилось в антикоммунистической литературе. В свое время к его развитию и «обоснованию» приложили руки Д. У. Брогэн, Г. Ласки и др. Теперь его подхватил и всячески муссирует Дейчер в своей книжке «Иронии истории» и другие «советологи».

Будучи бессильным доказать неэффективность советской социально-экономической системы, Дейчер пытается опорочить эту систему рассуждениями об огромных жертвах, которые якобы потребовались для ее создания и сохранения. Он облыжно пишет о «насилии» и «мифотворчестве», «низком уровне жизни» и «человеческих лишениях». Ополчаясь на социалистические преобразования, Дейчер мошеннически включает в их «цену» все те лишения гражданской войны, интервенции, экономиче-

ской блокады, которыми международная империалистическая буржуазия заставила расплачиваться трудящихся нашей страны.

Между тем за сохранение самой капиталистической системы народы мира заплатили такую кровавую «цену», по сравнению с которой бледнеют любые реальные и мифические «издержки» социалистического строительства в СССР и других странах. Достаточно сказать, что только на войны нашего столетия, развязанные капитализмом, по некоторым подсчетам, было затрачено около 4 триллионов рублей. На эти средства можно было бы кормить бесплатно все человечество в течение 50 лет. Число убитых только во второй мировой войне, зачинщиком которой был империализм, составило 50 млн. человек. Именно капитализм принес трудящимся такое социальное бедствие, как хроническая массовая безработица. Так, в начале 30-х годов число безработных в «свободном мире» достигло 40 млн. человек. После второй мировой войны масштабы безработицы оказались несколько ниже, чем в 30-е годы, но выше, чем после первой мировой войны. Вот какова далеко не полная «цена» существования капитализма на земле.

* *
*

Созданная в результате Октябрьской социалистической революции плановая экономика — одно из коренных преимуществ социализма перед капитализмом, неспособным обеспечить планомерное развитие народного хозяйства в интересах всего общества. Именно поэтому идеологи буржуазии с таким рвением стремятся опорочить экономическую политику КПСС, хозяйственную практику Советского государства, направленную на усиление социалистической экономики. И в данном случае фальсификация экономической политики КПСС подчинена задаче доказать, что Октябрьская революция была исторически неправомерным явлением, а поэтому порожденный ею общественный строй обречен на неминуемое перерождение, на возврат к «естественным» капиталистическим порядкам. В этой связи почти всякое вызываемое потребностями жизни крупное изменение в экономической политике КПСС, в методах руководства советской экономикой порождало в буржуазных кругах Запада

массу кривотолков и извращений, использовалось для очередных попыток обнаружить кризис социалистического строя и признаки близкого восстановления капитализма в СССР. Так было, например, при переходе к нэпу. Газета «Энформасьон» уверяла тогда своих читателей, будто все уже «согласны относительно близкого конца советского режима. Возможно спорить только о датах и деталях» [1]. Или другой пример. Как известно, в начале 30-х годов в советской промышленности стала широко внедряться сдельная оплата труда, вводились премии, были расширены права администрации промышленных предприятий. Тогда, как отмечает профессор Линкольнского университета (США) Питер Файлен в своей книге «Американцы и советский эксперимент. 1917—1933», изданной в 1967 г., «многие американцы горделиво заявляли о превосходстве капиталистических методов над социалистическими» [2].

Нечто подобное происходит и сейчас. В экономической реформе, которую осуществляют ныне КПСС и Советское государство с целью повышения эффективности социалистического производства, реакционная пропаганда Запада видит возможность реставрации капитализма в нашей стране, ослабления плановых начал ее экономики. Например, Маршалл Голдмен, специалист Гарвардского университета по советской рыночной практике, предвидит, что «русские в конечном счете разрешат частное предпринимательство», что «когда-нибудь иностранный капитал будет приветствоваться в России» [3].

Предпринимаются попытки теоретически обосновать эти несбыточные надежды при помощи ссылок на модернизацию, индустриальную и научно-техническую революцию, происходящие в мире. В таком духе выступает Уолт Ростоу, уповающий на «силы истории», которые якобы повернут развитие социалистических стран в угодном капиталистическому Западу направлении [4]. Его «теоретические» рассуждения конкретизирует Голдмен, который утверждает, что с появлением «мелких капитали-

---

[1] Цит. по кн «Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг.». М., 1957, стр. 494—495.

[2] *Peter G. Filene.* Americans and the Soviet Experiment. 1917—1933 Cambridge (Mass.), 1967, p. 256.

[3] "Business Week", 29. IV. 1967.

[4] "The Department of State Bulletin", vol. LV, July 18, 1966, p. 83.

стов» в Советской России «они будут нанимать только горсточку рабочих, но, имея больше стимулов, чем более крупные государственные предприятия, они будут выдвигать новые идеи. Затем эти идеи будут обогащать всю экономику» [1].

В изображении Голдмена капитализм — идеальная система, достойная подражания. Он закрывает глаза на социальные язвы этого строя, которые замечает даже такой откровенный противник коммунизма, как Клаус Меннерт, призывающий своих единомышленников удвоить и утроить усилия по устранению тех аспектов буржуазного общества, которых стыдятся сами его апологеты [2]. Голдмен не стыдится того, что капитализм в США за несколько столетий своего существования не устранил стихийности в развитии хозяйства, экономических потрясений, нищеты (в США, по некоторым оценкам, 65 млн. человек, т. е. более трети населения, являются бедняками или нуждающимися жителями), безработицы, неуверенности в завтрашнем дне, роста преступности и других социальных пороков, ликвидировать которые не способен буржуазный строй, несмотря на заклинания Меннерта и ему подобных.

Наша партия, конечно, не отказывается от изучения и использования научно-технических и технологических новинок капиталистического производства. К этому в свое время призывал В. И. Ленин. Но в самих основах организации хозяйства, позволяющих наиболее полно применить чудеса науки и техники, обратив их на благо не кучки эксплуататоров, а всего общества, именно социализм является в нашу эпоху наиболее совершенной системой, действительно достойной подражания. Надо сказать, что капиталистам уже приходилось кое-чему поучиться у социализма. Уместно вспомнить, как в конце 20-х и начале 30-х годов в США и Западной Европе, переживавших глубокий экономический кризис, приобрели популярность идеи хозяйственного планирования, которые успешно осуществлялись в Советской стране. Об этом, в частности, упоминает Питер Файлен в названной книге. Даже консервативная американская газета «Сатердей ивнинг пост», пишет он, видела необходимость

---

[1] "Business Week", 29. IV. 1967.

[2] См. "Détente. Cold War Strategies in Transition". N. Y., 1965.

«в реальном пятилетнем плане для Америки» [1]. И буржуазная Америка, как и Западная Европа, действительно пыталась заимствовать у Советского государства элементы хозяйственного планирования и программирования. Конечно, это не устранило неизлечимых недугов капитализма. Тем не менее ряд буржуазных экономистов (не в пример Голдмену, Ростоу и др.) вынужден был признать в планомерном ведении хозяйства важнейшее преимущество советской экономической системы. Так, американский экономист Суграм Давид отмечает, что «сила коммунистической экономики состоит в планировании с его системой стимулирования производства и производительности, системой приоритета и контроля над ценами» [2]. Еще дальше идет в своих признаниях другой «советолог», Питер Уайлз. «Это, конечно, печальный факт,— сетует он,— что экономическая политика западных стран, имеющих различные структуры, не включает в себя никаких коммунистических элементов» [3].

В этой связи возникает вопрос, зачем советским людям переделывать свою экономику на капиталистический лад, к чему призывают их буржуазные идеологи типа Голдмена, если она сама служила и служит в своих основах образцом рационального ведения хозяйства в интересах всего общества, на основе подлинно гуманного принципа: «Все во имя человека, для блага человека!»

Нынешняя хозяйственная реформа в СССР вызвана отнюдь не «кризисом» советской экономики, как пытаются представить наши идейные противники, а прогрессивными изменениями в сфере общественного производства, выражающимися, в частности, в быстром увеличении объема и усложнении структуры народного хозяйства, его экономических связей. Развитие товарно-денежных отношений ни в коей мере не ведет к реставрации капитализма в СССР. Ведь эти отношения существуют с первых дней Советской власти. В условиях социализма они коренным образом изменили свое содержание по сравнению с тем, чем они были при капитализме, превратившись из регуляторов производства в «подручных» централизованного планирования.

---

[1] *Peter G. Filene.* Americans and the Soviet Experiment. 1917—1933, p. 256.

[2] *Sugram David.* The Communist Challenge. N. Y., 1965, p. 37—38.

[3] "The State of Soviet Studies". Cambridge (Mass.), 1965, p. 35.

Проводимые партией меры по совершенствованию социально-экономических отношений и методов хозяйствования ведут к дальнейшему укреплению социализма, к еще более полному раскрытию его преимуществ. Они знаменуют собой новый этап в развитии советского общества на пути к коммунизму.

Такова действительность, которая уже начинает отрезвлять некоторых буржуазных деятелей. Так, председатель американского «Национального индустриального совета» Роджер Блоу, ставя под сомнение надежды апологетов капитализма на постепенное капиталистическое перерождение СССР, заявил, что советские люди «хотят просто усилить эффективность и продуктивность производства в России, и это делает коммунизм еще более опасным соперником, чем когда-либо прежде». Побывавший в СССР Ричард Морзе, консультант правительства США по вопросам управления промышленностью, на вопрос редакции журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», не идет ли Россия к капитализму, ответил: «Никаких признаков нет, несмотря на то что некоторые американцы тешат себя такой мыслью».

Грубая апологетика капиталистического пути развития в противоположность советскому опыту сейчас имеет мало шансов на успех. Видимо понимая это, антикоммунист У. Джойс пишет: «Величайшая услуга, которую мы можем оказать коммунистам,— это пропагандировать капитализм» [1]. В этой связи более опасным представляется использование фальсификаторами в целях оправдания капитализма идейного багажа разбитых КПСС оппозиционных групп. Их платформы выдаются за «истинные», «революционные», а подлинно ленинская генеральная линия КПСС — за якобы «ошибочную». Так, упоминавшаяся работа Дейчера «Иронии истории» напичкана постулатами троцкистского толка. Автор сетует на то, что развитие России пошло не по Троцкому. При этом он фальсификаторски отождествляет позиции Ленина и Троцкого. По Дейчеру, якобы Ленин, подобно Троцкому, не ожидал, что «изолированная Россия будет в состоянии подняться благодаря собственным усилиям до уровня западной технологии и индустриальной организации» [2].

[1] Цит. по кн. *А. Н. Яковлев.* Идеология американской «империи». М., 1967, стр. 438.

[2] *Isaac Deutscher.* Ironies of History, p. 57.

Вся эта фальсификация потребовалась для того, чтобы поставить под сомнение законность пути, избранного советским народом под руководством КПСС. Дейчер пытается подвести читателя к мысли, что трудящиеся России, Коммунистическая партия должны были, следуя троцкистской линии, капитулировать перед мировой буржуазией, а не строить социализм в одной стране, в условиях замедления революции на Западе. Тем самым, по его мнению, они избежали бы многих лишений и страданий.

В качестве другого «учителя» советского народа навязывается небезызвестный Стефан Поссони, директор Гуверовского института по исследованиям проблем войны, революции и мира при Стэнфордском университете. Если Дейчер выдает за ленинизм «левое» капитулянтство Троцкого, то Поссони — правое капитулянтство Бухарина. Этот фальсификаторский тезис Поссони протаскивает как в предисловии к составленной им хрестоматии из ленинских работ, так и в самой хрестоматии, где с этой целью тенденциозно препарирован ленинский текст. И Дейчер и Поссони разными путями идут к одной цели. Извращая ленинские идеи, они стремятся в ложном свете представить весь путь Советского государства после смерти Ленина, дезориентировать трудящихся всего мира, проявляющих растущий интерес к марксистско-ленинскому теоретическому наследию, к историческому опыту нашей страны.

Но это попытки с негодными средствами. Подлог может обнаружить каждый, кто без предубеждения прочитает целиком последние статьи и письма Ленина («Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше» и др.). В них В. И. Ленин всесторонне обосновал и развил план построения социалистического общества в СССР. Через все эти работы проходит мысль о том, что наша страна имеет все необходимое для построения социализма. Следуя ленинским указаниям, советский народ под руководством Коммунистической партии построил социализм и уверенно идет по пути строительства коммунизма.

Не в силах доказать «неэффективность» социализма по сравнению с капитализмом некоторые антикоммунисты обращаются к фальсификации социально-политиче-

ской структуры социалистического общества. При этом они приписывают последнему пороки капитализма. Такой прием стал весьма распространенным среди реакционных идеологов. Так, американские социологи Р. Страус-Хюпе, У. Кинтнер и упоминавшийся выше С. Поссони заявляют без обиняков: «Нам надо поддерживать тот очевидный факт, что западный мир не «капиталистический», а коммунистический блок не «социалистический» [1].

Короче говоря, с легкой руки антикоммунистов черное делается белым, а белое — черным. Но этот подлог совершается чаще всего весьма искусно, «со ссылкой на объективные факты». Вот один из примеров такой фальсификации.

Маркс и Ленин указывали, что на первой фазе коммунизма — при социализме — в силу еще недостаточно высокого развития производительных сил, не позволяющего достигнуть изобилия продуктов, распределение осуществляется по принципу — от каждого по способностям, каждому по труду. Но количество и качество труда работников различны, и поэтому продукты труда распределяются неравномерно. Полная справедливость мыслима лишь после перехода к принципу распределения по потребностям. Это достигается на высшей фазе коммунистического общества.

Значит, известное экономическое неравенство в доходах при социализме существует. Из этого признанного классиками марксизма-ленинизма обстоятельства буржуазные и реформистские идеологи выводят классовое неравенство и социальные антагонизмы. Американский философ, член совета Американской социологической ассоциации Герхард Ленский в книге «Власть и привилегии. Теория общественной стратификации» (Нью-Йорк, 1966) утверждает, что в Советском Союзе главным противоречием является будто бы противоречие между «имущими» и «неимущими». Французский правый социалист Ле Корр называет «капиталистами» в Советском Союзе всех, кто получает сравнительно высокую заработную плату.

Но эти идеологи замалчивают *главное*, что характеризует социализм: при остающихся еще различиях в бла-

---

[1] *R. Strausz-Hupé, W. Kintner, St. Possony.* A Forward Strategy for America. N. Y., 1961, p. 267.

гах, получаемых каждым за свой труд, здесь невозможна *эксплуатация* человека человеком, ибо, как отмечал Ленин, «нельзя захватить *средства производства,* фабрики, машины, землю и прочее в частную собственность» [1]. Они не хотят видеть того, что при социализме осуществлены два великих принципа социальной справедливости, знаменующие решающее превосходство нового общества над несправедливым капиталистическим строем: «Кто не работает, тот не должен есть», «За равное количество труда — равное количество продуктов».

Эти принципы зафиксированы в Советской Конституции и неукоснительно проводятся в жизнь. Антагонистические классы в советском обществе — это миф, выдуманный антикоммунистами для того, чтобы ослабить привлекательность социализма для трудящихся масс всего мира. Достаточно буржуазному деятелю снять темные антикоммунистические очки, как он увидит советскую действительность *такой, какой она* является на самом деле. Такой ее нашел, например, видный деятель либеральной партии Англии Джозеф Гримонд, опубликовавший в газете «Гардиан» со 2 по 12 ноября 1966 г. серию статей. «На Западе, однако,— пишет Гримонд,— слишком сильно подчеркивают дифференциацию в оплате труда в коммунистической системе. Уж если на то пошло, вы должны заработать ее. Я не видел, чтобы в верхах коммунистических стран были бы группы циничных и малоработающих людей, разъезжающих в просторных американских машинах и ведущих роскошную жизнь. Хотя, несомненно, дифференциация не исчезает полностью и в среде пенсионеров, я не обнаружил никаких признаков возникновения нового класса наследственно богатых людей». Таково свидетельство буржуазного капиталистического деятеля, сумевшего стать на реалистическую позицию в оценке социалистического строя. Оно обнажает злобную предвзятость антикоммунистических манипуляторов, пытающихся приписать социалистическому обществу с его социально-политическим единством пороки капитализма, раздираемого классовыми антагонизмами.

Но, как справедливо подмечает Гримонд, дифференциация в оплате труда при социализме остается, хотя (и это очень важно) рамки этой дифференциации неуклонно

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр соч., т. 33, стр. 93.

сужаются путем главным образом повышения доходов низкооплачиваемых категорий трудящихся. Еще Маркс выступал против тех, кто «проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнительность». Уравниловка неизбежно приводит на практике к утрате материальной заинтересованности работников в своем труде, снижению производительности труда и торможению технического прогресса.

Наши идейные противники попадают в ложное положение, когда, с одной стороны, в духе раскритикованного в свое время Марксом мелкобуржуазного социализма Лассаля взывают к «равенству» и «справедливости», к уравниловке, ведущей к упадку производительных сил, а с другой стороны, «бичуют» этот же самый социализм за якобы отсутствие при нем заинтересованности в труде [1].

В свое время Маркс критиковал антинаучное, мелкобуржуазное положение о том, что каждый должен получать полный, неурезанный продукт своего труда. «Прибавочный труд вообще, как труд сверх меры данных потребностей,— писал он,— всегда должен существовать» [2]. Прибавочный труд существует и при социализме, являясь одним из главных источников развития производительных сил общества. Буржуазные фальсификаторы пытаются обернуть этот факт против социализма. В этой связи ими конструируются надуманные схемы об «эксплуатации труда», «государственном капитализме», «экономическом тоталитаризме» в СССР [3].

Как бы предвидя возможные спекуляции на факте существования прибавочного продукта в условиях социализма, Маркс доказал (а практика социалистического строительства в СССР подтвердила), что при социализме не может быть присвоения неоплаченного труда, эксплуатации, поскольку средства производства принадлежат не частным лицам, а всему обществу и, следовательно, «все удерживаемое с производителя как частного лица прямо или косвенно идет на пользу ему же как члену общества» [4]. Таким образом, по Марксу, в условиях

---

[1] См., например, *Jan Cray*. The First Fifty Years. Soviet Russia 1917—1967, Ldn., 1967, p. IX.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 385—386.

[3] См. "Congressional Record". August 21, 1967. Washington, p. H.10856.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 17.

социализма ликвидируется антагонистическая форма прибавочного труда, который передается в распоряжение всего общества и используется в интересах его членов. Такое принципиальное преобразование и осуществлено в социалистических странах.

Современные буржуазные критики социализма, эксплуатирующие старую, раскритикованную еще Марксом лассальянскую формулу о «полном, неурезанном продукте труда», не замечают, что строят на песке. Ведь если, как отмечал Маркс, доход от труда принадлежит в неурезанном виде и на равных правах всем членам общества, значит, этим правом пользуются и неработающие члены общества, но в таком случае работающие отдают часть своего труда неработающим и принцип «неурезанного дохода» терпит крах. Если же доход от труда принадлежит только работающим членам общества, то «где же тогда «равное право» всех членов общества?»[1] Представляя собой избыток над продуктом, необходимым для существования работников материального производства и их семей, прибавочный продукт при социализме идет на расширение производства и удовлетворение общественных нужд трудящихся (создание общественных фондов для финансирования жилищного и культурно-бытового строительства, здравоохранения, просвещения и т. д.).

Отсутствие эксплуатации в Советском Союзе и других социалистических странах признают и некоммунисты. Так, французский социолог С. Войня подчеркивает, что в Советском Союзе «не существует более права собственности, в силу которого какое-либо лицо могло бы присваивать прибыль». Но буржуазные и реформистские идеологи с трудом делают подобные признания. Они используют каждый сучок, чтобы повесить на нем свои антикоммунистические сети. Крупнейший французский социолог Раймон Арон, признавая, что в СССР нет частного присвоения прибыли, утверждает, что «в силу более низкого жизненного уровня в СССР» экономическое неравенство в этой стране носит будто бы ярко выраженный «социальный характер». Но несостоятельность этой «конструкции» видят даже некоторые единомышленники Р. Арона. Так, западногерманский буржуазный теоретик и публицист Гарольд Ингезанд в своей книге «Идеоло-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 16.

гия советского коммунизма» (Ганновер, 1966) справедливо заявляет, что нельзя выдвигать в качестве главного аргумента более высокий жизненный уровень на Западе, так как против этого у коммунистов есть хорошие контраргументы. И он прав. Разве не о важнейшем преимуществе социализма говорит планомерное, рациональное, справедливое распределение прибавочного продукта в социалистических странах, распределение, направленное на дальнейшее развитие производства и на все более полное удовлетворение материальных и культурных потребностей всех членов общества?

Правда, пока жизненный уровень в Советском Союзе и других социалистических странах ниже жизненного уровня некоторых наиболее развитых капиталистических стран. Но это временное явление, которое, несомненно, будет устранено, подобно безработице, некогда существовавшей в СССР и изжитой еще в 1930 г. Важна тенденция развития. По подсчетам такого видного лидера и идеолога СФИО, как Жюль Мок, жизненный уровень советских трудящихся повышается невиданными для стран капитала темпами. В отдельные периоды он возрастал в 8—9 раз быстрее, чем во Франции [1]. Это опережение в темпах развития материального производства и повышения жизненного уровня народа и является одним из главных факторов, которые неминуемо обеспечат победу социализма над капитализмом в решающих областях человеческой деятельности.

* *
*

Не в состоянии опровергнуть великие достижения Советского Союза в развитии экономики и культуры, в подъеме жизненного уровня народа, завоеванные героическими усилиями советских людей под руководством ленинской партии, идеологи империализма прибегают к самым изощренным методам подлога и клеветы, чтобы поставить под сомнение историческую закономерность этих достижений, вызванную к жизни победой Октября. Но с каждым годом все очевиднее становится тщетность подобных попыток. Она еще полнее обнаруживается сейчас, когда наша социалистическая Родина, пройдя через

[1] "La Revue Socialiste", N 141, 1961, p. 324.

рубеж своего полувекового существования, демонстрирует непреоборимую силу и достоинства передового общественного строя — социализма, начало которому положила Октябрьская социалистическая революция.

Как солнце нельзя закрыть ладонью, так и великую правду об историческом опыте Советского государства, воплотившем в себе самые гуманные и прогрессивные идеи — идеи Маркса, Энгельса, Ленина, невозможно заслонить туманом лжи и клеветы. «...За наши взгляды,— говорил В. И. Ленин,— вступается сама история, вступается на каждом шагу действительность» [1]. История продолжает работать на коммунизм.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 65.

С. Л. Титаренко

ВЫНУЖДЕННЫЕ ПРИЗНАНИЯ И ФАЛЬШИВЫЕ ВЕРСИИ ИДЕОЛОГОВ БУРЖУАЗИИ

Полувековой юбилей Советской власти привлек внимание широкой мировой общественности — как прогрессивной, так и реакционной. В капиталистических странах, и прежде всего в США, опубликовано огромное количество работ, авторы которых не жалеют ни сил, ни времени на то, чтобы умалить или же представить в искаженном свете гигантские преобразования, осуществленные в нашей стране за истекшие 50 лет. Но, поставленные перед неоспоримыми фактами действительности, они вынуждены так или иначе отдавать дань великому прогрессивному значению Октябрьской революции и ее последствий.

В предисловии к книге группы американских буржуазных профессоров «СССР за 50 лет. Обещания и действительность» [1] говорится, что «большевистская революция, несомненно, является крупнейшей вехой в истории человечества. Эта революция и осуществленные в результате ее социальные эксперименты поражают воображение как сторонников, так и противников советского режима» [2].

Если в прошлом для идеологов буржуазии было характерно огульное отрицание даже самой возможности каких-либо «социальных экспериментов», то ныне в их умах происходит сильное брожение. Великие победы социализма в СССР, образование мировой социалистической системы, мощный рост мирового коммунистического движения и развал колониальной системы империализма — все это такие внушительные аргументы в пользу марксизма-ленинизма, выступать против которых подчас не осмеливаются даже самые изощренные противники.

---

[1] "The USSR after 50 Years. Promise and Reality". Edited by Samuel Hendel and Randolph L. Braham. N. Y., 1967.

[2] Ibid., p. V.

Вот почему авторы упомянутой выше книги вынуждены, с одной стороны, прибегать ко всякого рода домыслам и софистике, а с другой — так или иначе признавать, что провозглашенная большевиками после Октябрьской революции программа создания нового общества осуществляется. Они не в силах отрицать и того, что формирование социально-экономических и идейно-политических устоев советского общества происходит на основе марксистско-ленинского учения. Но авторы не были бы апологетами капитализма, если бы не фальсифицировали существо марксистско-ленинского учения. В одном случае они лишь частично, с оговорками признают влияние марксизма-ленинизма на ход общественной жизни, в другом — противопоставляют Ленина Марксу, в третьем — утверждают, что марксистско-ленинское учение якобы применимо лишь к малоразвитым странам, но неприменимо к высокоразвитым капиталистическим странам. Но как бы ни изворачивались буржуазные ученые, им никогда не удастся опровергнуть тот несомненный факт, что марксизм-ленинизм — самое влиятельное интернациональное учение современности, неисчерпаемый источник революционной мысли и действия, победоносное идейное знамя рабочего класса.

* *
*

Книга состоит из девяти разделов, посвященных трем основным вопросам: политической системе СССР, экономическим, социальным и культурным достижениям Советского Союза, а также внешней политике Советского государства.

Советский политический строй привлекает особое внимание современных буржуазных «советологов». Авторы опубликованных в США различных «исследований» пытаются вскрыть генезис нашей политической системы, охарактеризовать ее сущность. В книге «СССР за 50 лет» по этому вопросу выступили профессора политических наук Самуэль Гендель, Альфред Мейер и небезызвестный антикоммунист Бертрам Вольф, автор ряда работ о марксизме-ленинизме и Советском Союзе.

С разных сторон авторы стремятся подойти к освещению нашего политического строя, разумеется с целью фальсификации его существа. Эти новоявленные «знатоки» марксизма утверждают, что, во-первых, диктатуру

пролетариата нельзя себе мыслить там, где рабочий класс составляет меньшинство населения, и, во-вторых, что диктатура пролетариата предполагает наличие многопартийной системы. «Диктатура пролетариата, как представляли ее себе Ленин, большевики, марксисты вообще до захвата власти большевиками в ноябре 1917 г.,— говорится в рассматриваемой книге,— должна будет разрешить всем левым партиям бороться за поддержку масс. Ни один марксист тогда не думал о диктатуре пролетариата как эквиваленте одной партии...» [1]

Эти люди, еще не так давно объявлявшие нелепостью само понятие диктатуры пролетариата, теперь говорят о ней как о само собой разумеющемся явлении и претендуют на роль истолкователей марксизма.

Что касается вопроса о том, возможна ли диктатура пролетариата в стране, где рабочий класс не представляет большинства населения, то ответ на него дала сама жизнь полвека тому назад. Поэтому перепевы концепций реформистских теоретиков II Интернационала по этому вопросу вряд ли могут звучать теперь сколько-нибудь убедительно.

Теорией марксизма-ленинизма доказано, а практикой подтверждено, что диктатура пролетариата — это власть рабочего класса, опирающаяся на союз его с широкими непролетарскими массами трудящихся, необходимая для того, чтобы подавить сопротивление эксплуататоров, отстоять завоевания революции и построить новое, социалистическое общество. Диктатура пролетариата, как ее понимали и понимают марксисты,— это демократия для гигантского большинства народа, в принципе допускающая сотрудничество и нескольких левых партий, поскольку они выражают интересы трудящихся.

В Советском Союзе однопартийная система сложилась не по прихоти большевиков, а в результате объективных условий классовой борьбы, в ходе которой другие партии, в частности меньшевики и эсеры, проводившие политику соглашения с буржуазией, выступили против власти рабочих и крестьян, против социалистических интересов пролетариата. Естественно, что они должны были разделить судьбу эксплуататорских классов, против которых рабочим и крестьянам Советской страны пришлось вести борьбу не на жизнь, а на смерть.

---

[1] "The USSR after 50 Years", p. 8.

Но, не являясь в принципе сторонниками только однопартийной системы, марксисты не мыслили диктатуру пролетариата без руководства пролетарской партии. «Воспитывая рабочую партию,— писал В. И. Ленин в книге «Государство и революция», на которую неоднократно ссылаются почтенные профессора политических наук,— марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и *вести весь народ* к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии» [1].

Авторы книги пытаются также утверждать, что диктатура рабочего класса во главе с его партией несовместима с демократией.

«Понятие демократии,— поучает Гендель,— отвечает одному из глубочайших и благороднейших чаяний человечества и привлекает огромное внимание всего мира. Необходимо поэтому хорошо взвесить, может ли утверждение русских о демократии соответствовать какому-либо имеющему смысл, приемлемому и устойчивому определению демократии — немарксистскому или же марксистскому» [2].

Вопрос поставлен круто, но смысла в нем мало, ибо «утверждение русских» о демократии целиком и полностью соответствует марксистскому понятию, согласно которому демократия есть определенная политическая форма господства того или иного класса. Со времени Октябрьской революции в СССР утвердилась и развивается советская социалистическая демократия. Советы — это наиболее всеобъемлющие, наиболее демократические и авторитетные массовые организации, максимально облегчающие участие трудящихся в строительстве новой жизни. Известно, что в Советы избирается более 2 млн. депутатов — рабочих, колхозников, представителей передовой советской интеллигенции.

Великая прогрессивная сила советской демократии в том и состоит, что она приобщила широкие народные массы к управлению государственными и общественными делами, дала им возможность применять та-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 26.
[2] "The USSR after 50 Years", p. 9.

ланты, способности, знания для того, чтобы жизнь народа стала лучше и краше.

Как и много лет назад, буржуазные профессора продолжают игнорировать классовую сущность демократии. Они видят демократию лишь там, где есть представительство нескольких партий в парламенте, где имеют место предвыборные баталии между различными политическими группировками. Слов нет, в большинстве капиталистических стран это один из обязательных признаков буржуазной демократии. Но в буржуазном государстве, даже в самом демократическом, угнетенные массы на каждом шагу встречают вопиющее противоречие между формальным равенством, которое «демократия» капиталистов провозглашает, и тысячами фактических ограничений и ухищрений, делающих пролетариев наемными рабами [1].

Буржуазная демократия легко уживается с усилением репрессий против трудящихся, с массовым применением войск и полиции против тех, кто осмеливается открыто выступить в защиту угнетенных. Злодейское убийство выдающегося борца за мир и за человеческие права американских негров Мартина Лютера Кинга, расправа над тысячами негров в США, применение французскими властями карательных мер к бастующим рабочим, подавление английскими войсками народных волнений в Ольстере — все это является одним из наглядных доказательств призрачности хваленой буржуазной демократии. Об этом же свидетельствуют и внешнеполитические военные авантюры правящих кругов США, осуществляемые вопреки воле американского народа.

Буржуазные профессора, и среди них Бертрам Вольф в особенности, не жалеют красок для того, чтобы нарисовать «ужасную» картину «тоталитарного коммунистического государства». В чем видит Вольф «тоталитаризм» советской системы? Оказывается, в том, что здесь имеют место централизация (как будто на свете существуют государства, в которых отсутствует централизация), а средства информации — печать, радио, телевидение и т. п.— принадлежат не частным лицам и не отдельным компаниям, а государству, всему обществу. Что ж, для идеологов, находящихся на содержании у монополий, видимо, приемлема «демократия» монополистического

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 256—257.

капитала. Мы же считаем, что наличие «средств сообщения» в руках Советского государства и общественных организаций трудящихся — это великое завоевание народа, имеющего возможность выражать свое мнение, оказывать влияние на формирование коммунистического сознания советских людей.

Уж если где и есть действительный, а не мнимый тоталитаризм, так это в странах, где господствуют реакционные силы, опирающиеся на систему государственно-монополистического капитализма. Таких сил нет и не может быть в условиях советской, социалистической демократии, опирающейся на социально-политическое и идейное единство всего народа, на дружбу и братское сотрудничество социалистических наций.

Именно потому, что в Стране Советов осуществлено подлинное народовластие, государство диктатуры пролетариата с победой социализма и укреплением единства народа превратилось в политическую организацию всего общества, при сохранении ведущей роли рабочего класса. Новоявленные «знатоки» марксизма в лице американских буржуазных профессоров заявляют, что не может быть всенародного государства, так как, дескать, согласно учению Маркса, государство должно отмереть после ликвидации классов. «Неудача в отмирании Советского государства, несмотря на утверждение, что СССР достиг социализма и бесклассового общества... находится в противоречии с марксистской теорией» [1].

Как видно, буржуазные критики, читая труды Маркса, находят в них не то, что там написано, а то, что им хотелось бы видеть. Известно, что классики марксизма вопрос об отмирании государства всегда рассматривали в связи с проблемой победы коммунизма. Государство отомрет, станет ненужным лишь на высшей фазе коммунизма, когда будет осуществлен принцип: «От каждого по способностям, каждому по потребностям». До тех же пор государство призвано охранять общественную собственность на средства производства, осуществлять контроль за мерой труда и потребления. К тому же никто из подлинных марксистов не говорит, что СССР уже достиг бесклассового общества. У нас нет эксплуататорских классов, но есть классы трудящихся — рабочий класс и

---

[1] "The USSR after 50 Years", p. 36—37.

колхозное крестьянство. Преодоление классовых различий между ними составляет одну из важных задач коммунистического строительства.

* *
*

Большое внимание в книге уделено и советской экономике, ее особенностям и достижениям. При всем своем недоброжелательном отношении к Советскому Союзу авторы тем не менее вынуждены признать, что темп индустриального развития и выпуска валовой продукции СССР был прямо феноменальным. «В довольно короткий отрезок невоенных лет Советский Союз из сравнительно отсталой и малоразвитой страны поднялся до уровня второй наиболее мощной промышленной державы мира» [1],— пишет упомянутый уже Гендель.

С такой оценкой нельзя не согласиться. Высокие и устойчивые темпы развития — одно из решающих преимуществ экономики социализма. Среднегодовой прирост промышленного производства за 1929—1966 гг., например, составил в СССР 11,1%, а в США — 4, в Англии и во Франции — 2,5%. Нельзя при этом забывать, что Советский Союз перенес тяжелейшую войну, которая задержала наше экономическое развитие на ряд лет.

Не менее характерно и другое признание авторов книги. Советская экономика, если не помешает война, пишет Гендель, и впредь будет продолжать систематически и устойчиво расти. Одновременно выражается опасение, будет ли столь же устойчиво развиваться экономика США, являющаяся «гораздо более неустойчивой и циклической» [2].

С этой характеристикой также нельзя не согласиться, особенно если учесть потрясения капиталистической экономики, которые она периодически переживает.

Однако другой автор, профессор экономических наук Питер Уайлз, в главе об экономических достижениях Советского Союза никак не хочет признать преимуществ социалистической экономики. Он ищет недостатки в общегосударственном хозяйственном планировании, старательно умалчивая, что плановая социалистическая систе-

---

[1] "The USSR after 50 Years", p. 31.
[2] Ibid., p. 68.

ма обеспечивает рациональное размещение производительных сил, исключает безработицу, способствует неуклонному росту благосостояния народа, ограждает экономику от той лихорадки, которая периодически трясет экономику капитализма.

Выискивая и выдумывая недостатки в социалистической экономике, Уайлз вместе с тем не жалеет красок для восхваления капиталистической системы. Он заявляет, что современный государственно-монополистический капитализм отнюдь не проявляет признаков того, что это последняя стадия капитализма. Напротив, он считает, что именно государственно-монополистический капитализм обладает необычайной силой жизнеспособности, которая разрушила «надежды марксистов на автоматический крах капитализма» [1]. Таким заявлениям не приходится удивляться. Буржуазные ученые многократно провозглашали капитализм процветающим, особенно в периоды циклических подъемов, но это не спасало капиталистическую систему от новых экономических, военных и политических потрясений. Кому не известны широковещательные пророчества буржуазного экономиста Кейнса, на авторитет которого, кстати сказать, ссылается и Уайлз. А что осталось от этих пророчеств? Происходит именно так, как предсказывали марксисты, хотя никаких надежд на автоматический крах капитализма они не питали и не питают. Капитализм идет к своему краху через непримиримые, внутренне присущие ему противоречия, через обострение классовых и национальных конфликтов, которые неизбежны, поскольку существует частная собственность на средства производства, сосредоточение ее в руках миллиардеров, эксплуатация, ограбление трудящихся хищническими монополиями, национальное и расовое неравенство и т. п. В. И. Ленин указывал, что капитализм никакая сила не победила бы, если бы его не подмыла и не подрыла история. И если капитализм все более вынужден уступать место социализму, то это происходит именно в силу неумолимых законов истории.

Далее Уайлз спешит провозгласить дискредитированной марксистскую теорию и на том основании, что вот-де колониальная система уже, по сути, исчезла, а капитализм живет и здравствует. Стало быть, колонии не имеют

[1] "The USSR after 50 Years", p. 68.

того особого значения для монополистического капитализма, о котором говорят марксисты. Однако если колонии не имеют существенного значения для монополистического капитализма, то чем объяснить бешеное стремление империалистических держав воспрепятствовать освобождению угнетенных народов? Для чего американский империализм ведет перманентные войны против народов Азии, Африки, Латинской Америки, организует заговоры и реакционные перевороты, стремится возродить колониализм в самой отвратительной форме?

Уайлз объявляет социалистическую систему несостоятельной и на том основании, что в сельском хозяйстве СССР имели место серьезные недостатки, о которых прямо сказала наша партия на мартовском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС. Недостатки были, но причины их лежали отнюдь не в самой социалистической системе, а в неправильных методах руководства, в игнорировании экономических законов развития социалистического общества. Поэтому-то партия так остро и поставила вопрос о научном руководстве экономическими процессами, о рациональном использовании производительных сил в интересах наиболее полной реализации преимуществ социализма.

Следует отметить, что в книге имеются и более объективные оценки развития сельского хозяйства СССР. Так, Вильям Мендель, автор главы «К более гуманному и равному обществу», рассматривает проблему сельского хозяйства в Советском Союзе в связи с теми коренными изменениями, которые произошли в советской деревне. Он отмечает существенное улучшение условий жизни крестьянства. Намного лучше, чем до революции, признает автор, крестьянин стал питаться. Ему не нужно теперь ложиться спать в 5—6 часов вечера из-за отсутствия света,— свыше 90% крестьянских домов освещается электричеством. В советской деревне налицо громадный рост культуры. Сравнивая количество книг, журналов и газет, в среднем приходящихся на одного советского крестьянина, с тем, что имеется в США, автор констатирует, что положение в Соединенных Штатах резко отличается в худшую сторону. Произведенный в 1963 г. выборочно подсчет среди различных слоев населения, городского и сельского, от окончивших колледжи до неграмотных, показал, что только 16% думают о книге,

которую хотели бы прочитать[1]. Признание красноречивое! Оно свидетельствует о том, что капитализм, даже высокоразвитый, угнетая массы, одновременно стремится оглупить их, убить интеллект человека.

Немало интересных признаний содержится также в главе о социальных и культурных достижениях Советского Союза, принадлежащей перу Райта Миллера. Сопоставляя задачи, которые ставились Коммунистической партией в ее второй Программе в области удовлетворения социальных и культурных нужд трудящихся, с тем, что уже достигнуто в СССР, автор приходит к выводу, что значительная часть этих задач не только выполнена, но и перевыполнена. Это, в частности, относится к жилищному строительству, образованию, развитию науки, здравоохранению. Обращается внимание на то, что в результате кардинальных мер по повышению благосостояния и здравоохранения средняя продолжительность жизни людей в СССР увеличилась с 44 лет в 1926—1929 гг. до 70 лет в настоящее время. Отдается должное хорошо поставленному в СССР пенсионному обеспечению и большим расходам государства на другие социальные и культурные нужды населения. Отмечается, что оплата отпусков трудящихся в СССР поставлена лучше, чем в западных странах. Большим достижением Советского Союза автор считает всеобщую грамотность населения, бурный рост высшего и специального среднего образования.

В книге есть и другие признания, показывающие, что в наше время уже невозможно ни замолчать, ни отвергнуть с порога завоевания социализма в СССР. Отмечается, например, что в СССР уничтожены социальные контрасты, столь характерные для капиталистического мира; большим достижением советского строя признается существующее у нас равенство женщин с мужчинами во всех сферах общественно-политической и хозяйственной жизни, отсутствие расовой и национальной вражды.

Куда же идет Советский Союз? — вот вопрос, который занимает авторов книги «СССР за 50 лет». Ответить на него им нелегко прежде всего потому, что они не хотят признать, что в СССР утвердился новый, социалистический общественный строй, открывающий путь к высшей фазе — коммунизму. Возможность достижения ком-

[1] "The USSR after 50 Years", p. 167.

мунизма, например, Уайлз отвергает потому, что он вообще не признает другого способа производства и распределения, кроме капиталистического. Поэтому он склонен утверждать, что Советский Союз эволюционирует в сторону... капитализма. Растущий спрос на собственные автомобили в Советском Союзе якобы «угрожает полной трансформацией советского ландшафта и общества» [1].

Но автомобиль так же, как мотоцикл или велосипед, предмет обихода, а не средство производства. Для того чтобы советское общество «трансформировалось» в желаемом для буржуазного профессора направлении, потребовалась бы ликвидация общественной, социалистической собственности на средства производства и превращение ее в частную, капиталистическую со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако в Советском Союзе теперь нет и быть не может таких социальных групп, которые стремились бы к подобной «трансформации». Рабочий класс, колхозное крестьянство, советская интеллигенция кровно заинтересованы в дальнейшем укреплении и умножении общественной собственности — экономической основы социалистического строя. А это значит, что советское общество развивается и будет развиваться по пути коммунизма.

Идеологи буржуазии страстно мечтают о том, чтобы советское общество превратилось вдруг в капиталистическое. Отсюда различные «теории» вроде теории «единого индустриального общества», «конвергенции» и им подобные, из которых следует, что советское общество по мере своего дальнейшего развития все более будет сближаться с западным, капиталистическим обществом. Буржуазные теоретики никак не могут признать преходящий характер капитализма. Отсюда и рождаются бесплодные мечты о «едином индустриальном обществе».

* *
*

Значительное место в книге занимает рассмотрение советской внешней политики. Эта проблема действительно является чрезвычайно важной. Невозможно понять особенности международного развития за истекшее полстолетие без учета того колоссального влияния, которое

[1] "The USSR after 50 Years", p. 83.

оказывало и продолжает оказывать Советское государство на расстановку мировых политических сил, на ход освободительного движения народов. Своей последовательной борьбой за мир, против империалистических агрессоров, за свободу и безопасность народов Советский Союз завоевал признание всего прогрессивного человечества.

В наше время все более или менее добросовестные исследователи отдают должное тому вкладу, который внес Советский Союз в дело защиты мира и прогресса. Примечателен в этом отношении раздел, написанный профессором Фредериком Шуманом, содержащий исторический обзор советской внешней политики за 50 лет. Эта глава выгодно отличается от двух других злопыхательских разделов, принадлежащих Юрию Раянану и Рандольфу Брэхему.

Известно, что среди буржуазных «советологов» широко распространена лживая версия о том, что советские коммунисты провозглашают лозунги мира и мирного сосуществования государств с различными общественными системами по тактическим соображениям с целью выиграть время для вооруженной борьбы против капиталистических держав. Профессор Шуман в своей обзорной главе вольно или невольно пришел к тому совершенно правильному выводу, что советская миролюбивая политика имеет не конъюнктурный характер, что это постоянная политика, проводимая с первых же шагов Советской власти. Анализируя ход международных событий за последние десятилетия, автор вынужден констатировать, что не Советский Союз, а западные державы были прямыми виновниками тех военных потрясений, которые пережил мир во второй половине 30-х и в первой половине 40-х годов. Главная причина бед, обрушившихся на народы, заключалась, по мнению автора, в слепой ненависти правящих кругов Запада к Советскому Союзу.

Западные политики, отмечает автор, ошибочно считали, что спасение «западной цивилизации» заключалось в союзе демократий с фашизмом против коммунизма. Результатом этого явилась вторая мировая война [1].

Страницы, посвященные обзору внешнеполитических акций Советского Союза в 20-е и 30-е годы, а также ответных действий западных держав, читаются с особым

[1] См. "The USSR after 50 Years", p. 206.

интересом. Автор не боится называть вещи своими именами. Он показывает, как в результате преступной и близорукой политики правящих кругов Англии, Франции, а равно и США сложился блок агрессивных фашистских государств, открыто готовивших новую мировую войну. «Западные демократии» нагромождали одно препятствие за другим на пути миролюбивой советской политики, стремились сколотить антисоветский блок для нового крестового похода на СССР.

В противовес этим «демократиям», признает автор, Советское правительство вело линию на создание эффективной системы коллективной безопасности и обуздание фашистских агрессоров. «СССР был первой великой державой, которая в 1928 г. ратифицировала пакт Келлога — Бриана, осуждавший войну в качестве инструмента государственной политики, и первой великой державой, которая в 1927 г. выступила в Женеве с предложением о полном и всеобщем разоружении...» [1]

Прослеживая мероприятия Советского правительства, направленные на осуществление действенных мер против агрессоров в момент, когда все явственнее ощущалась угроза второй мировой войны, автор пришел к заключению, что СССР не несет ответственности за совершившуюся катастрофу. Он прослеживает позицию Советского Союза на всех этапах подготовки фашистских держав к агрессивной войне. На все предложения Советского правительства об обуздании агрессоров Лондон и Париж отвечали неизменным «нет». Он дает должную оценку мюнхенским «миротворцам», предоставившим Гитлеру возможность проглатывать одну европейскую страну за другой.

В отличие от других буржуазных историков и социологов, пытающихся умалить роль Советского Союза в разгроме фашистских армий во второй мировой войне, Шуман признает, что именно Советские Вооруженные Силы нанесли сокрушающий удар по военной машине Гитлера, результатом чего явился крах третьего рейха.

Заслуживает внимания также признание автора, что виновниками «холодной войны», начавшейся вскоре после разгрома фашистских агрессоров, были не советские руководители, а правящие круги Запада. Они вынашивали идею крестового похода против коммунизма, но уже

[1] "The USSR after 50 Years", p. 219.

с помощью атомного оружия. Очевидно, замечает автор, что в эпоху «холодной войны» угроза третьей «горячей войны» исходила больше из Вашингтона, чем из Москвы [1].

Размышляя о внешней политике Советского Союза и о тех противоречиях, которые имеют место в международных отношениях, Шуман, однако, обходит молчанием агрессивный внешнеполитический курс правящих кругов США, ставящих человечество перед угрозой новой мировой войны. Он не пытается дать оценку той грязной войне, которую американский империализм ведет против вьетнамского народа, не задумывается над тем, что же в конце концов лежит в основе агрессивных устремлений капиталистических держав. Более того, он вообще не считает, что источники войн коренятся в самой природе капитализма. Ему кажется, что война проистекает из самой природы человеческого общества. Он допускает мысль, что капитализм может исчезнуть, а коммунизм одержит новые победы, и человечество достигнет создания бесклассового общества и отмирания государства «в его традиционной форме» [2], но он не верит, что этим может быть устранена причина войн.

Гарантию мира он видит в создании всемирного правительства. Это типичная буржуазно-пацифистская точка зрения, стремление приукрасить капиталистическую систему, затушевать присущие ей антагонистические противоречия. Известно, что в свое время существовала Лига наций, претендовавшая на некое «мировое правительство». В наше время существует Организация Объединенных Наций. Однако империалистические агрессоры находили и находят повод для того, чтобы попирать всякие нормы международного права, осуществлять политику разбоя.

«Всемирное правительство» в условиях, когда существует империализм с его агрессивными устремлениями,— такая же реакционная идея, какой некогда была каутскианская идея ультраимпериализма. Лишь устранение капиталистической системы и замена ее коммунистической общественной формацией, свободной от классовых и национальных антагонизмов, осуществляющей производство не ради прибылей отдельных групп людей, а во

---

[1] См. "The USSR after 50 Years", p. 226.
[2] Ibid., p. 229.

имя всестороннего удовлетворения материальных и духовных потребностей всего общества, окончательно избавят человечество от опасности войн. Пока же существуют две различные социальные системы, есть только одна альтернатива войне: мирное сосуществование государств с различным общественным строем, обуздание агрессоров миролюбивыми силами. КПСС, как и другие братские партии, считает, что ныне имеются силы, способные не допустить развязывания империалистами новой мировой войны. Главное теперь в том, чтобы эти миролюбивые силы действовали активно и организованно.

Советская внешняя политика исходит из основной стратегической задачи, рассчитанной на построение коммунизма в СССР, на победу дела мира, демократии и социализма во всем мире. Эта политика глубоко интернациональна по своему характеру. Она учитывает как национальные, так и международные аспекты борьбы за коммунизм. Поэтому насквозь фальшивы доводы Юрия Раянана в разделе о соотношении коммунистической идеологии и внешней политики Советского Союза. Раянан заявляет, что коммунистическая идеология не соответствует принципам советской внешней политики. Советская внешняя политика-де исходит только из национальных интересов СССР, а идеология коммунизма основана на принципах интернационализма. «Подлинно коммунистическая, интернационалистическая политика,— заявляет сей профессор,— едва ли возможна в мире термоядерного оружия, который так существенно отличается от условий, с которыми имели дело отцы кредо в XIX в.» [1]

Да, современный мир отличается от того времени, когда Маркс и Энгельс сформулировали принципы пролетарского интернационализма. Но теперь и условия для осуществления этих принципов гораздо более благоприятны. Наличие мировой социалистической системы — детища международного пролетариата, а также многочисленных коммунистических и рабочих партий позволяет оказывать такую поддержку борцам за свою свободу и социализм, о которой в прошлом веке нельзя было даже мечтать.

Буржуазный профессор ищет несоответствие между коммунистической идеологией и внешней политикой Со-

[1] "The USSR after 50 Years", p. 241.

ветского Союза в том, что наше государство поддерживает дипломатические и торговые отношения даже с такими странами, где коммунистические партии находятся под запретом. Но суть политики мирного сосуществования в том и заключается, что она исключает государственное вмешательство одной страны во внутренние дела других стран. В своих взаимоотношениях с другими государствами Советское государство исходит из того, что социалистические революции не привносятся извне; они являются результатом развития классовой борьбы внутри капиталистического общества той или иной страны. Можно напомнить известные слова В. И. Ленина, направленные против тех, кто отстаивал линию на «подталкивание» революции в других странах. Результатом такого подталкивания, писал Владимир Ильич, явилась бы лишь война, способная произвести на массы впечатление вроде «узаконения» империализма. «Подобная «теория» шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции» [1].

Пропитанные буржуазными предрассудками и преследующие корыстные цели, апологеты капитализма неспособны понять благородные и гуманные цели советской внешней политики. Поэтому в принадлежащем Рандольфу Брэхему заключительном разделе — о социалистическом содружестве — повторяются затасканные фразы антикоммунистической пропаганды о «советском блоке», «странах-сателлитах» и т. п. Пытаясь представить социалистическую систему не как результат углубляющегося и расширяющегося мирового революционного процесса, а как следствие каких-то «происков» Советского Союза, фальсифицируя исторический ход событий, Брэхем утверждает, что расчеты большевиков, коммунистов вообще на возможность международной социалистической революции оказались утопией. Поэтому большевики якобы переориентировались и вместо установки на мировую революцию взяли курс на «национальное первенство» СССР. «Идеологические требования мировой революции постепенно были заменены эмпирической политикой, рассчитанной на достижение национальных интересов СССР, боровшегося за существование

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 403.

в мире, основанном на национально-государственной системе»[1]. Отсюда же якобы появилась идея социализма в одной стране, означающая установку на достижение этого самого «национального первенства» Советского Союза.

Так извращается интернационалистическая политика Коммунистической партии и Советского государства. Всякий, кто способен оценивать события без предвзятостей, знает, что в условиях, когда СССР был единственным в мире государством диктатуры пролетариата, единственно правильной, интернационалистической политикой его была борьба за построение социализма в своей стране, за создание опорной базы мировой пролетарской революции. Победа социалистической революции в целом ряде стран Европы и Азии после второй мировой войны потому и стала возможной, что существовало такое могучее социалистическое государство, как СССР. И дело здесь вовсе не в «первенстве» Советского Союза, каким его пытается изобразить Брэхем, а в том, что историческая потребность перехода от капитализма к социализму назрела во многих странах. Пример советской социалистической страны действительно вдохновляет народы, поднявшиеся против изжившей себя капиталистической системы. Рабочий класс СССР во главе с Коммунистической партией делал и делает максимум осуществимого в своей стране для поддержки пролетарских революций в других странах. Отрицать этот исторический факт, называть внешнюю политику Советского государства «эгоцентрической» могут только те, кто заведомо стремится извратить ее существо.

Извращает Брэхем и характер взаимоотношений Советского Союза с другими социалистическими странами. Он ищет в этих взаимоотношениях теневые стороны, умалчивая о выдающихся победах мировой социалистической системы, успешно соревнующейся с капиталистической системой. Социалистическая система — явление новое и весьма сложное. Естественно, что на пути ее развития встречаются трудности и препятствия. Каждой социалистической стране приходится решать задачи, выдвигаемые конкретными условиями общественной жизни. Готовых рецептов на все случаи нет и не может быть. Требуется творческий подход к решению возникающих

[1] "The USSR after 50 Years", p. 270.

проблем, обмен опытом и мнениями, что и делают коммунистические и рабочие партии. Расширяются двусторонние и многосторонние экономические связи, большую роль играют договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между социалистическими странами.

В ряду главных задач внешнеполитической деятельности КПСС стоят развитие и укрепление идейно-политических и организационных связей с коммунистическими партиями всех стран социализма, укрепление и развитие политических, экономических и других связей СССР с другими социалистическими государствами, упрочение силы и влияния социалистического содружества и, наконец, защита позиций мирового социализма от происков империалистической реакции.

Нет сомнения, что эти задачи будут успешно решаться. Никакие заклинания апологетов капитализма не смогут остановить победную поступь социализма, идущего на смену отжившему свой век капитализму.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Е. Д. Модржинская. Торжество марксизма-ленинизма и современная идеологическая борьба 11

Ю. А. Красин. Ленинская теория социалистической революции и буржуазные критики 38

А. Ф. Костин. История образования РСДРП в кривом зеркале буржуазных фальсификаторов 74

Г. З. Иоффе. Как буржуазные фальсификаторы «отлучают» В. И. Ленина и большевиков от Февральской революции 99

Н. Н. Демочкин, Ю. И. Игрицкий. Советы 1917 г. в современной буржуазной историографии 121

О. И. Величко. Освещение истории социалистической индустриализации СССР в западногерманской буржуазной литературе 147

В. И. Тетюшев. Против извращения истории коллективизации сельского хозяйства СССР в буржуазной историографии 164

М. И. Куличенко. Решение национального вопроса в СССР в искаженном свете буржуазной историографии . . . 192

Ю. Ф. Воробьев. Опыт КПСС в экономическом развитии ранее отсталых народов СССР и буржуазные идеологи . . 225

Ю. П. Петров. Против фальсификации руководящей роли КПСС в Советской Армии и Флоте 254

Г. Г. Алахвердов, П. С. Кольцов. Фальсификация принципов советской внешней политики американскими идеологами антикоммунизма 278

Н. П. Микешин. Троцкизм на вооружении империалистической пропаганды 306

В. И. Тетюшев. Правый оппортунизм в ВКП(б) под защитой апологетов капитализма 327

Н. П. Микешин. Социально-экономические результаты Октября и империалистическая пропаганда 356

С. Л. Титаренко. Вынужденные признания и фальшивые версии идеологов буржуазии 382

Редактор *Г. В. Пронина*

Художественный редактор *Н. Н. Симагин*

Технический редактор *Н. П. Межерицкая*

Сдано в набор 17 июля 1969 г. Подписано в печать 6 января 1970 г. Формат 84×108[1]/32. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 21,0. Учетно-изд. л. 21,54. Тираж 35 тыс. экз. А 12106. Заказ № 498. Цена 89 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени Ленинградской типографии № 2 им. Евг. Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Измайловский пр., 29, с матриц издательства и комбината печати «Радянська Україна», Киев, ул. Анри Барбюса, 51/2.